

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра истории России

На правах рукописи

Ившин Владислав Сергеевич

Формирование консервативных идей в российской общественно-
политической мысли 1790-х – 1810-х гг.

5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Научный руководитель
Доктор исторических наук, доцент
К.Д. Бугров

Екатеринбург – 2024

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Рефлексия о Французской революции 1789 года и Наполеоне в русской общественно-политической мысли 1790-х – 1810-х годов.....	40
§ 1.1. Осмысление Французской революции 1789 года и польского «конституционализма» в 1790-х – начале 1800-х годов.....	46
§ 1.2. Дискуссии о власти Наполеона и Французской революции в 1800-х – 1810-х годах.....	79
Глава 2. Монархизм в русской политической культуре 1790-х – 1810-х годов	122
§ 2.1. Провиденциальный монархизм: трансформация образа Александра I в 1800-х – 1810-х годах	122
§ 2.2. Трансформация культов Петра I и Екатерины II.....	145
§ 2.3. Секулярный монархизм: проблема формы правления и конституции	166
Глава 3. Социальная иерархия и дискуссии о пороках и добродетелях русского дворянства в русской политической культуре конца XVIII – начала XIX веков.....	195
§ 3.1. Представления о социальной иерархии.....	195
§ 3.2. Борьба с галломанией и дебаты о добродетелях и пороках.....	219
Глава 4. Формирование представлений о Смутном времени в русской политической культуре XVIII – начала XIX веков	264
§ 4.1. Исторические параллели со Смутой в русской общественно- политической мысли конца XVIII – начала XIX веков	268
§ 4.2. Василий Шуйский: проблема ограничения власти монарха и тираноборчества	279
§ 4.3. Гражданственность и героико-тираноборческое прочтение образов Д.М. Пожарского и К. Минина.....	299
Заключение.....	318
Список использованных источников и литературы.....	325

Введение

Исторический период конца XVIII – начала XIX вв. занимает важное место в истории России, именно в этот период начинает складываться идеология российского консерватизма, ставшая в последующую эпоху одной из доминант отечественной социально-политической мысли. Появившееся в период конца XVIII – первой четверти XIX вв. в общественно-политической мысли консервативное течение актуализировало непреходящие ценности для современной российской государственности – обращение к национальному (русском) языку, истории и патриотизму. Настоящий спектр ценностей был актуален и для деятелей российского консерватизма обозначенного периода, оказавшихся в ситуации свершившейся Французской революции 1789 г. и Наполеоновских войн конца XVIII – начала XIX вв.

Актуальность исследования определяется современным состоянием историографии, посвященной российскому консерватизму в хронологических рамках конца XVIII – первой четверти XIX вв. Методологически историография ориентирована на изучение консерватизма как крупной доктрины-идеологии, в котором произведения наиболее известных авторов-консерваторов формируют своеобразный канон. Проблемой этого подхода является изучение консерваторов как «особенного круга» исторических деятелей, что ведет к игнорированию важного вопроса, насколько производимые ими тексты были результатом только их собственных интеллектуальных усилий или же они несли отпечаток той социокультурной среды и исторической эпохи, в которой были написаны. Так, крупнейшие современные исследователи российского консерватизма В. Я. Гросул и А. Ю. Минаков считают характерными для данной доктрины следующие черты: идеи сильной (монархической власти), приверженность религии, традиции и традиционализму, антииндивидуализм, защита крепостного права и сословной (социальной) иерархии¹. Подобный подход ведет к искусственному

¹ Подробнее см.: Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В.Я. Гросул. М., 2000. 440 с. ; Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. 560 с.

причислению одних исторических деятелей к консерваторам, а других – к либералам или социалистам. Кроме того, в рамках данного подхода возникают сложности, если в идейном наследии того или иного исторического деятеля обнаруживаются разночтения, не позволяющие однозначно отнести его к конкретной идеологии. В таких случаях идеи исторического деятеля характеризуют как «либерально-консервативные», «консервативно-националистические», иногда «религиозно-консервативные». Примером может служить изучение общественно-политических идей Н.М. Карамзина, которого причисляли то к «консерватизму»², то к «либеральному консерватизму»³. Наконец, типологизация также может сопровождаться восприятием общественно-политической мысли как развивающейся по заранее известным «лекалам», в соответствии с характерными чертами выделенной доктрины, что выражается в игнорировании индивидуальных авторских интенций и исторического контекста.

Несмотря на активную критику подобного унифицирующего подхода, начатую в зарубежной историографии С. Хантингтоном в середине XX в., изучение консерватизма как своеобразной доктрины-идеологии остается преобладающим в современной российской историографии, посвященной исследованию отечественного консерватизма конца XVIII – первой четверти XIX вв. Необходимо отметить, что С. Хантингтон предлагал рассматривать консерватизм в «ситуативном» измерении, призванном удовлетворить конкретные потребности общества в определенный момент времени, становясь ответом на «значимую социально-политическую ситуацию» («вызов»)⁴. Предложенная им схема укладывается в рамку «вызовов» – «ответов» или «инновация» – «реакция», что сближает его «ситуативное» определение консерватизма с определениями, выработанными советскими

² См., например, Мещерякова А.О. Грани консервативного патриотизма: Н.М. Карамзин и Ф.В. Ростопчин // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 71–80.

³ См., например, Кара-Мурза А.А. Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина // Филология: научные исследования. 2016. № 1. С. 101–106.

⁴ Хантингтон С. Консерватизм как идеология / пер. с англ. А.А. Закутина // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 231–232.

исследователями. Советская историческая наука рассматривала общественно-политическую мысль конца XVIII – начала XIX вв. как продукт конфликта между «феодальной идеологией» и «нарастающими буржуазными и демократическими идеями»⁵. К примеру, Ю.Н. Тынянов, рассматривавший «языковой спор» начала XIX в. между «карамзинистами» и «шишковистами», трактовал его как конфликт «новаторов» («прогресса») и «архаистов» («регресса»), в связи с теми или иным взглядами авторов на развитие русского языка⁶. Рассмотрение общественно-политической мысли в категориях «конфликта» и «вызовов» – «ответов» имеет эвристический потенциал, однако значительно упрощает историческую социально-политическую действительность. В современной исторической науке в отношении эпохи конца XVIII – начала XIX вв. достигнут консенсус, характеризующий развитие российской политической культуры как следование тому вектору, который сложился и обозначился в XVIII в.⁷

Еще одним влиятельным определением консерватизма в современной историографии применительно к хронологическим рамкам конца XVIII – первой четверти XIX вв., можно назвать следующее: «определенные умонастроения, комплекс ментальных и поведенческих установок, противящийся любым новшествам, которые грозят нарушить психологически комфортный, привычный и устоявшийся уклад жизни...»⁸. Это определение основано на идеях немецкого мыслителя К. Мангейма, который предлагал рассматривать консерватизм как «стиль мышления», разграничивая два понятия: консерватизм и традиционализм. Первый, согласно Мангейму,

⁵ Подробнее см.: Грацианский П.С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984. 252 с.; Моряков В.И. Русское просветительство второй половины XVIII века: (из истории общественно-политической мысли России). М., 1994. 216 с.

⁶ Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Архаисты и новаторы. М., 1929. С. 87–228.

⁷ Подробнее см.: Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. М., 2001. 575 с.; Омельченко О.А. Власть и закон в России XVIII в. М., 2004. 604 с.; Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 9–45; Whittacker C. Russian Monarchy: Eighteenth Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb., 2003. 320 p.

⁸ Егерева Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина. М., 2014. С. 9–10.

сознательный и рефлексивный, возник как реакция на события Французской революции 1789 г. Второй «стиль мышления» психологичен, инстинктивен, дорефлексивен и распространен на обыденном мировосприятии⁹. Близкую к Мангейму методологию использовал польский исследователь А. Валицкий в 1970-е гг., определив собственный метод как реконструкцию идеологических оппозиций, а консервативную идеологию как особый целостный тип «мировоззрения», возникший в условиях «тотальной угрозы всей феодальной общественно-политической формации»¹⁰.

В имеющейся историографии в отношении российских консерваторов 1790-х – 1810-х гг. сформировалась *конвенция*, в соответствии с которой общественно-политические взгляды ряда российских исторических деятелей данного периода относят к так называемому «консервативному лагерю» (А.С. Шишков, Н.М. Карамзин, Ф.В. Ростопчин и С.Н. Глинка)¹¹. Действуя в рамках сложившейся в историографии традиции, очерчивающей «канон российских консерваторов» («консервативный лагерь») конца XVIII – начала XIX вв., позволяет обосновать, почему в настоящей работе их общественно-политическим взглядам уделено особое внимание, чем иным историческим лицам, одновременно подчеркивая роль и значение идейного контекста 1790-х – 1810-х гг. И в то же время позволяет сфокусироваться на коммуникативных практиках и риторических стратегиях, использованных для обоснования той или иной идейной позиции историческим автором.

Под *консервативными идеями* в диссертации понимаются манеры политической речи, риторические стратегии и системы аргументации, использовавшиеся российскими авторами вокруг обсуждения ключевых

⁹ Мангейм К. Идеология и утопия / пер. с нем. Е. Н. Балашов // Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 184.

¹⁰ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / пер. с польск. К. Душенко. М., 2019. С. 38–42.

¹¹ См., например: Мартин А. Романтики, реформаторы, реакционеры: Русская консервативная мысль и политики в царствование Александра I / пер. с англ. Л.Н. Высоцкий. СПб., 2021. 447 с.; Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. 560 с.; Егерова Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н. М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина. М., 2014. 416 с.; Мещеряков О.А. Ф.В. Ростопчин: У основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. 264 с.; Лупарева Н.Н. «Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж, 2012. 216 с.

вопросов, исходивших от исторического контекста периода 1790-х – 1810-х гг. Нельзя согласиться с тем, чтобы рассматривать консерватизм как имманентно присущий части исторических деятелей консервативный «стиль мышления», «ментальное восприятие», социально обусловленное «мировоззрение» или же какое-либо соответствие их взглядов критериям консервативной доктрины. Мы не согласны и с позицией С. Хантингтона, предложившего рассматривать консерватизм как «ситуативно определенный», так как подобный подход заведомо предполагает исследование того, против чего выступали эти исторические деятели, не отвечая на вопрос с помощью каких систем аргументации и риторических стратегий они это делали. Поскольку в основе консерватизма лежит его «реактивный» характер («реакция» на какие-либо «раздражители»/«вызовы»), то любое *позитивное определение* данного понятия неминуемо наталкивается на антиномичность. Эту фундаментальную проблему подробно описывает современный исследователь А.А. Тесля: консерватизм, будучи реакцией («сопротивлением») на изменения, может быть объяснен и определен с помощью развития своих антиподов, но оказавшись в ситуации, требующей позитивного определения «его логика [консерватизма] оказывается избыточно всеобъемлющей...», соединяя в себе различные идеологические установки для свершения политического действия («реакции») ¹². Однако «реакция» вновь не позволяет дать позитивного определения консерватизму, заставляя определить его с помощью все того же развития антиподов консерватизма.

Таким образом, российские консерваторы, реагируя на Французскую революцию 1789 г. и осмысляя ее причины и последствия не изобретали консервативных идей. Скорее, напротив, консервативные идеи – это прежде существовавшие манеры политической речи (глоссарии), развивавшиеся до революции, но оказавшись в новых условиях (свершившейся революции и череды военных кризисов начала XIX в.), они модифицировались и принимали

¹² Тесля А.А. Славянофильский «консерватизм»: между национализмом и либерализмом? // Тетради по консерватизму. 2015. № 4. С. 23–26.

черты консервативных. Эти идеи, в свою очередь, не составляли какой-либо единой консервативной доктрины и программы, как и сами российские консерваторы не были членами «партии консерваторов». Их (консерваторов и идеи) объединяет лишь *контекстуальное единство* манер политической речи (глоссариев), которыми они оперировали, размышляя над значимыми вопросами эпохи.

Проблематику российского консерватизма 1790-х – 1810-х гг. необходимо рассматривать в общественно-политическом контексте эпохи, который определялся рядом факторов: с одной стороны, свершившейся Французской революцией 1789 г. (сокрушившей наиболее влиятельную монархию Европы, служившую своеобразным моральным, культурным и политическим ориентиром для российского дворянства), с другой – Наполеоновских войн, достигнувших пика в Отечественную войну 1812 г. и Заграничных походах русской армии в 1813–1814 гг. Россия с конца 1780-х до 1810-х гг. фактически находилась в состоянии *перманентных войн*¹³, что также повлияло на российскую общественно-политическую мысль данного периода. Внутривнутриполитический российский контекст определялся политическим наследием чрезвычайно продолжительного царствования Екатерины II, завершившегося оформлением ее монархического «культу», равного такому же «культу Петра Великого»; коротким периодом правления Павла I, «дворцовым переворотом» в пользу Александра I и начатым им реформаторским курсом, находившем свое воплощение на фоне *перманентных войн*.

В этом контексте и складывался круг вопросов, на которые предстояло отвечать отечественному консерватизму 1790-х – 1810-х гг.: рефлексия о Французской революции 1789 г., осмысление значения российской монархии и монархической формы правления в целом, проблема конституционализма и

¹³ Русско-турецкой 1787–1791 гг., Русско-шведской 1788–1790 гг., Русско-польской 1792 г., Русско-персидской войны 1796 г., Войны второй коалиции 1799–1802 гг., Русско-персидской 1804–1813 гг., Войны третьей коалиции 1805 г., Войны четвертой коалиции 1806–1807 гг., Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., Русско-шведской войны 1808–1809 гг., Русско-английской войной 1807–1812 гг., Отечественной войны 1812 г., Войны шестой коалиции 1813–1814 гг., Кавказской войны 1817–1864 гг., а также Польского восстания 1794 г. Всего, без Польского восстания 1794 г. и Русско-английской войны 1807–1812 гг., Россия участвовала в 13 войнах с конца 1780-х до 1810-х гг.

ограничения власти монарха, актуализация патриотических риторик и обращения к отечественному национальному прошлому, борьба с галломанией русского дворянства, осмысление сословных добродетелей. Этот круг вопросов не является характеристикой русского консерватизма данного периода как единой доктрины; он лишь очерчивает то контекстуальное поле, благодаря которому формируется структура настоящей работы. Обсуждение каждого вопроса разворачивалось в различных коммуникативных контекстах и велось с помощью различных риторических стратегий и манер политической речи.

Разумеется, в перечисленном выше круге вопросов легко угадывается их частичное типологическое сходство с западноевропейским консерватизмом этого же периода. Как отмечает один из ведущих исследователей русского консерватизма конца XVIII – первой четверти XIX вв. А.Ю. Минаков, «ранние русские консерваторы» разделяли основные ценности, присущие своим западноевропейским «единомышленникам» (Ж. де Местру, Л. де Бональду, А. Мюллеру и Ф. фон Баадеру)¹⁴. Он также подчеркивает, что возникновение и формирование русского консерватизма происходило «параллельно с западноевропейским и под влиянием сходных факторов», но с учетом «национального контекста» каждого из них¹⁵. К тому же в основе обоих лежал общий идейный базис – все консерваторы были «детьми века Просвещения»¹⁶. Более того, типологически их объединяет и «реакция» на одно из ключевых событий конца XVIII в. – Французскую революцию. Однако сама по себе «реакция» на революцию (или же «антирационализм» как типологическая характеристика консерватизма) ничего не сообщает об их взглядах – тех риториках и аргументации (и шире – манер вести речь), к которым

¹⁴ К приведенному А.Ю. Минаковым списку деятелей западноевропейского консерватизма конца XVIII – начала XIX вв. можно также добавить «отца-основателя» английского консерватизма Э. Бёрка (1727–1797), основоположника французского предромантизма Ф.–Р. Шатобриана (1768–1848), «Секретаря Европы» и переводчика бёрковских «Размышлений о Французской революции» на немецком языке Ф. фон Генца (1764–1832), немецкого писателя и одного из идеологов независимости немецкого народа от Наполеона Э.М. Арндта (1769–1860).

¹⁵ Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 60.

¹⁶ Егерова Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина. М., 2014. С. 91.

апеллировали западноевропейские и российские консерваторы. Эту проблему «охранения» (консерватизмов) одним из первых обозначил во второй половине XIX в. отечественный мыслитель К.Н. Леонтьев, подчеркнув самобытность консерватизма для каждой нации: «...у Турка – турецкое, у Англичанина – английское, у Русского – русское...»¹⁷. К похожим выводам пришел С. Хантингтон, выведя своеобразный «парадокс» консервативной идеологии: консерватизм, отстаивая сохранение традиций, сам по себе наследственной традиции не имеет, формируясь под влиянием окружающих событий, т.е. «ситуативно» и за счет развития своих антиподов¹⁸.

Несмотря на наличие прямых и опосредованных контактов деятелей отечественного и западноевропейского консерватизма друг с другом в конце XVIII – начале XIX вв., говорить о какой-либо рецепции идей в указанных хронологических рамках чаще всего не приходится¹⁹, констатируя лишь их типологическое сходство²⁰. Однако и на данном уровне обнаруживаются различия. Так, за типологическим сходством консерваторов в отношении к религии (христианству) и основополагающей роли, которую они ей отводили,

¹⁷ Леонтьев К. Н. Избранное / под. ред. И. Смирнов. М., 1993. С. 171.

¹⁸ Хантингтон С. Консерватизм как идеология / пер. с англ. А.А. Закутина // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 245–246.

¹⁹ Приведу лишь один пример из биографии А.С. Шишкова, который имел целую серию прямых и опосредованных контактов с деятелями западноевропейского консерватизма в начале XIX в. Так, Шишков был знаком с Ж. де Местром, как минимум известно о двух коротких встречах, состоявшихся до 1812 г., а также об отклике Шишкова на этимологические изыскания Местра (См. Parsamov V. Joseph de Maistre et Alexandre Chichkov // Joseph de Maistre: Un penseur de son temps et du nôtre. Chambéry, Revue des études maistriennes / ed. by M. Kohlhauer, S. Zenkine. Savoie: Université de Savoie, 2013. P. 41-52.). Шишков также имел контакты с Э.М. Арндтом, пребывавшем в Петербурге в 1812–1813 гг., чей антинаполеоновский памфлет «Глас истины» (1813) был опубликована в журнале «Сын Отечества» (См. Земскова Е.Е. Русский патриотизм в немецком переводе: А.С. Шишков в воспоминаниях Э.М. Арндта [Электронный ресурс] // Русская антропологическая школа. Режим доступа: <https://kogni.narod.ru/zemskova.htm>). Шишков был читателем политического трактата Ф.-Р. Шатобриана «Опыт исторический, политический и нравственный о древних и новейших переворотах...» (опубликован на французском языке в 1797 г., опубликован на русском языке в 2-х частях в 1817 г.), среди подписчиков на «новинку» были Шишков и его другой участник «Беседы...» – Д.И. Хвостов (См.: Опыт исторический, политический и нравственный о древних и новейших переворотах. СПб., 1817. Ч. 2. С. I–II.).

²⁰ Впрочем, компаративные исследования, посвященные проблеме рецепции идей среди консерваторов конца XVIII – начала XIX вв. не редкость. См., например: Земскова Е.Е. Русская рецепция немецких представлений о нации в конце XVIII — начале XIX века : дисс ... канд. филолог. наук: 10.01.01. М., 2002. 213 с.; Дегтярева М.И. Религиозно-философская мысль Жозефа де Местра в контексте формирования консервативных традиций Европы и России : дисс. ... док. философ. наук : 09.00.03. М., 2009. 321 с.; Мирзоев Е.Б. Легитимистская доктрина Жозефа де Местра и консерватизм в России (начало XIX века) // Новая и новейшая история. 2008. № 6. С. 109–119; Мусихин Г.И. Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма). СПб., 2002. 256 с.; Green J.A. Edmund Burke's German Readers at the End of Enlightenment, 1790–1815. Cambridge, 2017. 246 p.; Bromwich D. The Context of Burke's «Reflections» // Social Research. 1991. № 2. P. 313–354.

прослеживается целый ряд особенностей. На общеевропейском фоне особо выделяются французские консерваторы (Местр, Бональд и Шатобриан), чьи труды пронизывала идея восстановления прежнего престижа, идеологических функций и роли католической церкви²¹. Они же были авторами своеобразных политико-религиозных трактатов: «Рассуждения о Франции» (1796), «О Папе» (1819) и «О галликанской церкви» (1821) Местра, отразившие его иезуитский догматизм и воинствующий католицизм²², «Гений христианства» (1802) Шатобриана, поэтизировавший христианскую религию и предложивший идею церковной реставрации²³ или же философский трактат «Теория политической и религиозной власти в гражданском обществе» (1796) Л. де Бональда с идеей галликанства²⁴.

Близки к религиозному пафосу французских консерваторов оказываются немецкие. Так, Ф. Баадер – автор трактата «О вызванной Французской революцией потребности установить новую и теснейшую связь между религией и политикой» (1815), написанного вскоре после образования Священного союза (1815), отстаивал экуменические идеи христианской религии, которыми должны руководствоваться во внутренней и внешней политике государства-участники и монархи Священного союза, будто «члены великой христианской семьи»²⁵. В похожем ключе решительно обличая и критикуя Реформацию и протестантизм, считая их, подобно Бональду,

²¹ В.С. Парсамов удачно называет этот процесс «христианизацией общественной мысли», а произведения французских консерваторов, частью «реванша» католической церкви «за те удары, которые по ней наносили в XVIII в. просветители, а позже французские революционеры» (Парсамов В.С. Декабристы и французский либерализм. М., 2001. С. 16).

²² См. Дегтярева М.И. Религиозно-философская мысль Жозефа де Местра в контексте формирования консервативных традиций Европы и России : дисс. ... док. философ. наук: 09.00.03. М., 2009. С. 86–132; Генифе П. «Рассуждения о Франции» Ж. де Местра и Французская революция // Французский ежегодник. 2003: Правые во Франции. 2003. Т. 35. С. 92–95.

²³ Казакова Г.Х. Взгляд молодого французского аристократа на великую французскую революцию (на примере «Опыта о древних и новых революциях» Ф.Р. де Шатобриана) // Вестник Пермского университета. История. 2013. № 3. С. 202–206.

²⁴ См. Тишкова М.В. Политические взгляды Луи де Бональда у истоков французского традиционализма: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2006. С. 147–167; Подольский В.А. Интерпретация социальной политики в политической философии французских консерваторов начала XIX века // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 175–184.

²⁵ Лагутина И.Н. Социально-философская утопия Франца фон Баадера и политика надконфессионального христианства Александра I // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. № 2. С. 149–171.

предтечей Французской революции, А.Г. Мюллер высказывался в поддержку католицизма²⁶.

Российские консерваторы также апеллировали к религии, в их представлениях и системах аргументации православная вера играла одну из ключевых ролей. И все же они не писали религиозно-политических и богословских трактатов. Хотя и были исключения. Россия с 1810-х гг. была включена в общеевропейский процесс «религиозного ренессанса», к чему подталкивало создание на «общехристианских началах» Священного союза. С середины 1810-х гг. при российском дворе распространялся «религиозный мистицизм», вылившийся в столкновение «партий»: «ортодоксов» (Шишков, С.А. Ширинский-Шихматов, Серафим (Глаголевский) и др.), «мистиков» (Р.А. Кошелев, А.Н. Голицын, А.Ф. Лобзин и др.) и «реформистов» (И.А. Каподистрия, Филарет (Дроздова), А.С. Стурдза и др.)²⁷. Наиболее примечательны «реформисты», поскольку Стурдза был одним из немногих светских авторов, написавших ряд политико-богословских трактатов, в которых отстаивал превосходство православной религии над католичеством²⁸. Однако ни Шишков, ни Глинка, ни Карамзин с Ростопчиным не были авторами подобных трактатов, а потому – проблема «александровского мистицизма» остается за скобками настоящей работы, хотя и является важной частью общественно-политической жизни России второй половины 1810-х – 1820-х гг.²⁹

²⁶ Мусихин Г.И. Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма). СПб., 2002. С. 48–59.

²⁷ Как убедительно демонстрирует М. Майофис «партиями» их можно назвать весьма условно. С той же долей условности приходится говорить о их «программном единстве» внутри «партий». См. Майофис М. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 гг. М., 2008. С. 455–530. См. Мартин А. Романтики, реформаторы, реакционеры: Русская консервативная мысль и политики в царствование Александра I / пер. с англ. Л.Н. Высоцкий. СПб., 2021. С. 266–316.

²⁸ Майофис М. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 гг. М., 2008. С. 474–477. См. также: Дегтярева М.И. Критика ультрамонтанства с позиции православия: А.С. Стурдза // Религиозно-философская мысль Жозефа де Местра в контексте формирования консервативных традиций Европы и России : дисс. ... док. философ. наук: 09.00.03. М., 2009. С. 247–287.

²⁹ Исключением может быть Шишков, испытывавший пиетет перед древнерусской христианской литературой, а также опубликовавший «Рассуждение о Красноречии Священного писания» (1811). Подобный интерес, скорее, был вызван языковыми изысканиями адмирала (См. об этом Полежаева Т.В. Религиозные основания консервативной концепции А. С. Шишкова : дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Томск, 2016. С. 143–152).

Проведенный выше небольшой очерк о типологическом сходстве идей российских и западноевропейских консерваторов 1790-х – 1810-х гг. призван продемонстрировать сложность проведения компаративных исследований и вместе с тем их чрезвычайную актуальность³⁰. Ввиду обширности этой темы и того факта, что сама рецепция консервативных идей между российским и западноевропейским консерватизмами в обозначенный период была, скорее, минимальна или отсутствовала вовсе³¹, эта проблематика также выходит за пределы настоящего исследования.

Степень разработанности темы. Тема российского консерватизма конца XVIII – первой четверти XIX вв. интенсивно изучается как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Первые исследования, посвященные деятелям российского консерватизма конца XVIII – первой четверти XIX вв. появляются во второй половине XIX в. Это работы историко-литературной и историко-биографической направленности, принадлежащие Н.С. Тихонравову³², М.П. Погодину³³, П.П. Сухонину³⁴, В.Я. Стоюнину³⁵, П.К. Щербальскому³⁶ и А.Д. Галахову³⁷. Обобщающие труды по исследованию общественно-политической мысли при Александре I опубликованы в конце XIX – начале XX вв. А.Н. Пыпиным³⁸, Н.Н. Буличем³⁹ и Н.К. Надлером⁴⁰ – все

³⁰ В частности, об этом свидетельствует недавно прошедшая международная конференция, посвященная Ж. де Местру и его влиянию на российскую общественно-политическую мысль XIX в. См. Даренский В. Ю., Котельников В. А., Медоваров М. В., Минаков А. Ю., Самуйлов Г.Н., Лебрён Р., Суарес Х.М. Н., Гаврилов И. Б. Жозеф де Местр (1753–1821) и русская мысль: к 270-летию савойского религиозного мыслителя. Материалы Международной конференции научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» от 7 ноября 2023 г. // Русско-Византийский вестник. 2024. № 1. С. 24–64.

³¹ Она произойдет позднее, когда труды французских консерваторов (в особенности Ж. де Местра) испытают «второй ренессанс» популярности в России в конце 1810-х – 1830-х гг. См., например, о влиянии французских консерваторов на П.Я. Чаадаева: Дегтярева М.И. Религиозно-философская мысль Жозефа де Местра в контексте формирования консервативных традиций Европы и России : дисс. ... док. философ. наук: 09.00.03. М., 2009. С. 288–304; Велижев М.В. Чаадаевское дело: идеология, риторика и государственная власть в николаевской России. М., 2022. С. 24–30, 44–51.

³² Тихонравов Н.С. Граф Ф. В. Растопчин и литература в 1812 году. СПб., 1854. 70 с.

³³ Погодин М.П. Н.М. Карамзин. Материалы для биографии: в 2-х частях. М., 1866. Ч. 1. 407 с.; Ч. 2. 540 с.

³⁴ Сухонин П.П. А.С. Шишков в его литературной деятельности // Журнал Министерства народного просвещения. 1851. Т. 69. Отд. 5. С. 1–44.

³⁵ Стоюнин В.Я. А.С. Шишков // Исторические сочинения. СПб., 1880. Ч. 1. Александр Семенович Шишков. 371 с.

³⁶ Щербальский П.К. А.С. Шишков и его союзники и противники // Русский вестник. 1870. № 11. С. 192–254.

³⁷ Галахов А.Д. История русской словесности, древней и новой. СПб., 1868. Т. II. 472 с.

³⁸ Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 2001. 556 с.; Пыпин А. Н. История русской литературы. Т. 4. СПб., 1903. 646 с.

³⁹ Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб., 1902. Т. I. 381 с.

⁴⁰ Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного союза: в 5 т. Рига, 1886. Т. I. 390 с.

они негативно оценивали взгляды российских консерваторов исследуемого ими периода. Тогда же опубликовано фундаментальное исследование Н.К. Шильдера, посвященное царствованию Александра I и Павла I, не потерявшее, в силу исторического и источникового охвата, своей актуальности в современных исследованиях⁴¹. Важной вехой в изучении интеллектуального наследия Карамзина стала диссертации В.В. Сиповского⁴², посвященная «Письмам русского путешественника». В преддверии столетнего юбилея окончания Отечественной войны 1812 г. опубликованы труды Д.А. Жаринова⁴³ и В.Н. Бочкарева⁴⁴, исследовавшие политическую деятельность российских консерваторов в Отечественную войну 1812 г. Можно оценить вклад отечественной историографии второй половины XIX – начала XX вв., как положительный, несмотря на ряд тенденциозных оценок, проявившихся в характеристике идейных воззрений деятелей российского консерватизма. Исследователи этого периода ввели в научный оборот широкий круг исторических источников. Показательно, что уже в данный период ярко проявилась тенденция рассмотрения общественно-политических взглядов российских консерваторов в тесной связи с их литературной деятельностью.

В советский период, исследования общественно-политической мысли определялись доминированием марксистско-ленинской идеологии. История развития общественно-политической мысли рассматривалась в категориях противостояния «прогрессивных» и «регрессивных» идей. В центре внимания советской историографии, посвященной общественно-политической мысли конца XVIII – первой четверти XIX вв., оказались исторические деятели, олицетворявшие «прогрессивные начала» в общественно-политической мысли (А.Н. Радищев, М.М. Сперанский, декабристы и др.). Это же отразилось

⁴¹ Шильдер Н.К. Император Павел Первый: Историко-биографический очерк. СПб., 1901. 606 с.; Шильдер Н.К. Император Александр Первый: его жизнь и царствование: в 4 т. СПб., 1904–1905. Т. 2. 408 с.; Т. 3. 569 с.

⁴² Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899. Наблюдения, сделанные В.В. Сиповским о Карамзине, позднее развил Ю.М. Лотман.

⁴³ Жаринов Д.А. Первые впечатления от войны. Манифесты // Отечественная война и русское общество. М., 1911. Т. 3. С. 170–179.

⁴⁴ Бочкарев В.Н. Консерваторы и националисты в России в начале XIX в. // Отечественная война и русское общество. М., 1911. Т. 2. С. 194–220.

в заведомо негативных оценках советской историографией общественно-политических взглядов российских консерваторов, за исключением творчества Карамзина. Однако в исследованиях российских консерваторов конца XVIII – первой четверти XIX вв., развивавшихся в русле историко-филологического направления, негативные оценки были более сдержаны.

Советская историография, посвященная российскому консерватизму конца XVIII – первой четверти XIX вв. в 1920-е – 1940-е гг. отличилась серией обобщающих трудов. Прежде всего, это работа А.Н. Шебунина «Европейская контр-революция в первой половине XIX в.» (1925)⁴⁵, в которой идеи французского контрреволюционного движения рассмотрены исследователем в широком общеевропейском контексте, сама работа по праву остается одним из ориентиров для современных исследователей. Фундаментальное исследование Ю.Н. Тынянова «Архаисты и новаторы» (1929) дало не только название лагерю «старших архаистов» во главе с Шишковым, но и импульс к изучению их идейных последователей – «младоархаистов» (В.К. Кюхельбекера, П.А. Катенина, А.С. Грибоедова и др.)⁴⁶. Филолог Г.А. Гуковский в работе «Карамзин и сентиментализм» (1941) впервые проследил связь сентиментализма писателя с его общественно-политическими взглядами и исторической эпохой в целом⁴⁷. Б.С. Мейлах исследовал деятельность и роль Шишкова во главе «Беседы любителей русского слова»⁴⁸.

В 1950-е – 1970-е гг. опубликовано исследование Н.И. Мордовченко, посвященное анализу полемики вокруг «старого и нового слога» в контексте общего развития русской литературной критики первой четверти XIX в., вслед за Ю.Н. Тыняновым, он реконструировал литературно-политические позиции участников полемики, выдвинув предположение о влиянии европейского предромантизма на развитие и характер «спора»⁴⁹. Одним из первых

⁴⁵ Шебунин А.Н. Европейская контр-революция в первой половине XIX в. Л., 1925. 232 с.

⁴⁶ Тынянов Ю.Н. Архаисты и Пушкин // Архаисты и новаторы. М., 1929. С. 87–227.

⁴⁷ Гуковский Г.А. Карамзин и сентиментализм // История русской литературы. 1941. №. 10. С. 55–105.

⁴⁸ Мейлах Б.С. А.С. Шишков и «Беседа Любителей русского слова» // История русской литературы. М.;Л., 1941. Т. 5. С. 183–197.

⁴⁹ Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX века. М.;Л., 1959. 434 с.

обобщающих трудов по российской общественно-политической мысли первой четверти XIX в. в советской историографии был подготовлен в 1957 г. А.В. Предтеченским, представивший российских консерваторов апологетами «основ феодально-крепостнического государства»⁵⁰. Тогда же опубликовано одно из первых исследований Ю.М. Лотмана «Эволюция мировоззрения Карамзина» (1957), впоследствии ставшее частью его романа-реконструкции «Сотворение Карамзина» (1987)⁵¹ о идейном и ментальном контексте эпохи становления Карамзина. Формирование общественно-политических взглядов Карамзина прослежено Л.Г. Кислягиной⁵².

В 1960-е – 1980-е гг. общественно-политические взгляды российских консерваторов динамично изучались в историко-филологических трудах Московско-Тартуской семиотической школы в контексте исследований «спора о старом и новом слоге» начала XIX в. Серия работ, созданная в рамках данной школы, сформировал новое влиятельное направление в изучении российского консерватизма, исследуя общественно-политические взгляды отечественных консерваторов конца XVIII – первой четверти XIX вв. через их литературно-публицистическую деятельность и рассматривая ее как целостную систему их интеллектуальных идей⁵³.

С конца 1980-х гг. началось становление современной отечественной историографии, посвященной российскому консерватизму конца XVIII – первой четверти XIX вв. Открывшийся методологический плюрализм с ростом интереса исследователей к данной проблематике, определили основной вектор

⁵⁰ Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М., Л., 1957. 456 с.

⁵¹ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. 336 с.

⁵² Кислягина Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н.М. Карамзина. М., 1976. 201 с.

⁵³ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 446–600; Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. 285 с.; Киселева Л.Н. Система взглядов С.Н. Глинки (1807–1812 гг.) // Проблема литературной типологии и исторической преемственности. Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1981. С. 52–72; Ключевые работы М.Г. Альтшуллера, близкого к Московско-Тартуской семиотической школы вышли в период его эмиграции: Альтшуллер М.Г. Рассуждение о старом и новом слоге русского языка как политический документ: (А.С. Шишков и Н.М. Карамзин) // *Russia and the West in the nineteenth century*. 1983. С. 214–222; Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. М., 2007. 448 с.

развития изучения отечественного консерватизма. Теоретические проблемы формирования консервативной идеологии в общеевропейском контексте конца XVIII – первой трети XIX вв. рассмотрены в ряде работ П.Ю. Рахшмира и А.А. Глакина⁵⁴. Ю.С. Пивоваровым подготовлено хрестоматийное издание текста «Записки о древней и новой России...» Н.М. Карамзина (1991)⁵⁵. Ряд обобщающих исследований по истории российского консерватизма появился в XXI в., например, под редакцией В.Я. Гросула⁵⁶. В 2003 г. под редакцией К.А. Кошeneвой (Смолиной) опубликован сборник статей, задавшийся целью теоретически «выявить творческое ядро» российского консерватизма⁵⁷.

Одна из ведущих школ по изучению различных аспектов и деятелей российского консерватизма конца XVIII – первой четверти XIX вв. сформировалась в Воронеже под руководством А.Ю. Минакова⁵⁸. Среди работ, созданных представителями данной школы, следует назвать коллективную монографию, содержащую отдельные исторические портреты российских консерваторов⁵⁹, а также ряд специальных исследований А.Е. Гребенщикова⁶⁰, О.А. Мещеряковой⁶¹ и Н.Н. Лупаревой⁶², реконструировавших общественно-

⁵⁴ Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. М., 1987. 192 с.; Рахшмир П.Ю. Эволюция консерватизма в новое и новейшее время // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 48–62.

⁵⁵ Н.М. Карамзин. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / с прим. и предисловием Ю.С. Пивоварова. М., 1991. С. 16–110. Отдельно см. об истории попыток публикации «Записки...»: Пивоваров Ю.С. Время Карамзина и «Записка о древней и новой России» // Человек, образ и сущность. Судьба России. Ежегодник. М., 2002. С. 45–56.

⁵⁶ Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В.Я. Гросул. М., 2000. 440 с.

⁵⁷ Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. / под ред. К.А. Кошeneвой (Смолиной). М., 2003. 203 с.

⁵⁸ Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. 560 с.

⁵⁹ Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж, 2005. 417 с. См. рецензию на эту монографию: Кузнецов О.В. Рец. на кн.: Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. – 417 с. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 1. С. 175–180.

⁶⁰ Гребенщиков А.Е. Адмирал Александр Семенович Шишков: общественно-политические взгляды и государственная деятельность. дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Воронеж, 2019. 316 с. ; Гребенщиков А.Е. Взгляды адмирала А.С. Шишкова на крестьянский вопрос в России в первой четверти XIX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 3. С. 67–70; Гребенщиков А.Е. Взгляды адмирала А.С. Шишкова на сословный вопрос в России // Via in tempore. История. Политология. 2016. Т. 37. № 1. С. 85–89.

⁶¹ Мещеряков О.А. Ф.В. Ростопчин: У основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. 264 с.

⁶² Лупарева Н.Н. «Отечественнолюб»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж, 2012. 216 с.

политические биографии деятелей российского консерватизма (Шишкова, Ростопчина и Глинки).

Социокультурные контексты деятельности российских консерваторов раскрыты Т.А. Егеревой, продемонстрировавшей мировоззренческие аспекты их систем ценностей, экзистенциальные изыскания, специфику частной жизни «русских консерваторов-европейцев»⁶³. Роль отечественных консерваторов в формировании идеологии Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. прослежена В.С. Парсамовым⁶⁴. Часть его трудов посвящена проблематике связей Ж. де Местра с российскими консерваторами первой трети XIX в.⁶⁵ Представления о Петре I в трудах российских консерваторов были предметом исследований Р.Р. Джаббарова⁶⁶. Общие вопросы ценностей российского консерватизма первой четверти XIX в. исследовались А.А. Горховым⁶⁷ и А.В. Ермаковой⁶⁸. Отдельные аспекты религиозных взглядов Шишкова раскрыты в работах Т.В. Полежаевой⁶⁹; общественно-политические взгляды С.Н. Глинки исследовались в контексте издававшегося им «Русского вестника» Т.А. Володиной⁷⁰, Е.Б. Мерзоевым⁷¹, Н.Г. Ястребовой⁷²; представления Карамзина о конституции реконструированы

⁶³ Егерова Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв. М., 2014. 416 с.

⁶⁴ Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М., 2020. 407 с.;

⁶⁵ Парсамов В.С. Жозеф де Местр и А.С. Шишков // Актуальность Жозефа де Местра: материалы российско-французской конференции. М., 2012. С. 145–148; Парсамов В.С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза. Из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004. 176 с.

⁶⁶ Джаббаров Р.Р. А.С. Шишков о Петре Великом // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 181. С. 128–136; Джаббаров Р.Р. Петр Великий в оценке Н. М. Карамзина // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. № 1. С. 98–107; Джаббаров Р.Р. Представители общественной мысли о монархической власти в XVIII веке: С. Н. Глинка о Петре Великом // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 172. С. 111–118.

⁶⁷ Горохов А.А. Консерватизм в России и формирование системы консервативных ценностей в русской социально-политической мысли первой половины XIX века. М., 2015. 189 с.

⁶⁸ Ермаков А.В. Против течения? : русские консерваторы XIX века и просвещение. М., 2006. 113 с.

⁶⁹ Полежаева Т.В. Религиозные основания консервативной концепции А.С. Шишкова. дисс... канд. ист. наук: 07.00.02. Томск, 2016. 228 с.

⁷⁰ Володина Т.А. Русская история С.Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в. // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 147–161.

⁷¹ Мирзоев Е.Б. С.Н. Глинка против наполеоновской Франции. У истоков консервативно-националистической идеологии в России. М., 2010. 163 с.

⁷² Ястребова Н.Г. Журнал С.Н. Глинки «Русский вестник» в общественно-политической и литературной жизни России начала XIX века // Вестник Московского университета. 2012. № 4. С. 107–114.

М.А. Киселевым⁷³; проблематика «просвещения» в интеллектуальном наследии Карамзина изучалась Е.В. Бессчетновой⁷⁴.

Исследование российского консерватизма конца XVIII – первой четверти XIX вв. продолжается в современной историографии в рамках историко-филологического направления. Наиболее крупные исследования подготовлены Л.Н. Киселевой⁷⁵, М.Б. Велижевым⁷⁶, В.М. Живовым⁷⁷, О.А. Проскуриным⁷⁸, О.А. Крашенинниковой⁷⁹, А.Д. Ивинским⁸⁰. Большой вклад вносит научный труд А.Л. Зорина «Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века» (2001), посвященный функционированию государственной идеологии в российской политической культуре. Отталкиваясь от методологического подхода К. Гирца, автор продемонстрировал тесное переплетение государственной идеологии с литературой⁸¹. Фундаментальная монография М.Л. Майофис по истории

⁷³ Киселев М.А. Карамзин и Конституция [Электронный ресурс] // Новый мир. 2016. № 7. Режим доступа: <https://nm1925.ru/articles/2016/201607/karamzin-i-konstitutsiya-6388/>

⁷⁴ Бессчетнова Е.В. Н.М. Карамзин: у истоков русского просвещения // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 117–122; Бессчетнова Е.В. Карамзин – рыцарь русского Просвещения // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М., 2016. С. 177–197.

⁷⁵ Недавно был подготовлен фундаментальный сборник исследовательских трудов Л.Н. Киселевой. См.: Киселева Л.Н. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Тарту, 2023. 875 с.

⁷⁶ Велижев М., Лавринович М. «Сусанинский миф»: становление канона [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2003. № 5. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/5/susaninskij-mif-stanovlenie-kanona.html>

⁷⁷ Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2008. № 3. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/3/chuvstvitelnyj-nacjonalizm-karamzin-rostopchin-nacjonalnyj-suverenitet-i-poiski-nacjonalnoj-identichnosti.html> (дата обращения: 07.03.2024).

⁷⁸ Проскурин О.А. У истоков мифа о «новом слоге». Кого и зачем цитировал Шишков в «Рассуждении о старом и новом слоге Российского языка» // Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 19–46.

⁷⁹ Крашенинникова О.А. Полемика М.Т. Каченовского с А.С. Шишковым в журнале «Вестник Европы» (1811–1812) // Очерки истории русской публицистики первой трети XIX в. М., 2021. С. 182–208; Ее же. Полемика о старом и новом слоге (1803–1812) // Очерки истории русской публицистики первой трети XIX в. М., 2021. С. 103–145; Ее же. Теоретико-литературные сочинения А.С. Шишкова и споры вокруг них (1808–1811) // Очерки истории русской публицистики первой трети XIX в. М., 2021. С. 165–181; Ее же. Споры о критике 1806–1808 гг. (М. Каченовский, Е. Станевич, А. Воейков, А. Шишков) // Очерки истории русской публицистики первой трети XIX в. М., 2021. С. 146–164.

⁸⁰ Ивинский А.Д. Екатерина II, М.Н. Муравьев и Карамзин: к вопросу о контекстах «истории государства Российского» // Литературоведческий журнал. 2017. № 40. С. 146–167; Его же. Из предыстории «арзамасской галиматии»: письма М.Н. Муравьева и В.В. Ханькова (по материалам ОПИ ГИМ) // Болдинские чтения : 2018, Болдино, 12–14 сентября 2017 года. Болдино, 2018. С. 102–113.

⁸¹ Зорин А.Л. Кормя двухглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой четверти XIX вв. М., 2001. 416 с.

литературно-политической жизни членов общества «Арзамас», их участии, отношениях и связях с российскими консерваторами⁸².

Процесс формирования внешнеполитических взглядов отечественных консерваторов в первой четверти XIX в. прослежен Е.В. Линьковой⁸³. В частности, она подчеркивает, что трансформация консервативного дискурса в России происходило под влиянием внешнеполитических событий, к примеру, 1812–1814 гг. – заключительного этапа Наполеоновских войн.

Зарубежная историография, посвященная непосредственно российскому консерватизму конца XVIII – первой четверти XIX вв. весьма ограничена. Она представлена трудами польского ученого А. Валицкого, отыскавшего истоки славянофильской идеологии во взглядах российских консерваторов конца XVIII – первой четверти XIX вв.⁸⁴ Неоднозначным по постановке проблемы стал труд американского историка Р. Пайпса, предложивший рассматривать консерватизм как западноевропейскую инновацию, появившуюся при Петре I и ставшую основой монархической культуры в России⁸⁵. Крупнейший труд по истории российского консерватизма конца XVIII – первой четверти XIX вв. в рамках зарубежной историографии, принадлежит американскому историку А. Мартину. Он обосновал несколько типов российского консерватизма, одновременно сосуществовавших в России: романтический национализм, дворянский консерватизм и религиозный консерватизм⁸⁶. Часть персоналий отечественного консерватизма рубежа XVIII–XIX вв. изучалась американским историком М. Раевым⁸⁷.

⁸² Майофис М. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 гг. М., 2008. 800 с.

⁸³ См. Линькова Е.В. Становление и эволюция внешнеполитической концепции российских консерваторов XIX в. дисс... док. ист. наук: 07.00.02. М., 2019. С. 99–171.

⁸⁴ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / пер. с польск. К. Душенко. М., 2019. 704 с

⁸⁵ Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / пер. с англ. И. Павлова. М., 2008. 252 с

⁸⁶ Мартин А. Романтики, реформаторы, реакционеры: Русская консервативная мысль и политики в царствование Александра I / пер. с англ. Л.Н. Высоцкий. СПб., 2021. 447 с.

⁸⁷ Raeff M. Comprendre l'ancien régime russe. Etat et société en Russie impériale. Paris, 1982. 255 p.

Представленный выше обзор историографии, посвященной истории российского консерватизма конца XVIII – первой четверти XIX вв., не может считаться полным без учета исследований, раскрывающих различные аспекты процесса формирования в России консервативных идей в общественно-политической мысли за пределами профильной историографии. Их можно разделить по *четырем проблемно-тематическим группам*.

Первая группа состоит из специализированных исследований по проблеме влияния Французской революции 1789 г. на отечественную общественно-политическую мысль конца XVIII – первой четверти XIX вв. Особо следует выделить труды советских исследователей А.Я. Кучерова и Н.К. Гудзия, проследивших реакцию на революцию в русской литературе⁸⁸. Их изыскания продолжены в фундаментальной монографии М.М. Штранге, охватившей более существенный массив архивных материалов, а также отечественной периодической печати первой половины 1790-х гг.⁸⁹ К 200-летию Французской революции в советской историографии опубликованы труды продолжившие изыскания по данной тематике⁹⁰.

Вторая группа исследований посвящена проблеме представлений о Наполеоне в общественно-политической мысли первой четверти XIX в., зарождению и развитию патриотических риторик на фоне противостояния наполеоновской агрессии. Так, в отечественной историографии представления и роль российских консерваторов в формировании образа Наполеона в 1800-е – 1810-е гг. раскрываются в ряде глав диссертации М.Г. Лобачковой⁹¹, отдельных научных трудах В.Н. Земцова, Н.И. Казакова, Ю.В. Николаева,

⁸⁸ Кучеров А.Я. Французская революция и русская литература XVIII века // XVIII век. Сборник статей и материалов. М., 1935. С. 259–307; Гудзий Н.К. Французская буржуазная революция и русская литература. М., 1944. 125 с.

⁸⁹ Штранге М.М. Русское общество и французская революция 1789–1794 гг. М., 1956. 203 с. Исследование влияния Французской революции на российское общество конца XVIII – начала XIX вв., не ограничивалось только данными трудами. Историографический обзор отечественных работ по данной тематике, вышедших до середины XX в. См. Штранге М.М. Русское общество и французская революция 1789–1794 гг. М., 1956. С. 3–9.

⁹⁰ Лимонов Ю.А. Русские газеты и Великая французская революция // Великая французская революция и Россия. М., 1989. С. 289–313; Итенберг Б.С. Россия и Великая Французская революция. М., 1988. 256 с.

⁹¹ Лобачкова М.Г. Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике 1799–1815 гг. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Самара, 2007. 263 с.

Д.В. Ларковича, Ю.Г. Степанова и др.⁹² Среди зарубежной историографии по данной проблематике следует отметить работы Ф. Двайера, К. Уолкера, К. Хагемана, А. Кноблера и М. Раева по проблеме представлений об образе Наполеона и патриотических риториках, возникших в Европе в горниле Наполеоновских войн начала XIX в.⁹³ Их объединяет общая доминанта – внимание к романтизму как политическому явлению в начале XIX в., ставшего ответом на наполеоновскую агрессию, а также рассмотрение данной тематики в широком общеевропейском контексте патриотических риторик, включая российские материалы. Представляется возможным дополнить данную группу монографией итальянского исследователя М. Виролли «For Love the Country» (1995), отечественными научными трудами М.М. Крома и Д.А. Сдвижкова, прослеживающих функционирование патриотизма и патриотических риторик в Российской империи и европейских государствах в хронологических рамках XVIII – первой четверти XIX вв.⁹⁴ Крупнейшей работой является коллективная монография под редакцией Дж. Хартли, П. Кинана и Д. Ливена, посвященная широкому спектру тематик: от роли православной церкви в Отечественную

⁹² Земцов В.Н. Литва при Наполеоне: деятельность временного правительства великого княжества Литовского // Вопросы всеобщей истории. 2017. № 19. С. 61–90; Земцов В.Н. Русские дети Наполеона, или Московский воспитательный дом в 1812 г. // Уральский исторический вестник. 2009. № 3. С. 113–121; Николаева Ю.В. Образ Наполеона в русской книге первого десятилетия XIX в. как отражение русско-французских отношений // Великая французская революция, империя Наполеона и Европа: материалы международной научной конференции. СПб., 2006. С. 92–96; Казаков Н.И. Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 3. С. 31–47; Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе» / пер. с фр. А. Бондарев. М., 2017. 368 с.; Степанов Ю.Г. В тени Наполеона... журнал «Сын Отечества» о Франции и французах в 1815 году // История и историческая память. 2015. № 11. С. 71–81; Ларкович Д.В. Миф о Наполеоне-Антихристе в поэтической рецепции Г. Р. Державина // «И вечной памятью двенадцатого года...»: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию Отечественной войны 1812 г. Екатеринбург, 2013. С. 43–54; Тюпа Я.В. Общественное мнение России начала XIX века о наполеоновской Франции. дисс. канд. ист. наук: 07.00.03. Москва, 2009. 187 с.

⁹³ Dwyer P.G. Napoleon Bonaparte as hero and Saviour: image, rhetoric and behaviour in the construction of a legend // French History. 2004. № 4. P. 379–403; Walker C. Zacharias Werner and the crusade against Napoleon // Bulletin of the John Rylands Library. 1989. P. 141–157; Hagemann K. «Be Proud and Firm, Citizens of Austria!» Patriotism and Masculinity in Texts of the». «Political Romantics» Written during Austria's Anti-Napoleonic Wars // German Studies Review. 2006. P. 41–62; Knobler A. Holy wars, empires, and the portability of the past: The modern uses of medieval crusades // Comparative Studies in Society and History. 2006. № 2. P. 293–325; Raeff M. At the origins of a Russian National Consciousness: Eighteenth century roots and Napoleonic Wars // The History Teacher. 1991. № 1. P. 7–18.

⁹⁴ Viroli M. For love of country: An essay on patriotism and nationalism. Clarendon Press, 1995. 215 p.; Кром М.М. Патриотизм, или Дым отечества. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 72–85; Сдвижков Д. Самодержавие любви: 1812 год как роман [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2014. № 6. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/oz/2014/6/samoderzhavie-lyubvi-1812-god-kak-roman.html>; Сдвижков Д. Хотели ли русские войны? Война и имперское сознание в России XVIII в. // Новое литературное обозрение. 2024. № 4. С. 134–158.

войну 1812 г. до русско-британских отношений в контексте противостояния России и Наполеона⁹⁵.

Третья группа охватывает исследования по истории реформ в России конца XVIII – первой четверти XIX вв. Эта группа также включает проблематику «александровского конституционализма», взаимодействия властных структур и общества в процессе подготовки и проведения реформ, к примеру, крестьянской реформы в России. В 1980-е гг. происходило наиболее активное изучение темы «правительственного («дворянского») конституционализма» и реформ в конце XVIII – первой четверти XIX в., к примеру, в трудах Н.В. Минаевой⁹⁶, С.В. Мироненко⁹⁷, О.А. Омельченко⁹⁸, М.М. Сафонова⁹⁹, Н.Я. Эйдельмана¹⁰⁰. Изучение настоящей проблематики интенсивно продолжается в современной российской историографии, как частью упомянутых авторов, так и в трудах А.Н. Медушевского¹⁰¹, Т.В. Андреевой¹⁰², К.С. Чернова¹⁰³, Е.А. Вишленковой¹⁰⁴. Среди зарубежных исследований следует выделить обширное исследование по

⁹⁵ Russian and Napoleonic Wars: (War, Culture and Society, 1750–1850) / ed. J.M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. London, 2015. 289 p. Конечно, назвать данное исследование полностью зарубежным было бы неправильным. Все же ее авторами коллективной монографии были в том числе многие отечественные исследователи, к примеру Д. Сдвижков, Л. Мельникова и др.

⁹⁶ Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982. 293 с.

⁹⁷ Мироненко С.В. «Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века». М., 1989. 240 с.; Мироненко С.В. Александр I и декабристы. Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М., 2016. 399 с.

⁹⁸ Омельченко О.А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII в.). М., 1989. 153 с.; Омельченко О.А. Власть и закон в России XVIII в. М., 2004. 604 с.

⁹⁹ Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. 249 с.; Сафонов М.М. Речь Посполитая и декабризм // Культурология техники и инженерной деятельности. Коллективная монография / отв. редактор Н. Г. Багдасарьян. СПб, 2011. С. 162–180.

¹⁰⁰ Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М., 1986. 368 с.

¹⁰¹ Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века. М., 2010. С. 5–72.

¹⁰² Андреева Т.В. Александр I и «Тайное общество» декабристов. 1818–1825 гг.: политическая толерантность или прагматические задачи? // Труды исторического факультета СПбГУ. 2012. № 11. С. 203–219; Андреева Т.В. Александр I и внутренняя безопасность Российской империи: правительство, тайные общества и дворянство // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1. С. 65–88; Андреева Т.В. Государственное управление России во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3. С. 19–60.

¹⁰³ Чернов К.С. «Правительственный конституционализм» первой четверти XIX в. (на примере «Государственной Уставной Грамоты Российской империи») // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 172–180; Чернов К.С. «Реформа администрации должна быть предпочтительнее конституции» // Российская история. 2009. № 4. С. 23–37

¹⁰⁴ Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002. 439 с. В последнее время Е.А. Вишленкова сосредоточилась на проблематике конструирования национальных визуальных образов Российской империи и «русских», в частности лубочных картин времен 1812 г. Ф.В. Ростопчина (см. Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М, 2011. 384 с.).

истории реформ в России Д. Саундерса¹⁰⁵, а также коллективную работу под редакцией Дж. Касбера, А. Каплуновского и Б. Конрада, рассмотревших царствование Александра I как своеобразную «лабораторию» по созданию потенциальных сценариев модернизации России¹⁰⁶. Как правило подобные труды по истории реформ и т.н. «александровского конституционализма» раскрывают в том числе позиции российских консерваторов и их отношение к происходящим процессам. Функционирование властных государственных структур (в особенности «Негласного комитета») прослежено в трудах Ю.Э. Арискиной¹⁰⁷, М.И. Микеншина¹⁰⁸, а также в зарубежных исследованиях В. Фреде¹⁰⁹, Д. Кристиана¹¹⁰. Участие, роль и личность Александра I в процессе разработки реформ первой четверти XIX в. раскрывается в научных трудах Е.М. Болтуновой¹¹¹ и французской исследовательницы М.–П. Рей¹¹².

Четвертая группа исследований представлена научными трудами по истории функционирования общественно-политической мысли в России и Европе XVIII – первой четверти XIX вв. Часть представленных здесь работ связана с предыдущей группой, т.к. рассматривает данную проблематику в контексте государственных преобразований и конституционализма. Именно к таким работам относятся научные изыскания по истории российской общественно-политической мысли второй половины XVIII – первой четверти XIX вв.

¹⁰⁵ Saunders D. *Russia in the Age of Reaction and Reform 1801–1881*. London, 1992. 400 p.

¹⁰⁶ *The Enigmatic Tsar and his Empire: Russia under Alexander I, 1801–1825* / Ed. J. Kusber, A. Kaplunovskiy, B. Conrad. Berlin, 2019. 378 p. Эту коллективную монографию лишь с долей условности можно назвать зарубежной, поскольку в ней участвовали и российские авторы, к примеру, В.С. Парсамов. См. также обстоятельную рецензию: Bartlett R. *The Enigmatic Tsar and His Empire: Russia under Alexander I. 1801–1825 ed. by Alexander Kaplunovsky, Jan Kusber and Benjamin Conrad (review)* // *Ab Imperio*. 2021. № 4. P. 275–278.

¹⁰⁷ Арискина Ю.Э. *Негласный комитет: истоки реформаторской политики Александра I* : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2015. 365 с.

¹⁰⁸ Mikeshin M.I. *Talking of Reforms that Failed: Some Ideas about Alexander's «Secret Committee»* // *Transcultural Studies*. 2018. Т. 14. №. 2. P. 183–196.

¹⁰⁹ Frede V. *Общественное мнение, его облик сверху: Негласный комитет Александра I* [Электронный ресурс] // *Новое литературное обозрение*. 2018. № 5. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/151/article/19756/

¹¹⁰ Christian D. *The «Senatorial Party» and the Theory of Collegial Government, 1801–1803* // *The Russian Review*. 1979. № 3. P. 298–322.

¹¹¹ Болтунова Е.М. *Последний польский король. Коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в.* М., 2022. 560 с.

¹¹² Рэй М.-П. *Александр I / пер с фр. А.Ю. Петров, А.Ю. Терещенко*. М., 2013. 495 с. См. обстоятельную рецензию: Земцов В.Н. *Александр Благословенный: взгляд с берегов сены* // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 287–295.

Д.В. Тимофеева¹¹³, К.Д. Бугрова¹¹⁴ (особенно в соавторстве с М.А. Киселевым¹¹⁵), прослеживающих также адаптацию европейских идей. В большей степени данная группа охватывает труды по истории дворянской политической культуры и ее взаимодействия с монархией. Это направление представлено работами В. Каплуна, А.И. Рейтблата, К. Шарфа, Е.Е. Приказчиковой, Н.Д. Потаповой, Ю.В. Стенника, охватывающих различные сюжеты и аспекты общественно-политической жизни конца XVIII – первой четверти XIX вв.¹¹⁶ В зарубежной историографии наиболее значимы научные наблюдения Э. Виртшафтер¹¹⁷ и С.И. Уиттакер¹¹⁸. Отдельно следует отметить работы Е.Н. Марасиновой, раскрывающие взаимоотношения власти и российского дворянства через режимы «мотивационной составляющей»¹¹⁹. Похожий подход использовал американский исследователь

¹¹³ Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. 454 с.; Тимофеев Д.В. Перспективы решения крепостного вопроса в России первой четверти XIX века в отражении недворянских проектов и слухов // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2017. № 2. С. 9–16. 204; Тимофеев Д.В. Принципы инструментализации методологии «истории понятий» в исследованиях по истории общественного сознания России XVIII – первой четверти XIX в // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. №. 436. С. 184–191

¹¹⁴ Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. ... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. 580 с.; Бугров К.Д. «Счастья общего творец»: панегирики первых лет царствования Александра I и политическая традиция российского монархизма // *Документ. Архив. История. Современность. Мат-лы VI Международной научно-практической конференции*. Екатеринбург, 2016. С. 231–237.

¹¹⁵ Бугров К.Д., Киселев М.А. "Закон" и "Совет": концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50–60-х гг. XVIII в.) // *Диалог со временем*. 2010. № 33. С. 110–139; Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016. 476 с.

¹¹⁶ Каплун В. «Жить Горацием или умереть Катонном»: российская традиция гражданского республиканизма [Электронный ресурс] // *Новое литературное обозрение*. 2007. № 5. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/5/zhit-goracziem-ili-umeret-katonom-rossijskayatradicziya-grazhdanskogo-respublikanizma.html>; Рейтблат А.И. Риторические стратегии оправдания крепостного права в России в первой половине XIX века [Электронный ресурс] // *Новое литературное обозрение*. 2016. № 5. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016/art_icle/12183/; Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 9–45; Приказчикова Е.Е. Античность в литературном и бытовом сознании XVIII – 1-й трети XIX в. через призму мифориторической культуры // *Известия Уральского государственного университета*. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2009. № 1/2. С. 102–113; Приказчикова Е.Е. Литературные проекции французской культуры в русской словесности XVIII в.: между галломанией и галлофобией // *Известия Уральского федерального университета*. Серия 2. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 102–117; Потапова Н.Д. Декабристы и Республиканская традиция // *Петербургский исторический журнал*. 2019. № 2. С. 194–211; Потапова Н.Д. Военная травма 1812 года: физические увечья и публичная немота // *Новое литературное обозрение*. 2024. № 5. С. 106–122; Стенник Ю.В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-политической мысли XVIII – начала XIX вв. СПб., 2004. 277 с.

¹¹⁷ Wirtschafter E. *The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater*. DeKalb, 2003. 312 p.

¹¹⁸ Whittacker C. *Russian Monarchy: Eighteenth Century Rulers and Writers in Political Dialogue*. DeKalb, 2003. 320 p.

¹¹⁹ Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008. 460 с.; Марасинова Е.Н. «Рабы» и «граждане» в Российской империи XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 99–118.

П. О'Мара, но на материалах первой четверти XIX в.¹²⁰ Все представленные работы имеют важное значение не только для понимания функционирования отечественной общественно-политической мысли в целом, но и самого процесса формирования консервативных идей в России в 1790-х – 1810-х гг.

Несмотря на изученность темы, целый ряд вопросов до сих пор носит дискуссионный характер и остается не до конца решенными. К их числу относятся как частные сюжеты, не получившие должного осмысления в историографии (к примеру, выявление целей написания А.С. Шишковым в 1803 г. «Рассуждения о старом и новом слоге...», давшего начало целой полемике «о старом и новом слоге»), так и общая проблема реконструкции риторических стратегий российских консерваторов 1790-х – 1810-х гг., отвечающая не на позитивистский вопрос *что они писали о какой-либо теме*, а на вопрос: *почему они писали о какой-либо теме именно таким образом*. Данное диссертационное исследование нацелено на разрешение и уточнение этих важных, но остающихся дискуссионными вопросов. Более того, такая постановка проблемы позволяет избежать упрощенного взгляда на процесс функционирования общественно-политической мысли в России и показать взаимодействие различных риторических стратегий, глоссариев и манер вести речь.

Объектом исследования выступает российская общественно-политическая мысль 1790-х – 1810-х гг. **Предметом исследования** является процесс формирования консервативных идей в российской общественно-политической мысли в 1790-х – 1810-х гг.

Целью диссертационного исследования является – реконструкция процесса формирования социально-политических идей консерватизма в контексте общественно-политической мысли России 1790-х – 1810-х гг.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

¹²⁰ О'Мара П. Русское дворянство времен Александра I / пер. с англ. А. Шокаревой. М., 2023. 520 с.

1. Определить контекст и риторические стратегии в осмыслении Французской революции 1789 г. в российской общественно-политической мысли в 1790-х – начала 1800-х гг.

2. Раскрыть риторические стратегии российских консерваторов и их роль в дискуссии о власти Наполеона и революции в контексте российской общественно-политической мысли 1800-х – 1810-х гг.

3. Проанализировать представления российских консерваторов о монархической власти в России, риторических стратегиях ее обоснования и способов преобразования властного аппарата монархии.

4. Установить причины угасания культа Екатерины II в российской общественно-политической мысли 1790-х – 1810-х гг.

5. Выявить риторические стратегии российских консерваторов в описании социальной структуры общества и обосновании ими дворянской исключительности.

6. Реконструировать истоки полемики и процесс политизации «спора о старом и новом слоге», роль российских консерваторов в борьбе с галломанией в дискуссии о дворянских добродетелях и пороках.

7. Охарактеризовать использовавшиеся в российской общественно-политической мысли 1790-х – 1810-х гг. стратегии переосмысления исторических сюжетов Смутного времени и значения этого исторического периода.

Источниковую базу исследования составил широкий круг источников различной видовой принадлежности. Под политической культурой можно понимать всю совокупность текстов, посвященных политическим вопросам, но в таком виде это чрезвычайно масштабный комплекс, не поддающийся качественному анализу. Отталкиваясь от цели настоящего исследования, был введен ряд ограничений. Во-первых, предпочтение отдавалось источникам, опубликованным в хронологических рамках 1790-х – 1810-х гг., хотя здесь были сделаны отдельные исключения, например, «Записка о древней и новой

России...» (1811) Н.М. Карамзина¹²¹. Во-вторых, были исключены исторические источники, предназначенные для коммуникации узкого круга исторических лиц (корреспонденция, письма). Как в целом, так и в случае исключений, при отбор исторических источников учитывался, прежде всего, их публичный характер и доступность читателю-современнику. К тому же, часть официально неизданных текстов и записок активно распространялась в рукописных копиях среди современников. В основу составления источниковой базы был заложен принцип жанрового многообразия, позволивший реконструировать широкий исторический контекст эпохи¹²². Для классификации исторических источников была использована их жанрово-тематическая принадлежность.

Первая группа исторических источников – это **панегирические сочинения** церковных и светских авторов. Необходимо подчеркнуть, что в исследованиях, посвященных российскому консерватизму 1790-х – 1810-х гг. данная группа исторических источников ранее полноценно не привлекалась, единичные же привлечения панегириков только российских консерваторов не отражают жанровую специфику этого вида исторических источников. К тому же, в исследуемый период, панегирические сочинения широко публиковались на страницах периодической печати, выходя за границы придворной коммуникативной сферы. Количество привлекаемых панегириков составило 72 текста различных российских авторов.

Второй группой исторических источников являются различные **материалы, опубликованные в периодических изданиях конца 1790-х – 1810-х гг.** Часть периодических изданий данного периода издавалась непосредственно российскими консерваторами: «Вестник Европы» (с 1802 г.) и «Русский Вестник» (с 1808 г.). Однако, в исследовании также привлекались

¹²¹ Отрывочно была опубликована М.А. Корфом в 1860-е гг. в двухтомном сочинении «Жизнь графа Сперанского» (1861). Первую научную публикацию «Записки и о древней и новой России...» осуществил в 1988 г. А.Ю. Сегень (см. репринт: Сегень А.Ю. История создания и публикации трактата «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» // Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века. Н.М. Карамзин. М., 2001).

¹²² Тимофеев Д.В. Принципы инструментализации методологии «истории понятий» в исследованиях по истории общественного сознания России XVIII – первой четверти XIX в // Вестник Томского государственного университета. 2018. №. 436. С. 185.

материалы, опубликованные в других российских периодических изданиях и газетах данного периода: «Политический журнал: с показанием ученых и других вещей», «Зритель», «Санктпетербургские ведомости», «Новости русской литературы», «Друг юношества», «Сын Отечества», «В удовольствие и пользу». Эти материалы можно разделить на несколько подгрупп:

1. *Информационно-новостные сообщения о положении стран Европы*, знакомившие российских читателей с произошедшими в различных странах событиями. Ввиду заявленной темы исследования предпочтение уделялось сведениям о состоянии Франции и Речи Посполитой. Публикуемые тексты на русском языке зачастую были переводом с иностранных периодических изданий или же содержали мнения (рассуждения) иностранных авторов о произошедших событиях. Они участвовали в формировании представлений российских читателей о произошедших событиях.

2. *Публицистические произведения российских и иностранных авторов* на различные социально-политические тематики. В частности, начавшаяся полемика «о старом и новом слоге» в начале XIX в. проходила на страницах отечественных периодических изданий. Не менее активно публиковались С.Н. Глинка в «Русском Вестнике» и Н.М. Карамзин в «Вестнике Европы».

3. *«Рецензии» российских авторов на отечественную драматургию и сочинения*, опубликованные на страницах периодических изданий. Как правило рецензии содержали не только оценку художественных составляющих произведения, но и размышления авторов на социально-политические темы, затрагиваемые в рецензируемом драматургическом произведении. Так, в рецензиях на творчество А.П. Сумарокова, рецензенты часто размышляли о тирании и причинах возможного свержения тирана. Часть рецензий была написана непосредственно российскими консерваторами.

Суммарное количество задействованных в исследовании материалов, опубликованных в периодической печати, составило 77 текстов.

Третьей группой исторических источников выступили **литературно-публицистические сочинения** отечественных авторов (20 произведений),

опубликованные отдельными изданиями и появившиеся с различными коммуникативными целями – моральные и политические трактаты различного объема, памфлеты, слова и речи по социально-политическим вопросам, а также художественно-исторические сочинения, функционировавшие в публичном поле в печатном и/или рукописном виде. Как правило источники данной группы содержат рассуждения автора и мнение по наиболее значимым социально-политическим вопросам и проблемам России и Европы, часто сопровождаясь морально-нравственным комментарием.

Четвертая группа исторических источников – **законодательные акты**. В данную группу вошли манифесты, указы, высочайше утвержденные мнения, доклады и уставы. Значительную часть этой группы источников составили манифесты под авторством А.С. Шишкова 1812–1814 гг. (12 единиц), а также другие манифесты по наиболее существенным событиям (коронационный акт, заключение мира, провозглашение крупных политических и социальных преобразований). Необходимо также подчеркнуть, что часть манифестов была напрямую связана с сочинением панегириков, поскольку для их написания, в основном, требовался какой-либо важный момент, связанный с торжеством в государстве.

Пятая группа исторических источников – **проекты, записки и мнения** российских консерваторов, возникшие в процессе функционирования властных структур, как правило, направляемые лично Александру I и/или адресованные к государственным учреждениям (к примеру, Государственному Совету). Как правило они нарративные и отличаются от публицистических произведений тем, что авторы этих документов не предполагали их публикации, стараясь донести собственное мнение до персоны монарха и/или определенной группе лиц, участвующих в функционировании властных структур (например, членам Комиссии составления законов). Важнейшими текстами данной группы являются, например, «Записка о древней и новой России...» (1811) Н.М. Карамзина и «Записка о мартинистах...» (1811) Ф.В. Ростопчина, не

опубликованные при жизни авторов, но активно бытовавшие в рукописях при их жизни. Всего – 12 текстов.

Шестой группой источников являются **исторические сочинения** отечественных авторов XVIII – первой четверти XIX вв. Как правило, эти сочинения представляют собой историко-политические трактаты, в которых авторы выражали свое отношение к различным историческим событиям и явлениям, а также проецировали его на современные им процессы. К этой же группе были отнесены различные российские учебники и учебные пособия по отечественной истории. Необходимо подчеркнуть, что часть исторических трудов принадлежала непосредственно авторству российских консерваторов (Н.М. Карамзину, С.Н. Глинке). Всего – 24 текста.

Седьмой группой источников являются **драматургические сочинения** отечественных авторов, посвященные исторической тематике Смутного времени, созданные в 1790-х – 1810-х гг. Как правило драматургия содержала аллюзии на современные авторам и зрителям (читателям) события и активно участвовала в трансляции государственной идеологии. Всего – 9 текстов.

Восьмой группой источников стали **сочинения зарубежных авторов**, прежде всего, Аристотеля, Плутарха, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Ж.-Ф. Мармонтеля и А. Лафонтена. Их работы широко обсуждались в российской общественно-политической мысли 1790-х – 1810-х гг.

Итоговое количество исторических источников, привлеченных в работе, составило 250 текстов под авторством более 100 исторических персоналий. Использование рассмотренных выше групп источников позволяет говорить о репрезентативности источниковой базы исследования и дает возможность сделать выводы о процессе формирования консервативных идей в российской общественно-политической мысли 1790-х – 1810-х гг.

Территориальные рамки исследования ограничены коммуникативной средой функционирования текстов российской политической культуры 1790-х – 1810-х гг. Распространение текстов и коммуникативная среда могли меняться в зависимости от перемещений исторических деятелей и самих текстов;

территориальные границы условны, но основными интеллектуальными центрами 1790-х – 1810-х гг. можно назвать Санкт-Петербург, Москву и Тверь, так и в целом европейскую часть Российской империи.

Хронологические рамки исследования. **Нижней хронологической границей** выступает, в соответствии с существующей в историографии, посвященной российскому консерватизму 1790-х – 1810-х гг., конвенцией, Французская революция 1789 г., что также обусловлено появлением рефлексии о революции в российской политической культуре в начале 1790-х гг., а также заданным ей импульсом в актуализации смежных тематик, возникших в ходе процесса ее осмысления. **Верхней хронологической границей** исследования выступают 1810-е гг., что обусловлено окончанием эпохи Наполеоновский войн, образованием Священного союза и установлением «общеевропейского мира» в 1815 г. Процессы и риторические стратегии, возникшие в российской общественно-политической мысли в период наиболее острых фаз военных кризисов 1805–1807 гг. и 1812–1815 гг., имели длительные последствия, развивавшиеся на протяжении второй половины 1810-х гг. Но в этот же период происходит снижение общественно-политической активности российских консерваторов в связи со сменой прежнего внешнеполитического контекста *перманентных войн*.

Методология и методы исследования. Диссертационное исследование опирается на базовые принципы исторической науки (историзма и научной объективности), общеисторические методы, а также методы *сравнительно-контекстуального анализа и критического дискурс-анализа* Н. Фэркло¹²³. Так, сравнительно-контекстуальный анализ предполагает сопоставление различных текстов, риторических стратегий, систем аргументаций и манер вести речь во время обсуждения одной и той же проблемы, но в различных жанрах и коммуникативных контекстах. Критический дискурс анализ Н. Фэркло направлен на выявление взаимосвязей (взаимовлияния) между историческими событиями,

¹²³ Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. и ред. А.А. Киселевой. Харьков, 2008. С. 115–131.

текстом и широким спектром контекстов: социальным, политическим и т.д. Настоящее исследование проводится на основе теоретико-методологических подходов *Кембриджской школы интеллектуальной истории*, представленное именами Кв. Скиннера и Дж. Покока. Данный методологический подход ориентирован на изучение истории функционирования политических языков: идиом, аргументации и риторических стратегий исторических акторов с учетом контекстуальных условий и дискурсивных практик исторической эпохи¹²⁴.

Кв. Скиннер предлагает исходить из того, что за каждым текстом стоят определенные мотивы и намерения автора, которые и определяют реальный смысл текста. Исследователь предлагает сфокусироваться не на конкретных текстах как таковых, а на реконструкции *иллокутивной силы* высказывания – авторских интенциях и мотивах, которые он совершал при написании текста. Определяя собственные правила для реконструкции «иллокутивной силы» высказывания, Кв. Скиннер, во-первых, предлагает концентрироваться не только на интерпретации текста, а на «господствующих традициях, определяющих подход к затронутым в произведении проблемам и темам», поскольку автор, создавая свой текст «осознанно участвует в коммуникативном акте»¹²⁵. Во-вторых, реконструировать комплекс убеждений автора и его картины мира¹²⁶.

Дж. Покок также предлагает рассматривать политическую мысль как конгломерат политических языков – устойчивых и передающихся от автора к автору риторических стратегий, идиом, диалектов и «манер вести речь». Каждый автор может по-своему осмыслить набор «старых» речевых практик, которые в свою очередь, оказавшись в иных исторических контекстах, могут

¹²⁴ Покок Дж. Г.А. The state of the art (Введение к книге «Добродетель, торговля и история») // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2018. С. 142–190; Скиннер Кв. Мотивы, намерения и интерпретация текстов // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2018. С. 123–141; Скиннер Кв. Значение и понимание истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2018. С. 53–122; Скиннер Кв. Идея негативной свободы философские и исторические перспективы // Логос. 2013. № 2. С. 155–186; Skinner Q. Action and Context // Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes. 1978. Vol. 52. P. 43–69; Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton, 1975. 602 p.

¹²⁵ Скиннер Кв. Мотивы, намерения и интерпретация текстов // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2018. С. 137.

¹²⁶ Там же. С. 138.

обретать «новые смыслы», создавая «цепочку последующих прочтений и интерпретаций» и многократных реинтерпретаций¹²⁷. Принципиально важным в данном случае становится проследить цепочку формирующегося дискурса, поскольку каждый опубликованный автором текст – это намеренный коммуникативный акт¹²⁸. Таким образом, Дж. Покок предлагает рассматривать историю политической мысли как «историю речи и дискурса»¹²⁹. Фокус исследования смещается к анализу основных идиом (языков), «доступных в определенный исторический период максимально широкому кругу авторов» и на возможные «языковые новации в рамках сложившего узуса»¹³⁰.

Методологический подход Кембриджской школы интеллектуальной истории (Кв. Скиннера и Дж. Покока) позволяет рассматривать российский консерватизм 1790-х – 1810-х гг. как своеобразную манеру политической речи: набора риторических стратегий, аргументаций и функционирования определенных глоссариев, использованных авторами при обсуждении социально-политических вопросов в разных коммуникативных контекстах.

Исследование также опирается на *теорию модернизации*, позволившую сфокусироваться на процессе формирования и трансформации российской политической культуры в конце XVIII – первой четверти XIX вв.¹³¹ Под модернизационным процессом в исследовании понимается *вестернизация* российской политической культуры данного периода, как проникновение в нее западных идей и концепций¹³². Использование этого методологического инструментария позволяет рассматривать два взаимосвязанных процесса,

¹²⁷ Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков (от составителей) [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2015. № 4. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/134_nlo_4_2015/article/11534/

¹²⁸ Попок Дж. Г.А. The state of the art (Введение к книге «Добродетель, торговля и история») // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2018. С. 167–169.

¹²⁹ Там же. С. 147.

¹³⁰ Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков (от составителей) [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2015. № 4. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/134_nlo_4_2015/article/11534/

¹³¹ Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обозрение. Вып. 8. 2002. С. 146–168.

¹³² Алексеева Е.В., Редин Д.А., Рей М.-П. «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 3–20.

происходящих в российской политической культуре конца XVIII – первой четверти XIX вв. Во-первых, *трансфер* западноевропейских идей, концепций и ценностей; во-вторых, их *адаптацию* в российской политической культуре с учетом уже имеющейся в ней специфики. Российские консерваторы, как и все поколение, заставшее Французскую революцию 1789 г., были «детьми» века Просвещения, читателями Ж.-Ж. Руссо, Ш.-Л. Монтескье и других авторов, а потому – они несли отпечаток уходящей эпохи после революции, не меньше увлекаясь идеями новыми, сформировавшимися в Наполеоновских войнах начала XIX в.

Научная новизна диссертации определяется рядом факторов. Исследования российского консерватизма с привлечением всего очерченного круга исторических источников ранее не проводилось. Впервые в исследовании по российскому консерватизму данного периода полноценно привлекается комплекс панегирических сочинений, представленный в профильной историографии лишь единично или вовсе оставшийся проигнорированным, что позволило выявить ряд принципиально важных аспектов в формировании риторических стратегий российских консерваторов. Кроме того, подробно рассматриваются сюжеты, не получившие должного освещения в профильной историографии, к примеру, проблема связи польских и французских событий 1791–1794 гг. в контексте рефлексии о Французской революции в российской политической культуре конца XVIII в. Новизна диссертации состоит и в использовании современных методологических подходов к изучению источников по истории общественно-политической мысли, позволивших выявить процессы формирования риторических стратегий российского консерватизма и систем аргументаций с учетом специфики коммуникативных и исторических контекстов 1790-х – 1810-х гг.

Положения, выносимые на защиту:

1. Осмысление российскими авторами Французской революции 1789 г. в российской политической культуре 1790-х гг. происходила преимущественно

в панегирическом регистре и в значительной мере определялась связью с польскими политическими событиями начала 1790-х гг.

2. В начале царствования Александра I, дискуссии о власти Наполеона определялась доминированием глоссария форм правлений, восходившего к концепциям XVIII в. Однако после ряда военных неудач, завершившихся Тильзитским миром 1807 г., объяснительная модель глоссария форм правлений столкнулась с кризисом. Это предопределило доминирование панегирических риторик во время Отечественной войны 1812 г. и событий 1813–1814 гг. Ключевую роль в данном процессе сыграли российские консерваторы, назначенные в канун войны на ведущие государственные посты.

3. Представления российских консерваторов о монархической власти основывались на глоссариях провиденциального и секулярного монархизма, в которых объединяющим понятием выступало понятие *добродетели*, связавшее воедино патерналистские и провиденциалистские риторические стратегии и представления о «фундаментальных законах». Их комбинация допускала свержение монарха, ставшего тираном. Проблема ограничения власти монарха, актуализированная «конституционными намерениями» Александра I, не была ключевой темой для большей части российских консерваторов 1790-х – 1810-х гг.

4. Культ Екатерины II, широко представленный в панегириках светских авторов начала XIX в., к концу царствования Александра I угасает, что было вызвано дистанцированием александровских реформ от екатерининского курса, развитием августинских (представлений о божественной природе власти монарха) категорий на фоне Войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., а также нежеланием церковных богословов апеллировать к наследию «Августейшей Бабки» императора. «Петровский культ» оказался востребованным в условиях военных кризисов начала XIX в.

5. Доминировавшее до рубежа XVIII–XIX вв. функционалистское описание социальной структуры общества, во время Отечественной войны 1812 г., потребовавшей социальной мобилизации, сменилось на сословно-

функционалистскую. Для описания взаимоотношений между дворянством и крестьянством, отечественные консерваторы использовали патерналистские риторики. Ключевую роль сыграл тезис о разных уровнях социальной «зрелости» дворянства и крестьянства.

6. Дискуссия о дворянских добродетелях в 1790-х – 1810-х гг. проходила в русле борьбы с галломанией, достигнув своего пика в «споре о старом и новом слоге» начала XIX в. Эта полемика выстраивалась вокруг вопросов о национальном языке, национальном воспитании и «любви к отечеству». Участники «спора» опирались на екатерининскую языковую и литературную программу, но привычные для второй половины XVIII в. размышления о национальном языке, воспитании и «любви к отечеству» приобрели ярко выраженную политическую окраску на фоне противостояния Наполеону.

7. Наполеоновские войны вместе с дискуссией о дворянских добродетелях способствовали обращению российских авторов конца XVIII – начала XIX в. к истории Смутного времени. Переосмысление отдельных исторических сюжетов этой эпохи проходило за счет глоссария форм правлений, активного импорта античной (греко-римской) образности, в основном, из тираноборческих сюжетов. На их основе в 1790-е – 1810-е гг. были «изобретены» главные герои из истории Смуты – Пожарский и Минин, представшие в череде отечественных сочинений в образах героев-граждан античного республиканского прошлого.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Итоги диссертационного исследования могут быть использованы в подготовке учебных пособий по истории России, создании специальных учебных курсов высшей школы, посвященных истории общественно-политической мысли конца XVIII – первой четверти XIX в., при разработке лекционных и практических занятий по истории России XVIII – XIX в. Представленные сведения в основном тексте работы могут быть использованы при создании тематических книжных выставок и историческом просвещении. Материалы диссертации могут быть использованы в написании научных исторических и

историко-филологических работ по общественно-политической мысли России конца XVIII – первой четверти XIX в. Результаты исследования могут быть использованы при разработке государственной политики России в сфере патриотического воспитания.

Степень достоверности исследования определяется комплексным анализом широкого круга исторических источников с учетом специфики коммуникативных контекстов и дискурсивных практик 1790-х – 1810-х гг., проанализированных с помощью современных методологических инструментариев и с соблюдением основополагающих принципов и методов исторической науки, а также верификацией полученных в диссертации результатов с привлекаемой в работе обширной историографией.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были апробированы на 23 международных и всероссийских научных конференциях и семинарах¹³³. Положения диссертационного исследования изложены в 25

¹³³ I-ый Международный молодежный конвент «Многомерность общества: человек в социальном взаимодействии» (г. Екатеринбург, 2017); Всероссийская с международным участием научная конференция молодых ученых «Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура» (г. Ижевск, 2017); II Международный молодежный конвент «Многомерность общества: человек в социальном взаимодействии» (г. Екатеринбург, 2018); Всероссийская молодежная научная конференция «Гуманитарная дипломатия: личность, социум и мир» (Екатеринбург, 2018); Всероссийская конференция с международным участием «"Пивоваровские чтения". Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение» (г. Екатеринбург, 2018); Всероссийская с международным участием научная конференция молодых ученых «Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура» (г. Ижевск, 2018); Всероссийская научная конференция молодых ученых «CLIO MODERNA»: проблемы всемирной истории нового и новейшего времени (г. Екатеринбург, 2018); III Молодежный международный конвент «Многомерность общества: человек в социальном взаимодействии» (г. Екатеринбург, 2019); Всероссийская междисциплинарная молодежная научная конференция «VII Информационная школа молодого ученого» (г. Екатеринбург, 2019); Всероссийская с международным участием научная конференция молодых ученых «Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура» (г. Ижевск, 2019); IV Международный молодежный конвент «Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации» (г. Екатеринбург, 2020); XIII Всероссийская студенческая научно-практическая конференция «Документ в современном обществе: цифровая трансформация» (Екатеринбург, 2020); Всероссийская междисциплинарная молодежная научная конференция «VIII Информационная школа молодого ученого» (Екатеринбург, 2020); XIV Всероссийская научная конференция «Урал индустриальный. Бакунинские чтения» (Екатеринбург, 2020); Всероссийская с международным участием научная конференция молодых ученых «Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура» (г. Ижевск, 2020); XIV Всероссийская студенческая научно-практическая конференция «Документ в современном обществе: цифровая трансформация» (Екатеринбург, 2021); Всероссийская с международным участием научная конференция молодых ученых «Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура» (г. Ижевск, 2021); V Международный молодежный конвент «Трансформация реальности: стратегии и практики» (г. Екатеринбург, 2021); Всероссийская с международным участием конференция студентов и молодых ученых «Историческое вече: проблемы истории и археологии (г. Великий Новгород, 2022); II Всероссийская научная конференция с международным участием «Творческая лаборатория историка. Темпоральные дискурсы: соединяя прошлое и будущее» (в составе Международного конгресса «Язык, культура и технологические транзиты: новые грани человеческого») (г. Томск, 2022); VI Международный молодежный конвент «Глобальные вызовы в меняющемся мире: тенденции и перспективы развития» (г. Екатеринбург, 2022); Международная научно-практическая школа-конференция молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы,

научных работах, в том числе 4 научных работах, опубликованных в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК РФ, из них 3 работы в изданиях, индексируемых в международных базах данных Scopus, Web of Science.

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, четырех глав, состоящих из параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы.

Глава 1. Рефлексия о Французской революции 1789 года и Наполеоне в российской общественно-политической мысли 1790-х – 1810-х годов

В историографии отправной точкой формирования консервативной идеологии принято считать Французскую революцию 1789 г. Это справедливо не только для отечественных, но и для большей части зарубежных работ по истории общественно-политической мысли Нового времени¹³⁴. Наиболее часто данные исследования отталкиваются от предложенной К. Мангеймом концепции разделения «консерватизма» и «традиционализма» как «*стилей мышления*», указывая, что целостная идеология консерватизма возникла не ранее 1800 г., как *реакция* на события Французской революции 1789 г., а до этого момента существовал лишь «традиционализм»¹³⁵. Данный подход вышел за пределы исследований только общественно-политической мысли. Так, отголоски мангеймовской концепции можно обнаружить в работах И. Валлерстайна – автора концепции мир-системного анализа. Характеризуя формирование мир-системы «триумфа либерализма» (XIX – начала XX вв.), И. Валлерстайн подчеркивал, что консерватизм был исторически первой идеологией, возникшей как *реакция* на Французскую революцию – разрушительный процесс, имевший длительные негативные последствия¹³⁶. Даже несмотря на активную критику концепции К. Мангейма, берущую начало в трудах С. Хантингтона, который подобно Мангейму, связывал генезис

¹³⁴ См. обзор и критику данного подхода в отношении «отца-основателя консерватизма» Э. Бёрка (Taylor B.J. Political argument in Edmund Burke's Reflections: a contextual study. Birmingham: University of Birmingham, 2011. P. 18–44) и обзор зарубежной историографической традиции, рассматривающей консерватизм как реакцию на Французскую революцию 1789 г. (Bourke R. What is conservatism? History, ideology and party // European Journal of Political Theory. 2018. Т. 17. № 4. P. 449–475; Lok M. Europe Against Revolution: Conservatism, Enlightenment, and the Making of the Past. Oxford: Oxford University Press, 2023. 384 p.)

¹³⁵ Обстоятельный обзор мангеймовского подхода к определению консерватизма и традиционализма как «стилей мышления» см.: Андросенко Н.П. Переосмысление консерватизма. Консерватизм как система познания // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2013. № 1. С. 99–102.

¹³⁶ Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Триумф центристского либерализма 1789–1914 / пер. с англ., ред. Н. Проценко. М., 2016. Т. IV. С. 4. Впрочем, И. Валлерстайн рассматривал генезис и эволюцию консервативной идеологии в соответствии с идеями Э. Хобсбаума о «долгом девятнадцатом веке» (1789–1914 гг.), связав развитие идеологий модерна с «кристаллизацией» и их доктринальным оформлением в «классические», благодаря идеологическому импульсу Французской революции 1789 г.

консервативной идеологии (в его классификации – «аристократический» вариант) с реакцией на Французскую революцию 1789 г.¹³⁷

Сходные тенденции широко представлены в современной отечественной историографии, посвященной исследованию российского консерватизма, что отражается в рассмотрении консерватизма именно в хронологических рамках конца XVIII – первой четверти XIX вв., и в акцентировании *реакции* консервативно настроенной части российского общества на Французскую революцию 1789 г. Существующие в историографии обоснования можно суммировать цитатой из фундаментального исследования А.Ю. Минакова: «Консерватизм конца XVIII – начала XIX в. появился как *реакция* на рационализм и индивидуализм Нового времени, теорию прогресса (которая ассоциировалась с уверенностью в постоянном увеличении в мире свободы, знаний, богатства, порядка, нравственности), *воплощением которых стала Великая французская революция*» (курсив мой – В.И.)¹³⁸.

Однако первичная *публичная* реакция на события революции деятелей, причисляемых историографией к консервативному лагерю, была весьма слабой. Единственным из них, кто публично отреагировал в 1789–1793 гг. на французские события, был Н.М. Карамзин¹³⁹, посетивший Францию в 1790 г., отразив свои путевые заметки в опубликованных им «Письмах русского путешественника» в «Московском журнале» в 1791–1792 гг. Согласно современному исследователю А.А. Ильину, прослеживающего историю употребления понятия «революция» в России второй половины XVIII – начала XIX вв., Карамзин использовал понятие «революции» (и его кальку с французского – «переворот») в «Письмах...» в нескольких значениях: для описания политических событий во Франции и тех событиях, которые

¹³⁷ Хантингтон С. Консерватизм как идеология / пер. с англ. А. А. Закутина // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 242–243.

¹³⁸ Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 5.

¹³⁹ Н.М. Карамзина традиционно считают в историографии «отцом-основателем» российского консерватизма конца XVIII – начала XIX вв. (см. Минаков А.Ю. Родоначальник российского консерватизма // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 29–39; Полякова Л.В. У истоков российского консерватизма: Николай Карамзин и Жозеф де Местр // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 40–62; Лупарева Н.Н. История России как консервативный проект: Н.М. Карамзин и С.Н. Глинка // 2016. № 4. С. 63–70).

иллюстрировали «коренные преобразования», к примеру, рассуждая «о нравственной революции и революции в науке»¹⁴⁰. Вместе с тем, российский читатель мог ознакомиться в публикуемых Карамзиным отрывках, прежде всего, с негативной оценкой французской революции и ее последствий¹⁴¹.

В историографии признается, что ограничителем публичной реакции российских современников на тему Французской революции в 1790-е гг. являлась усиливающаяся цензурная политика¹⁴². Впрочем, как показал советский филолог А.Я. Кучеров, информация о французских событиях активно распространялась в рукописном виде, а в ситуации двуязычия российского дворянства конца XVIII – начала XIX вв., со многими сведениями можно было ознакомиться на языке оригинала¹⁴³. До января 1793 г. в Россию активно поступали иностранные (прежде всего, на французском языке) сочинения апологетического характера, выступавшие в защиту Французской революции, особенно на ее раннем этапе 1789–1791 гг. Только с казнью в январе 1793 г. Людовика XVI был введен полный запрет на ввоз в Российскую империю французских книг и журналов, запрещались любые контакты с французскими издателями, а обсуждение тематики Французской революции оказалось табуированной в публичном пространстве темой¹⁴⁴. После этого единственным (и наиболее существенным) источником сведений о революции в 1790-е гг. для современников оставались подконтрольные российскому правительству еженедельные газеты, активно участвовавшие в формировании

¹⁴⁰ Ильин А.А. К истории понятия «революция» в России // История понятия «революция» у А.И. Герцена и М.А. Бакунина. дисс.... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2018. С. 34.

¹⁴¹ Гудзий Н.К. Французская буржуазная революция и русская литература. М., 1944. С. 30–35.

¹⁴² Скабичевский А.М. Очерки истории Русской Цензуры. СПб.: Изд-во Ф. Павленков. С. 56–86; Штранге М. М. Русское общество и французская революция 1789–1794 гг. М., 1956. С. 157–158; Гудзий Н.К. Французская буржуазная революция и русская литература. М., 1944. С. 18–19; Ильин А.А. К истории понятия «революция» в России // История понятия «революция» у А.И. Герцена и М.А. Бакунина. дисс. канд. ист. наук: 07.00.09. М., С. 38–40; Рейфман П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России. Цензура в дореволюционной России. Т. 1. М., 2015. С. 43–60;

¹⁴³ Подробнее см.: Кучеров А.Я. Французская революция и русская литература XVIII века // XVIII век. Сборник статей и материалов. М., 1935. С. 259–307. Эти выводы подтверждают и изыскания М.М. Штранге, который выявил взаимосвязь между усилением российской цензуры и спросом отечественных читателей на европейские (в том числе французские) издания. См. Штранге М. М. Русское общество и французская революция 1789–1794 гг. М., 1956. С. 117–118, 162–164.

¹⁴⁴ Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. С. 146.

негативного образа происходящих событий и знакомившие читателей с «ужасами» революционной Франции¹⁴⁵.

Эти обстоятельства привели к актуализации в российской политической культуре 1790-х гг. рефлексии о Французской революции 1789 г. в жанре панегирической литературы, оставшейся доминирующим жанром российской политической традиции монархизма конца XVIII – первой четверти XIX вв. Несмотря на то, что в советской исторической науке развитие российской политической культуры в конце XVIII в. рассматривалось как конфликт доминирующей феодальной идеологии с демократическими и буржуазными идеями, распространенными философами-просветителями¹⁴⁶, отечественная политическая культура конца XVIII в. не была исключительно *секулярной*. Невзирая на общие тенденции к секуляризации политического дискурса в конце XVIII – начале XIX вв., она происходила не путем вытеснения более «старой» («архаичной») манерой политической речи, а через тесное взаимодействие провиденциального глоссария с секулярными манерами политической речи¹⁴⁷.

Провиденциальный глоссарий российского монархизма, будучи применяем в жанрах религиозного и светского панегирика, сформировал в отечественной политической культуре XVIII – начала XIX вв. специфическую *сакрализацию монарха*¹⁴⁸. Панегирический жанр был связан, в основном, с

¹⁴⁵ Подробнее см.: Лимонов Ю.А. Русские газеты и Великая французская революция // Великая французская революция и Россия. М., 1989. С. 289–313. Косвенным подтверждением внимания к Французской революции 1789 г. среди российских современников может служить значительный рост тиража печатных экземпляров российских газет, к примеру, тираж «Санктпетербургских ведомостей» вырос с 500–1000 экземпляров в 1787 г. до 2000–4000 экземпляров к началу 1790 г. (См. Там же. С. 289).

¹⁴⁶ См.: Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984. 252 с.; Моряков В.И. Русское просветительство второй половины XVIII века : (Из истории общественно-политической мысли России). М., 1994. 216 с.

¹⁴⁷ Подробнее см.: Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 89–198. Здесь следует сделать важнейшую оговорку, что разделение *секулярного и провиденциального глоссариев* в российской политической культуре конца XVIII – начала XIX вв. в настоящем исследовании понимается весьма условно, поскольку данные глоссарии не были в конфронтации друг с другом или же конкуренции, напротив, следует подчеркнуть, что их взаимодействие было более сложным и следующим по пути *взаимопроникновения* (см., например, по этому поводу обстоятельное исследование на материалах раннего Нового времени: Gorski P.S. Historicizing the secularization debate: Church, state, and society in late medieval and early modern Europe, ca. 1300 to 1700 // American sociological review. 2000. № 1. P. 138–167).

¹⁴⁸ Подробнее см.: Успенский Б.А., Живов В.М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 47–153.; Кагарлицкий Ю.В. Сакрализация

политически значимыми событиями либо их годовщинами (вступление монарха в город, воцарения, коронации, победа в битве и др.) и ориентирован на *эпидейктическую риторику*, создание торжественного настроения. Эти характерные для панегирического жанра черты отличают его от менее распространенного в российской политической культуре конца XVIII – первой четверти XIX вв. жанра политико-правового трактата с его развитой системой аргументации. Панегирический жанр не был для России конца XVIII – начала XIX вв. архаикой, вопреки мнению филолога Н.К. Гудзия, писавшего о «неведомых и третьестепенных авторах» панегириков начала 1790-х гг., отметившихся рефлексией о Французской революции¹⁴⁹. Панегирический жанр для российской политической культуры конца XVII–XVIII вв., был *инновацией*, активно развивавшейся и достигнувшей своего расцвета в царствование Екатерины Великой¹⁵⁰. Религиозная панегирическая риторика опиралась одновременно на категории «августинских» и «культовых» взглядов на фигуру монарха, изображая его в чертах, присущих богу, *полубожеством*, манифестируя божественный промысел в его мирских делах, отождествленный с «чудом» («божественным сотворением»). Необходимо подчеркнуть, что эти приемы прочитывались в рамках *барочной культуры* буквально и воспринимались частью сакральной власти монарха¹⁵¹. Эта

как прием: ресурсы убедительности и влиятельности имперского дискурса в России XVIII века // Новое литературное обозрение. 1999. № 4. С. 66–77; Кагарлицкий Ю.В. Фигура наследника престола и репрезентации верховной власти в русской проповеди XVIII — первой половины XIX века // Вереница литер : сб. статей к 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 427–449.

¹⁴⁹ Гудзий Н.К. Французская буржуазная революция и русская литература. М., 1944. С. 20–21.

¹⁵⁰ См. Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс.... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 89–94; о проникновении в российскую политическую культуру панегирического жанра как инновации см. особенно (Богданов А.П. Стих торжества: рождение русской оды. М., 2012. С. 33–371). Вместе с тем, современные филологи, оценивая художественное содержание панегирического жанра, приходят к выводу о его кризисе к концу первой трети XVIII в., указывая на их «клишированность» и «сервильность» в отношении вышестоящей власти, а в восприятии современников все чаще наблюдалось «отчуждение» и критика светских панегирических сочинений (См. Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII – XVIII веках. СПб., 2005. С. 303–313). Следует подчеркнуть, что развитие панегирического жанра не только не остановилось, но и количественно выросло при Екатерине II, оставаясь одним из наиболее распространенных жанров к которому обращались самые различные исторические деятели конца XVIII – начала XIX в. (Жуковский, Карамзин, Шишков и др.). Подробнее об этом: Клейн И., Живов В.М. Русская ода: история жанра [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2007. № 5. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2007/5/russkaya-oda-istoriya-zhanra.html>

¹⁵¹ Успенский Б.А., Живов В.М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 91–92.

риторика широко использовала метафоры, иносказания, аллегории и художественные образы. Этот факт имел особое значение в пространстве российской политической культуры 1790-х гг., где тематика Французской революции 1789 г. была подцензурной.

Конечно, было бы неправильным утверждать, что публичная рефлексия в России о Французской революции в 1790-е гг. проходила исключительно в жанре панегирика и доминировала над остальными. Все же, как убедительно показал М.М. Штранге, спектр рефлексии о Французской революции 1789 г. в общественно-политической мысли России первой половины 1790-х гг. был несколько шире как жанрово, так и коммуникативно¹⁵². Однако, как видится, ее осмысление в панегирическом жанре было, как минимум, сопоставимо с другими. Более того, в силу жанровой специфики, отразившейся в том числе на рефлексии о революции, панегирикам уделялось меньшее внимание со стороны советских исследователей.

Специфика панегирического жанра накладывала на отечественных авторов определенные ограничения, в центре почти всегда находилась фигура монарха. Сама рефлексия о Французской революции 1789 г. в панегирическом регистре оказывалась возможной в тех случаях, когда для написания панегирика существовал какой-либо «торжественный момент», причем не связанный напрямую с тематикой Французской революции. Впрочем, в последние годы царствования Екатерины II «торжественных моментов» в Российской империи, ведущей одновременно несколько войн, было немало. Примечательно, что одну из первых рефлексий о Французской революции можно наблюдать у российского литератора А.В. Колмакова, в панегирике, написанном по случаю окончания Русско-шведской войны в 1790 г. Колмаков демонстрировал в своем тексте недоумение – французская монархия для российских современников была культурным, политическим и моральным ориентиром:

¹⁵² См. Штранге М. М. Русское общество и французская революция 1789–1794 гг. М., 1956. 209 с.

Какое буйство вас [французов] обуяло?

Или науки вам велят

Носить в себе змеино жало

И род словесных уязвлять?

Вы все нас прежде просветились!

Вы мудры! – Вы б веселились!¹⁵³

Как и большинство авторов-панегиристов, рассматриваемых ниже, Колмаков противопоставлял французскому «мятежу» «мирный щит» «царицы-матери» Екатерины II, при которой «Без брани орды поддаются / Пришельцы тьмами к нам [Россию] несутся»¹⁵⁴. Конечно, завершение войны со шведами лишь одна из частей тех «торжественных моментов», которые возникали в последние годы царствования Екатерины II, случай оды Колмакова призван лишь продемонстрировать, как работал механизм рефлексии о революции в панегирическом регистре.

§ 1.1. Осмысление Французской революции 1789 года и польского «конституционализма» в 1790-х – начале 1800-х годов

В отечественных исследованиях, посвященных вопросам рефлексии о Французской революции 1789 г. в российской общественно-политической мысли последних лет царствования Екатерины II¹⁵⁵, подчеркивается значение и роль французских событий в том своеобразном импульсе, который они придали обращению российских образованных подданных к обсуждению (осуждению!) событий революции и осмыслению значения монархии¹⁵⁶. Не

¹⁵³ Колмаков А.В. Ода на торжество мира со шведами заключённого в славное царствование великой Екатерины II, императрицы и самодержицы всероссийской. СПб., 1790. С. 10.

¹⁵⁴ Там же. С. 14.

¹⁵⁵ Об отношении самой императрицы к Французской революции 1789 г. и ее обсуждение в переписке с европейскими политиками (См. Свердлов М.Б. Екатерина II как историк // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 3. С. 53–65).

¹⁵⁶ Этот подход наиболее представлен в советской историографии, в которой Французская революция 1789 г. См. Штранге М. М. Русское общество и французская революция 1789–1794 гг. М., 1956. 203 с.; Гудзий Н.К.

ставя под сомнение эту роль, следует отметить: сам контекст обращений российских образованных подданных к рефлексии о Французской революции в последние годы царствования Екатерины II был сложен и в известной мере определялся событиями, развивавшимися в Речи Посполитой (Польше) в 1788–1795 гг. параллельно событиям во Франции. Для российских образованных подданных внимание к череде польских событий этого периода определялось, прежде всего, территориальной близостью Речи Посполитой к Российской империи (наличием общей границы), а также тем фактом, что с 1772 г., по итогам первого раздела Речи Посполитой, часть ее восточных земель вошла в состав Российской империи¹⁵⁷, а сама Речь Посполитая был одной из ключевых направлений внешней политики Екатерины II. А.Л. Зорин, прослеживая актуализацию исторической темы русско-польского конфликта конца XVI – начала XVII вв. в российской художественно-исторической литературе конца XVIII – начала XIX вв., отмечает, что между Речью Посполитой и Францией издавна существовала метонимическая связь, основанная на их географическом расположении относительно России, их религиозной (католической) общности и того факта, что именно Франция в наибольшей степени противодействовала русской политике в Речи Посполитой¹⁵⁸. Связь между осмыслением польских и французских событий в 1789–1793 гг. в отечественной общественной мысли ранее отмечал А.Я. Кучеров, останавливаясь, правда, лишь на одном сочинении¹⁵⁹. Данную тему обошли стороной даже крупные исследования под авторством М.М. Штранге и Е.В. Линьковой. Так, в фундаментальном труде М.М. Штранге «Русское общество и французская революция. 1789–1794 гг.», Польша упоминается

Французская буржуазная революция и русская литература. М., 1944. 125 с.; Итенберг Б.С. Россия и Великая Французская революция. М., 1988. 256 с.

¹⁵⁷ По итогам первого раздела Речи Посполитой в Российской империи были созданы две новые губернии – Могилевская и Псковская.

¹⁵⁸ Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 163.

¹⁵⁹ Кучеров А.Я. Французская революция и русская литература XVIII века // XVIII век. Сборник статей и материалов. М., 1935. С. 270.

единожды в контексте распространения в России французских эстампов¹⁶⁰. В диссертации Е.В. Линьковой о внешнеполитических представлениях российских консерваторов XIX в., лишь констатируется, что в Польше сходились интересы многих европейских государств в конце XVIII – начале XIX вв., а сама «польская тема активно использовалась Наполеоном». В конечном счете, исследовательница раскрывает «польскую тему» в контексте обсуждения российскими консерваторами (С.Н. Глинкой и Н.М. Карамзиным) потенциальной угрозы «польского вопроса» для России, а также идеи славянского единства в 1810-е – 1820-е гг.¹⁶¹ Однако ее истоки все же остались проигнорированными исследователем.

В 1788–1792 гг. в Речи Посполитой заседал «Четырехлетний сейм» (в польской историографии – «Великий сейм»)¹⁶², одним из главных итогов его работы стало принятие Речью Посполитой, под влиянием идей французских философов (Ж.–Ж. Руссо и Ш.–Л. Монтескье) и идей Французской революции 1789 г.¹⁶³, Конституции 3 мая 1791 г.¹⁶⁴ Следует отметить, что в современной

¹⁶⁰ Штрэнге М. М. Русское общество и французская революция 1789–1794 гг. М., 1956. С. 163.

¹⁶¹ Линькова Е.В. Становление и эволюция внешнеполитической концепции российских консерваторов XIX в. дисс... док. ист. наук: 07.00.02. М., 2019. С. 166–171.

¹⁶² В польской и зарубежной историографии из-за радикальности и множества реформ, произошедших в Речи Посполитой по результатам работы «Четырехлетнего сейма», часто фигурирует как «Польская революция 1788–1792 гг.». Подробнее см.: Butterwick R. Political Discourses of the Polish Revolution, 1788–92 // *The English Historical Review*. 2005. Т. 120. № 487. С. 695–731; Grzeškowiak-Krwawicz A. 3 maja 1791 – polska rewolucja? // *Stanisław August i jego Rzeczpospolita. Dramat państwa, odrodzenie narodu*. Red. A. Sołtys, Z. Zielińska. Warszawa, 2013. S. 235–246.

¹⁶³ Обстоятельный анализ влияния идей французских философов-просветителей и идей Французской революции 1789 г. на формирование идеологов и текст польской Конституции 3 мая 1791 г. (см.: Кондаков Д.А. Французская революция глазами сарматов: Ян Потоцкий и Людвик Платер // *Вестник Полоцкого гос-го ун-та. Серия А*. 2018. № 2. С. 18–22; Lukowski J. Recasting Utopia: Montesquieu, Rousseau and the Polish constitution of 3 May 1791. *The Historical Journal*. 1994. № 1. P. 65–87; Łojek J. Geneza i obalenie Konstytucji 3 Maja: polityka zagraniczna Rzeczypospolitej 1787–1792. Lubin, 1986. 558 p.; Fiszman S. Constitution and Reform in Eighteenth-Century Poland. Indiana University Press, 1997. P. 422–451). Также обращает на себя внимание, что еще до начала Первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. Ж.–Ж. Руссо начал работу над «Размышлениями о правительстве Польши» (*Considerations on the Government of Poland*, 1772 г., польский перевод данного трактата был опубликован в 1789 г. в двух томах. См. Rousseau J.J. *Uwagi nad rządem polskim oraz nad odmianą, czyli reformą onego projektowaną*. Cz. 1–2. Warszawie: nakładem i drukiem Michała Grölla. 1789). Кроме того, в современной американской историографии подчеркивается влияние на «Четырехлетний сейм» политических событий, произошедших в США (как и сам опыт успешной реализации федеративного устройства в США): Американской «революции» 1765–1783 гг. и принятия федеральной конституции 1787 г. См.: Fiszman S. *Constitution and Reform in Eighteenth-Century Poland*, 1997. P. 233–250).

¹⁶⁴ В польской историографии принятая польская Конституция 3 мая 1791 г. именуется «первой европейской конституцией», утвержденной за три месяца до французской Конституции 3 сентября 1791 г. См. Зяблова Т.Е. Конституция Польши 3 мая 1791 г.: историческое значение // *Вестник Владимирского юридического института*. 2020. № 1. С. 183–188; Ковальски Е. Европейский и польский конституционализм: XVIII в. //

отечественной историографии польская Конституция 3 мая 1791 г. относится к части «полузабытых» фактов польской истории и в настоящее время ее исследование (упоминание) происходит в контексте истории европейского конституционного права и русско-польских дипломатических отношений второй половины XVIII в.¹⁶⁵ Но для российских образованных подданных конца XVIII – начала XIX вв. события в Речи Посполитой в 1789–1794 гг. были важнейшим доказательством того, что идеи Французской революции распространяются далеко за ее пределы и вовсе не являются внутренним французским делом. К тому же во второй половине XVIII в. Речь Посполитая оставалась на ближайшей внешнеполитической орбите европейских держав: России, Австрии и Пруссии. Следует принять во внимание и справедливое наблюдение П.В. Стегния, отметившего, что развитие «польского вопроса» для данных держав проходило под воздействием фактора Французской революции 1789 г., а «тематика права человека обсуждалась в Варшаве не менее страстно и яростно, чем в Париже»¹⁶⁶.

Польская Конституция 3 мая 1791 г. официально именовалась *Ustawa Rządowa* (дословный перевод – Устав государственный, Правительственный устав/закон). Российский историк-правовед В.Н. Линкин, обращавшийся к вопросу о том, являлась ли Конституция 3 мая 1791 г. конституционным актом или же нет, отталкивается от позиции современного конституционного права, подчеркивая, что польская Конституция отличилась «прогрессизмом», но не соответствовала демократическим принципам и «равенству прав и достоинств», а потому – не может рассматриваться как полноценная конституция¹⁶⁷. Д.В. Тимофеев отмечает, что в России во второй половине XVIII в. понятие «конституции» отождествлялось современниками со всеми

Правоохранительная и правозащитная деятельность: вчера, сегодня, завтра: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 13–25.

¹⁶⁵ См. Линкин В.Н. Конституция Польши 1791 года как первая кодифицированная конституция Европы // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2020. № 2. С. 68–73; Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 233–337.

¹⁶⁶ Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 246.

¹⁶⁷ Линкин В.Н. Конституция Польши 1791 года как первая кодифицированная конституция Европы // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2020. № 2. С. 72.

постановлениями «польских Сеймов»¹⁶⁸. А вот с конца XVIII – начала XIX вв. понятие «конституция» становилось по большей части синонимично понятию «коренной закон», сформировав среди современников «ассоциации с исторически сложившимся, проверенным временем и опытом многих поколений комплексом юридических норм», в таком виде «коренным законом» можно было назвать «Соборное уложение» 1649 г. и другие древнейшие юридические памятники¹⁶⁹. Именно в последнем сценарии, отмеченным Д.В. Тимофеевым, Конституция 3 мая 1791 г. была представлена в российских периодических изданиях 1791–1792 гг.

В «Санкт-петербургских ведомостях» от 5 мая 1791 г. был опубликован полный текст польской Конституции 3 мая 1791 г.¹⁷⁰, который упоминался под заглавием «Уложения»¹⁷¹. Вместе с тем подчеркивалось, что «...новое Уложение сопровождаться будет весьма важными происшествиями» из-за ключевых «перемен», произошедших «во образе Правления Республики...»¹⁷². Последнее указание имеет принципиальное значение, отсылая российских образованных подданных к нетипичности характера, принятого в Польше Уложения (Конституции 3 мая 1791 г.). К тому же, в последнем абзаце подчеркивалось значение произошедших «перемен» для Речи Посполитой («Республики») и «чужестранных держав»¹⁷³. Здесь же российский читатель мог ознакомиться с опасениями по поводу дальнейших событий, связанных с

¹⁶⁸ Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. С. 132–134.

¹⁶⁹ Там же. С. 128–129, 135–136.

¹⁷⁰ Ключевые положения польской Конституции 3 мая 1791 г. вводили разделение властей, двухпалатный парламент (по примеру английского парламента). Исполнительная власть переходила кабинету министров (Стражам (Блюстителям) Законов), а вот польский король был во главе исполнительной власти, выступая отныне номинальной фигурой в духе английского монарха. Выборная монархия, согласно конституции, становилась наследственной. После смерти Станислава Понятовского (1732–1795) престол должен был перейти к курфюрсту Саксонии Фридриху Августу III (1750–1827), а в случае его смерти престол должен был перейти его потомкам. Интересно, что Фридрих Август III будет герцогом Варшавского герцогства в 1807–1815 гг. См. обзор статей польской конституции 3 мая 1791 г.: Butterwick R. Konstytucja 3 Maja Testament Rzeczypospolitej Obojga Narodów. Lubin, 2021. P. 117–135. Текст польской конституции (см. Конституция Польши 3 мая 1791 г. // Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 516–526.)

¹⁷¹ Польша // Санктпетербургские ведомости. 1791. № 43 (май). С. 790–792. Следует отметить, в «Санкт-петербургских известиях» французская Конституция 3 сентября 1791 г. также упоминалась как «Уложение» (см. например Франция // Санктпетербургские ведомости. 1791. № 79 (октябрь). С. 1590–1593.)

¹⁷² Польша // Санктпетербургские ведомости. 1791. № 43 (май). С. 790.

¹⁷³ Там же. С. 792.

принятием Конституции 3 мая 1791 г., в частности о характере принятия документа говорилось: «...новому Уложению противоборствовали почти все Земские Послы Волыни и Подолья <...> Все прежние Установления, на Сеймах [Четырехлетнем сейме] сделанные и на общем желании народа основанные, по нынешнему новому Уложению противные, уничтожены и преданы забвению»¹⁷⁴. Опасения усиливались по мере развития событий в Польше. Так, в опубликованных донесениях от 15 июля 1791 г. отмечалось: «Новое наше Уложение при несогласных об оном мнениях начинает сопровождаться в некоторых местах беспокойствами»¹⁷⁵. Тем не менее, в опубликованных новостных сводках подчеркивалось участие в работе Сейма и принятии «Уложения» польского короля (российского ставленника на польском престоле) Станислава Понятовского, а также его новой роли, согласно принятой Конституции: «В новом Уложении нашем сделаны разные, но впрочем *не важные перемены*. Главнейшая из оных состоит в том, что выбор Сенаторов предоставлен одному только нынешнему Королю; преемники же его избирать будут Сенаторов не самопроизвольно...» (курсив мой – В.И.)¹⁷⁶.

С не менее однозначной оценкой польских событий начала мая 1791 г. российский читатель мог ознакомиться в «Политическом журнале», главным образом, публиковавший переводы новостных сводок с немецкого языка. В одном из опубликованных писем из Варшавы от 7 мая 1791 г. отмечалось, что «открытие Сейма <...> ознаменовано важным переворотом и переменою в Польском правлении...», а далее подчеркивалось опять же участие польского короля Станислава Понятовского: «Тогда встал Король, и предложил 8 пунктов [Конституции], которые, дабы государство избавить от опасности, тотчас должно было определительно утвердить...»¹⁷⁷. В этом же номере был

¹⁷⁴ Польша // Санкт-петербургские ведомости. 1791. № 43 (май). С. 792.

¹⁷⁵ Польша // Санкт-петербургские ведомости. 1791. № 64 (август). С. 1235.

¹⁷⁶ Польша // Санкт-петербургские ведомости. 1791. № 50 (июнь). С. 1025.

¹⁷⁷ Другое письмо из Варшавы, 7 мая 1791 г. // Политический журнал: с показанием ученых и других вещей. 1791. Ч.5 (май). С. 67–68.

опубликован полный текст польской Конституции 3 мая 1791 г.¹⁷⁸, которому предшествовало письмо под заглавием «Письмо из Варшавы, о великом тамошнем перевороте», отмечавшее о произошедших событиях, что «...3 мая государственная перемена есть одна из важнейших в нынешнем столетии, и со временем подаст много материи к истории, в которой часто будет твердиться и 3 мая 1791 г., как начало нового периода на севере»¹⁷⁹. Важно отметить, что автор не только акцентировал на значении событий для «Севера» (именно к этой части относилась Россия), во второй части письма, он назвал произошедшие события удивительными «для всей Европы», а само «Уложение» было, прежде всего, «великим Королевским предприятием»¹⁸⁰.

Чем же объясняются столь мягкие оценки произошедших польских событий в российской печати первой половины 1791 г.? Отчасти их можно связать с тем, что согласно Конституции 3 мая 1791 г. в Польше вводилась *наследственная монархия*, а в публикуемых новостных сводках регулярно подчеркивалась роль польского короля Станислава Понятовского в принятии третьемартовского «Уложения», оно же сохраняло права и привилегии польской шляхты, первой статьей подчеркивала роль католичества и терпимость к другим религиям¹⁸¹. Вероятно и введение института наследственной монархии рассматривалось современниками как «возрождение» независимости Речи Посполитой на карте международных отношений. Это же объясняет столь мягкий тон сообщений, опубликованных в подконтрольных российскому правительству изданиях (к примеру, в «Санктпетербургских ведомостях»), «мягкость» связана с внешнеполитическим фактором, в котором находилась Российская империя в 1790–1791 гг., закончив Русско-шведскую войну 1788–

¹⁷⁸ Письмо из Варшавы, о великом тамошнем перевороте // Политический журнал: с показанием ученых и других вещей. 1791. Ч.5. (май). С. 139–143.

¹⁷⁹ Письмо из Варшавы, о великом тамошнем перевороте // Политический журнал: с показанием ученых и других вещей. 1791. Ч.5 (май). С. 139.

¹⁸⁰ Там же. С. 140.

¹⁸¹ Примечательно, что английский «хрестоматийный» консерватор Э. Берк называл польские события 3 мая 1791 г. «мирной польской революцией», противопоставляя ее Французской революции 1789 г. См.: Butterwick R. Political Discourses of the Polish Revolution, 1788–92 // The English Historical Review. 2005. Т. 120. №. 487. P. 696–697; Jedruch J. Polish constitutional heritage in the light of the French revolution // Parliaments, Estates and Representation. 1992. Т. 12. № 1. P. 62.

1790 г., она по-прежнему вела Русско-турецкую войну 1787–1791 г., а также участвовала в «Апрельском кризисе» 1791 г., «поставившим Россию на грань войны с Англией, Пруссией и их союзниками»¹⁸². Именно по этим причинам, согласно исследованию П.В. Стегния, Екатерина II в дипломатической переписке, в случае возможного вмешательства России в решение польского вопроса, рассматривала отмену польской конституции как «крайний вариант»¹⁸³. Следует отметить, что частные периодические издания начала 1790-х гг. совершенно игнорировали польские события, в частности, в популярном «Московском журнале» Карамзина в 1791–1792 гг., где публиковались «Письма русского путешественника», Польша упоминалась лишь один раз, и то в контексте «Бедной Лизы»¹⁸⁴.

Франция 3 сентября 1791 г. утвердила конституцию, отныне став конституционной монархией. Однако оценки французской конституции были в России куда более суровыми. Так, сентябрьский номер «Политического журнала» за 1791 г. открывался статьей от редакции, призывавшей не считать «постановление французского правительства» (Конституцию 3 сентября 1791 г.) принятой «всею французской нацией», а лишь частью французского народа: «сия мятежная шайка [Национальное собрание] хотела Людовика XVI свергнуть с престола...»¹⁸⁵. Здесь же были представлены размышления автора об уникальности французского «переворота» в сравнении с другими: «Здесь не Швейцарский национальный союз, посредством которого целый народ освободился от чужестранного тиранства. Здесь не оное Голландское соединение, которое свергло с себя <...> кровожадного Филлипа <...> Здесь не оное Американское возмущение, чрез которое целая нация избавилась от господства другой...»¹⁸⁶.

¹⁸² Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М.: Международные отношения, 2002. С. 250.

¹⁸³ Там же. С. 251.

¹⁸⁴ Подробнее об отношении Н.М. Карамзина к Речи Посполитой см. Казаков Р. «Где Польша?»: Н.М. Карамзин и польский вопрос в конце XVIII – первой четверти XIX века // *Tabularium Historiae*. 2019. Т. 6. С. 93–128.

¹⁸⁵ Исправление важного и вообще распространенного исторического заблуждения // *Политический журнал*: с показанием ученых и других вещей. 1791. Ч. 9 (сентябрь). С. 1–2.

¹⁸⁶ Там же. С. 13.

В российской периодической печати осенью 1791 г. политические события в революционной Франции и в Речи Посполитой осмысляются как связанные между собой. Этому способствовала и внешняя политика французского Национального собрания. Так, в сентябрьском номере «Политического журнала» за 1791 г. сообщалось, что в Польше после принятого «Уложения» «разлился дух неудовольствия и противоборства между крестьянами <...> в предпоследнем месяце взбунтовались, потребовали новых прав <...> Волнение начинало становится опасно»¹⁸⁷. Здесь же читателя информировали о том, что в польский Сейм от французского Национального собрания поступило «поздравительное письмо с последовавшей мая 3-го переменною», в котором, помимо прочего, содержалось следующее: «Польский народ столь благородно последовал Французскому примеру вольности»¹⁸⁸. Правда, в этой же новостной сводке сообщалось и о нежелании Сейма официально ознакомиться с «поздравительным письмом», обязав польских маршалов ответить на него в «холодных выражениях»¹⁸⁹. В «Санктпетербургских ведомостях» от 2 ноября 1791 г. проводилась прямая параллель между событиями во Франции и Польше, отмечая, что в Польше «на сей конец намерены здесь продавать Коронные Староства так, как во Франции продают имения духовенства. Но на сие оказывают негодование нынешних оных властелины и их доброжелатели» (курсив мой – В.И.)¹⁹⁰.

На дипломатическом уровне в обстановке начала 1792 г. обсуждалось открытие совместных военных действий будущей первой коалиции (Австрии и Пруссии) против революционной Франции; Россия разрабатывала военное разрешение польского вопроса. Символично совпадение дат начала военных действий: в апреле 1792 г. началась кампания первой коалиции, а в мае 1792 г. Русско-польская война¹⁹¹, закончившаяся уже в июле 1792 г. с переходом

¹⁸⁷ Польша // Политический журнал: с показанием ученых и других вещей. 1791. Ч. 9 (сентябрь). С. 113–114.

¹⁸⁸ Там же. С. 115.

¹⁸⁹ Там же. С. 115.

¹⁹⁰ Польша // Санктпетербургские ведомости. 1791 (ноябрь). № 92. С. 1812.

¹⁹¹ В польской историографии получила название «Война в защиту Конституции [3 мая 1791 г.]».

польского короля Станислава Понятовского на сторону России. Во Франции 10 августа 1792 г. была свергнута монархия и уже в сентябре – октябре 1792 г. была провозглашена Французская Республика.

Российской Коллегией иностранных дел в 1792 г., скорее всего, под руководством русского дипломата в Польше Я.И. Булгакова была выпущена политическая брошюра «Записки о нынешнем возмущении Польши» (1792) на французском и русском языках¹⁹², посвященная польской Конституции 3 мая 1791 г. и оправданию Русско-польской войны 1792 г. В сочинении польские события начала мая 1791 г. именовались «мятежом», поддержанной «чернью» и «вооруженной армией», а сам Сейм, по мнению сочинителя, «состоял почти из одних мятежников»¹⁹³. В свою очередь главную цель принятия в Польше Конституции, автор видел в желании поляков «возродить древнюю олигархию», прикрывшись «польской вольностью»¹⁹⁴. Не менее важно, что в сочинении акцентировалось внимание на «поздравительных письмах» от французского Национального конвента (в тексте брошюры – «Якобинских клубов»), «сделанные им [Сейму] о том, чтоб и они к ним [Якобинскому клубу] присоединились...»¹⁹⁵. Заканчивалась брошюра еще одним указанием на связь польских событий с французскими: «Счастливы они будут, если мятежники, опустошающие другую страну Европы [Францию], *которых они были ученики*, дадут им убежище в своей земле, и присоединя их теперь к своим беззакониям...» (курсив мой – В.И.)¹⁹⁶.

Похожие оценки были отражены в российских светских панегириках 1792 г. Так, капитан Шляхетского сухопутного кадетского корпуса, отец двух будущих декабристов, И.И. Завалишин, в оде по случаю годовщины коронации

¹⁹² В русскоязычном издании упоминался «перевод с французского», выполненный Н.М. Яценковым – переводчиком, близким к Коллегии иностранных дел. Оригинальный французский текст был подготовлен А.И. Альтести – государственным служащим Коллегии иностранных дел, бывшим на тот момент секретарем «последнего фаворита» Екатерины II П.А. Зубова, курировавшего польский вопрос. Русский перевод появился параллельно французскому тексту.

¹⁹³ Альтести А.И. Записки о нынешнем возмущении Польши / пер. с фр. Н.М. Яценков. СПб., 1792. С. 56–57.

¹⁹⁴ Там же. С. 68–69.

¹⁹⁵ Там же. С. 62.

¹⁹⁶ Там же. С. 77.

Екатерины II, отметил, что императрица «спасла» Польшу из рук Французской революции («яда нечестия»):

Ты в Польше мир восстановила,
Изъяв ее из хищных рук!

<...>

Там [в Польше] адский разливался яд!
Народны нарушает правы,
И Божьи и людски уставы,
Безгласны там уже лежат!¹⁹⁷

Не меньшее внимание Завалишин уделил в своем панегирике описанию последствий случившейся «перемены» в польском правлении:

...Попрана безопасность, власть:
Гражданства собственность погибла,
Там верность с честностью постигла
Злодейством движуща дух страсть!¹⁹⁸

Ода заканчивалась выводом автора о том, что спасение от «яда нечестия» (революции) находится в руках монархии – Екатерины II, которая, согласно панегирику: «Извне: ты [Екатерина II] царства покоряешь! / Внутри спокойство водворяешь!»¹⁹⁹. Противопоставление российской «стабильности» под сенью монархии Екатерины II революционному хаосу, в панегирическом регистре 1790-х гг. вскоре будет *locus communis* большинства авторов-панегиристов, особенно в последние годы царствования Екатерина II. Ода Завалишина примечательна и другим – панегирист действовал на шаг впереди официального манифеста о присоединении польских земель. Манифест Екатерины II, обстоятельно обосновывавший присоединение новых территорий к России от Речи Посполитой, был опубликован только 27 марта

¹⁹⁷ Завалишин И.И. Ода ея императорскому величеству Екатерине II на всерадоснейший день преславнаго ея коронования. СПб., 1792. С. 16.

¹⁹⁸ Там же. С. 17.

¹⁹⁹ Там же. С. 20.

1793 г. В манифесте подчеркивалась прямая связь произошедших в Польше «неустройств и насилия» с Французской революцией: «Ныне же некоторые недостойные поляки, враги отечества своего, не стыдятся возбуждать правление безбожных бунтовщиков в Королевстве Французском и просить их пособий, дабы обще с ними вовлечь Польшу в кровавые междуусобия <...> ненавистники общего покоя [в Польше], подражая безбожному, неистовому и развращенному скопищу бунтовщиков французских, стараются рассеять и распространить оное по всей Польше...»²⁰⁰.

Крупнейшим потрясением для европейской общественно-политической мысли были январские и октябрьские события 1793 г. (казни французского короля Людовика XVI и его супруги Марии-Антуанетты)²⁰¹, заставивших российскую интеллектуальную элиту по-новому осмыслить политическое значение монархии. Так, в двух крупнейших газетах этого периода в «Московских ведомостях» и «Санктпетербургских ведомостях» был опубликован лишь текст указа о казни без каких-либо комментариев и ее описания, но с упоминанием траура по Людовику XVI в европейских домах²⁰². Кроме того, обе газеты с июня 1793 г. перестали сообщать о французских событиях из-за введения цензуры²⁰³. Единственным периодическим изданием, продолжавшим регулярно публиковать краткие и редкие сведения о событиях во Франции с 1793 г. остался российский «Политический журнал». Там же подробно описывался суд и казнь над Людовиком XVI с различными откликами на казнь от европейских государств, изображавших «страшную и осуждающую картину несправедливого суда и казни»²⁰⁴. Откликом на эти события в российской общественно-политической мысли стало появление

²⁰⁰ Манифест о присоединении Польских областей к России // ПСЗРИ. Т. 23. № 17108. С. 410–411.

²⁰¹ Эффект от казни французской королевской четы усиливался прошлогодними (1792 г.) «странными» смертями европейских монархов-участников Первой антифранцузской коалиции. 1 марта 1792 г. скончался император Священной Римской Империи Леопольд II, а 16 марта 1792 г. был убит шведский король Густав III. В обоих случаях по Европе распространялись слухи о причастности якобинцев. См. Штранге М. М. Русское общество и французская революция 1789–1794 гг. М., 1956. С. 109.

²⁰² Там же. С. 140.

²⁰³ Там же. С. 157–158.

²⁰⁴ Там же. С. 140–141.

ряда оригинальных и переводных сочинений (в том числе французов-эмигрантов, прибывших в Россию) апокрифического и апологетико-биографического характера, посвященные жизни и кончине Людовика XVI²⁰⁵. Как правило, данные сочинения концентрировались на фигуре казненного французского короля и содержали нападки на французское «безначалие».

Казнь «несчастливого короля» Людовика XVI, вкупе с начавшейся во Франции с сентября 1793 г. эпохой якобинского террора, широко отразилась в российской панегирической традиции и нашло отражение в одах самых различных по социальному статусу лиц. Так, разночинец-панегирист И.А. Майков (публиковался под псевдонимом И. Розов), посвящая оду российской монархии, задавался риторическим вопросом о происходящих событиях во Франции, описывая их как «мятеж», установивший республику:

Что в Европейском государстве?

Мятеж народов разных лик:

Что Франция в республиканстве,

Блаженных вопль! Зломиров клик²⁰⁶.

А вот в другой оде сентября 1793 г., опубликованной по случаю «торжества» мира с Портой²⁰⁷, И.А. Майков уже возлагал на Екатерину II определенные надежды по вступлению России в союз с государствами-участниками первой антифранцузской коалиции и, возможно, еще большие надежды, в которых российская монархия должна возглавить подавление парижских «буйств»: «Прусс, Австрия, Англ согласиться / Клевретов,

²⁰⁵ Подробнее о цикле данных сочинений см.: Штранге М.М. Русское общество и французская революция 1789–1794 гг. М., 1956. С. 143–145.

²⁰⁶ Майков И.А. Ода на прибытие графа д'Артуа французского. СПб., 1793. С. 5.

²⁰⁷ Манифест «о прекращении войны между Россией и Портою Оттоманскою» был опубликован еще 12 июля 1793 г., а Ясский мир подписан 29 декабря 1792 г. Почему же именно в сентябре 1793 г. появилась целая плеяда панегириков по случаю торжества мира с Османской империей? 2 сентября 1793 г. был издан высочайший манифест «О разных дарованных народу милостях», напрямую указывающий на связь между Русско-турецкой войной 1787–1791 гг. и «переменою» в Речи Посполитой: «Когда же при напряжении сил Государства Нашего к достижению мира сего, завистники славы и могущества России произвели насильственно в соседственном Государстве *вредные перемены*, расторгнувшие древние и торжественные с Нами обязательства Польши, в том намерении, дабу возбудить противу Нас *сей единоплеменной Российскому народ...*» (курсив мой – В.И.) (Манифест о разных дарованных народу милостях // ПСЗРИ. 1830. Т. 23. № 17149. С. 457).

истребить совет»²⁰⁸. Здесь же именно за Екатериной II закреплялась функция по восстановлению «закономной власти» во Франции:

Корону Царскую явить
Помазаннику благоденство,
Наследнику [Людовика XVI] вручить священство,
Несчастный плод преобразить²⁰⁹.

Одной из основных риторических стратегий в панегириках выступало противопоставление российской «стабильности» («тишины») под властью Екатерины II французскому революционному хаосу, который часто изображался за счет включения библейских эсхатологических нарративов. Можно предполагать, что их активное использование в одах этого периода в описаниях событий французской революции («перемены») вызвано и действиями самих французов, провозгласивших от имени якобинцев «культ Разума», что вместе с якобинским террором и казнью королевской четы, подталкивало российских образованных подданных к проведению аналогий с «царством антихриста».

Один из немногих отечественных панегириков, посвященных гибели Людовика XVI, вышел под авторством чиновника Правительствующего Сената П.П. Икосова. Его сочинение открывалось описанием во Франции ада, наступившего из-за казни законного монарха. Причины революции он видел в распространении среди французского народа «вольности» философами-просветителями:

Се Франция уже пылает
Возжением сих адских рук!
<...>
Народ, обманутый мечтою,

²⁰⁸ Майков И.А. Ода, ея императорскому величеству великой Екатерине: на торжество мира с Оттоманскою Портою. СПб., 1793. С. 8.

²⁰⁹ Там же. С. 9.

Зря льстиву вольность пред собою,

<...>

Там буйная ученья сила

Влечет невежей за собой²¹⁰

Икосов использовал библейскую образность для описания Людовика XVI, который сначала предстал в панегирике «агнцем среди волков», а затем «мучеником»²¹¹. Якобинцев же Икосов уподобил «многоглавым тиранам» и «адским Церберам», а Робеспьера назвал «Фурией всех боле злобной»²¹². Икосов использовал трактовал французские события как «мятеж», из-за которого началась гибель множества людей и голод: «В полях все нивы сиротеют / И ржа съедает острый плуг / И тучны классы не желтеют / Зеленый стоптан злобой луг...»²¹³. Наконец, он отметил связь Французской революции с недавними событиями в Речи Посполитой, указав на экспорт революционных идей за пределы Франции:

Разврат к другим внести хотите,

И чтоб толикий стыд закрыть,

Ту ж язву всюду сеять тщитесь,

Противу совести полчитесь,

Стремясь и прочим ров изрыть²¹⁴.

Икосов, несмотря на «прельщение» поляков «вольности», упоминал о существовании для них «спасительного царства» – России, которая под властью монархии Екатерины II может дать отпор всем («Западу, Полдню и Востоку»), кто прельстится «сей [вольности] мечтой»²¹⁵.

²¹⁰ Икосов П.П. Дифирамб, изображение ужасных деяний французской необузданности, или Плачевная кончина царственного мученика Людовика XVI. СПб., 1793. С. 4.

²¹¹ Там же. С. 7–8.

²¹² Там же. С. 6–7.

²¹³ Там же. С. 10–11.

²¹⁴ Там же. С. 13.

²¹⁵ Там же. С. 12.

Аналогичную логику библейского описания Французской революции демонстрирует панегирик по случаю торжества мира с Портой поэта и переводчика, сотрудника канцелярии графа П.А. Зубова А.Л. Севастьянова:

Не ад ли вижу пред собою?

Там реки огненны текут,

Там свет сражается со тьмою

И бури страшные ревут

<...>

Священный там светильник веры

Исчез – во всех сердцах погас;

Там просвещенны изуверы

Ея не внемля кроткий глас,

На буйства страшные стремятся.

Разрушив трон, в крови багрятся,

Прямых отечества сынов [французских дворян]²¹⁶.

Как и Икосов, Севастьянов противопоставлял описаниям природного катаклизма в «царстве антихриста» (Франции) стабильность Российской империи, где под властью мудрой Екатерины II государство «как некий вертоград процвел!»²¹⁷

Такой же литературный троп использовал известный екатерининский панегирист, статс-секретарь В.П. Петров в оде «На присоединение польских областей к России» (1793). Петров воздавал полякам «первородства честь» за то, что они «выбрали» монархию Екатерины II, вместо собственного республиканства, после чего, согласно автору, должны были «расцвести»²¹⁸. Он также косвенно упоминал о влиянии Французской революции на поляков,

²¹⁶ Севастьянов А.Л. Ода ея императорскому величеству всемилостивейшей государыне Екатерине II, матери отечества, на торжество мира заключенного с Портою. СПб., 1793. С. 6–7.

²¹⁷ Там же. С. 7–8.

²¹⁸ Петров В.П. Ода ея императорскому величеству Екатерине Второй, самодержице всероссийской, на присоединение польских областей к России. СПб., 1793. С. 8.

критикуя Польскую Республику, в которой из-за немонархической формы правления происходили: «буйные споры», «раздоры» и «вольность»:

Забудьте рвение буйных споров,
Уставов [конституций] ваших мутну спесь,
Растраву вечных в вас раздоров
И вольности нелепу спесь²¹⁹;

Крупнейший российский поэт второй половины XVIII в. М.М. Херасков, также посвятивший оду Екатерине II, но уже по случаю двух торжеств: присоединения новых территорий к России от Речи Посполитой²²⁰ и по случаю обручения Александра Павловича с Елизаветой Алексеевной. Как и Петров, Херасков не обращался напрямую к французским революционным событиям, а вот недавние польские события он называл «беспокойствами», закончившимися «восхищением» поляков «блаженством» россиян под властью монархии Екатерины II, подчеркивая, что в подданство российской монархии: «Приводит вас [поляков] любовь, не брань»²²¹. Херасков сослался и на историю, отметив, что к России присоединились области, некогда утраченные «по древним смутным временам»²²².

Следует согласиться с мнениями А.Л. Зорина и А.Б. Каменского, что указания авторов-панегиристов на «мирное» присоединение к Российской империи польских территорий и вместе с тем столь неактивная реакция авторов-панегиристов на эти события, скорее всего, были следствием желаний самой Екатерины II не представлять их как «широкомасштабное торжество» по причине того, что к России отошли «исконно русские земли», утраченные в

²¹⁹ Петров В.П. Ода ея императорскому величеству Екатерине Второй, самодержице всероссийской, на присоединение польских областей к России. СПб., 1793. С. 9.

²²⁰ Трактат (Второй раздел Речи Посполитой) между Россией и Речью Посполитой был подписан в Гродно в июле 1793 г.

²²¹ Херасков М.М. Ода ея императорскому величеству, самодержице всероссийской Екатерине Второй, поднесённая по случаю присоединения от Речи Посполитой-Польской к Российской империи областей, и на всерадостное обручение его императорского высочества великого князя Александра Павловича с великою княжною Елисаветою Алексеевною. М., 1793. С. 4, 7.

²²² Там же. С. 10.

прошлом²²³. Отчасти подобный подход был апробирован императрицей впервые в 1772 г. при первом разделе Речи Посполитой²²⁴.

Подводя промежуточные итоги, следует отметить, что в российской политической культуре начала 1790-х гг., при активном участии самой императрицы и российского правительства была сформирована неразрывная связь между политическими событиями в Речи Посполитой от мая 1791 г. и Французской революцией 1789 г. К 1793 г. они уже образовали единое концептуальное пространство, в котором подчас трудно определить, где автор панегирика негативно описывает французские события, а где – польские. Интересна эта ситуация и тем, что, усиливая цензуру в отношении тематики Французской революции, Екатерина II и российское правительство одновременно актуализировали среди российских образованных подданных обсуждение этой тематики на материале польского вопроса. Инкорпорация польских земель в состав России, с подчеркиванием роли «возвращения» («собирания»²²⁵) некогда утраченных «исконно русских земель», формировало в глазах российских подданных ассоциации с новыми «домашними землями». Таким образом, произошедшие в будущем социально-политические катаклизмы на данных территориях, могли восприниматься российскими современниками как политическая нестабильность внутри самой Российской империи или же в ее ближайших границах. Французская революция, столь далекая от границ России, через польские события как бы приблизилась к России вплотную.

²²³ Зорин А.Л. Кормя двухглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой четверти XIX вв. М., 2001. С. 150; Каменский А.Б. «Отторженная возвратих»: Разделы Польши и концепция собирания русских земель // Труды по Россиеведению. 2016. № 6. С. 247–251.

²²⁴ Современная исследовательница Е.М. Болтунова справедливо указывает на отсутствие в 1772 г. широких торжеств по случаю присоединения к России польских территорий по итогам первого раздела Речи Посполитой, отмечая связь с тем, что новые территории были инкорпорированы в состав Российской империи «в результате политической манипуляции (а не победоносной войны)» (Болтунова Е.М. Последний польский король. Коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М., 2022. С. 16).

²²⁵ Каменский А.Б. «Отторженная возвратих»: Разделы Польши и концепция собирания русских земель // Труды по Россиеведению. 2016. № 6. С. 247–251.

Рассмотренные выше факторы, скорее всего, объясняют последний (в хронологическом смысле) и вместе с тем крупнейший всплеск активности панегиристов в прославлении Екатерины II и обращении к рефлексии о Французской революции 1789 г., спровоцированный Польским восстанием 24 марта 1794 г. (Восстанием Костюшко 1794 г.²²⁶). Это восстание расценивалось российскими современниками как результат распространения «якобинских идей» в Польше. Такой трактовке способствовали сами «варшавские якобинцы», начавшие открытый террор против участников пророссийской Тарговицкой конфедерации и русского гарнизона в Варшаве. Полонезский универсал (манифест), провозглашенный Костюшко в начале мая 1794 г., был нацелен на включение в восстание польских крестьян через гарантию им личных свобод и уравнивание остальных подданных в правах с польско-литовской шляхтой²²⁷. В свою очередь, революционная Франция также рассматривала разгром Польского восстания 1794 г. русской армией как акт контрреволюционного подавления «польской революции» и свободы, а сама французская периодическая печать в 1793–1794 гг. культивировала образ «варварской» и «деспотичной» России²²⁸.

Наиболее яркое и прямолинейное изображение связи между поляками и французами-якобинцами обнаруживается в оде Я. Шишкина, написанного по случаю взятия Варшавы. Он называл произошедшие события в Речи Посполитой «мятежом», а Французскую революцию – «буйством»:

²²⁶ Политическая фигура главного идеолога и генералиссимуса Польского восстания 1794 г. Т. Костюшко более чем примечательна. Один из активных героев Американской войны («революции») за независимость 1775–1783 гг. В январе 1793 г. он посетил революционный Париж, где заручился поддержкой якобинцев и Робеспьера, обещав отменить крепостное право в Речи Посполитой и распространить права и свободы польско-литовской шляхты на все население и объявить войну государствам-участникам второго раздела Речи Посполитой (Пруссии, Австрии и России). Подробнее см.: Kattan V. To Consent or Revolt? European Public Law, the Three Partitions of Poland (1772, 1793, and 1795) and the Birth of National Self-Determination // *Journal of the History of International Law*. 2015. Т. 17. № 2. Р. 272–274.

²²⁷ Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 353–356.

²²⁸ Подробнее см.: Митрофанов А.А. Образ России в революционной публицистике и периодической печати Франции периода якобинской диктатуры // *Россия и Франция: XVIII-XX века*. Вып. 9. М., 2009. С. 69–99; Циллорик Д. Д. Образ России во Франции: формирование матрицы восприятия в XVIII – начале XIX вв. [Электронный ресурс] // *Медиаскоп. История массовых коммуникаций*. 2012. № 1. Режим доступа: <http://mediascope.ru/en/node/1026>

Поляки ложью возбужденны,
 в желаниях не знают мер,
 Парижским клубом убеждены,

<...>

Умы поляков заразились,
 Такой химерой и мечтой;

<...>

В Париж Варшава превратилась,
 И Польский сейм стал клубом там;
 Мечтой Французской развратилась,
 Подавши вид иной местам²²⁹.

Причины Французской революции, Шишкин усматривал в том, что французы-революционеры отвернулись от христианской веры, за что их постигла «божественная кара», сближавшаяся в шишкинском описании с природным катаклизмом, настигшим революционную Францию: «Природа видом изменилась, и небо стало полно туч / огнём там горы воскурились, восколебались моря», сам же Париж был «изображением ада»²³⁰. Но, это же Божественное Провидение сначала помогает российской армии в подавлении польского «мятежа», а затем – «отворяет врата к славе» полякам, который восхитившись монархией Екатерины II, остались отныне в ее царстве²³¹.

Одним из примеров также может выступать ода студента Московского университета И.Е. Срезневского «Ода пчелиной матке от верной подданной ее молодой пчелы» (1794). Здесь шла речь о существовавшей некогда единой «семьи пчел» (едином славянском племени), жившем в «одном улье», но затем, одни пчелы (поляки) «самовольно» покинули единое «улье», чтобы получить «желанну вольность». Срезневский задействовал метафору «зимы» –

²²⁹ Шишкин Я. Ода на торжество бывшее 20 ноября 1794 года по усмирении польских мятежников / Я. Шишкин. СПб., 1794. С. 2, 4.

²³⁰ Там же. С. 6, 12.

²³¹ Там же. С. 13.

распространенный панегирический троп, описывающий неправильную (испорченную) формы правления (социально-политический катаклизм)²³². Как только наступила «зима», поляки попросились обратно в «улье» Российской империи:

Сии упрямы узнали,
Свои погрешности тогда,
И к нам же в улье прибежали
Просить жилище навсегда²³³.

Кроме «единого улья» существует и «улье, что к западу стоит» (Франция), которое населяют «вздорные осы» (французы-революционеры) и «трутни» (философы-просветители). Когда-то и они все были «пчелами» («О славе их молва трубила»), но «трутни» подговорили «пчел» взбунтоваться и «матку [монарха] зарубили» из-за чего они оказались в хаосе анархии²³⁴:

Друг друга рвут, тиранят, жалят,
Число своих союзниц малят.
Иныя прочь оттоль летят,
И к нам в подданство все хотят.
И – что со временем там будет?
Падет несчастный улей сей;
Весь пчельник наш его забудет,
Поверьте вести вы моей²³⁵.

А вот «пчелы» в «едином улье» по другую сторону – наслаждаются царствование «мудрой матки» (Екатерины II), под властью которой «Нет трутней при тебе ленивых / Нет шершней и шмелей сонливых»²³⁶:

²³² Зачастую данный троп использовался панегиристами для описания свергнуто в результате дворцового переворота «тирана», в частности ее использовал Г.Р. Державин в панегирике Александру I, уподобив начало его царствования «весне», а павловское царство «тирании» – «Норду» («зиме»). Подробнее см.: Бугров К.Д., Ившин В.С. Трансформация политической культуры российского монархизма в панегириках рубежа XIX в. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2021. № 1. С. 86–87.

²³³ Срезневский И. Е. Ода пчелиной матке от верной подданной ее молодой пчелы. М., 1794. С. 12.

²³⁴ Там же. С. 13.

²³⁵ Там же. С. 16.

²³⁶ Там же. С. 20.

Щастливы мы, стократ щастливы,
 Коль разум столько прозорливый
 Прямой нам отворяет путь,
 Чтоб им блаженства досягнуть.
 О естли б небеса судили
 Тебе жить множество веков,
 Иль вечну жизнь определили,
 Сей вечно б улей был таков!²³⁷

Еще одним из ярких примеров политической литературы такого рода предстает «Ода на покорение Польши» (1794) под авторством А.С. Шишкова. Революция здесь предстает как «божественное» наказание французов за отступление от христианской веры, а сама революционная Франция как «царство антихриста», губительное для других государств и народов²³⁸. У Шишкова наибольший акцент в оде был сделан на ликвидации монархии во Франции, ставшей причиной распространения революционного хаоса и атеистических идей в других государствах:

Там безначалие, сей лютый,
 Стоглавый, ядовитый змей...²³⁹

Именно «безначалие», согласно Шишкову, породило другие пороки французского общества и множество негативных последствий: «бедную добродетель», «хищническую праздность», «безжалостность», «злочестие», до такой степени, что в некогда «царстве сильном и богатом все сокрушается, пустошит <...> кровь льет рекой»²⁴⁰. Исходившую опасность он видел в распространении «суемудрия» и «пагубности» от французских философ-

²³⁷ Срезневский И. Е. Ода пчелиной матке от верной подданной ее молодой пчелы. М., 1794. С. 23.

²³⁸ Шишков А. С. Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 146.

²³⁹ Там же. С. 146.

²⁴⁰ Там же. С. 146. С. 150.

просветителей (французов-революционеров) к другим государствам, которые под их влиянием могут прельститься идеям «вольности» и «безначалия». Конечно, наиболее значимым примером для Шишкова выступала Польша, «ослепленная» французскими философами-просветителями:

Единый токмо ослепленный
Впадает в сеть сию народ [поляки];

<...>

И словом вольности пустым
В безумии своем гордится,
Как неким благом вседрагим²⁴¹.

Современная исследовательница Т.В. Полежаева, анализируя данную оду, усматривает в артикуляции «царства антихриста» исключительно присущие Шишкову эсхатологические взгляды («метафоры катастрофы») в его обращении к Французской революции 1789 г.²⁴² К похожим выводам приходит исследователь А.Е. Гребенщиков, характеризуя значение данной «Оды...» в общественно-политических взглядах Шишкова, следующим: «Шишков обозначил в своем творчестве [«Оде на покорение Польши»] консервативное отрицание всемогущества человеческого разума, возведенного в культ новой философией. Разуму он противопоставлял ценности традиционного порядка, в основе которых была вера в Бога»²⁴³. Однако, как демонстрируют примеры выше, в панегирическом регистре уподобление революции «адскому» и «эсхатологическому» было *общим местом*.

«Царству антихриста» Шишков, так же, как и многие другие авторы-панегиристы, писавшие о Французской революции, противопоставляет «спасительное царство» – Российскую империю под властью Екатерины II «блаженной из всех стран <...> под орлим скипетром и крылом <...>

²⁴¹ Шишков А. С. Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 152.

²⁴² Полежаева Т.В. Религиозные основания консервативной концепции А. С. Шишкова. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Томск, 2016. С. 51–54. С. 88–93.

²⁴³ Гребенщиков А.Е. Адмирал Александр Семенович Шишков: общественно-политические взгляды и государственная деятельность. дисс. ... канд. ист. наук.: 07.00.02. Воронеж, 2019. С. 79–80.

счастливейшая из всех племен, не знает пагубных перемен», в которой над «стадами тельцов и агнцев» правит мудрая добродетельная императрица – Екатерина II – «пастор» в царстве «тишины и благодати»²⁴⁴. Россия предстаем царством, в котором под властью монархии «во градах светит красота», в судах «совесть предстает зеркалу», «художеств и наук собор увеселяют ум и взор», а границы державы защищают могущественные армия и флот²⁴⁵.

Та же библейская образность в описании Французской революции и ее противопоставление «спасительному царству» – России, присутствовали в оде вице-президента медицинской коллегии А.С. Волкова «Дух гражданина или верного подданного...» (1794). Здесь повествование открывалось описанием природных катаклизмов, происходящих во Франции времен революции: «...огонь всеядец в разъярении <...> небесна твердь кроваво блещет <...> и реки пламенны текут! Не горы ль там падут со треском?», сам же «революцию» он называл «бунтов», приравнивая ее к «сильным огненным вихрем»²⁴⁶. Более половины содержания оды посвящено описанию разнообразных негативных последствий революция для Франции, нашлось и место для указания на распространение революционных идей в другие государства:

Колеблет Царства всю окрестность,
И многие примеры были,
Что буйством лютым заразили,
Предел соседственных держав²⁴⁷;

Далее Волков задавался риторическим вопросом: «Иль сам Антихрист воцарился? <...> Не свету ли конец приходит?». Царству Антихриста противостоит «спасительное царство» – России, находящееся под властью

²⁴⁴ Шишков А.С. Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 143–144.

²⁴⁵ Там же. С. 146.

²⁴⁶ Волков А.С. Дух гражданина и верного подданного, в стихотворстве никогда не упражнявшегося, на старости злодеяниями французских бунтовщиков воссмятенной. М., 1794. С. 3, 10.

²⁴⁷ Там же. С. 9. Скорее всего, речь здесь идет о провозглашении республик в Савойе, Бельгии и левом берегу Рейна. Подробнее см.: Штранге М. М. Русское общество и французская революция 1789–1794 гг. М., 1956. С. 139

Екатерины II и благодаря этому «спасенное»²⁴⁸. Территориальные российские приращения, совершенные в Речи Посполитой, Волков воспел в экспансионистском ключе:

Сто б крат счастливее вы были,
Когда б вас [французов] наши окружили
Державы Росские пределы,
Вы б, царство ваше были целы...²⁴⁹

Как справедливо отмечает И. Клейн, исследуя жанр военной лирики XVIII в. в России, этот подход был достаточно распространен с середины XVIII в., сформировав в сознании российских образованных подданных двойственное отношение к войне: с одной стороны она являлась «испытанием» для подданных, а с другой – «позволительным средством для осуществления внешнеполитических претензий»²⁵⁰.

Обращался к связи между Польским восстанием 1794 г. и Французской революцией 1789 г. Державин в оде «На взятие Варшавы» (1794; с текстом оды произошел известный казус²⁵¹, из-за которого она была издана только в 1815 г., в отличие, к примеру, от его прежней успешной оды «На взятие Измаила» 1790–1791 гг. за которую он удостоился от императрицы бриллиантовой табакерки)²⁵². Державин отметил еще одну важную деталь, затрагивающую

²⁴⁸ Волков А.С. Дух гражданина и верного подданного, в стихотворстве никогда не упражнявшегося, на старости злодеяниями французских бунтовщиков воссмятенной. М., 1794. С. 22–23.

²⁴⁹ Там же. С. 19.

²⁵⁰ Клейн И. Торжествующая Россия: военная лирика XVIII века // Slověne= Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2018. Т. 7. №. 1. С. 187.

²⁵¹ Обстоятельства казуса, произошедшего с данной одой, приводил Я.К. Грот – автор фундаментального издания сочинений Державина. Данная ода получила разрешение цензуры и уже была издана широким тиражом в 3 тыс. экземпляров. Однако, когда ода была читана в 1794 г. Екатерине II, секретарь императрицы В.С. Попов сделал ошибку в ударении, прочитав «Бессмертная Екатерина! Куда? И что еще? – Уж полно (вместо «уже полна»)». Императрицы показалось, что Державин советовал ей воздержаться от дальнейшей территориальной экспансии, а главное – дальнейших побед. Екатерину II разгневали и строфы, адресованные главнокомандующему российскими войсками А.В. Суворову, которые она восприняла на свой счет, в строфах «Трон под тобой, корона у ног» императрице показалось проявлением «якобинизма» тогдашних французских крамольников. Фактически же ода Державина была ответом на недавно изданное им же стихотворение И.И. Дмитриева, имевшее заглавие «Куда еще лететь орлам?», имя ввиду победоносное русское воинство. Державин цитировал этот фрагмент: «Куда? И что еще?...». Подробнее см.: Державин Г. Р. На взятие Варшавы // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1. С. 638–639, 642, 645.

²⁵² Клейн И. Торжествующая Россия: военная лирика XVIII века // Slověne= Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2018. Т. 7. №. 1. С. 194.

намеренную завуалированность текстов панегириков: «политик или царедворец по служению моем при дворе, я *принужден был закрывать истину иносказанием и намеками*» (курсив мой – В.И.)²⁵³. Содержание его оды действительно весьма туманно – к примеру, говоря о связи между польскими и французскими событиями, Державин писал: «Склонилась [Польша] на совет змеиный / Отвергла щит Екатерины»²⁵⁴. Другой пассаж требовал от читателя искусства трактовать символы: «Сидит орел на гидре злобной: / подите, отнимите львы / Стремися с Фурией сонм грозной!»²⁵⁵. «Орел» в данном случае – Россия, «гидра» – Варшава; «львы» – по-видимому, шведы, под «Фурией» подразумевался Робеспьер, а «сонм грозный» – Парижский Ковент, им возглавляемый. Символично окончание державинской оды, выразившей характерный взгляд авторов-панегиристов на территориальную экспансию империи:

...Торжествуй, прехрабрый Росс!
Ты еще теперь корону
В дар монархине принес²⁵⁶.

Вынужденная иносказательность и завуалированность, о которых вспоминал Державин при издании оды в 1815 г., наглядно иллюстрирует коммуникативный контекст российской рефлексии о Французской революции в последние годы жизни Екатерины II. Это объясняет широкое обращение авторов к панегирическому жанру, где иносказательность являлись жанровой спецификой.

Конечно, проанализированные российские панегирики, посвященные рефлексии о Польском восстании 1794 г. и Французской революции 1789 г. не исчерпывают всего комплекса сочинений, появившихся в России середины

²⁵³ Державин Г.Р. На взятие Варшавы // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1. С. 652.

²⁵⁴ Там же. С. 645.

²⁵⁵ Там же. С. 645.

²⁵⁶ Там же. С. 648.

1790-х гг. Наибольшее представление эта тематика нашла отражение в одах и стихах И.И. Дмитриева, хорошо осведомленного от Карамзина о событиях и первых шагах французской революции. Дмитриев, между тем, не упоминал о связи французских и польских событий 1794 г. в своем цикле сочинений, посвященных польской тематике²⁵⁷. Отсутствует она и в произведениях Н.А. Львова «Солдатская песнь на взятие Варшавы» (1794), эпистола Е.И. Кострова «На взятие Варшавы» (1794), «Пеан, или песнь на победы...» Г.Р. Рубана и др.²⁵⁸

Образовавшееся в российской политической культуре «затишье» вокруг польского вопроса, не отодвигало на задний план рефлексию о Французской революции 1789 г. со вступлением на престол Павла I, проводившего выраженный охранительный курс во внутренней политике²⁵⁹. Тем не менее, во Франции с Термидорианским переворотом 27 июля 1794 г. и последующим установлением власти Директории с осени 1795 г. произошло затишье революционного хаоса и все чаще проявляла себя «ностальгия по французской монархии»²⁶⁰. Рефлексия о революции прослеживается только в единичных панегириках, посвященных Павлу I в 1796–1797 гг. Как и прежде в них подчеркивается роль российского монарха в защите государства от внешней революционной угрозы, по аналогии с последними годам царствования Екатерины II (*екатерининской образностью*)²⁶¹. И.И. Дмитриев в оде,

²⁵⁷ Дмитриев был автором пяти произведений, посвященных событиям Польского восстания 1794 г.: «Глас патриота на взятие Варшавы» (1794 г.), «Стихи на победу графа Суворова-Рымникского, одержанную над польскими войсками, когда он в три дня перешел семьсот верст» (1794 г.), «Стихи графу Суворову-Рымникскому, на случай покорения Варшавы» (1794 г.), «Стихи на присоединение польских провинций, Курляндии и Семигалии к Российской империи» (1795 г.) и «Освобождение Москвы» (1795 г.). Подробнее о его цикле сочинений о русско-польских конфликтах см.: Петров А.В. Становление художественного историзма в русской литературе XVIII в. дисс. ... док. филолог. наук: 10.01.01. Москва, 2006. С. 390–402.

²⁵⁸ Хореев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005. С. 35–38.

²⁵⁹ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. М., 2001. С. 501–505. В данном случае интересно упомянуть одну из практических попыток Павла I разрешить проблему влияния Французской революции (Франции в целом) на российскую политическую культуру конца XVIII в. Речь идет о павловском «Распоряжение императора Павла об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими» (1797) (см. Распоряжение императора Павла об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими // Русская старина. 1872. Т. 6. № 7. С. 531).

²⁶⁰ Подробнее о французских настроениях в 1795–1799 гг. и донесениях российский послов см.: Бовыкин Д.Ю. Год 1795: несостоявшаяся реставрация // Французский ежегодник. 2003. Т. 2003. С. 34–74.

²⁶¹ Бугров К. Д., Ившин В. С. Трансформация политической культуры российского монархизма в панегириках рубежа XIX в. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2021. № 1. С. 84–85.

посвященной восшествию на престол Павла I, уподоблял революцию «гидре» и призывал монарха наказать французов, продолжив прежний курс екатерининской внешней политики: «Но Гидре – страшнейших, чем Лернейски / Ужаснейших, чем львы Немейски / Идет [Павел] – пороки оные карать»²⁶². Петербургский чиновник Е. Люценко в оде, посвященной коронации Павла I в Москве, подчеркивал «бесстрашие» российских подданных перед революцией, задействуя уже знакомую современникам иносказательную (зооморфную) риторику: «И тигра [француза] агнец [российский подданный] не страшится / Ты [Павел] всем защита и покров»²⁶³.

И впрямь, со вступлением России во вторую антифранцузскую коалицию, в особенности в период Итальянского и Швейцарского походов А.В. Суворова 1798–1799 гг., рефлексия о Французской революции вновь актуализировалась в одическом регистре. Так, П.В. Мещерский, обращаясь в оде к Павлу I упоминал расхожий к этому времени троп, уподобляя революцию «адской гидре», распускающей свой «яд» по европейским государствам, творчески переосмыслив французские высшие органы государственной власти:

Се гидра адская зияет,
 Пять сот [Совет пятисот²⁶⁴] имуща гнусных глав:
 Но скоро, скоро возстенает,
 Ко ПАВЛОВЫМ стопам упав²⁶⁵.

Широкий отклик на суворовские европейские победы обнаруживается в творчестве Державина²⁶⁶. Наиболее символичное прочтение представлено в

²⁶² Дмитриев И. И. Стихи е. и. в. Павлу Первому при восшествии на всероссийский престол. М., 1796. С. 5.

²⁶³ Люценко Е. П. Ода на всерадостное прибытие е. и. в. Павла Первого в Москву 1797 года. М., 1797. С. 5

²⁶⁴ При французской Директории было образовано две палаты французского законодательного парламента: нижняя палата – Совет Пятисот, верхняя палата – Совет старейшин.

²⁶⁵ Мещерский П.В. Ода его императорскому величеству, всемилостивейшему государю, Павлу Первому, императору и самодержцу всероссийскому, на победы во всевожденнейший день рождения его императорского величества. СПб., 1799. С. 6.

²⁶⁶ Подробнее об отражении побед Суворова в Державинском творчестве см.: Ларкович, Д. В. Державин и Суворов: творческое взаимодействие автора и героя // Русская литература. 2010. № 3. С. 62–72.

его панегирике, посвященном переходу войск Суворова через Альпы (1799). Если «россы», согласно Державину, воюют за «общее благо» и защиту «царств» (монархий), то французы одержимы лишь «равенства мечтой», «вольностью» и «корыстью». Это противостояние апеллировало к «общему благу», возможному только при монархической форме правления. Державин также подчеркивал особую роль монархии как формы правления для всех государств, уподобляя российского монарха «ставленнику бога»²⁶⁷:

У всех есть вождь, иль господин:

<...>

Монарша цепь есть цепь сердец.

Царь – мнений связь, всех действий причина,

И кротка власть отца едина –

Живого Бога образец²⁶⁸.

И все же ключевые причины угасания рефлексии о Французской революции в российской общественно-политической мысли в последние годы правления Павла I лежали в области его внешней политики и внешнеполитическом контексте данного периода. Ключевую роль в попытке переориентации внешней политики попытался сыграть Ф.В. Ростопчин, оказавшийся при Павле I в «фаворе» малочисленных доверенных лиц императора²⁶⁹. Он, в последние месяцы царствования Павла I, подал ему записку, посвященную обзору европейских внешнеполитических настроений, отметив в ней недавний опыт участия России во второй антифранцузской коалиции. Ростопчин не был сторонником различных союзов, считая, что «...наружно поставляют ныне залогом покоя дружбу и покровительство...», но

²⁶⁷ Державин Г.Р. На переход Альпийский гор // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1865. Т. 2. Стихотворения. Ч. 2. С. 295.

²⁶⁸ Там же. С. 295.

²⁶⁹ Ростопчин был произведен в действительные тайные советники, а с октября 1798 г. был назначен третьим присутствующим в Коллегию иностранных дел. С сентября 1799 г. Ростопчин был назначен в должность первоприсутствующего при Коллегии иностранных дел. Подробнее о возвышении и приближенности Ф.В. Ростопчина к Павлу I (см. Мещерякова А.О. Ф.В. Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 47–50.)

«все почти скрытно питают зависть и злобу [к Российской империи]»²⁷⁰. Российская империя в его понимании должна была предстать «первейшей державой», в задачи которой входили бы «надзор над всеми движениями и связями государей сильных в Европе», а также ориентация, прежде всего, на собственно российские выгоды от торговли с другими державами. Его пристальное внимание к торговле и акцентированию в записке именно на ее роли в международных отношениях, очевидно, было вызвано его известным среди современников англофильством, в котором англичане рассматривались им как «образчик» для внешней политики²⁷¹. Это же подтверждается данной им характеристикой английской политики времен второй антифранцузской коалиции, в которой англичане придерживались эгоистично-формальных действий, отталкиваясь от собственных торговых интересов, в пользу которых столкнули «все державы против Франции» для достижения «единой всех выгод мировой торговли», «дерзнув завладеть Египтом и Мальтой»²⁷². По мнению Ростопчина, Франция в течении десяти лет (до 1799 г.) «без закона и без правления, чрез непонятные происшествия, произведенные варварством, сумасшествием и геройством, приведя не только себя, но и две трети Европы в совершенный хаос, восстав против монархического правления своих государей...»²⁷³. Обращаясь к характеристике действующей французской власти, он отметил шаткое положение установившегося «самовластия иноземца [Наполеона] Бонапарта», который страждет более мира с Россией и еще больше войны с англичанами²⁷⁴. На этих основаниях Ростопчин выдвигал идею франко-русского союза.

Последнее отсылает к тому, что с установление во Франции консулата Наполеона, в российской политической культуре произошло постепенное

²⁷⁰ Записка графа Ф.В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы Павловского царствования // Русский архив. 1878. № 1. С. 106.

²⁷¹ Мещерякова А.О. Ф.В. Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 59, 61.

²⁷² Записка графа Ф. В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы Павловского царствования // Русский архив. 1878. № 1. С. 106, 107–108.

²⁷³ Там же. С. 104.

²⁷⁴ Там же. С. 104.

угасание рефлексии о революции при Павле I. Нужно подчеркнуть, что образ Наполеона как «укротителя» революции начал складываться во французской периодической печати еще с 1797 г. Термидорианский переворот 9 ноября 1799 г., установивший консулат Наполеона, также активно следовал этой линии в формировании образа консула-миротворца²⁷⁵. Об успешности данной кампании, можно судить по восприятию Наполеона юным С.Н. Глинкой, оставившим в своих записках следующий очерк: «С отплытием Наполеона к берегам Египта, мы следили за подвигами нового Кесаря [Цезаря]; мы думали его славой; его славой расцвела для нас новая жизнь. Верх желаний наших было тогда, чтобы в числе простых рядовых находится под знаменами [Наполеона]. Но не одни мы так думали и не одни к этому стремились»²⁷⁶. Не меньшее значение имели и практические попытки Наполеона по всяческому сближению с Россией, с целью организации франко-русского союза против англичан. Таким образом, с конца XVIII в российской политической культуре начал складываться культ Наполеона²⁷⁷. Можно предположить, что именно по этим причинам была нарушена каноничная рефлексия о революции через связь французских и польских событий 1791–1794 гг. В частности, Карамзин в «Историческом похвальном слове Екатерине Великой» (1802), написанном в период «расцвета» культа Наполеона в российской политической культуре, обращаясь к польским событиям середины 1790-х гг., не упоминал о их связи с французскими, отмечая, что поляки самостоятельно «ниспровергли древние законы, утвержденные Екатериной II» и попытались свои «опасные умыслы» распространить на Российскую империю²⁷⁸. Карамзин лишь констатировал, что Екатерина II возвратила «ветхую» Польскую республику в «счастливое

²⁷⁵ Подробнее см.: Лобачкова М.Г. Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике. 1799–1815 гг. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03, Самара, 2007. С. 32–42.

²⁷⁶ Цит. по Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М., 2020. С. 39.

²⁷⁷ Об этом подробнее в следующем параграфе.

²⁷⁸ Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Сочинения Карамзина. 1835. Т. 8. С. 23–24. Однако тезис о связи между польскими и французскими событиями 1791–1794 гг. был упомянут Карамзиным в этом же году в «Вестнике Европы»: «Без Французских новостей она [Польша] не вздумала бы *переменить своего правления*, и не раздражила бы России Варшавским кровопролитием, следовательно *Польша была также жертвою Фр[анцузской] Революции*» (курсив мой – В.И.) (См. Карамзин Н.М. Всеобщее обозрение // Вестник Европы. 1802. Ч. 1. № 1. С. 67).

родительское семейство» (Российскую империю)²⁷⁹. Однако, уже в канун Отечественной войны 1812 г., на волне российской антинаполеоновской пропаганды, в многотомном сочинении «Деяний Екатерины II...» (1811) коллежского советника П.С. Колотова, связь между польскими и французскими событиями 1791–1794 гг., напротив, активно подчеркивалась. Так, Колотов назвал Польское восстание 1794 г. «всеобщим мятежом» и «польской революцией», случившихся из-за следования поляков французам-якобинцам, а сами поляки, учинившие восстание «устроили в сем городе [Варшаве] правление, подобном тому, каковым сии изверги владычествовали тогда во Франции, ознаменовав оное лютыми казнями...»²⁸⁰.

Итак, в российской политической культуре конца XVIII в. рефлексия о Французской революции 1789 г. проходила, в основном (особенно с сентября 1793 г.), в панегирическом регистре (похвальных словах, одах, панегириках и т.д.). Действуя на основе весьма ограниченных (по большей части, подцензурных сведениях о французских событиях) авторы-панегиристы все же старались представить Французскую революцию в более близких российскому образованному подданному категориях: «восстания», «мятежа», «буйства», «смуты», «бунта» и не в последнюю очередь понятием-калькой с французского языка – «переворотом». Эти понятия были характерны в том числе и официальным манифестам и подконтрольным российскому правительству периодическим изданиям, избегавшим понятия «революция»²⁸¹. Можно предполагать, что панегирический жанр с присущей ему жанровой спецификой описательных риторик (метафоричности, образности, аллюзорности, иносказательности и т.д.), позволил авторам-панегиристам обходить цензурные ограничения.

Наиболее мощный импульс рефлексии о революции в последние годы царствования Екатерины II был сформирован политическими событиями в

²⁷⁹ Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Сочинения Карамзина. 1835. Т. 8. С. 16.

²⁸⁰ Колотов П.С. Деяния Екатерины II, императрицы и самодержицы всероссийския. СПб., 1811. Ч. 6. С. 12, 41, 80–82.

²⁸¹ Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. С. 146–147.

Речи Посполитой. Они были ассоциированы частью российского общества (в том числе Шишковым и впоследствии Карамзиным) с действительным распространением революции за пределы Франции. Причем ключевую роль в данном импульсе сыграл территориальный фактор близости Польши к России, а с присоединением новых территорий к России по итогам второго раздела, воспринимался как проявление революции на «домашних землях». В сущности, для российских современников конца XVIII в. не было значительной разницы между польскими и французскими событиями первой половины 1790-х гг., все они в панегирическом регистре были представлены в одних и тех же категориях («бунта», «мятежа» и т.д.). Что еще более важно, используемые авторами данных категорий, вместо понятия «революция», позволяли связать и представить современные авторам политические события с уже некогда бывшими в России «восстаниями», «мятежам» и, наконец, Смутным временем (Смутой)²⁸².

Панегирический жанр опирался на разработанный к концу XVIII в. глоссарий провиденциального монархизма, позволившего противопоставить начавшемуся революционному хаосу и «безначалию» – российскую монархию, под властью которой подданные могли наслаждаться «тишиной» («миром», «стабильностью», «благодатью» и т.д.). Этот же глоссарий позволил авторам связать причины революции («безначалия») с морально-нравственными и морально-этическими категориям, отметив среди них «лжемудрствование», «безверие», «злочестие» и др.) и описать негативные последствия революции: всеобщую анархию, голод, хаос и прочие проявления насилия. Одной из наиболее распространенных риторик в панегирическом регистре выступало

²⁸² Обстоятельно о тематике Смутного времени в российской политической культуре конца XVIII – начала XIX вв. говорится в четвертой главе данного исследования. Примечательно, что в анонимно опубликованном на французском языке «Антидоте» (в историографии отмечается прямое участие Екатерины II в создании этого сочинения) Екатерина II могла гордо заявить, что «в России никогда не происходило *революции*, разве, когда нация чувствовала, что впадает в ослабление...» (курсив мой – В.И.) (см. Антидот // Оснадцатый век. Кн.4. М., 1869. С. 299). Подробнее о написании сочинения «Антидот» и его отражении в российской политической культуре второй половины XVIII в. см.: Проскурина В. Ландшафт империи: «Антидот» Екатерины II против «Путешествия в Сибирь», или Границы европейской цивилизации [Электронный ресурс] // НЛЮ. 2017. № 2. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/144_nlo_2_2017/article/12411/

сравнение (уподобление) революции «царству антихриста», что позволило авторам описать ее последствия и одновременно подчеркнуть их масштаб как проявление, главным образом, природных катаклизмов, происходящих во Франции из-за революции. В таком виде, одна из первых рефлексий о Французской революции среди российских консерваторов под авторством Шишкова следовала устоявшемуся панегирическому канону 1790-х гг.

§ 1.2. Дискуссии о власти Наполеона и Французской революции в 1800-х – 1810-х годах

Установление режима консулата Наполеона во Франции в российской политической культуре запустило ряд процессов в рефлексии о Французской революции в начале 1800-х гг. Прежде всего, «миролюбивые» тенденции во внешней политике Наполеона, особенно после заключенного осенью 1801 г. Парижского мира между Россией и Францией, восприняты современниками с наступлением «общеευропейского мира»²⁸³. Еще одна тенденция – это четкая персонификация Французской революции с образом, а главное *политическим режимом консулата* Наполеона с 1799 г., что в восприятии современников вызывало ассоциации с установлением во Франции внутригосударственного мира (окончания революции)²⁸⁴. Не меньшие изменения произошли в России, в марте 1801 г. на престол взошел Александр I, начав «дней Александровых прекрасное начало» – своеобразную «оттепель», отразившуюся в российской цензурной политике.

Уже через три недели, после вступления на престол, им был отменен павловский указ о запрете ввоза иностранных книг и «вольных» типографий, а в начале февраля 1802 г. другим указом упразднились цензурные комитеты,

²⁸³ Обращает на себя внимание и тот факт, что отечественные панегирики, посвященные вступлению на престол Александра I подчеркивали, что именно «господство общеευропейского мира». См.: Парсамов В. С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М., 2020. С. 37–38.

²⁸⁴ Конечно, персонификация была и ранее, как было продемонстрировано на материале панегириков, М. Робеспьера зачастую уподобляли образу «адской фурии».

их деятельность переходила начальникам народных училищ, поднадзорных гражданским губернаторам, отменялась предварительная цензура²⁸⁵. После проведения министерской реформы 1802 г., во главе новообразованного Министерства народного просвещения (к ведению которого относились надзор за типографиями и вопросы цензуры) стал П.В. Завадовский, считавшийся в итоге одним из «самых либеральных министров народного просвещения»²⁸⁶. При Александре I был выработан цензурный устав от 9 июля 1804 г., вернувший предварительную цензуру, создававший цензурные комитеты при университетах и передававший цензуру церковных (духовных и религиозных книг) в ведение Синода²⁸⁷. Вместе с тем, в уставе была продублирована общая норма, упоминавшаяся впервые еще в екатерининском указе 1796 г., запрещающая любые сочинения противные «закону Божию, Правлению, нравственности и личной чести какого-либо гражданина»²⁸⁸. Наличие столь расплывчатой формулировки, можно предполагать, оставляла за властью возможность цензурного маневра в отношении различных «неблагонадежных» сочинений. И все же, начавшаяся «оттепель» в цензурной политике первых лет царствования Александра I предоставила российским образованным подданным широкое пространство для активной рефлексии о Французской революции в нарождающейся российской периодической печати за счет *гlossария секулярного монархизма*. Однако, подобная тенденция шла в данный период не путем вытеснения прежнего *гlossария провиденциального монархизма*, а путем сосуществования и взаимодействия. А потому – следует говорить, причем в весьма коротких хронологических рамках 1801–1804 гг.,

²⁸⁵ Скабичевский А.М. Очерки истории Русской Цензуры. СПб., 1892. С. 88–89.

²⁸⁶ Там же. С. 91–92.

²⁸⁷ В историографии александровский цензурный устав от 9 февраля 1804 г. фигурирует как один из самых «либеральных» в истории России (см.: Тихонова С.В. Развитие цензурной правовой политики Российской империи при Александре I // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 3. С. 73–74; Рейфман П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России. Цензура в дореволюционной России. Т. 1. М., 2015. С. 69–73).

²⁸⁸ Эта же норма повторялась в цензурных уставах 1826 г., 1826 г. (См.: Ильин А.А. К истории понятия «революция» в России // Ильин А.А. История понятия «революция» у А. И. Герцена и М. А. Бакунина. дисс.... канд. ист. наук: 07.00.09. Москва, 2018. С. 40). Однако, в отличие от прежней екатерининской ситуации, цензор александровского царствования должен был отметить данные места в сочинении и вернуть рукопись издателю для «исправления или исключения оных» (Рейфман П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России. Цензура в дореволюционной России. Т. 1. М., 2015. С. 71).

лишь о *преобладании* в рефлексии о Французской революции и Наполеоне в российской политической культуре глоссария секулярного монархизма.

Основой политического дискурса в светской (секулярной) риторике выступал *глоссарий форм правлений*, опиравшийся к концу XVIII – началу XIX вв. на два взаимосвязанных представления о политическом устройстве государства. Прежде всего, распространенный в российской политической культуре с конца XVII в. античный глоссарий форм правлений, основой которого выступал трактат Аристотеля «*Политика*»²⁸⁹. Им было выделено три «правильных» формы правления: «монархия», «аристократия» и «полития», ориентированных на «общую пользу» («общее благо») и «счастье». Важно подчеркнуть, что «правильные» формы правления могли трансформироваться в «неправильные»: монархия в «тиранию», аристократия в «олигархию», «полития» в «демократию», при которых достижение «общей пользы» («общего блага»), согласно аристотелевскому взгляду, невозможно²⁹⁰.

Во второй половине XVIII в. в российской политической культуре был адаптирован глоссарий форм правлений, предложенный Ш.–Л. Монтескье, изложенный в его трактате «*О духе законов*» (1748)²⁹¹. Новаторство глоссария

²⁸⁹ Подробнее о распространении аристотелевского глоссария форм правлений в российской политической культуре конца XVII–XVIII вв. см.: Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. ... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 198–221.

²⁹⁰ «Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. И когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководясь общественной пользой, естественно, такие виды государственного устройства являются правильными, а те, при которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства, являются отклонениями. Ведь нужно признать одно из двух: либо люди, участвующие в государственном общении, не граждане, либо они все должны быть причастны к общей пользе. 2. Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем царской властью; власть немногих, но более чем одного – аристократией (или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит); а когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства, – полития <...> Отклонения от указанных устройств следующие: от царской власти – тирания, от аристократии – олигархия, от политии – демократия. Тирания – монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя, олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан, демократия – выгоды неимущих; общей пользы ни одна из них [неправильных форм правлений] ввиду не имеет...». См.: Аристотель. *Политика* / пер. с гр. С.А. Жабелева // Аристотель. Сочинения. М., 1983. Т. 4. С. 457.

²⁹¹ Впервые относительное полное издание сочинения «*О духе законов*» было опубликовано в России в 1809–1814 гг. в 4-х книгах под редакцией сотрудника министерства народного просвещения Д.И. Языкова. Подробнее об особенностях перевода текста и его распространении в российской политической культуре начала XIX в. См.: Плавинская Н. «Трудности перевода»: Монтескье в русских изданиях XVIII – начала XIX в. [Электронный ресурс] // ГИИМ: Доклады по истории XVIII и XIX вв., 2015. Режим доступа: https://perspectivia.net/publikationen/vortraege-moskau/plavinskaya_translation/

формы правлений Монтестье было в том, что он выделил четыре формы правления, связав их с ключевым элементом, равновесие которых позволяло государству быть более устойчивым к трансформации формы правления. Так, «образ правлений» республики (демократии или аристократии) опирался на принцип гражданской добродетели, при монархии – честь, в деспотии – страх²⁹². При этом исчезновение добродетели в республике вело к деградации и гибели самой республики. Монархические и деспотические, согласно Монтестье, вовсе не нуждались в добродетелях, они обходились силой «закона» при монархии и «дланью государя» при деспотии, но монархия, нарушив «закон», могла трансформироваться в деспотию²⁹³. Вместе с тем, как отмечает К.Д. Бугров, классификация, предложенная Монтестье хоть и была наиболее разработанной, но все же оставалась и более запутанной для российской интеллектуальной культуры второй половины XVIII – начала XIX вв., в том числе в той части, где Монтестье указывал на зависимость форм правлений от различных факторов: климата, географического положения, территориальной протяженности государства и др.²⁹⁴ Преимущество именно монархической формы правления перед остальными заключалась в том, что монархия может эффективно управлять обширными территориями. Этот аргумент имел ключевое значение в дебатах об идеальной форме правления для России.

Оба глоссария форм правлений опирались на компаративный язык, предполагавший одновременное существование множества форм правлений, так и аргументацию достоинств и недостатков каждой из них. Идеальная форма правления для государства должна была гарантировать достижение «общего блага», но в российской политической культуре, еще со времен

²⁹² Монтестье Ш.-Л. О духе законов / пер. с фр. А. Матешука. М., 1999. С. 17. С. 27.

²⁹³ Там же. С. 28.

²⁹⁴ Подробнее о распространении глоссария формы правления Ш.-Л. Монтестье см.: Бугров К.Д. Формирование идей республиканства в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. ... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 198–221. Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016. С. 207–235.

Смутного времени, понятие «общее благо» было ассоциировано, прежде всего, с наличием государя (монарха) в государстве и сохранении им «тишины» («спокойствия») для подданных²⁹⁵. Ключевое значение приобретал распространенный в российской политической культуре взгляд на политическое время как на циклический процесс, подчеркнутый из античной традиции Аристотеля и Полибия²⁹⁶. Действуя в рамках глоссария форм правлений, российские авторы конца XVIII – начала XIX вв. допускали, что «правильная» форма правления, при стечении обстоятельств, может трансформироваться в «неправильную», к примеру, из монархии в тиранию (деспотию) или олигархию, так и совершить обратное, вернувшись к «правильной» форме правления²⁹⁷.

Таким образом, для российских современников событий Французской революции и начало консулата Наполеона, могло осмысляться в глоссарии форм правлений, по сути, к началу XIX в. сами события, происходящие во Франции с конца XVIII в., актуализировали использование российскими образованными подданными данного глоссария в рефлексии о консулате Наполеона и Французской революции. А с учетом «оттепели» в цензурной политике начале XIX в., подобная рефлексия происходила на страницах многочисленной «нарождающейся» периодической печати.

Существует обширная историография, посвященная отражению образа Наполеона в российской общественно-политической мысли 1800-х – 1810-х гг., рассматривающая образы французского консула (императора) в самых различных коммуникативных и хронологических контекстах²⁹⁸. И все же,

²⁹⁵ См. Киселев М.А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII вв. // Исторический вестник. 2013. № 153. С. 20.

²⁹⁶ Лимонов В.А. Идея цикличности исторического процесса в трудах русских мыслителей XVIII–XIX вв. // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2010. № 2. С. 30–31.

²⁹⁷ Артемьева Т. В. История метафизики в России XVIII века. СПб., 1996. С. 297.

²⁹⁸ Подробнее см.: Лобачкова М.Г. Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике 1799–1815 гг. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Самара, 2007. 263 с.; Николаева Ю.В. Образ Наполеона в русской книге первого десятилетия XIX в. как отражение русско-французских отношений // Великая французская революция,

большая часть настоящих исследований отталкивается от константы противопоставления «республики» и «монархии» в российской политической культуре как имманентно существовавшей конструкции в начале XIX в., усилившейся из-за Французской революции. Не удалось этого избежать и в крупнейшем исследовании М.Г. Лобачковой, посвященном отражению образа Наполеона в русской публицистике начала XIX в. Так, автор отмечает: «Сама система представлений о “республике” в русском обществе 1800–1804 гг. была весьма сложной и запутанной. Так, могли напрочь отвергать “республиканские идеи” как вредные для общества и рассуждать о республике как неком идеале государства – неприемлемом, впрочем, для России»²⁹⁹. Соглашаясь со взглядом автора о «сложном» представлении о республике, следует подчеркнуть, что тезис о неприемлемости республиканского устройства для России не был данностью для российской политической культуры конца XVIII – начала XIX вв. Ведь именно в этот период времени российская политическая культура была ориентирована на греко-римскую образность и античное (классическое) понимание республики³⁰⁰. В политической культуре этих десятилетий «во главу угла ставилось общее дело [общее благо], а не форма правления», а потому

империя Наполеона и Европа: материалы международной научной конференции. СПб., 2006. С. 92–96; Казаков Н.И. Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 3. С. 31–47; Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе» / пер. с фр. А. Бондарев. М., 2017. 368 с.; Степанов Ю.Г. В тени Наполеона... журнал «Сын Отечества» о Франции и французах в 1815 году // История и историческая память. 2015. № 11. С. 71–81.; Ларкович Д.В. Миф о Наполеоне-Антихристе в поэтической рецепции Г.Р. Державина // «И вечной памятью двенадцатого года...»: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию Отеч. войны 1812 г. Екатеринбург, 2013. С. 43–54; Тюпа Я.В. Общественное мнение России начала XIX века о наполеоновской Франции. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Москва, 2009. 187 с.; Починская И.В. Образ Наполеона в контексте старообрядческой эсхатологии. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. 138 с.; Секиринский С.С. Наполеон в России: судьба легенды // Российская история. 2012. № 6. С. 143–156; Амбарцумов И.В. Акты российской верховной власти периода 1812–1814 гг. как памятник патриотической публицистики // Петербургские военно-исторические чтения. 2013. С. 5–12; Wesling M. W. Napoleon in Russian Cultural Mythology. New-York, 2001. 196 p.; Hazareesingh S. Napoleonic memory in nineteenth-century France: The making of a liberal legend // MLN. 2005. № 4. P. 747-773.

²⁹⁹ Лобачкова М.Г. Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике 1799–1815 гг. дисс.... канд. ист. наук: 07.00.03. Самара, 2007. С. 50.

³⁰⁰ См. Потапова Н.Д. Декабристы и Республиканская традиция // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 194–211. Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 422–432; Каплун В. «Жить Горацием или умереть Катонем»: российская традиция гражданского республиканизма [Электронный ресурс] // НЛЮ. 2007. № 5. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/5/zhit-goracziem-ili-umeret-katonom-rossijskaya-tradicziya-grazhdanskogo-respublikanizma.html>; Велижев М.Б. Республиканизм в общественной мысли России первой половины XIX в. // Res Publica Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века / под ред. К.А. Соловьев. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 399–505.

республика была несовместима не с монархией, а с ее дегенеративной формой – тиранией³⁰¹. Конечно, существовало и противопоставление монархии и республики, актуальность которого лишь усилилась в связи с Французской революцией³⁰². Однако в пространстве российской политической культуры конца XVIII – начала XIX в. оба варианта *существовали*. Более того, представления именно об античном (классическом, греко-римском) республиканизме в российской политической культуре начала XIX в. усиливались благодаря адаптации идей Ж.-Ж. Руссо³⁰³. Влияние интеллектуального наследия «женевского философа» на «старших архаистов» (Н.М. Карамзина, С.Н. Глинку и др.) и в целом на отечественную политическую культуру второй половины XVIII – начала XIX вв. сегодня является общепризнанным³⁰⁴. Несмотря на то, что интеллектуальное наследие Руссо весьма многогранно, следует отметить, что сам он в трактате «Об Общественном договоре...» (1762) оставил следующее представление о республике: «Я называю Республикою всякое Государство, управляемое посредством законов, каков бы ни был при этом образ управления им; ибо только тогда интерес общий правит Государством и общее благо означает нечто. Всякое Правление посредством законов, есть республиканское <...> Чтобы Правительство было законосообразным, надо, чтобы оно не смешивало себя с сувереном, но, чтобы оно было его служителем: тогда даже Монархия есть Республика»³⁰⁵. Несмотря на билингвизм российской интеллектуальной среды второй половины XVIII – начала XIX вв. и широкий интерес к творчеству Руссо, распространение этого трактата в российской общественно-политической мысли

³⁰¹ Потапова Н.Д. Декабристы и Республиканская традиция // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 198. Об этом же см. Велижев М.Б. Республиканизм в общественной мысли России первой половины XIX в. // Res Publica Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века / под ред. К.А. Соловьев. М., 2021. С. 407.

³⁰² Велижев М.Б. Республиканизм в общественной мысли России первой половины XIX в. // Res Publica Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века / под ред. К.А. Соловьев. М., 2021. С. 407–408.

³⁰³ Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016. С. 14.

³⁰⁴ Одним из первых вопрос о влиянии Руссо на русскую культуру обстоятельно рассмотрел Ю.М. Лотман (см.: Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 555–604). О влиянии руссоистских идей на т.н. «старших архаистов» см.: Зорин А.Л. Кормя двухглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой четверти XIX вв. М., 2001. С. 167–173; Егерев Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина. М., 2014. С. 225–252.

³⁰⁵ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1998. С. 228.

данного периода оставалось уделом относительно «узкого круга» отечественных интеллектуалов³⁰⁶. Можно вспомнить восторги поэта и публициста В.В. Попугаева, отразившиеся в его оде с откликом на возможный перевод данного сочинения Руссо в России³⁰⁷. Альтернативный взгляд российский образованный подданный мог почерпнуть из другого трактата Руссо «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1754), изданном на русском языке дважды – в 1770 г. и 1782 г. – и не попавшем, в отличие от сочинения «Об общественном договоре...», под запрет в России³⁰⁸. «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства» содержало подробное предисловие Руссо, в котором, помимо прочего, присутствовало античное (классическое) прочтение республики именно как определенной формы правления: «Я никак не хотел бы жить в Республике, недавно образовавшейся, как бы хороши ни были ее законы, из опасения, что форма Правления, устроенная, быть может, иначе, чем это требовалось бы в данный момент, не соответствовала бы новым гражданам или граждане не соответствовали бы новой форме Правления, и Государству грозили бы потрясения и гибель с самого рождения»³⁰⁹. Рассуждения Руссо о взаимодействии республики и форм правлений, могли быть трактованы в рефлексии о консульате Наполеона и Французской революции в российской

³⁰⁶ С некоторыми оговорками на это же указывал Ю.М. Лотман (см.: Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 561–566; Егоров В.А. Гражданская религия Жан-Жака Руссо в отечественной мысли // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. № 2. С. 262). Как отметил современный исследователь К. Шарф, трактат Руссо «Об общественном договоре» был напечатан в Российской империи на немецком языке в 1770-е – 1780-е гг., что, впрочем, не противоречит тезису о его весьма ограниченном влиянии (см. Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 21–22). Однако, в начале XIX в. отрывки из сочинения «Об Общественном договоре» публиковались в России, причем большая часть была посвящена политической тематике: «Народы», «Правительство», «Государь и государство», «Законодатель», «Закон», «Деспотизм», «Свобода», «Зависимость» (см.: Златопольская А.А. Русские переводы Ж.-Ж. Руссо и цензура // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. 2013. № 7. С. 250–251).

³⁰⁷ Ода была не пропущена цензурой, оставшись в рукописи см.: Попугаев В.В. Ода на случай позволения, сделанного советом на пропуск «Contrat social», сочинение славного женевого философа Руссо, представленное цензурою на рассмотрение // Поэты-радищевцы. М., 1979. С. 197.

³⁰⁸ Бутров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. ... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 417.

³⁰⁹ Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 32.

общественно-политической мысли начала XIX в. амбивалентно: с одной стороны, что республика не означала какой-либо формы правления, а с другой – невозможность положительного изменения формы правления из-за исторического опыта одной из них, к примеру, монархии. Тем не менее, Французская революция наложила свой отпечаток на идентификацию республики именно с революцией, насильственным свержением законного монарха. Все перечисленное формировало определенную двойственность в дискурсе российской (и европейской!) политической культуры в рефлексии о Французской революции и консульате Наполеона конца XVIII – начала XIX вв.

В первые годы царствования Александра I одним из крупнейших и популярных (по числу подписчиков³¹⁰) отечественных периодических изданий был «Вестник Европы» Карамзина, публиковавший оригинальные и переводные заметки из литературной и политической сферах. Ю.М. Лотман, характеризуя содержание карамзинского «Вестника...» в 1802–1804 гг., назвал его «откровенно бонапартистским» по своей направленности, а политические взгляды издателя характеризовал как ориентированные на «президентское правление с очень сильной властью президента как в исполнительной сфере, так и в области законодательной инициативы»³¹¹. Отчасти этот вывод подтверждают и современные наблюдения, например, М.Г. Лобачкова установила, что часть материалов, опубликованных в Карамзиным в «Вестнике...» были взяты из французского журнала «*Moniteur Universel*» – одного из подконтрольных Наполеону печатных органов³¹². Однако, кажется весьма сложным судить о политических пристрастиях Карамзина по публиковавшимся им материалам в

³¹⁰ Ю.М. Лотман называл число в 1200 подписчиков на момент выхода только первого номера «Вестника Европы» Карамзина (Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 281).

³¹¹ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., Книга, 1987. С. 283–284, 282. Этот вывод подтверждают и современные наблюдения исследователей, по подсчетам О.Б. Кафановой, «В 48 номерах этого литературно-политического журнала [Вестника Европы] было помещено более 50 статей, заметок и сообщений о Наполеоне апологетического характера» (см.: Кафанова О.Б. Образ Наполеона в интерпретации Н.М. Карамзина и Г.Р. Державина: классицизм или сентиментализм? // Ученые записки Казанского ун-та. 2015. № 157. С. 101).

³¹² Лобачкова М.Г. Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике. 1799–1815 гг. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.03, Самара, 2007. С. 230–231. И все же таких статей в «Вестнике...» из «*Moniteur Universel*» суммарно за 1801–1802 гг., по подсчетам М.Г. Лобачковой, насчитывалось всего девять, из которых одна статья вовсе была посвящена Конституции Итальянской Республики.

«Вестнике...», несмотря даже на тот факт, что часть из них он творчески перерабатывал или же писал самостоятельно³¹³. С уверенностью можно сказать, что именно «Вестник...» Карамзина наиболее активно (прежде всего, за счет количества подписчиков, хотя, конечно, количественно уступавших газетам³¹⁴) участвовал в формировании представлений о Наполеоне и Французской революции в российской политической культуре начала XIX в., а множество переводных материалов с европейских языков, по сути, втягивали и информировали российских современников об общеевропейской дискуссии по происходящим и произошедшим событиям во Франции.

«Всеобщее обозрение» политических событий, подготовленное в первом номере «Вестника...» Карамзиным, содержало следующий комментарий о начале консулата Наполеона и трансформации формы правления: «...Франция, несмотря на имя и некоторые республиканские формы своего правления, есть теперь в самом деле ничто иное, как истинная монархия»³¹⁵. Ю.М. Лотман, цитируя данный фрагмент, отмечал, что в нем однозначно отражалась рецепция Карамзиным «“республиканской монархии” Руссо», но такое переосмысление событий могло также опираться на глоссарий форм правлений и античные (классические) представления о республике. К этому здесь же отсылает, как минимум уподобление Наполеона «новому Кесарю [Цезарю]»³¹⁶. Параллель между историей Римской республики и современной Французской Республики в «Вестнике...» встречается достаточно часто, особенно в контексте внешней

³¹³ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 285–286.

³¹⁴ В данном случае разделить мнение М.Г. Лобачковой, подробно реконструировавшей представления о Наполеоне в общественно-политической мысли России 1800-х гг., в том числе на материалах отечественных газет. В частности, исследовательница отмечает, что для российского читателя этого периода «ведущую роль занимали две официальные газеты – “Санкт-Петербургские ведомости” и “Московские ведомости”, и журнал “Вестник Европы”. Эти издания регулярно помещали информацию политического характера, как правило, полученную из европейских газет» и к тому же для всех газет и журналов характерно отражение «основной тенденции общественного мнения России в отношении Франции...». См. Лобачкова М.Г. Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике. 1799–1815 гг. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.03, Самара, 2007. С. 66–67. С. 77–79. Более того, как правило, в газетах материалы публиковались сжато и без сопроводительного аналитического комментария автора, в отличие от карамзинского «Вестника...» и формата журнала в целом.

³¹⁵ Всеобщее обозрение // Вестник Европы. Ч. 1. № 1. С. 72.

³¹⁶ Всеобщее обозрение // Вестник Европы. Ч. 1. № 1. С. 68. Уподобление Наполеона Цезарю, одно из наиболее частых в начале XIX в. см., например, отрывок из воспоминаний С.Н. Глинки (Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 222–223).

политики Наполеона: «“История Римского властолюбия открывает нам тайные намерения Французской Республики. Новые завоеватели отличаются от древних единственно тем, что первые в десять лет достигли высочайшей степени величия, на которую римляне восходили в течение веков...”»³¹⁷. Чаще всего такое сопоставление упоминалась в публикациях из английских материалов, особую метафоричность оно приобрело в год объявления войны Франции Великобританией в 1803 г., в которой конфликт изображался своеобразной Пунической войной Нового Карфагена (Великобритании) и Нового Рима (Франции)³¹⁸.

Констатировалось в «Вестнике...» и окончание волны революционного террора во Франции после установления консулата Наполеона: «Все приняло виде новый, как внутри, так и снаружи <...> истреблены ужасные разбои, немногие злодеи, которые спаслись, скитаются из места в место», подчеркивалось постепенное возвращение религии и «зрелость веков» в том факте, что Франция стала республикой³¹⁹. В целом, существенную часть публикаций «Вестника» за 1802–1804 гг. занимала тематика своеобразного подведения итогов Французской революции, вплоть до обсуждения первых попыток французских авторов написать ее историю³²⁰. Так, в одной из статей декларировалось своеобразное положительное влияние Французской революции, продемонстрировавшей европейским народам ужасы «тиранства» и благотельных характер власти нынешних государей (включая Наполеона), защищающих их от тирании, заставившей «гражданских начальников» (монархов) обратиться к «разуму» и «ревностно» следовать «общему благу» собственных граждан (подданных)³²¹. Вопрос о терроре перетекал для

³¹⁷ Известия и замечания // Вестник Европы. Ч. 3. № 12. С. 349–350.

³¹⁸ Известия и замечания // Вестник Европы. Ч. 6. № 23. С. 249–250.

³¹⁹ Изображение состояния Французской Республики, предоставленной Консулами в Законодательному Совету // Вестник Европа. Ч. 1. № 1. С. 84–85. С. 86. Эта статья была перепечаткой из французского «*Moniteur Universel*» и, скорее всего, авторство принадлежало самому Наполеону. Эта же мысль о восстановлении религии Наполеоном высказывалась в другой статье (Письмо из Парижа // Вестник Европы. Ч. 1. № 2. С. 30–31).

³²⁰ История французской революции, избранная из латинских писателей // Вестник Европы. 1802. Ч. 1. № 1. С. 20–37; Взор на прошедший год // Вестник Европы. 1803. Ч. 7. С. 75–77.

³²¹ Карамзин Н.М. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Вестник Европы. 1802. Ч. 3. № 12. С. 314–316.

современников в вопрос о легитимности власти Наполеона, особенно в контексте новостей о принятии им пожизненного консульства, а также деятельности французских роялистов и законного наследника династии Бурбонов – Людовика XVIII. Так, в 1802 г. «Вестник» сообщал российскому читателю, что Наполеон вовсе не являлся «похитителем» французского престола и не стремился стать «Галльским Императором», поскольку «не Бонапарт свергнул Бурбонов с трона, не Бонапарте сделал Революцию»³²². В другой новостной заметке, помещенной после новости о принятии конституции Цизальпинской (Итальянской) Республикой, Карамзин – по случаю избрания Наполеона ее президентом – подчеркивал, что его избрание было «согласно со [общим] благом» Итальянской Республики, с одобрением подчеркивая: «Всякая земля должна иметь местные потребности, следовательно и отмену [особенности] в характере основательных законов; одно безумие прежней Французской Директории хотело все Республики отлить в одну форму»³²³. Автор заключал: «Наше время можно назвать временем трактатов и Конституций»³²⁴. А значит, для современников событий не было ничего удивительного в том, что во главе республики находился монарх-консул – это легко находило обоснование в том, что каждому государству необходима наиболее подходящая конкретному государству форма правления. Не удивляло и основание новой республики «самодержцем», как в случае с Ионической республикой («Республики Семи-Островов»), созданной Павлом I вместе с турецким султаном³²⁵.

Подробное освещение в первых номерах «Вестника...» за 1802 г. получили рассуждения о власти, которой обладает Первый консул (Наполеон). Так, в одной из статей подчеркивалось, что его власть возвышается над той или иной партией, что Наполеон «выбирает только способных людей, предпочитая иногда бывшего дворянина и роялиста искреннему республиканцу» и примиряет их мнения³²⁶.

³²² Известия и замечания // Вестник Европы. 1802. Ч. 4. № 16. С. 245; Известия и замечания [Ответ Людовика XVIII Наполеону] // Вестник Европы. 1803. Ч. 11. № 18. С. 155–157.

³²³ Известия и замечания // Вестник Европы. Ч. 2. № 5. С. 85–86.

³²⁴ Там же. С. 93.

³²⁵ Республика Семи-Островов // Вестник Европы. 1802. Ч. 4. № 14. С. 145–146.

³²⁶ Письмо из Парижа // Вестник Европы. Ч. 3. № 9. С. 76.

Этот фрагмент иллюстрирует расхожую аргументацию против республик, в которых из-за несогласия «партийных» мнений наступал кризис и гибель республики. Согласно автору статьи, во Франции Наполеон выступал сообразно монарху («верховному арбитру»), не только отбирая «достойных» кандидатов, но и консолидируя их различные способности ради достижения «общего блага». Особую значимость этот аргумент приобретал на фоне описания в последующем номере «падения» Венецианской республики, в которой «партии» начали высказывать различные мнения о войне с Францией, но не достигли договоренности, республику охватили «сильные потрясения», за чем последовал кризис республиканских добродетелей, начавшийся с «беспрестанного умножения» роскоши, коррупции, и трансформации «частных дел» в государственные³²⁷. Здесь же была представлена похожая картина кризиса Гельветической (Швейцарской) республике и «неподходящей» ей конституции, дарованной французской Директорией в 1798 г. Описание кризиса республики вновь сопровождалось указанием на кризис добродетели и невозможность достичь «блага отечества» («общего блага»), по причине того, что «всякий следует движению особенной страсти своей; всякий судит только в отношении к себе, и мнения удивительным образом несогласны»³²⁸. Карамзин (возможно с долей иронии), отмечал, что для спасения Швейцарской республики необходимо, «чтобы Бонапарте [Наполеон] на французских штыках прислал им Конституцию. Тогда единственно будет порядок...»³²⁹ И тут же Карамзин заключал: «Без высокой добродетели Республика стоять не может. Вот почему монархическое правление гораздо счастливее и надежнее: оно не требует от граждан чрезвычайностей и может возвышаться на той степени нравственности, на которой Республики падают»³³⁰.

Власть консула Наполеона во Французской Республике сравнивали и со смешанным правлением Великобритании. К примеру, в рассуждении о

³²⁷ Нечто о Венеции при ее падении // Вестник Европы. 1802. Ч. 3. № 10. С. 147–148, 149–150.

³²⁸ Известия и замечания // Вестник Европы. 1802. Ч. 3. № 10. С. 177–178.

³²⁹ Там же. С. 179.

³³⁰ Известия и замечания // Вестник Европы. 1802. Ч. 5. № 20. С. 319–320.

возможности свержения Первого консула, в случае нарушения им конституции и закона, автор статьи апеллировал к тому, что «Гражданин Консул», согласно французской конституции, не был «неподсудным, подобно королю английскому», зато Первый консул обладал, в отличие от английского короля, правом формировать Сенат. Автор приходил к выводу о том, что «французское правление есть истинное монархическое, и гораздо далее от республиканского, нежели английское, дающее право гражданам выбирать депутатов»³³¹. Интересно, что автор также задействовал аргумент в пользу монархической формы правления из глоссария форм правлений Монтескье, косвенно указав на территориальные размеры Франции, которая «по своему величию и характеру должна быть монархией»³³². Необходимость именно монархической формы правления для Франции обосновывалась и историческим опытом: «Французы, созданные для монархии, несколько веков славились любовью к королям»³³³.

Однако другие материалы «Вестника...» давали понять читателям, что идентификация формы правления во Французской Республике при консульстве Наполеона весьма затруднительна. Об этом сообщал опубликованный в «Вестнике» пересказ сочинения бывшего французского министра Ж. Неккера, в котором автор не считал возможным для Франции установить форму правления «умеренной монархии» подобно Великобритании, по той причине, что «дворянство необходимое для подпоры монархии» отсутствовало во Франции³³⁴. Решающим аргументом этого сочинения в пользу монархии, а не республики для Франции начала XIX в., вновь был пассаж из Монтескье об обширной территории государства³³⁵. Впрочем, согласно Неккеру, установить «наследственную, умеренную монархию» во Франции уже не представлялось

³³¹ Известия и замечания // Вестник Европы. 1802. Ч. 5. № 17. С. 76–77.

³³² Там же. С. 78. Данные пассажи часто сопровождалась иллюстрацией исторического опыта Диктатуры из истории Древнего Рима (см. Там же).

³³³ Известия и замечания // Вестник Европы. 1803. Ч. 10. № 15. С. 228.

³³⁴ Последние политические мысли, предложенные Неккером французскому народу // Вестник Европы. 1802. Ч. 5. № 20. С. 309.

³³⁵ Там же. С. 310.

возможным, а потому следовало восстановить республику, вернув народу право участия в формировании правительства по образу Великобритании³³⁶.

Итак, политические события во Франции 1799–1803 гг. интерпретировались на страницах «Вестника» с помощью глоссария форм правлений, прежде всего, в варианте Монтескье. Описания французского политического устройства включали «классический» вариант трансформации республики в монархию, либо констатацию того, что во Франции установилась смешанная форма правления («смешанная монархия», т.н. *monarchia mixta*), объединившая элементы республики и монархии. Впрочем, какими бы ни были трактовки французских политических событий, все они были интерпретированы в российской общественно-политической мысли 1802–1803 гг. как своеобразное окончание и подведение итогов Французской революции.

Точку в дебатах о форме правления во Французской Республике поставили политические события мая 1804 г., когда Первый Консул был провозглашен «Божией Милостью и по Конституциям [Французской] Республики» – «Императором Французов»³³⁷. Установление наследственной императорской власти Наполеона во Франции однозначно воспринималось современниками как трансформация формы правления в монархическое. Для одних это было практическим воплощением концепции форм правления Монтескье и хорошо знакомой по античной истории трансформацией выродившейся республики в монархию. Других это заставляло задуматься о том, насколько новая французская «монархия» была «законной», не является ли она «неправильной» формой правления (тиранией/деспотией)? Преобладал именно последний вариант, поскольку перед своей коронацией в марте 1804 г. Наполеон арестовал и казнил Энгийенского, что стало поводом для дипломатического разрыва между Россией и Францией. К тому же императорский титул Наполеон получил из рук французского Сената, а не «волеизъявлением» французского народа. В целом, как пишет современный исследователь К. Шарф, понятие «деспотии» в XVIII в.

³³⁶ Там же. С. 314–315.

³³⁷ Перечень известий// Вестник Европы. 1804. Ч. 15. № 9. С. 81.

употреблялось, в основном, в отношении восточных государств в качестве «неевропейской» формы правления³³⁸. Однако, в контексте конца XVIII – начала XIX вв. понятие «деспотии» в отношении формы правления при Наполеоне, скорее всего, употребляется в духе Монтескье, как «беззаконная» и «самовластная» неограниченная «законом» власть монарха. Тем не менее, в «Вестнике Европы» даже с уходом Карамзина еще осенью 1803 г., освещались оба полюса этой общеевропейской полемики.

Разумеется, российская политическая культура конца XVIII – начала XIX вв. не сводилась исключительно к «Вестнику Европы». К примеру, в июльском номере «Друг просвещения» за 1804 г. было опубликовано сочинение Державина «Колесница»³³⁹, представляющее собой обращение к истории Французской революции в панегирическом регистре. Так, автор описывал государство через расхожую метафору «четырёхколесной колесницы»³⁴⁰, в котором каждое колесо символизировало одну из четырех социальных страт общества, действующих на «единую волю» («общее благо») под властью монарха («возничего»), держащего «блестящи возжи»³⁴¹. Дальнейшее повествование сводилось к тому, что «колеса» взбунтовались против «возничего», став адскими «Буцефалами», сбросили монарха (Людовика XVI) с королевского престола и начали анархический хаос в государстве³⁴²:

Народ устроенный блаженный,
Под царским некогда венцом,
Чей вкус и разум просвещенный

³³⁸ Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 30.

³³⁹ Согласно Я.К. Гроту, произведение было начато Державиным в 1793 г., но осталось незаконченным вплоть до публикации в июле 1804 г. в «Друге просвещения», а также отдельным изданием (См. Державин Г.Р. Стихотворение 1793 // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я.К. Грота. СПб., 1864. Т. 1. С. 524–525).

³⁴⁰ Скорее всего образ державинской «колесницы» восходил к панегирической топике Стефана (Яворского), в чьем интеллектуальном наследии эта образность была наиболее представлена и восходила к образности библейской «колесницы» (см. Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 352–354).

³⁴¹ Державин Г.Р. Стихотворение 1793 // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1. С. 525–526.

³⁴² Там же. С. 527–558.

Европе были образцом

<...>

Так ты, о Франция несчастна!

Пример безверья, безначальства,

<...>

Гнездо безверья и нахальств³⁴³.

Впрочем, уже осенью 1804 г. на страницах «Вестника Европы» появилась статья под заглавием «Цезарь, Кромвель и Бонапарте. Параллель», в которой Наполеон одновременно уподоблялся Цезарю и Кромвелю. Цезарь, согласно тексту, «возложил на себя корону» там, где Луций Брут, прогнав царя Тарквиния, основал Римскую республику³⁴⁴, а Кромвель, «обагрив руки кровью законного монарха», объявил себя правителем, имея власть «неограниченную»³⁴⁵. Наполеон же, по мнению автора, совместил в себе деяния обоих – «подобно Цезарю уничтожил Республику, подобно Кромвелю восхитил престол своего Государя»³⁴⁶. Автор статьи уподоблял Наполеона «солдатским императорам» Рима и отказывал его власти в законности³⁴⁷.

Иными были оценки в материале «Вестника...», посвященном первым годам царствования Александра I. Здесь присутствовала констатация: «Превращение французского правления из республиканского консульского в монархическое подтвердило <...> что государство обширное и великое не может и не должно быть республикой»³⁴⁸. Автор связывал «восстановление» монархии во Франции с «общим благом» (наступление «спокойствия» и «тишины»), положившем конец «вихрю буйства и крамолы»³⁴⁹. Похожие оценки содержались в опубликованной в «Вестнике...» речи председателя французского Сената,

³⁴³ Державин Г.Р. Стихотворение 1793 // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1. С. 529.

³⁴⁴ Цезарь, Кромвель, Бонапарте. Параллель // Вестник Европы. 1804. Ч. 17. № 20. С. 335–336.

³⁴⁵ Там же. С. 336–337.

³⁴⁶ Там же. С. 337.

³⁴⁷ Там же. С. 338.

³⁴⁸ Первые годы царствования Александра I // Вестник Европы. 1804. Ч. 18. № 21. С. 64.

³⁴⁹ Там же. С. 64–65.

посвященной коронации Наполеона: все республики (древние и современные) «были ограничены малым размером», поэтому республика не могла утвердиться во Франции, в которой «народ привержен к монархическому правлению», а «единодержавие для государства обширного есть точно то же, что статуя Паллады для древней Трои»³⁵⁰.

В первых номерах за 1805 г., с переходом «Вестника Европы» под контроль магистра философии Московского университета М.Т. Каченовского, начинают публиковаться более критические по своему содержанию материалы, посвященные Наполеону. Каченовский, подготовивший для этого номера собственноручный «Взгляд на происшествия 1804 года», констатировал, что прошедший год был «славен» «кончиною Французской Республики»³⁵¹. Подобно прежним авторам, он писал о «хищении» Наполеоном «порфиры Бурбонов», полученной им не из «рук народа», а только от французских «чиновных людей» (Сената). А это, согласно Каченовскому, было основанием признать императорскую власть Бонапарта не монархической, а деспотической³⁵².

Текстом Каченовского в «Вестнике...» открылась череда материалов, посвященных дебатам о французском «деспотизме» Наполеона, «похитившего» престол «законной» династии Бурбонов. Уже в следующем номере была опубликована пространная статья, посвященная данному вопросу. Так же, как Каченовский, автор брошюры апеллировал к тому, что Наполеон получил императорскую «порфиру» от Сената, «радостно объявившего, что четыре миллиона французов желают быть под деспотическим управлением Корсиканца»³⁵³. Главной целью воцарения Наполеона автор назвал желание французских сенаторов («новой аристократии») «уничтожить республиканское правление», введя во Франции «неограниченную власть» и закрепив за собой собственность, полученную ими во время революции³⁵⁴. Задаваясь вопросом,

³⁵⁰ Речь, говоренная Наполеону Бонапарту Президентом Сената // Вестник Европы. 1805. Ч. 19. № 4. С. 319, 323.

³⁵¹ Взгляд на происшествия 1804 г. // Вестник Европы. 1805. Ч. 19. № 1. С. 65.

³⁵² Там же. С. 66.

³⁵³ Извлечение из письма, писаннаго из Парижа 1 го ноября прошлаго года // Вестник Европы. 1805. Ч. 19. № 3. С. 230.

³⁵⁴ Там же. С. 232, 234.

можно ли во Франции еще восстановить «законную» монархическую власть, автор сопоставлял монархию и деспотию как формы правления, ссылаясь на трактат «О духе законов» Монтескье и приходя к выводу, что для монархии необходимо дворянство, «всегда остававшееся при прежних правах своих» и служащее защитой от деспотизма: «Дворянство пользующиеся преимуществами и отличающиеся от других классов народа, и потому самому ограничивающее власть Государя»³⁵⁵. Наполеон, по мнению автора, желал создать новое французское дворянство, но подобный план был обречен на неудачи, поскольку по-прежнему существует «старая аристократия», верная «законной» французской династии Бурбонов³⁵⁶. Рассуждая о военном могуществе при деспотичной власти, автор апеллировал к историческому опыту, доказавшего, что деспот, основывающий свою власть на военной силе («страхе»), всегда опасается быть свергнутым армией, а потому «старается развратить армию и погасить в ней дух воинственный»³⁵⁷. Это достаточно часто встречаемый аргумент против деспотической власти, по аналогии со «слабостью» армии турецкого султана, чье войско движимо страхом, а не добродетелью – «любовью к отечеству».

Публикации о деспотизме Наполеона сопровождались различными материалами, сообщавшим российским читателям о практических проявлениях его деспотичной власти. В одной из заметок говорилось об увеличении численности французского «специального корпуса жандармов», следившего за «общественным мнением»³⁵⁸. В другой отмечалось, что Наполеон установил во Франции «полицейское государство», в котором «жандармы» служили орудием «политической инквизиции» Наполеона³⁵⁹. Следствием деспотизма, согласно этому же автору, был всеобщий кризис: коммерческий упадок, бедность, превращение граждан в «пленников» и прочее³⁶⁰.

³⁵⁵ Извлечение из письма, писанного из Парижа 1 го ноября прошлого года // Вестник Европы. 1805. Ч. 19. № 3. С. 236, 238.

³⁵⁶ Там же. С. 241–243.

³⁵⁷ Там же. С. 245. Этот расхожий аргумент о слабости войск при деспотизме, зачастую использовался в отношении Османской империи, находящейся под властью «восточного деспота».

³⁵⁸ Выписка из английских ведомостей // Вестник Европы. 1805. Ч. 20. № 8. С. 324–327.

³⁵⁹ Изображение нынешнего состояния Франции // Вестник Европы. 1805. Ч. 23. № 17. С. 62–75.

³⁶⁰ Изображение нынешнего состояния Франции // Вестник Европы. 1805. Ч. 23. № 17. С. 72–74.

Критический тон рассуждений о деспотизме Наполеона на страницах «Вестника» усиливался с эскалацией внешнеполитических событий, особенно с началом войн Третьей и Четвертой антифранцузских коалиций в 1805–1807 гг. Так, конце 1805 г. в «Вестнике Европы» был опубликован памфлет, в котором Наполеон предстал в привычном уже образе «похитителя престолов» и поработителя государств с помощью «навязывания» им конституций³⁶¹. Автор памфлета предлагал классический взгляд на историю революционной Франции как на процесс деградации: Франция «в течение пятнадцати лет быв сначала конституционной монархией, потом анархической демократией, далее тиранической олигархией, наконец, деспотизмом, утеснительным для граждан...»³⁶². Рассмотренная выше полемика была представлена и в других отечественных периодических изданиях начала XIX в., в продолжавшем свое существование «Политическом журнале», «Московском Меркурии» (в таких же подробностях освещавшем европейские политические события 1801–1803 гг.)³⁶³, появившийся немногим позже периодический листок «Гений времен» (с 1807 г.), также ориентированный на освещение исторических и политических «событий».

Итак, установление императорской наследственной власти Наполеона во Франции было интерпретировано современниками как новый виток трансформации формы правления в монархическое. Тем не менее, сохранялась двойственность оценок произошедших событий, но опирающаяся все также на аргументационный арсенал глоссариев форм правлений. Прежняя полемика вокруг формы правления во Франции между республикой/монархией отныне проходила вокруг сопоставления монархии/деспотии Наполеона, вокруг которой актуализировался вопрос, чем же отличается деспотическое правление от «законной» монархии. Необходимо подчеркнуть, что в александровскую

³⁶¹ Хищения Наполеоновы // Вестник Европы. 1805. Ч. 24. № 23. С. 221–223, 225, 227.

³⁶² Там же. С. 232.

³⁶³ Подробнее см.: Сиромаха В.Г. Карамзинист П.И. Макаров // Язык как материал словесности. Сб. статей. М., 2016. С. 68–78. О других российских периодических изданиях и отражении в них образа Наполеона см. Лобачкова М.Г. Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике. 1799–1815 гг. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03, Самара, 2007. С. 77–79.

цензурную «оттепель» начала XIX в., рассуждения о Французской революции в основном велись на страницах отечественной периодической печати.

Рассуждения современников сопровождались вполне свободным использованием понятия «революция» («переворот») как кальки с французского языка с определенной политической коннотацией, так и более широкой в значении «внезапной перемены» в какой-либо сфере общества³⁶⁴. Очевидно, что столь частое употребление понятия «революция» («переворот») на страницах периодической печати начала XIX в. требовало закрепления определенных норм словоупотребления данного понятия. Одним из внимательных читателей карамзинского «Вестника Европы» был А.С. Шишков, опубликовавший пространное «Рассуждение о старом и новом слоге» (1803)³⁶⁵. Выступая против употребления галлицизмов в русском языке, Шишков обратился к понятию «революция» (*révolution*) и употребляемого в российской периодической перевода данного понятия как «переворота». По его мнению, перевод слова «*révolution*» с помощью термина «переворот» являлся ассоциативной подменой: «Слову *переворот* дано здесь [в сочинениях] знаменование слова *revolution*. Никогда в Российском языке доселе не означало оно сего понятия. Оно с подобными сему словами *изворотиться, перевернуться, вывернуться*, употреблялось в простом или низком слоге...»³⁶⁶. Какой же перевод французского «*révolution*», согласно Шишкову, был наиболее адекватным? Во-первых, он считал, что «переворот» в том значении, в котором его употребляют в

³⁶⁴ Подробнее см.: Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. С. 148–152.

³⁶⁵ Как отмечает современная исследовательница О.А. Крашенинникова, Шишков в «Рассуждение о старом и новом слоге» активно цитировал неверные, по его мнению, словоупотреблений французских слов, из карамзинских журналов: «Московский журнал», «Вестник Европы», «Аглая» и др. Подробнее см.: Крашенинникова О.А. Полемика о старом и новом слоге (1803–1812) // Очерки истории русской публицистики первой трети XIX в. М., 2021. С. 106–108. Обстоятельно об этом сочинении Шишкова и его значении в контексте российской политической культуры начала XIX в. см. главу 3 настоящего исследования.

³⁶⁶ Шишков А.С. Рассуждения о старом и новом слоге. СПб., 1803. С. 184–185. Здесь же он представил неправильные словоупотребления этого понятия в российской периодической печати: «Выпишем здесь несколько оных для примера: ввесть моря в переворот. – Вовлечь в пучину переворота – Направлять намерение переворота на все правительства – Переворотный факел – Церковную область преобразить в переворотную провинцию – Пентархия обратилась в переворотный круг – Французские переворотные флоты – Какое бы следствие ни имел противоположение – Исторжение Голландии из-под переворотной власти – Переворотная война сделалась войною округления – Какая неудобопонятная гиль!» (см. Там же. С. 185).

российской периодической печати необходимо переводить как «перемена правления»³⁶⁷. Такой вариант перевода, скорее всего, восходил к представлению о трансформации форм правлений и собственно глоссарию форм правлений. Во-вторых, он также отождествлял перевод слова «переворот» со значением во французском языке слова «révolte», что дословно можно перевести как «бунт», «восстание», «мятеж»³⁶⁸.

Начало новой внешнеполитической эскалации России и Франции в 1805–1807 гг. актуализировали в российской политической культуре исключительно негативную интерпретацию правления Наполеона. Как справедливо отмечает В.С. Парсамов, Россия не была подготовлена к новой кампании ни материально, ни идеологически; сознание общества опиралось на прежние, можно сказать, «екатерининские» образы победоносного русского воинства, не проигравшего ни одной войны³⁶⁹. Более того, исследователь Д.А. Сдвижков обращает внимание на то, что войны России XVIII в. на «бюрократическом языке» именовались как «походы» («прусский поход», «турецкий поход»), предполагавшие совершить «на» или «за» пределы империи³⁷⁰. Характер «далеких войн», проходящих на границах или за пределами Российской империи не требовал, как не странно, основательного идеологического обоснования³⁷¹. Не удивительно в таком случае, что Александр I также не спешил дать обоснование участию России в новой войне, на первых порах ограничившись лишь императорским указом Сенату в начале сентября 1805 г., в котором целью вступлению в войну было указано

³⁶⁷ Шишков А.С. Рассуждения о старом и новом слоге. СПб., 1803. С. 41.

³⁶⁸ Там же. С. 28. Интересно отметить, что в «Новом словотолкователе...» (1806) Н.М. Яновского была зафиксирована следующая норма употребления понятия «революция»: «Революция – внезапная перемена в правлении какого-либо народа, произведенная сильным потрясением всего общественного тела для установления другого порядка вещей...» (см. Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту: содержащий разные в русском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины: в 3 т. СПб., 1806. Т. 3. Стб. 516). Второй вариант, предлагаемый Шишковым, был отражен значительно позже, в «Опыте словаря русских синонимов» (1818) П.Ф. Калайдовича, в котором понятия «возмущение», «смятение», «мятеж» и «бунт» были синонимичны политическим беспорядкам. При этом «бунт» – это слабый, локальный политический конфликт в котором действующим лицом является «чернь», «восставшей против законной власти», а «мятеж» масштабный политический конфликт «против власти похищенной», имеющий предводителя и конкретную цель (см. Калайдович П. Ф. Опыт словаря русских синонимов. М., 1818. Ч. 1. С. 127–129).

³⁶⁹ Парсамов В. С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М., 2020. С. 56–72.

³⁷⁰ Сдвижков Д.А. Хотели ли русские войны? Война и имперское сознание в России XVIII в. // Новое литературное обозрение. 2024. № 4. С. 137.

³⁷¹ Там же. С. 144–145.

«водворить в Европе на прочных основаниях мир...»³⁷². Не дал нужного объяснения и манифест об объявлении войны с Францией от ноября 1806 г., открывавшийся фразой, что «россиянам <...> нет нужды изъяснять, сколько происшествия сия делают настоящую войну необходимой»³⁷³. Однако осенью 1806 г. союзники России – Пруссия и Австрия – потерпели тяжкие поражения от французского императора, а война придвинулась к российским границам – в ноябре 1806 г. Наполеон занял Варшаву. Необходимое идеологическое обоснование войны было представлено только в декабре 1806 г. в манифесте о создании милиции и временного ополчения, сопровождавшемся указом Синоду о необходимости проведения регулярных объявлений о «характере войны» после воскресных служб. В прокламации от имени Синода Наполеон был провозглашен «антихристом» и «детисцем богопротивной революции», угрожавшем вторгнуться в Россию с целью «потрясти православную веру» и «ниспровергнуть церковь христову»³⁷⁴. Такой набор аргументов был наиболее значимым идеологическим обоснованием войны для большей части российских подданных, сформировав в сознании российских современников ситуацию ожидания войны с Наполеоном на территории России. Образ Наполеона-антихриста следовал панегирическому канону, в котором Французская революция изображалась как проявление «безначального ада».

Благодаря «оттепели» в цензурной политике Александра I начала XIX в., способствовавшей активному появлению новых российских периодических изданий, многочисленные войны александровской эпохи начали осмысляться не только языком официальных манифестов и частым переходом российских образованных подданных в панегирический регистр. Устоявшаяся некогда схема,

³⁷² Цит. по Шильдер Н.К. Император Александр Первый: его жизнь и царствование: в 4 т. СПб., 1904–1905. Т. 2. С. 124–125. Примечательна реакция Карамзина на этот манифест, отразившаяся в его знаменитой «Записке о древней и новой России...» (1811): «Выходит Манифест о милиции... Верю, что советники государевы имели доброе намерение, но худо знали состояние России. Вооружить 600 000 человек, не имея оружия в запасе! Прокормить их без средства везти хлеб за ними, или изготовить его в тех местах, куда им идти (не?) надлежало! <...> правительство хотело невозможного; доверенность к нему ослабела, и люди, в первый раз читавшие Манифест со слезами, чрез несколько дней начали смеяться над жалкой милицией!» (см. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 64–65).

³⁷³ Шильдер Н.К. Император Александр Первый: его жизнь и царствование: в 4 т. СПб., 1904–1905. Т. 2. С. 155.

³⁷⁴ Там же. С. 156.

множественно проявлявшаяся при столкновении со сложными вызовами (например, Французской революцией) и сопровождавшаяся переходом речи в панегирический регистр, с появлением многочисленной (в сравнении с прежними эпохами) российской периодической печати, создала возможность для существования нескольких систем аргументации. Отныне военные конфликты сопровождались множеством риторических обоснований, подчас возникающих не в ключе официальных манифестов, а в русле независимых от манифестов, но дополняющих их систем аргументации на страницах российской периодической печати. Важно, что российские панегирические сочинения также активно публикуются на страницах этих журналов. Эта ключевая, можно сказать, «информационная» новация александровской эпохи, впервые отразилась в годы войн 1805–1807 гг., а наиболее широко во время Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Настоящую «новацию» наглядно подтверждают и активно публиковавшиеся на страницах российских журналов политические памфлеты (оригинальные и переводные) против Наполеона в 1806–1807 гг., вплоть до заключения Тильзитского мира³⁷⁵.

Так, еще до выхода александровского манифеста о создании милиции и временного ополчения, в ноябре 1806 г., «Вестник Европы» сам проинформировал читателей о целях прошлогоднего вступления России в войну и о значении грядущего военного противостояния. Пространный материал, возможно, написанный Каченовским, упоминал о «макиавеллистском коварстве» Наполеона, который в 1801–1804 гг. прикинулся миролюбивым правителем, на самом деле начав «порабощение» государств «пером» (конституциями)³⁷⁶. Затем Наполеон, будучи лишь «первым чиновником» республики, «присвоил самодержавие и похитил у нации власть, вверенную ему на время», сделавшись уже открытым деспотом³⁷⁷. Объясняя причины вступления России в войну с

³⁷⁵ Подробнее см.: Лобачкова М.Г. Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике. 1799–1815 гг. дисс. ...канд. ист. наук: 07.00.03, Самара, 2007. С. 78–79.

³⁷⁶ О состоянии политических дел Европы в продолжение 1805 года и первых трех месяцев нынешнего // Вестник Европы. 1806. Ч. 28. № 14. С. 125–126.

³⁷⁷ О состоянии политических дел Европы в продолжение 1805 года и первых трех месяцев нынешнего // Вестник Европы. 1806. Ч. 28. № 14. С. 134.

Наполеоном, автор апеллировал к «достоинствам и выгодам империи» и ряду «моральных причин» («чести нации», «благодумию монарха», «славе оружия»), а также многократному нарушению международного права французским «лже-монархом» через «незаконные» нападения на европейских союзников России³⁷⁸. И так, целью участия России в конфликте была война вовсе не за территориальную экспансию и не за славу, а за «свободу Европы»³⁷⁹. Каченовскому оставалось объяснить причины поражения в битве при Аустерлице³⁸⁰, и он обратился к старинному аргументу о «военном могуществе» республик³⁸¹. Французская революция, объяснял автор, еще не закончилась с консулатом Наполеона, поэтому Франция «действует по правилам переворотной [революционной] республики», только «меч ужаса» теперь находится в руках деспота, а не французского народа³⁸².

Концентрация российской периодической печати и манифестов именно на деспотичном характере власти Наполеона и, главным образом, на его политической фигуре, трансформировало восприятие французской армии среди российских современников. В нынешней войне они не фигурировали как «наследники» революции, напротив, были представлены как «равный» враг русского войска, с тем лишь отличием, что французы находились под властью деградированной монархической формы правления – деспотии. Более того в немногочисленных отечественных панегириках конца 1806 – начала 1807 гг. война была представлена не в категориях российская монархия vs французская республика (революция) как в конце XVIII в., а в конфигурации российская монархия vs французская деспотия (тирания). Характерные черты этой новой

³⁷⁸ О состоянии политических дел Европы в продолжение 1805 года и первых трех месяцев нынешнего // Вестник Европы. 1806. Ч. 28. № 14. С. 140–142, 144.

³⁷⁹ Там же. С. 152.

³⁸⁰ Информация об исходе сражения обладала неопределенностью из которого было неясно, кто же потерпел поражение. Подробнее об этом см.: Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М., 2020. С. 55–61; Лобачкова М.Г. Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике. 1799–1815 гг. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03, Самара, 2007. С. 117–119.

³⁸¹ См. об этом аргументе на примере Новгородской республики. Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 432–446

³⁸² О состоянии политических дел Европы в продолжение 1805 года и первых трех месяцев нынешнего // Вестник Европы. 1806. Ч. 28. № 14. С. 146–147.

конфигурации отразились в первых панегириках от февраля 1807 г., в которых исключительно негативной коннотацией был наделен образ французского «деспота» (тирана) Наполеона, а французская армия, в соответствии с глоссарием форм правлений, была переосмыслена и представлена как армия «рабов» или же вовсе лишена какой-либо негативной коннотации.

Одним из первых откликов в панегирическом регистре была «Песнь барда над гробом славян-победителей» (1806) под авторством В.А. Жуковского, где звучал призыв к «славянам» (русским войскам) «отомстить» за павших недавно соотечественников от рук Наполеона («ярого исполина»), так и «освободить» («спасти») все европейские государства от «рабских оков» его деспотии. У Жуковского разговор о деспотии Наполеона был акцентирован именно вокруг тематики потенциально уготованного рабства для государств, покоренных Наполеоном. Поэт воспроизвел, как следует из строк ниже, недавний пример поверженной в октябре 1806 г. войсками Наполеона Пруссии («тевтонов»), особо подчеркивая всеобщий кризис добродетелей, начавшийся под властью французского деспота:

Прострите взор окрест: лишь дебри заустелы.
 Где пышный вид полей? где радостные селы?
 И где тевтонов мощь, низринувшая Рим?
 Там мать гладная иссякшими сосцами,
 Простертая на прах, в младенца кровь лиет;
 Там к пеплу хижины приникший сединами,
 Недугом изнурен, кончины старец ждет;
 Там чада нищеты – убийство и хищенье;
 Там рабства первенец, неистовый разврат.
 О ясный мир семей! о нравов оскверненье!
 О доблесть прежних лет! Лишь цепи там звучат;
 Лишь хищников бичи подъяты над рабами...³⁸³

³⁸³ Жуковский В.А. Песнь барда над гробом славян-победителей // Собрание сочинений: в 4-х т. М., 1959. Т. 1. Стихотворения. С. 53.

Похожая оптика в отношении деспотии Наполеона, угрожавшей свободе граждан европейских государств была представлена в оде публициста В.В. Попугаева «К согражданам» (1806). Попугаев, в духе Жуковского, призывал «россов» восстать за свободу и не разделять «судьбу германцев несчастливу», оказавшихся в «цепях» после поражения от Наполеона³⁸⁴. Ода заканчивалась призывом на сопротивление «тирании» Наполеона, в которой русском войску поможет Божественное Провидение:

Всевышний, правде поборая,
Тиранов злобных устрашая,
Врагов поможет вам разить³⁸⁵.

С.Н. Глинка в стихотворении «На случай вызова отставных солдат для служения отечеству» (февраль 1807), опубликованном в «Вестнике Европы», вовсе не упоминал о французском войске, вся негативная риторика была сфокусирована вокруг образа Наполеона:

Вождь Галлов дерзкий, вероломный,
Коварством побеждать способный,
В чем убедиться ты хотел?
Мы любим ли родной предел?³⁸⁶

Интересно, что стихотворение начиналось с истории побед русского воинства над французами и упоминало о победоносных походах А.В. Суворова. Недавнее же сражение при Прейсиш-Эйлау начала февраля 1807 г., победитель которого остался неопределенным, в стихотворении Глинки вовсе трансформировалось в победу, одержанную опять же благодаря духу Суворова³⁸⁷. Здесь же упоминалась война Франции с Великобританией, начавшаяся в 1803 г.,

³⁸⁴ Попугаев В.В. К согражданам // Русские просветители (от Радищева до декабристов). Т. 1. М., 1960. С. 280.

³⁸⁵ Там же. С. 281.

³⁸⁶ Глинка С.Н. На случай вызова отставных солдат для служения отечеству // Вестник Европы. 1807. Ч. 32. № 8. С. 276.

³⁸⁷ Там же. С. 276.

но не имевшая активных военных действий. Глинка в данном случае подмечал, что русские войска «молниеносно» победят французов, иронизируя над англо-французской войной: «Вы [русские войска]! Совершите то днями / Что Карфагенский вождь годами». Под «карфагенским вождем», конечно, имелся в виду английский монарх.

Наивысший по своей образности негативный образ деспотии Наполеона был представлен в двух сочинениях Державина – стихотворении «Персей и Андромеда» и оде «На выступление корпуса гвардии в поход против французов» (оба – 1807 г.). Характерно, что он вновь актуализировал знакомую библейскую образность, упоминавшуюся в панегирических рефлексиях о революции еще в последние года царствования Екатерины II, но в данном случае актуализированную декабрьским обращением к Синоду. Метафорично и само название первого сочинения и его содержание: за образом Персея был сокрыт Александр I, спасавший Андромеду (Европу) из «лап и плена зверя» (Наполеона), принявшего в державинской риторике облик совершеннейшего ужаса, происходившего из ада:

За громом громы ударяют,
Освечивая в тьме бездонну ада дверь,
Из коей дивий вол, иль преисподний зверь
Стальночешучайтый, крылатый,
Серпокогтистый, дву-рогатый,
С наполненным зубов, ножей разверзнутым ртом...³⁸⁸

Далее Державин уподобил французские войска «ехиднам», а Наполеона – коварной «Саламандре». В призыве русскому войску победить «ехидн» упоминался и господствующий европейский миф о непобедимости французской армии («Ступай и победи / Никем непобедимых»)³⁸⁹. Призывая освободить

³⁸⁸ Державин Г.Р. Персей и Андромеда. Кантата на победу французов русскими. СПб., 1807. С. 2.

³⁸⁹ Державин Г.Р. На выступление корпуса гвардии в поход против французов // Персей и Андромеда. Кантата на победу французов русскими. СПб., 1807. С. 7.

Берлин от французских «ехидн», Державин также задействовал библейскую образность, уподобив их «змеям», обвивших прусскую столицу («Освободи Берлин / Лежащий в змиях, / Объяввших вокруг его все тело»)³⁹⁰. Это же могло быть отсылкой к победоносной фигуре Георгия Победоносца, поражающего копьём «змия» (Наполеона).

Похожие «звериные» мотивы в интерпретации образа Наполеона присутствовали в оде «На разбитие французов...» (1807) инспектор-адъютанта Н.И. Селявина. Но в отличие от державинского варианта, в его сочинении акценты были смещены на противопоставление «добродетельной» «законной» монархии Александра «тирании» («деспотии») Наполеона, нарушившего своей политикой принципы «общеевропейского мира»:

А ты Наполеон свирепый,
Как хищный зверь, добычи рвет,
Ты рушишь тишины [общеевропейского мира] заклепы;

<...>

Терзать, губить твоя отрада,
Престола хищник и тиран³⁹¹.

Наиболее близкая к российской периодической печати интерпретация образа Наполеона обнаруживается в панегирике М.М. Хераскова «Российскому воинству на победы в начале 1807 года» (1807), опубликованном в «Вестнике Европы». Он последовательно упоминал: нарушенный Наполеоном мир, коронацию подданных (братьев Наполеона), похищенный им французский престол:

Он [Наполеон] Царские разрушил троны,
На подданных взложил короны,
Грозил попать Орла и Льва³⁹².

³⁹⁰ Державин Г.Р. На выступление корпуса гвардии в поход против французов // Персей и Андромеда. Кантата на победу французов русскими. СПб., 1807. С. 6.

³⁹¹ Селявин Н.И. Ода на разбитие французов победоносными российскими войсками. СПб., 1807. С. 11

³⁹² Херасков М.М. Российскому воинству на победы в начале 1807 года // Вестник Европы. 1807. Ч. 31. № 4. С. 316.

В отличие от прочих авторов, Херасков применял греко-римскую образность, уподобив Наполеона сначала «божьему бичу» – вождю гуннов Аттиле, а затем царю Тарквинию Гордому, свергнутому тираноборцем Луцием Брутом:

Другим Аттилой в ратном поле,
Другим Тарквинием на престоле,
Решился быть Наполеон...³⁹³

Через несколько месяцев после панегирика Хераскова, в «Вестнике...» была опубликована заметка, также сравнивавшая Аттилу с Наполеоном. Автор заметки усматривал в методах гуннского вождя сходство с теми способами, которыми свою власть укреплял Наполеон: «Некоторыми народами он управлял непосредственно <...> над прочими власть его действовала через других; он возводил царей на престолы, и низлагал их <...> Он называл себя Царем Царей...»³⁹⁴. Однако, в заключении автор напрямую сравнил вождя гуннов с «Аттилой Корсиканским» (Наполеоном), отметив, что первый был из царского рода, «чистосердечно сказывал о себе, что он [Аттила] бич [божий] на земле» и не выдавал себя за «благодетеля» народов, в то время как Наполеон, поступал противоположно и, наконец, Аттила, в отличие от «корсиканца» признавал свои поражения, не выдавая их за мнимые победы³⁹⁵.

Тем временем в июне 1807 г. Фридрихское сражение подвело черту под панегирической риторикой о короткой победоносной войне с французами. Пока панегиристы рассуждали о сокрушении коварного «Саламандра», Российская империя была вынуждена уже в июле 1807 г. заключить Тильзитский мир со вчерашним «антихристом». Тильзитский мир был воспринят российским обществом как тяжелое поражение: не проигрывавшая в войнах на протяжении полувека, Российская империя привыкла считать свою армию непобедимой. Но, конечно, неудача в войне была для российского образованного общества больше, чем просто унижительным миром со вчерашним врагом. Она также

³⁹³ Херасков М.М. Российскому воинству на победы в начале 1807 года // Вестник Европы. 1807. Ч. 31. № 4. С. 316.

³⁹⁴ Выписки из летописи пятого века // Вестник Европы. 1807. Ч. 33. № 10. С. 154.

³⁹⁵ Там же. С. 157.

продемонстрировала, что прежние объяснительные модели, опирающиеся на глоссарий форм правления, не позволяют объяснить уже произошедшее и происходящее. Политическая философия форм правления подсказывала: французская армия «рабов» под властью «деспота» Наполеона должна была потерпеть жестокий разгром от армии «сынов отечества» (граждан) под предводительством «законного» монарха Александра I. В послетильзитской российской политической культуре возникала потребность в новых системах аргументации, способных в случае новой войны мобилизовать российское общество. Не меньшей была и потребность в осмыслении причин поражения, предполагавшем своеобразную «ревизию» всех сфер жизни российского общества. Такая «ревизия» затрагивала различный круг вопросов: начиная от «исправления» нравов (добродетели), открывшая дискуссию о «воспитании» и «просвещении», заканчивая обращением к истории героического национального прошлого и проводимой монархом внутренней политикой.

Вместе с тем, после заключения Тильзитского мира были введены новые цензурные постановления в России, запретившие критические высказывания в адрес Наполеона. Не меньшее внимание было уделено регулированию политических тематик в российской периодической печати³⁹⁶. М.Б. Велижев справедливо связывает оставление Каченовским «Вестника Европы» именно с данным аспектом цензуры, причем «Вестник...», переданный В.А. Жуковскому, отныне прекратил освещать политические события, сфокусировав усилия на художественной литературе³⁹⁷. Ему на смену пришел не менее популярный среди российских образованных подданных «Русский Вестник», издававшийся с 1808 г. С.Н. Глинкой. Представленная в первом

³⁹⁶ Подробнее см.: Лобачкова М.Г. Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике. 1799–1815 гг. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03, Самара, 2007. С. 79–81. К тому же еще в январе 1807 г. был организован «Комитет охранения общей безопасности» – надведомственного государственного органа, в задачи которого входило сохранение «общественного спокойствия». Следует отметить, что деятельность «Комитета...» была направлена не столько на российскую периодическую печать, сколько на выявление «политических неблагонадежных граждан», особенно на западных окраинах Российской империи (см. Лукашевич А.М. Комитет охранения общей безопасности Российской Империи (1807–1829) // Российские и славянские исследования. Минск, 2015. С. 74–81)

³⁹⁷ Велижев М.Б. «Вестник Европы» в литературной и общественной жизни второй половины 1800-х гг. : автореферат дис. ... канд. филолог. наук : 10.01.01. М., 2004. С. 17–19.

номере программа журнала сообщала читателям, что журнал будет противопоставлять европейским сочинениям «не вымыслы романические, но нравы и добродетель праотцов наших», а потому содержание «Русского вестника» было ориентированно на исключительно российскую тематику или, как кратко резюмировал сам Глинка, «Русский вестник посвящается Русским»³⁹⁸. Тильзит, впрочем, не означал для России окончания военных конфликтов: в момент его заключения продолжалась Русско-турецкая война 1806–1812 гг. и Русско-персидская война 1804–1813 гг., к которым вскоре добавилась Русско-шведская война 1808–1809 гг.

В.С. Парсамов, характеризуя идеологические модели Отечественной войны 1812 г., появившиеся в канун и непосредственно во время самого конфликта, разделяет их на «"консервативную"» и «"либеральную"» модели, на том основании, что в восприятии Александра I участие «русского народа» в войне «вполне могло служить аргументом в пользу освобождения крестьян», что, согласно исследователю, и формировало «"либеральную"» модель Грозы 1812 г.³⁹⁹ Принимая во внимание, что подобное разделение весьма условно, а также тот факт, что на уровне недворянских и крестьянских слухов было два варианта освобождения российских крестьян в начале XIX в.: внешнего (в результате действий Наполеона) и внутреннего (по инициативе российского императора) освобождения⁴⁰⁰. Следует подчеркнуть, что механизмы трансляции идеологии Отечественной войны 1812 г., как и последующих Заграничных походов русской армии в 1813–1814 гг., остались прежними, объединяя не только официальный взгляд на происходящие события, транслировавшийся через высочайшие манифесты и церковные воскресные проповеди, но также через «нарождающуюся» отечественную периодическую печать, содержащую

³⁹⁸ Глинка С.Н. Вступление // Русский вестник. 1808. Ч. 1. № 1. С. 6. С. 9.

³⁹⁹ Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М., 2020. С. 188, 150–187, 188–232.

⁴⁰⁰ Тимофеев Д.В. Перспективы решения крепостного вопроса в России первой четверти XIX века в отражении недворянских проектов и слухов // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2017. № 2. С. 9–16.

различные идеологические модели интерпретации происходящих событий. Информационный механизм действий (трансляции), в сущности, не отличался от войны 1805–1807 гг., допуская *сосуществование* различных концепций, интерпретировавших военное столкновение в различных категориях, с различных ракурсов, но объединенных в едином порыве против Наполеона.

Ключевая роль в формировании идеологии Грозы 1812 г. была отведена Шишкову, ставшему незадолго до ее начала государственным секретарем, в чьи обязанности входило написание манифестов от имени императора. Однако, еще в конце 1811 г. на заседании «Беседы любителей русского слова» он прочитал свое сочинение «Рассуждение о любви к Отечеству», некоторое время спустя с сочинением ознакомился лично Александр I⁴⁰¹. Как бы то ни было, в основе его «Рассуждения...» лежало переосмысление одной из основных *республиканских* добродетелей, восходивших к *античному республиканизму*, жертвенной любви к *отечеству* (патриотизму – «общему благу») ⁴⁰². Приводя примеры из античной (республиканской!) и российской истории⁴⁰³, Шишков делал вывод о том, что «любовь к отечеству» – это «сильнейшая ограда всякой державы», высшая добродетель, однако ее существование взаимосвязано с «народной гордостью», уважением к месту рождения, традиции и языку⁴⁰⁴. Связь между «народной гордостью» и «любовью к отечеству» в представлении Шишкова незыблема («одно без другого быть не может»), ее нарушение привело к падению «величия Рима» и «многих сильных держав», утративших могущество из-за пренебрежения «народной гордостью» и страсти к «подражательству»

⁴⁰¹ Обстоятельства знакомства Александра I с «Рассуждением...» Шишкова раскрыты в историографии: Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М., 2020. С. 109–111. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 137–138.

⁴⁰² Об отношении и взглядах адмирала на греко-римское республиканское прошлое см.: Глава 4. О том, как античная республиканская добродетель «любовь к отечеству» (патриотизм) трансформировалась в европейских (немецком, французском, английском и итальянском) политических языках в конце XVIII – начале XIX вв. на волне рефлексии о Французской революции 1789 г. и Наполеоновских войнах. См. Viroli M. For love of country: An essay on patriotism and nationalism. Clarendon Press, 1995. P. 95–160.

⁴⁰³ О них также см. Глава 4.

⁴⁰⁴ Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству. СПб., 1811. С. 37.

иноземцам⁴⁰⁵. Поэтому необходимо постоянно стремиться к поддержанию «любви к отечеству» и «народной гордости» среди «сограждан».

Важнейшим источником, подпитывающим высшую добродетель («любовь к отечеству»), Шишков называл «православную веру» – «единственный человеческого благополучия источник, из которого народоправитель почерпает мудрость, закону силу, судья правду, полководец мужество, земледелец трудолюбие, воин...»⁴⁰⁶. Православная вера здесь играла ключевую роль, ведь как демонстрировал панегирический регистр, власть монарха утверждалась ее божественным происхождением, источником власти монарха выступал Бог. Шишков постулировал: «В наполнении сердец их [подданных] любовью к вере, откуда проистекает любовь к Государю, к сему поставленному от Бога отцу и главе народной; любовь к Отечеству, к сему телу великому, но не крепкому без соединения с главою своею»⁴⁰⁷. Таким образом, республиканская добродетель «любовь к отечеству» в концепции Шишкова утрачивала, по сути, свою республиканскую часть – это не любовь к республике и не понимание «отечества» как республики, напротив, «отечество» становились синонимично и соразмерно монархии (государю), служа мотивацией для самопожертвования ради достижения «общего блага» (отечества-монарха). Можно сказать, что Шишков «омонаршил» республиканскую жертвенную добродетель «любовь к отечеству», поставив ее на службу *российской монархии*. Не менее важно и то, что «любовь к отечеству» как высшая добродетель опиралась на *универсальные принципы*, понятные российским православным подданным («согражданам»), вне зависимости от их образовательного уровня и социального статуса: «любовь к государю» (монарху) и «любовь к вере» (православию). Конечно, Шишков не был единственным, кто разрабатывал такие идеи – к похожему переосмыслению

⁴⁰⁵ Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству. СПб., 1811. С. 33–34.

⁴⁰⁶ Там же. С. 37.

⁴⁰⁷ Там же. С. 43–44. Наряду с «православной верой» Шишков в своем «Рассуждение...» также выделил еще два источника «любви к отечеству», в соответствии с собственной «языковой концепцией»: «отечественное воспитание» и «язык русский». Все три источника были тесно взаимосвязаны между собой. Однако, речь о них пойдет в Главе 3.

в различное время пришли Карамзин, Ростопчин и Глинка⁴⁰⁸. Но в силу занимаемой Шишковым должности государственного секретаря, ему была отведена роль главного идеолога в распространении этой максимы через манифесты⁴⁰⁹. Необходимо также подчеркнуть, что переосмысление им одной из основных добродетелей античного республиканизма не характеризует его взгляды как республиканские. Напротив, настоящий пример иллюстрирует один из оттенков той палитры глоссариев российских образованных подданных конца XVIII – начала XIX вв., в которых республиканские принципы могли легко уживаться с монархией.

В осмыслении Шишкова военное противостояние Александра I и Наполеона в Грозу 1812 г. – это не столкновение хорошего и плохого государей (монархия vs деспотия/тирания) и даже не столкновение двух государств (Россия vs Франция). Война должна идти за «спасение Веры, Престола, Царства» в «той праведной брани, какую благословляет Бог и православная наша церковь...»⁴¹⁰. С долей условности ее можно охарактеризовать как «священную войну» между «воинами Христа» (Россией) и «безбожниками» (Францией)⁴¹¹. Показательно, что имя Наполеона редко фигурировало в манифестах, зато часто упоминался обезличенный «неприятель», действующий «с лукавством в сердце и лестью в устах несет он вечные для нее [России] цепи и оковы»⁴¹². Образ «всеобъемлющего тирана», вторгнувшегося в Россию, прежде всего, сопровождался подробным описанием преступлений против «святынь» и прочих

⁴⁰⁸ См. Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2008. № 3. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/3/chuvstvitelnyj-nacjonalizm-karamzin-rostopchin-nacjonalnyj-suverenitet-i-poiski-nacjonalnoj-identichnosti.html>

⁴⁰⁹ О восприятии российскими современниками манифестов под авторством государственного секретаря Шишкова можно судить по воспоминаниям С.Т. Аксакова: «Писанные им [Шишковым] манифесты действовали электрической цепью на Русь. Несмотря на книжные, иногда несколько напыщенные выражения, русское чувство, которым они были проникнуты, сильно отзывалось в сердцах русских людей» (Цит. по Жаринов Д.А. Первые впечатления войны. Манифесты // Отеч. война 1812 года и русское общество. М., 1912. Вып. 3. С. 170–180).

⁴¹⁰ Воззвание к Первопрестольной столице в Москве // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 12.

⁴¹¹ Шильдер Н.К. Император Александр Первый: его жизнь и царствование: в 4 т. СПб., 1904–1905. Т. 3. С. 88.

⁴¹² Манифест с объявлением о шествии неприятеля в пределы России и о всеобщем противу него ополчении // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 14.

«зверств». Наибольшее внимание этому было уделено в манифесте об оставлении «неприятелем» сожженной Москвы, в котором Шишков подробно и весьма красочно описывал подробности «зверств» и «грабежей» армии Наполеона, акцентируя на их «безбожии»: «Но сих всех мерзостей и неистовств еще недовольно: двери у храмов Божьих отбиты, Иконы обнажены от окладов, ризы разодраны, иконостасы поломаны и разбросаны по полу...»⁴¹³. Подводя соотечественников к закономерным рассуждениям: «И посему должны рассуждать, может ли прекращена быть вражда между безбожием и благочестием, между пороком и добродетелью? <...> Возблагодарим Бога! Он и во гневе Своем нам Отец, пекущийся о нашем благе»⁴¹⁴. Отечественная война 1812 г. приобретала сакральные и эсхатологические черты. Центральной фигурой оставалась священная фигура монарха (Александра I), выступавшего в роли «божьего помазанника», которому нет даже необходимости лично руководить армией. В манифесте «Об изгнании французов за пределы России» Шишков констатировал, что крушение захватчика было делом самого Бога: «И да познаем в великом деле сем промысел Божий. Повергнемся пред Святым Его Престолом, и видя ясно руку его, покаравшую гордость и злочестие [французов] <...> сих отпадших от веры осквернителей храмов Божьих <...> Велик Господь наш Бог в милостях и во гневе своем»⁴¹⁵.

Итак, манифесты Шишкова времен Отечественной войны 1812 г. актуализировали провиденциальные (эсхатологические) представления о происходящих событиях. Разрешение конфликта принимало очертания прямого вмешательства Божественного Провидения, предопределив доминирующее и распространенное обращение к прежним, не забытым с 1805–1807 гг., представлениям о Наполеоне как «Антихристе». Но, в отличие от ситуации войн 1805–1807 гг., когда негативной коннотацией наделялся сам Наполеон (тиран,

⁴¹³ Всенародное известие по высочайшему повелению из Москвы от 17 октября 1812 г. // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 53–54.

⁴¹⁴ Там же. С. 56.

⁴¹⁵ Манифест о изгнании неприятеля из пределов России // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 93.

деспот), а французы представляли в образах его безмолвных и несчастных «рабов», в 1812 г. негативная коннотация проецировалась на все войско «неприятеля». На этом фоне особенно выделялись французы, представшие кровожадными бунтовщиками-безбожниками и наследниками «революционного безначалия». Коллективный образ «неприятеля» активно конструировался в шишковских манифестах именно на этих идеях: «Где, в какой земле весь Царский дом казнен на плахе? Где, в какой земле столько поругана была Вера и сам Бог? <...> Вот с каким народом имеем дело!»⁴¹⁶.

Идентичный образ «вторгнувшегося неприятеля» конструировался и в «Афишах» Ростопчина: «Враг рода человеческого [неприятель], наказание Божье за грехи наши, дьявольское наваждение, злой француз, взошел в Москву; предал ее мечу, пламени, ограбил храмы Божьи, осквернил алтари непотребствами, сосуды пьянством, посмешищем...»⁴¹⁷. В конечном счете, происходящих конфликт в описании Ростопчина приобрел те же черты, что и в манифестах. Провиденциальный монархизм одновременно сопровождался патерналистской риторикой: «Он [Александр I] один помазанник Его [Бога], и мы присягаем Ему в верности. Он Отец, мы дети Его, *а злодей француз – некрещенный враг*. Он готов продать и душу свою; уж был и Туркою, в Египте обусурманился...» (курсив мой – В.И.)⁴¹⁸. Таким образом, конфликт был представлен «священной войной» христианского воинства во главе с монархом-помазанником Александром I против «безверных» французов во главе с Наполеоном-Антихристом. В таком ключе, начало и исход военного противостояния был предопределен, прежде всего, Божественным Провидением.

Близкую к манифестам и церковным проповедям в 1812–1814 гг. риторику использовал в «Русском Вестнике» С.Н. Глинка. Регулярно он помещал в журнале материалы, иллюстрировавшие «безнравственность» французских

⁴¹⁶ Всенародное известие по высочайшему повелению из Москвы от 17 октября 1812 г. // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 55–56.

⁴¹⁷ Ростопчин Ф.В. Ростопчинские афиши 1812 г. / под ред. А.С. Суворин. СПб., 1889. С. 49.

⁴¹⁸ Там же. С. 51.

войск, их «грехопадение»; правда, он здесь подчеркивал, что к «грехопадению» привел не их личный выбор, а «деспотичная власть» злого Наполеона⁴¹⁹. В «Русском вестнике» выходили материалы, посвященные корсиканскому (нефранцузскому) происхождению Наполеона, акцентируя внимание читателей на прежней риторике о «похищении» им законного престола французской династии и его прямой связи с Французской революцией⁴²⁰. Наконец, «Русский вестник» тиражировал пространные материалы о Наполеоне-Антихристе, страшного для Европы не столько военной силой, сколько политическим «лукавством» (коварными обещаниями свободы, ведущими – как утверждали уже авторы текстов 1800-х гг. – к порабощению «пером»)⁴²¹.

Миф о Наполеоне-Антихристе находил отражение и в панегирических сочинениях. К примеру, в конце 1812 г. Державин опубликовал «Гимн лиро-эпический на прогнание французов и Отечества», где вновь изобразил Наполеона «Антихристом» в образе «дракона, иль демона змеевидного»: «О, так! Таинственный числ зверь / В плоти седьмглавый Люцифер / О десяти рогах венчаный...») ⁴²². «Десять рогов» и «седьмглав Люцифера», как пишет в комментарии к державинскому гимну издатель Я.К. Грот – это семь королей, воздвигнутых Наполеоном на престол, и десять народов, покоренных им⁴²³. Наполеону (Люциферу) противостоял «архангел Михаил» (М.И. Кутузов) – в такой образности, согласно комментарию Я.К. Грота, Кутузов был специально пожалован в княжеское достоинство, чтобы соответствовать библейскому

⁴¹⁹ Здесь отдельно не рассматриваются журнальные публикации «Русского Вестника» за 1812–1815 гг., поскольку этот аспект не раз оказывался в фокусе исследователей именно в данных хронологических рамках. Можно констатировать, что он следовал общему российскому вектору риторических стратегий, направленных против Наполеона и Французской революции 1789 г. Подробнее см.: Лупарева Н.Н. «Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж, 2012. С. 123–144.

⁴²⁰ Мирзоев Е.Б. Сергей Глинка против Наполеона. Антифранцузская пропаганда «Русского Вестника» [Электронный ресурс] // С.Н. Глинка против наполеоновской Франции. У истоков консервативно-националистической идеологии в России. М., 2010. Режим доступа: http://www.1812w.ru/libris/lib_m/glnk30.php

⁴²¹ Там же.

⁴²² Державин Г.Р. Гимн лиро-эпический на прогнание французов // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1866. Т. 3. С. 138–139, 150–152.

⁴²³ Семь королей: неаполитанский, вестфальский, вюртембергский, голландский, испанский, баварский. Десять рог-народов: австрийский, прусский, саксонский, баварский, вюртембергский, вестфальский, итальянский, испанский, португальский польский (Там же. С. 152).

«архангелу Михаилу» (князю великому)⁴²⁴. Битва между «архангелом Михаилом» и «Люцифером» происходила – продолжает Державин, в двух измерениях: сакральном (между «архангелом Михаилом» и «Люцифером») и физическом (в Бородинском сражении). В обоих случаях победу одерживал Михаил (Кутузов).

В панегирике под заглавием «Атилла девятагонадесять века» (1812) литератора и переводчика В.Г. Анастасевича прослеживаются те же апокалиптические мотивы. Наполеон (Аттила), изображался как «адский змий» («Подобно змию пред народом / Он полз излучисто на трон, / Блевал свой яд на утварь царску, / Чтoб паче утаить мысль адску...»)⁴²⁵. В соответствии с библейским канонem, «адскому змию» противостоял Кутузов в образе «архангела Михаила»: «Да сбудется реченно слово: / Низложит змия МИХАИЛ»⁴²⁶.

Похожие по своей риторике материалы (переводные и оригинальные) были представлены в журнале Н.И. Греча «Сын Отечества», издававшегося со второй половины 1812 г.⁴²⁷. Современная исследовательница В.А. Вишленкова обращает внимание на активную публикацию в российском журнале «Сын Отечества» в 1812–1814 гг. различных карикатур, издававшихся широким тиражом и отдельными листками от журнала. Сатирические изображения – пишет исследователь, выполнили две задачи: «успокоили социальные низы» и конструировали миф о «гражданской нации и народной войне России», в последнем варианте особый акцент в карикатурах был сделан на грабежах Наполеона и его армии, а также лубочном изображении крестьян, сражавшихся с «чужаками» предметами хозяйственного быта (вилами, топорами и т.д.)⁴²⁸. Показательно, что лубочное изображение крестьян было адресовано вовсе не

⁴²⁴ Державин Г.Р. Гимн лиро-эпический на прогнание французов // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1866. Т. 3. С. 152.

⁴²⁵ Анастасевич В.Г. Атилла девятагонадесять века. СПб., 1812. С. 4.

⁴²⁶ Там же. С. 6.

⁴²⁷ Федотова Л.В. Образ Наполеона на страницах журнала «Сын Отечества» в период Отечественной войны 1812 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 2. С. 137–143.

⁴²⁸ Вишленкова Е. «Свои» и «чужие» в карикатуре Двенадцатого года // Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. С. 155–209.

самим крестьянам, а российским интеллектуальным элитам, пытавшимся создать «ореол народности» Грозы 1812 г.⁴²⁹

Вместе с тем, в первом номере журнала «Сын Отечества» за 1812 г. можно обнаружить русскоязычный перевод немецкого сочинения «Глас истины» Э.М. Арндта, сообщавшего читателям о том, что не так уж и плохо быть «варварами», потому что «в устах [Наполеона] ругательство есть лучшая хвала»⁴³⁰. Здесь же «французский тиран» обвинялся в том, что он сжег Москву, подобно римскому тирану Нерону, приказавшего «предать огню древний Рим»⁴³¹. Писатель и литератор А.С. Струговщиков в своей статье «О Бонапарте» (1812), напротив, не мог подыскать для Наполеона подходящего исторического аналога среди тиранов: «Нерон обагрил проклятые руки свои кровью матери <...> Калигула желал, чтобы весь народ его имел одну голову, дабы мог ее отрубить <...> Но Бонапарте <...> не уступает из них никому: подобно извергу Каракалле, распространяет он бешенство свое по всему свету»⁴³².

В ряде номеров журнала «Сын Отечества» в 1812–1814 гг. печатались и церковные панегирики Александру I. Так, в одном из номеров за 1813 г. было опубликовано «Слово...» Августина (Виноградского), сообщавшего читателям религиозную (провиденциальную) интерпретацию событий, представляя Отечественную войну 1812 г. как наказание Божье за грехи, но тут же подчеркивая богоизбранность России: «Народ Российский сам собою ощутил заблуждения свои и всей душою возжелал <...> воздать ему [Богу] почтение, достойное Его»⁴³³. Наполеон предстал в образе «Безбожного супостата», «духа злобы», а сами военные события 1812–1813 гг. разрешились вмешательством Божественного Провидения («...сила небесная многобожный Днепр переменяла в благодатный Иордан»)⁴³⁴.

⁴²⁹ Там же.

⁴³⁰ Глас истины // Сын Отечества. 1812. Ч. 1. № 1. С. 4.

⁴³¹ Там же. С. 7.

⁴³² Струговщиков А.С. О Бонапарте // Сын Отечества. 1812. Ч. 2. № 7. С. 4.

⁴³³ Августин (Виноградский). Слово на высокотожественный день высочайшего тазоименитства его императорского величества государя императора и самодержца всероссийского Александра I // Сын Отечества. 1813. № 46. С. 10.

⁴³⁴ Там же. С. 10. С. 19–21.

По мере приближения войск к Парижу в 1814 г. эти оценки переходили от французского народа обратно к Наполеону, следуя цели «отделить» его от французского «народного тела». Так, в манифесте о взятии Парижа, с восстановлением власти «законного» монарха Людовика XVIII, французский народ, согласно манифесту, «расторгал узы обольщения, устыдившись быть орудием властолюбца [Наполеона]»⁴³⁵. У Карамзина, написавшего панегирик под заглавием «Освобождение Европы и слава Александра I» (1814), апокалиптические образы отсутствовали. Его Наполеон своим коварством превосходил всех «варваров-завоевателей» («Ничто Аттилы, Чингисханы, / Ничто Батьи, Тамерланы / Пред ним [Наполеоном] в свирепости своей»), к тому же, в отличие от Наполеона, «они в степях образовались», а он «явился в просвещенный век»⁴³⁶. Характеризуя армию Наполеона, Карамзин вновь актуализировал глоссарий форм правления, подчеркивая слабость войск деспота:

У них мечи, но дух их мертв:
Идут сражаться за тирана!
И с кем? С любовью к олтарям,
К свободе, к истинным царям!⁴³⁷

Итак, рефлексия о Французской революции и Наполеоне в российской политической культуре 1800-х – 1810-х гг. наглядно демонстрирует разнообразие доступных российской интеллектуальной элите глоссариев и риторических стратегий. Рефлексия начала 1800-х гг. сопровождалась попытками найти рациональное объяснение происходящих событий при помощи секулярного глоссария форм правлений, интерпретировавших установление власти Первого консула (Наполеона) во Франции как трансформацию формы правления от республики к монархии (или же *monarchia mixta*), что своеобразно подводило российских образованных современников к мысли о завершении (итогах)

⁴³⁵ Манифест о покорении Парижа // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 155.

⁴³⁶ Карамзин Н.М. Освобождение Европы и слава Александра I // Карамзин Н.М. Стихотворения. Л., 1966. С. 300.

⁴³⁷ Там же. С. 305.

революции. Даже с принятием императорского титула Наполеоном и началом очередного раунда европейских войн, объяснительная модель глоссария форм правлений эффективно работала, объясняя произошедшее деградацией (трансформацией) формы правления во Франции от монархии к тирании (деспотии). Зачастую подобные аналогии выстраивались на актуализации античных представлений о республике, греко-римских примерах, а также циклических представлений о политическом времени (трансформации форм правлений с «неправильных» на «правильные»).

С началом военной эскалации между Россией и Францией в 1805–1807 гг. и первых поражений коалиции от войск «французского деспота», создало ситуацию, в которой секулярный глоссарий форм правлений перестал работать как объяснительная модель в отношении случившихся поражений. Однако, в российской политической культуре оставалась универсальная объяснительная модель – глоссарий провиденциального монархизма, который актуализировался всякий раз при столкновении со сложными вызовами, нарушившими «тишину» монархического правления. В 1805–1807 гг. это нашло отражение в уподоблении Наполеона Антихристу и вновь актуализированным описанием революции как «безначального ада». Тем не менее, глоссарий провиденциального монархизма также столкнулся с проблемой, не предполагая объяснительной альтернативы Тильзитскому миру 1807 г., вчерашний Наполеон-Антихрист внезапно стал союзником монарха-помазанника (Александра I), но панегирический регистр оказался гибок. В силу жанровой специфики, он трансформировал Тильзитский мир 1807 г. в «победу» (достижение «тишины» монархического правления).

Процессы, начавшиеся в послетильзитской российской политической культуре второй половины 1800-х – начале 1810-х гг., были связаны с модификацией прежних риторических стратегий. Ключевую роль в их переосмыслении сыграла когорта т. н. «российских консерваторов», которая переосмыслила классическую (античную) республиканскую добродетель как «любовь к отечеству» (патриотизм), адаптировав ее для монархического правления и акцентировав лояльность православной вере и государю. И здесь они

выступили больше новаторами, нежели ретроgrадами. Данные новации позволили представить Отечественную войну 1812 г. как войну между «христианством» (православием) и «безбожием», актуализировать провиденциальные (библейские) нарративы о ходе военных событий, представив их как сакральную битву «Антихриста» (Наполеона) с монархом-помазанником (Александром I) – эсхатологические представления, подчеркивавшие констатацией вмешательства в исход (предопределение) событий Божественного Провидения. Именно в панегирическом регистре сформировался и актуализировался мощнейший импульс августинистских категорий, апеллировавший к прямому участию Божественного Провидения войнах 1812–1814 гг., что отразилось и на представлениях о Наполеоне и Французской революции 1789 г.

Вместе с тем, в условиях активного развития отечественной периодической печати эпохи Александра I не приходится говорить о существовании какой-либо *единой (монопольной) публичной* интерпретации событий 1812–1814 гг. Имелись различные подходы к интерпретации, которые включали аналитический глоссарий форм правления, апелляции к августинизму и – как демонстрирует В.С. Парсамов на материалах российской периодической печати 1812–1814 гг. – иностранные сюжеты тираноборческого содержания, в том числе античные⁴³⁸. Развитие периодической позволило *единомоментно сосуществовать*, с учетом различных цензурных ограничений, множеству объяснительных моделей и различных систем аргументации, направленных против «неприятеля».

⁴³⁸ Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М., 2020. С. 188–232.

Глава 2. Монархизм в российской политической культуре 1790-х – 1810-х годов

§ 2.1. Провиденциальный монархизм: трансформация образа Александра I в 1800-х – 1810-х годах

Исследователи российского консерватизма конца XVIII – начала XIX вв., рассматривающие консерватизм как единую доктрину, в качестве ее основополагающей характеристики данной отмечают идею сильной монархической власти⁴³⁹. Так, Р. Пайпс подчеркивал: «Квинтэссенция русского консерватизма – самодержавие»⁴⁴⁰.

Политическая традиция российского монархизма конца XVIII – первой четверти XIX вв. связана с *сакрализацией власти* монарха, выразившейся прежде всего в панегирическом жанре светского и церковного регистров, продолжавший активно развиваться на протяжении александровского царствования. Власть монарха в рамках такого жанра признавалась данной от Бога; злые монархи, как и добрые, занимали трон по воле Провидения, а не подданных. Парадоксальным образом подобная сакрализация усилилась в эпоху дворцовых переворотов; в российской политической культуре XVIII – начала XIX вв. объяснение «дворцового переворота» происходило *постфактум*⁴⁴¹. Вместе с тем российский монархизм XVIII—XIX вв. вовсе не был идеологией тотального послушания власти. Сакрализация власти монарха была дополнена достаточно влиятельной идеологией *антиабсолютистского монархизма*, распространявшейся через адаптацию в российской политической культуре

⁴³⁹ Подробнее см.: Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 6–7.; Егерев Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина. М., 2014. С. 9–12.; Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В.Я. Гросула. М., 2000. 440 с.

⁴⁴⁰ Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / пер. с англ. И. Павлова. М., 2008. С. 12.

⁴⁴¹ Необходимо подчеркнуть, что как раз дебаты о легитимности «восстания» против тирана, попирающего права своих подданных, публично разворачивалась в тираноборческих сюжетах конца XVIII – начала XIX вв. в литературно-публицистических произведениях, а также драматургии по вопросу легитимности «восстания» («дворцового переворота») против тирана на престоле. Обстоятельно этот вопрос рассмотрен в четвертой главе настоящего исследования.

XVIII в., главным образом, идей из сочинения Ф. Фенелона «Похождения Телемака» (1699), издававшегося на русском языке дважды по высочайшему (монаршему) повелению еще в первой половине XVIII в.⁴⁴². Современный исследователь М.А. Киселев следующим образом суммирует идеологию антиабсолютистского монархизма: верховная власть принадлежит монарху, но она не претендует на реальный неограниченный характер, т.к. монарх для достижения *общего блага* и *собственного благополучия* самолично ограничивает свою власть, правя в соответствии с установленными им же «постоянными законами» («фундаментальными законами» и «законами» в целом) – их «произвольное изменение и нарушение могло привести к невозможности достижения общего блага, внутренним смутам, бедствиям для народа и подрыву основ власти самого правителя <...> во имя [общего] блага и народа, и правителя власть монарха должны была быть верховной (*souverain*), но не абсолютной (*absolu*)»⁴⁴³. Таким образом, антиабсолютистский монархизм предполагал *не конфронтацию* (в представлениях Г.А. Гуковского – «дворянской фронды») между монархом и дворянскими элитами, скорее, он подразумевал их *сотрудничество* на условиях взаимных гарантий сохранения «абсолютной» («верховой») власти монарха и прав («фундаментальных законов») подданных, установленных самим монархом.

С конца XVIII в. в российской политической культуре появляются функциональные аналоги оды (песнь, лирические стихотворения и гимны, послания, элегии и «отрывки»), сохранившие типичные для панегирического

⁴⁴² Перевод «Похождению Телемака» Ф. Фенелона несколько раз издавалось в России в 1724 г., 1747 г., 1767 г. (Киселев. Антиабсолютизм. С. 345, 349, 356–357, 365, 367). На протяжении XVIII в. в России появился целый ряд сочинений, написанных в подражание фенелоновскому «бестселлеру»: «Геройская добродетель, или жизнь Сифа, Царя Египетского» Д.И. Фонвизина (1762), «Новое Киронаставление, или путешествия Кировы» (1765) Э.М. Рамзая, «*Réflexions Diverses sur le Gouvernement*» («Различные размышления о правительстве», 1760) М.М. Щербатова, наконец «Велизарий» Ж.Ф. Мармонтеля, переведенный в 1768 г. на русский язык по инициативе Екатерины II (Подробнее см.: Киселев М.А. Адаптация антиабсолютистского монархизма в России в первые две трети XVIII в. // Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века / под ред. С.В. Польского и В.С. Ржеуцкого. М., 2022. С. 365–367, 371).

⁴⁴³ Киселев М.А. Адаптация антиабсолютистского монархизма в России в первые две трети XVIII в. // Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века / под ред. С.В. Польского и В.С. Ржеуцкого. М., 2022. С. 339–340.

жанра наборы метафор⁴⁴⁴. Характерные черты жанра панегирика монарху можно свести к следующим риторическим ходам: метафора «вознесения» (представление о божественной власти монарха и описание его как полубожества, чудотворца), метафора «преображения» (представление о способности монарха преобразовывать все вокруг себя, «монарха-чудотворец») и метафора «воплощения» (возрождение предков монарха в действующем правителе), пространственные исторические экскурсы, греко-римская и библейская образность⁴⁴⁵. Как отмечают Б.А. Успенский и В.М. Живов, именно в царствование Александра I сакрализация власти монарха, происходившая *вне барочной культуры*, приобрела наибольшую интенсивность, особенно в Отечественную войну 1812 г.⁴⁴⁶. При помощи библейских образов и символов авторы осмысливали происходящие события, прежде всего военно-политического толка⁴⁴⁷.

Восшествие на российский престол Александра I после переворота в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. сопровождалось чередой панегириков⁴⁴⁸. Манифест, изданный Александром I о вступлении на российский престол, формально, ничего не сообщал о произошедшем перевороте, сообщая лишь, что Павел I скончался по естественным причинам, и констатируя намерения нового царя править по заветам «Августейшей Бабки» – Екатерины II («...коей память Нам и всему Отечеству вечно пребудет любезна»)⁴⁴⁹. И действительно,

⁴⁴⁴ Подробнее см. развитие функциональных аналогов панегириков на примере Н.М. Карамзина: Киселева Л.Н. «Царь сердец», или Карамзинистский панегирик // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Тарту, 2023. С. 45–65.

⁴⁴⁵ Бугров К.Д. «Счастья общего творец»: панегирики первых лет царствования Александра I и политическая традиция российского монархизма // Документ. Архив. История. Современность. Мат-лы VI Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2016. С. 232.

⁴⁴⁶ Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблема переводимости. М., 1987. С. 135–136.

⁴⁴⁷ Следует уточнить, вслед за В.М. Живовым и Б.А. Успенским, что барочная традиция сохранялась в церковном панегирике на протяжении первой половины XIX в. См.: Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблема переводимости. М., 1987. С. 136–137.

⁴⁴⁸ Вступление на престол Александра I вызвало широкий всплеск в российской панегирической культуре. Согласно подсчету «Русского архива» на восшествие Александра I на престол (12 марта 1801 г.) и коронацию (15 сентября 1801 г.) было написано около 57 сочинений в панегирическом жанре. См. На случай од, сочиненных в Москве в коронацию [Александра I] // Русский архив. 1867. Вып. 6. Стб. 986–988.

⁴⁴⁹ Манифест о кончине императора Павла I, и о вступлении на престол императора Александра I (с приложением клятвенного обещания) // ПСЗРИ. 1830. Т. 26. № 19779. С. 583–584.

необходимости специально информировать подданных о «перевороте» не было, ведь Александр I вступал на престол в точном соответствии с павловским Актом о престолонаследии 1797 г. И все же, панегирики первых лет царствования Александра I следовали модели легитимации «дворцового переворота»⁴⁵⁰, хотя – формально! – никакого переворота не совершилось.

Эта легитимация опиралась на противопоставление предыдущего *плохого* царствования (Павла I) царствованию новому и *хорошему* (Александра I). Такое противопоставление «до» и «после» часто выражалось метафорой «зимы» («прошлого») и «весны» («настоящего»); Александр I действительно вступил на престол в середине марта 1801 г.). Конечно, круг рассмотренных учеными панегиристов можно дополнить, в том числе за счет привлечения панегириков российских консерваторов⁴⁵¹.

Наиболее прямолинейно выступил Г.Р. Державин, правда, его ода по случаю вступления на престол Александра I, фактически прямолинейно прославлявшая гибель Павла I, была опубликована только в 1808 г. Державин сравнивал воцарение Александра I с наступлением «весны», характеризуя предшествующее царствование как «зиму» (с суровым северным ветром – Нордом или Бореем):

Век новый! Царь младый, прекрасный

Пришел днесь к нам весны стезей!

Мои предвестья велегласны

⁴⁵⁰ О стратегии легитимации дворцового переворота 1762 г. см.: Киселев М.А. Обстоятельный Манифест о восшествии Екатерины II на престол 1762 г.: авторство и идейные источники // Современная научная мысль. 2018. № 5. С. 48–64. О стратегии легитимации дворцового переворота 1741 г. см.: Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. ... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 137–160; К.Д. Бугровым были проанализированы светские панегирики под авторством лиц различного социального статуса: П.И. Берга, С.Н. Ливогова, Н. Микулина, М.И. Невзорова, Н.Г. Щеглова и Н.М. Карамзина. Подробнее см.: Бугров К.Д. «Счастья общего творец»: панегирики первых лет царствования Александра I и политическая традиция российского монархизма // Документ. Архив. История. Современность. Мат-лы VI Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2016. С. 231–237.

⁴⁵¹ Впрочем, Ростопчин никогда не был склонен к написанию панегириков, а его недоброжелательность к правлению Александра I отразилась лишь в его эпистолярном наследии (См. Мещеряков О.А. Ф.В. Ростопчин: У основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 47–77). Шишков был произведен Павлом I в вице-адмиралы, а также был награжден орденом Св. Анны 1-й степени (См. Гребенщиков А.Е. Адмирал Александр Семенович Шишков: общественно-политические взгляды и государственная деятельность. дисс. ... канд. ист. наук.: 07.00.02. Воронеж, 2019. С. 86–96).

Уже сбылись, сбылись судьбой.
 Умолк рев Норда сиповатый,
 Закрылся грозный, страшный взгляд;
 Зефиры вспорхнули крылаты,
 На воздух веют аромат...⁴⁵²

Добродетели подданных пришли в упадок в царствование тирана («Борея»), но с восшествием на престол Александра I («ангела благородного») они «оживают»⁴⁵³. Уподобление молодого монарха «ангелу» – расхожий троп в светских панегириках начала царствования Александра I, связанный с описаниями физической красоты государя. Не менее часто встречаемый в этих же панегириках троп – это указание на то, что Александр I вступал на трон в период «общеевропейского мира»⁴⁵⁴. Державин даже акцентировал внимание на этом с первых стрóf своего панегирика: «Во всей Европы мир цветет / <...> Ты, Мир, пришел к нам наконец»⁴⁵⁵.

Те же тропы встречаются в оде Карамзина, написавшего два панегирика (один на восшествие на престол Александра I, а второй на его коронацию). Карамзин, как и Державин, указывал на наступление «весны» со вступлением на престол Александра I, назвав прежнее царствование Павла I «мрачными ужасами зимы»:

Так милые весны явленье
 С собой приносит нам забвеньё
 Всех мрачных ужасов зимы

⁴⁵² Державин Г.Р. На восшествие на престол императора Александра I (1801) // Сочинения Державина с объяснениями и примечаниями Я.К. Грота. СПб.: В Имп-ой Академии наук, 1869. Т. 2. С. 357.

⁴⁵³ Там же. С. 358, 330.

⁴⁵⁴ На характеристике метафоры «общеевропейского мира» в панегириках, посвященных восшествию на престол Александра I подробно останавливается В.С. Парсамов. См. Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М., 2020. С. 28–41.

⁴⁵⁵ Державин Г.Р. На восшествие на престол императора Александра I (1801) // Сочинения Державина с объяснениями и примечаниями Я.К. Грота. СПб., 1869. Т. 2. С. 357.

<...>

Весна у нас, с Тобою [Александром I] мы!⁴⁵⁶

И здесь монарх представал в образе «ангела божьего», которого «Господь России дал»⁴⁵⁷. В то же время Карамзин уподобил монарха «солнцу», дарующему просвещение своим подданным⁴⁵⁸. А метафора «общеевропейского мира» в его оде, напротив, созвучна с наставлением молодому монарху, который, согласно Карамзину, должен был отказаться от «ужасов войны» и обратить свое внимание на преобразования в государстве: «МОНАРХ! Довольно лавров славы, / Довольно ужасов войны! / <...> / Возьми – не меч, – весы Фемиды»⁴⁵⁹. В заключении, автор предостерегал Александра I от «царедворцев», думающих не об «общем благе», а только исходя из «лести», «козней», «корысти»⁴⁶⁰.

Шишков, написавший «Стихи при восшествии на Престол Императора Александра I» (1801), использовал противопоставление на «до» и «после» завуалированно – нарушенное некогда «правосудие» в прежнее царствование (Павла I), должно, по мнению Шишкова, восстановиться с восшествием на престол нового монарха.:

О Боже праведный!
Твоей святой рукою
На троне Александр;
Ты с ним и он с Тобою

<...>

С ним [Александром I] правосудие воссядет на престол⁴⁶¹;

⁴⁵⁶ Карамзин Н.М. Его императорскому величеству, Александру Первому, самодержцу всероссийскому. М., 1801. С. 3.

⁴⁵⁷ Там же. С. 4–5.

⁴⁵⁸ Там же. С. 10.

⁴⁵⁹ Там же. С. 7.

⁴⁶⁰ Там же. С. 8.

⁴⁶¹ Шишков А.С. Стихи при восшествии на Престол Императора // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. Ч. XIV. СПб., 1831. С. 177.

Практически ровесник Александра I – С.Н. Глинка также написал «Оду благотворителю России Александру Первому на случай коронации его» (1801). В его панегирике противопоставление на «до» («зиму») и «после» («весну») отсутствуют. Весьма важно, что в панегирике Александр I «приемлет венец» именно из рук Екатерины II, Павел I же вовсе не упомянут. Более того, Глинка несколько раз в «Оде...» пишет о «мраке», рассеянном со вступлением на престол монарха:

Как солнце, мрак разгнав стущенный,
 На мир сияет оживленный:
 Ея [Екатерины II] лице так расцвело!..⁴⁶²

Здесь можно было бы списать на литературный троп, сопровождавший в тексте «солярную метафору». Однако эта же мысль присутствует и в дальнейших строфах оды, в которых Глинка выразил надежду на «блаженное» правление Александра I:

Надежда! Сладость, жизнь сердец!
 Молва гремящая промчала,
 “Он друг для всех, и всем Отец!”
 Вещал! И те преграды пали,
 которые еще являли
 Давно протекших мрак времен!..⁴⁶³

Надо полагать, что указание на «преграды», олицетворявшие «давно протекших мрак времен» не что иное, как указание на *недавнее* павловское царствование, отсылавшее к возвращению сосланных узников. В таком виде «падение преград» следует понимать как аллегория на тюрьмы. Этот пассаж несколько раз встречается в панегириках, написанных по случаю восшествия на престол и коронацию Александра I.

Конечно, российские консерваторы не были единственными, кто воспел восшествие на престол Александра I. Так, к коронации был подготовлен

⁴⁶² Глинка С.Н. Ода благотворителю России Александру Первому, на случай коронования его. М., 1801. С. 3–4.

⁴⁶³ Там же. С. 9.

панегирический сборник Казанской академии, содержащий аналогичные литературные ходы. В оде, помещенной в сборнике, монарха на престол возводил «голубь» («святой дух»), который одновременно несет «ветвь мира» и обращается к подданным, провозглашая монарха на престол: «И возвещает: “С вами Бог! / Се АЛЕКСАНДР вам на Престол...”»⁴⁶⁴. Далее уже от имени Александра I, автор обращается к «россам», обещая им возродить былую славу, а народ в образе «младых оленей» ликует и восхищается монархом, избежав встречи с «волками» и «охотниками»:

Равно злосчастием угнетенный
 Давно не знав утех прямых,
 Печалью, горестью стесненный,
 Исторгнувшись от бедствий злых,
 В восторге радостном ликует,
 Свое спасенье торжествует...⁴⁶⁵

Панегирик завершала картина «преобразования», когда со вступлением Александра I на престол все преобразилось по единому его взору: «Науки им распространятся / Художества обогатятся / Ремесла всюду процветут / Откроются умы высоки <...> Плодом торговли, блеском царства / Суть славой Росского Орла!»⁴⁶⁶ В представленном здесь же поздравительном канте Александр I уподоблен «новому Светилу» и «аравийскому фениксу»⁴⁶⁷ (образ умирающего и возрождающегося феникса использовался в европейской традиции как символ наследственной монархии). В завершении поздравительного канта «солярная метафора» используется для противопоставления «зимы» и «весны»:

⁴⁶⁴ Жертва всерадостных чувствований его императорскому величеству <...> Александру Первому, во всевожденнейший день торжественнейшего венчания и священнейшего миропомазания его императорского величества на всероссийский прародительский престол, со всеподданнейшим благоговением приносимая от Казанской академии 1801 года сентября дня. М., 1801. С. 5.

⁴⁶⁵ Там же. С. 8.

⁴⁶⁶ Там же. С. 9–10.

⁴⁶⁷ Там же. С. 35.

Зрите – Он лишь воцарился,
И в темницы свет пролился⁴⁶⁸.

Возможно, здесь автор подразумевал возвращение узников из павловских ссылок. Подобные намеки в панегириках по случаю вступлению на престол Александра I встречались часто. Так, в «Слове на празднество...» (1801) П.И. Суворова – профессора Черноморского штурманского училища из Николаева – говорилось об освобождении при Александре I «невинных или маловинных» узников из Сибири и темниц, о возвращении ко двору «уклонившихся и сокрывшихся» советников Екатерины II, а также «упразднил введенные некие затруднения и неудобства» священнослужителей и, наконец, спас от гибели благородные роды: «Се стекаются в знаменитейшие грады избраннейшие роды Российские; роды, прославившиеся делами и подвигами предков своих, исполненные наследственного духа чести и мужества, и сами подвизавшиеся на пользу Отечества со славою. Злый рок едва не коснулся и сих; и тогда бы пала, пала мощная Россия невозвратимо»⁴⁶⁹.

В плеяде светских панегириков «дней александровых прекрасного начала» были свои исключения, не упоминавшие «дворцовый переворот». Так, в оде Н. Микулина, написанной в 1801 г. по случаю прибытия Александра I в Москву на коронацию, мирно соседствовали образы Екатерины II и Павла I⁴⁷⁰. А куратор Московского университета П.И. Голенищев-Кутузов⁴⁷¹, обращаясь в своем панегирике к монарху, с прямою восклицал:

⁴⁶⁸ Жертва всерадостных чувствований его императорскому величеству <...> Александру Первому, во всевожденнейший день торжественнейшего венчания и священнейшего миропомазания его императорского величества на всероссийский прародительский престол, со всеподданнейшим благоговением приносимая от Казанской академии 1801 года сентября дня. М., 1801. С. 36.

⁴⁶⁹ Суворин П.И. Слово на празднество всерадостнейшаго коронования государя императора Александра Павловича, бывшее в Черноморском Штурманском Училище в Николаеве Октября дня 1801 года. Говоренное онаго Училища Профессором П. Суворовым. Николаев, 1802. С. 8–9.

⁴⁷⁰ Микулин Н. Ода его императорскому величеству Александру Первому, императору и самодержцу всероссийскому, на прибытие его в столичной град Москву 1801 года. М., 1801. С. 4–5.

⁴⁷¹ П.И. Голенищев-Кутузов – один из ближайших друзей и сторонников А.С. Шишкова, сын И.Л. Голенищева-Кутузова, директора Морского кадетского корпуса, где учился юный Шишкова. И.Л. Голенищев-Кутузов выступал своеобразным петербургским «патроном» Шишкова.

Отец твой [Павел I] был мне Благодетель:
 Могу ль я Сына не воспеть?⁴⁷²

Косвенные намеки на «дворцовый переворот» обнаруживаются и в *церковных панегириках*, написанных по случаю восшествия на престол и коронации Александра I. Митрополит Платон (Левшин) произнес целый ряд речей в ходе коронационных торжеств в Москве в сентябре 1801 г. Важнейшей среди них была послекоронационная речь, наставлявшая монарха: «Сей Венец на главе Твоей есть слава наша, но Твой подвиг. Сей Скипетр есть наш покой, но Твое бдение. Сия Держава есть наша безопасность, но Твое попечение»⁴⁷³. В конце наставления он уподобил Александра I библейскому Давиду⁴⁷⁴. Платон не противопоставлял александровское царствование павловскому, но все же намекнул на мрачные стороны второго: «Не дерзаем мы испытывать неиспытанные судьбы Божии. Мы ведаем токмо из истинного слова Господня, яко управляющий царствами человеческими Вышний, во гневе Своем, за грехи народов, творит обладателей земных орудиями Своего нелицеприемного правосудия. Но Он же, во благоволении Своем о людях Своих, дает государей мудрых, человеколюбивых, благодетельных и Духом Своим владычным утверждает их»⁴⁷⁵.

Похожие стратегии можно наблюдать в речах белорусского епископа Анастасия (Братановского), сосредоточившегося на антимакиавеллистских соображениях о возможности совмещать «должность» хорошего христианина и хорошего политика⁴⁷⁶. Монарх, согласно Анастасию, должен быть «законодавцем», «судьей», «патриотом», «вельможей» (то есть происходить из

⁴⁷² Голенищев-Кутузов П.И. Ода его императорскому величеству Александру Первому во изъявление всеподданнейшей благодарности от Московского университета. М., 1801. С. 9.

⁴⁷³ Платон (Левшин). Речь по совершению Коронования Императора Александра Павловича // Платон (Левшин). Полное собрание сочинений. Т. 2. Кн. 10. СПб., 1913. С. 657.

⁴⁷⁴ Там же. С. 659.

⁴⁷⁵ Там же. С. 655–656.

⁴⁷⁶ Анастасий (Братановский). Слово в первый день по получении известия о короновании благочестивейшего государя императора Александра Павловича (1801) // Поучительные слова, преосвященным Анастасием, архиепископом Могилевским и Витебским и ордена святыя Анны 1-го класса кавалером, со вступления на паству белорусскую разновременно проповеданные. Ч. 3. М., 1806. С. 183–192.

знатного рода, чьи заслуги – его же «благородство») и, наконец, «государем», чье «царствование не страха, но совестей; <...> радость каждого...»⁴⁷⁷ Архимандрит Воскресенского монастыря под Москвой Иероним (Понятский) в речи к Александру I и августейшему семейству, произнесенной 6 октября 1801 г., называл царя «сыном Давидовым» и «царем российского Сиона», но от исторических аналогий воздержался⁴⁷⁸. Наконец, спустя год после коронации, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий (Подобедов) следовал уже установленному канону церковного панегирика, уподобив монарха библейскому Давиду и упомянув его «Августейший дом» (императорскую семью), среди членов которой названы действующая императрица-супруга и мать государя⁴⁷⁹.

Итак, панегирики первых лет царствования Александра I продолжали устоявшуюся традицию провиденциального монархизма XVIII в., описывая власть монарха как данную божественным провидением. Устоявшийся набор риторических стратегий в панегирическом жанре, позволял описывать власть государя в религиозных категориях, называя монарха ставленника бога на земле, «героя-чудотворца», способного творить «чудеса» (преображать) все окружающее: от государства до добродетелей подданных. Эти же панегирики отразили своеобразное наставление молодому монарху, следование которым, согласно авторам-панегиристам, могло бы сделать правление монарха более «добродетельным». Наставления выполняли также второстепенную функцию – предостережение монарха от различных «царедворцев», могущих окружить российского монарха, затруднив достижение «общего блага». Что касается *церковных панегириков* на восшествие и коронацию Александра I,

⁴⁷⁷ Анастасий (Братановский). Слово в первый день по получении известия о короновании благочестивейшего государя императора Александра Павловича (1801) // Поучительные слова, преосвященным Анастасием, архиепископом Могилевским и Витебским и ордена святыя Анны 1-го класса кавалером, со вступления на паству белорусскую разновременно проповеданные. Ч. 3. М., 1806. С. 195–196.

⁴⁷⁸ Иероним (Понятский) Речи его императорскому величеству <...> императору Александру Павловичу при всемилостивейшем его императорском величестве с высочайшею императорскою фамилиею посещении ставропигиального Воскресенского, новый Иерусалим именуемого монастыря, говоренные архимандритом Иеронимом 1801 года октября 6 дня. М., 1801. 8 с.

⁴⁷⁹ Амвросий (Подобедов). Речь его императорскому величеству государю императору и самодержцу всероссийскому Александру Павловичу. СПб., 1802. 2 с.

уподобление правителя *ветхозаветной библейской образности* (прежде всего, Давиду и Соломону), вкупе с провозглашением российского монарха «царем израильским» – это часть устоявшейся традиции жанра богословского панегирика⁴⁸⁰. А вот наставление монарху в жанре светской оды (наиболее ярко выраженное в рассмотренном выше панегирике Карамзина) являлось *новацией*, появившейся лишь при восшествии на престол Александра I⁴⁸¹. Какую роль в самом появлении наставлений сыграл относительно юный возраст монарха при вступлении на российский престол, остается лишь догадываться. Несмотря на специфику панегирической речи, именно в ней обнаруживается рефлексия о «дворцовом перевороте» в пользу Александра I, хотя, как было отмечено, *формально* никакого переворота не существовало.

Современный исследователь Д.С. Артамонов подробно рассматривает тираноборческую топику, также отразившуюся в панегирическом регистре, так называемых «поэтов-радищевцев» (членов «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» – В.В. Попугаева, И.П. Пнина, А.Х. Востокова, И.М. Борна), справедливо указывая на актуализацию в их сюжетах античной (римской) модели героев-тираноборцев: Марка Брута, Гая Кассия, Марка Катона⁴⁸² (существенная часть панегирического наследия, т.н. «поэтов-радищевцев» не была опубликована в начале XIX в., оставшись в эпистолах).

Конечно, панегирический регистр накладывал и свои *ограничения на манеру вести речь* о монархии, не подразумевая критику действующего правителя или чрезмерно прямолинейную критику предыдущего

⁴⁸⁰ См. Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблема переводимости. М., 1987. С. 107–110.

⁴⁸¹ Клейн И. Похвала властителю: Панегирическая поэзия и русский абсолютизм // Slověne=Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2015. Т. 4. № 2. С. 51–52. Впрочем, И. Клейн здесь же отмечает, что «...Карамзин-панегирист стоит в этом отношении *не в начале нового литературного развития*, а в конце старого» (курсив мой – В.И.). Этот тезис исследователя не бесспорен, но проистекает от прочтения жанра панегирика с точки зрения художественной (филологической) составляющей, но не политической (Там же. С. 52).

⁴⁸² Наиболее ярким примером можно назвать «Оду Калистрата» И.М. Борна, проводившую параллель между античными и современными российскими событиями ночи с 11 на 12 марта 1801 г. Актуализации именно античной (прежде всего, римской) тираноборческой топики способствовало и то, что «дворцовый переворот» состоялся за несколько дней до «мартовских ид» – 15 марта. Закономерно вызвав аллюзии на убийство Гая Юлия Цезаря в римском Сенате. Подробнее см.: Артамонов Д.С. Тираноборческие и террористические идеи в русской политической культуре первой четверти XIX в. дисс... канд. ист. наук 07.00.02. Саратов, 2006. С. 44–62.

царствования. Первые панегирики Александру I, написанные российскими консерваторами, содержали определенные надежды, возлагаемые на монарха, что отличается от ими же данных впоследствии негативных оценок реформаторского курса первых лет царствования Александра I⁴⁸³. Необходимо подчеркнуть, что реформаторский курс Александра I не нашел отражения ни в светском, ни в церковном панегириках. Тем не менее, панегирический жанр оставался важнейшей частью политической культуры российского монархизма на протяжении первой четверти XIX в.

Ключевые трансформации образа Александра I в панегирическом жанре связаны с Отечественной войной 1812 г. и Заграничными походами русской армии 1813–1814 гг. В.С. Парсамов отмечает, что Александр I в Грозу 1812 г. был вынужден удалиться от действующей армии и находился в *поиске собственной роли и места* в событиях 1812 г.⁴⁸⁴ Следует поставить вопрос: почему же эта проблема возникла? Несомненно, она была актуализирована нахождением во главе Великой армии (*Grande Armée*) полководческого гения Наполеона, масштабом задействованных сил с каждой из сторон и тем фактом, что со времен Смутного времени, война впервые велась на территории России и впервые была для нее по-настоящему оборонительной⁴⁸⁵. Несмотря на то, что последнее предполагалось еще в 1805–1807 гг.⁴⁸⁶, осознание нависшей угрозы войны на своей территории наиболее явно обозначился именно в канун 1812 г. Тем не менее, вопрос с определением места и роли монарха в военных

⁴⁸³ Наиболее расхожая в историографии негативная оценка деятельности Негласного комитета была дана Г.Р. Державиным, назвавшем его участников «якобинской шайкой», очевидно, в связи со своей отставкой с поста министра юстиций в 1803 г. (См. об опале Державина Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 78–79).

⁴⁸⁴ Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М., 2020. С. 233–254. Эту же мысль высказывает Е.М. Болтунова, апеллируя к российскому общественному мнению, имевшему потребность «видеть императора воином, который во время войны – тем более такой войны – руководит армией» (См. Болтунова Е.М. Последний польский король. Коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М., 2022. С. 259–260, 258–275.).

⁴⁸⁵ Д.В. Сдвижков отмечает, что в отечественных солдатских песнях Семилетней войны 1756–1763 гг., война воспринималась как «"правильная – оборонительная"», подчеркивая, что «действительно общим ("всем миром навалиться хотят") становится в 1812 году война, в которой предикат "отечественная" изначально противопоставлялся далеким имперским войнам» (Сдвижков Д. Хотели ли русские войны? Война и имперское сознание в России XVIII века // Новое литературное обозрение. 2024. № 4. С. 152).

⁴⁸⁶ См. предыдущую главу.

конфликтах отсутствовал ранее, как при Екатерине II⁴⁸⁷, так и при Павле I, к примеру, в Итальянском и Швейцарском походах А.В. Суворова. Не вдаваясь в историографическую дискуссию о полководческих талантах Александра I, следует отметить, что за ним, конечно, оставалась формальная роль. Покинув армию в начале 1812 г., он все же оставался верховным главнокомандующим; он же выступил инициатором Заграничных походов русской армии в 1813–1814 гг., оспорив иную позицию генерального штаба и государственного секретаря Шишкова⁴⁸⁸. Однако важна не столько реальная роль российского монарха в событиях 1812 г., сколько наличие за ним закрепленной сакральной роли «божьего избранника». Ее закрепление за российским монархом было определено всем развитием идеологической схемы панегирического жанра на протяжении всего XVIII в. В таком виде, *сакральная роль* российского монарха была определена задолго до Отечественной войны 1812 г. вместе с указанием на прямое вмешательство Божественного Провидения в развитие и исход исторических событий. Обе оставались *общей константной* отечественной политической культуры. Отнюдь не случайна актуализация панегирического регистра в манифестах 1812–1814 гг. государственного секретаря Шишкова, он, как было продемонстрировано, не «изобретал» их с «чистого листа», а лишь адаптировал для манифестов.

В свое время в совместном исследовании, посвященном реконструкции «спора о старом и новом слоге», Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский отметили, что в 1812 г., с назначением Шишкова на пост государственного секретаря, происходит замена «бюрократического языка» («изыщенного», «чистого» и «ясного») официальных документов на «торжество церковнославянского языка», характерного для высокой (панегирической, одической) традиции⁴⁸⁹. Манифесты Шишкова 1812–1814 гг. не вносили новаций в определение

⁴⁸⁷ Впрочем, как продемонстрировано в следующей главе, в панегирическом регистре подчеркивалось ее прямое участие, несмотря на физическое отсутствие императрицы во главе русской армии.

⁴⁸⁸ Рэй М.-П. Александр I / пер с фр. А.Ю. Петров, А.Ю. Терещенко. М., 2013. С. 42, 59–61, 286–298.

⁴⁸⁹ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 460.

сакральной роли российского монарха в Отечественной войне 1812 г., а лишь максимализировали идеи, развивавшееся в панегирическом регистре в предшествующие десятилетия России. Эту мысль отчетливо подтверждает императорский рескрипт фельдмаршалу Н.И. Салтыкову от 25 июня 1812 г., написанный Шишковым: «И по тому не остается МНЕ [Александру I] иного, как поднять оружие и употребить все врученные МНЕ Провидением способы к отражению силы силою [речи идет о наполеоновской агрессии] <...> Провидение благословит праведное наше дело»⁴⁹⁰. Соответствующая роль Александра I как монарха-помазанника, имеющего прямой контакт с Богом, особо подчеркивалась на протяжении событий 1812–1814 гг. Так, в манифесте об отступлении армии Наполеона из сожженной Москвы, Александр I предстал в образе пророка (мессии): «Возблагодарим Бога! Он и во гневе Своем нам отец, пекущийся о нашем благе. Провидение в ниспослании на нас бедствий являет нам Свою милость»⁴⁹¹. Похожие мотивы можно обнаружить и в манифесте об изгнании Наполеона из России, в котором российский император с «болезненным и сокрушенным сердцем», призвал на помощь Бога, а он в свою очередь вложил «доблесть» в народ⁴⁹². победа над Наполеоном была представлена прямым «промыслом Божьим», а от лица Александра I (монарха-помазанника), предлагалось воздать должное Божественному Провидению: «Повергнемся пред Святым Его Престолом, и видя ясно руку его [Провидения], покаравшую гордость и злочестие <...> Велик Господь наш Бог в милостях и во гневе своем!»⁴⁹³

Однако в большей степени развитие риторики о роли монарха как мессианского «божьего помазанника» пришлось на период Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., аккумулировав также мотивы о богоизбранности

⁴⁹⁰ Рескрипт фельдмаршалу графу Салтыкову // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 9.

⁴⁹¹ Известие из Москвы от 17 октября // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 56.

⁴⁹² Манифест о изгнании неприятеля за пределы России // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 95.

⁴⁹³ Там же. С. 98.

Российской империи. Уже в манифесте о победе под Лейпцигом (сентябрь 1813 г.) было представлено пространное описание вмешательства Провидения в военное противостояние, и предлагалось воздать благодарность «тому, кто манием свои управляет небо и землю <...> располагает судьбами царств, возносит славу нарда <...> во всем оном удивил Бог милость свою над нами»⁴⁹⁴. Более того, вскоре после взятия Парижа в начале 1814 г., Александру I от лица Светлейшего Синода, Государственного Совета и Правительствующего Сената поднесен титул «Благословенный» с формулировкой за «великие подвиги ЕГО [монарха] очевидно ознаменованы покровительством высшего промысла»⁴⁹⁵, после же следовала артикуляция о богоизбранности российского императора, чья слава «над всеми державами превозносится»: «Кто из владык земных уподобится ТЕБЕ, ВЕЛИКИЙ! Кто из них [европейских монархов], подъяв оружие в оборону Отечества, пронес его из края в край Европы, не ради приобретения личной славы, но для спасения чуждых народов <...> и для возвращения законных их владетелей! Кто мудростью своей и кротким среди самого могущества убеждением возмог враждебные народы обратить в союзников себе, назидая тем собственное их благо!»⁴⁹⁶.

Итак, манифесты Отечественной войны 1812 г. и последующих событий 1813–1814 гг., по сути, превращались в политические проповеди со всеми чертами глоссария политического провиденциального монархизма. Они транслировали идею о мессианском предназначении российского монарха и Российской империи и о том, что само Провидение участвовало в войне на стороне России. Конечно, подобный взгляд не был изобретением грозной поры 1812 г. В.С. Парсамов в своем исследовании подробно останавливается на характеристике церковных проповедей в 1812–1814 гг., справедливо отмечая, что именно церковь играла роль основного источника информации о

⁴⁹⁴ Известие о сражении произошедшем под Лейпцигом // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 143.

⁴⁹⁵ Указ его Святейшему Правительствующему Синоду, Государственному Совету и Правительствующему Сенату [О поднесении титула Александра I] // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 160–161.

⁴⁹⁶ Там же. С. 162–163.

политических событиях для большинства российских подданных. Так, В.С. Парсамов обращает внимание на артикуляцию в них библейских нарративов, отсылавших к вмешательству Божественного Провидения в события 1812–1814 гг., подобно манифестам под авторством Шишкова. А вот на уровне исторических параллелей – продолжает В.С. Парсамов, широкое распространение получили апелляции к *старозаветной библейской образности*, к примеру, «отождествление Иудейского царства и России, Иерусалима и Москвы», с соответствующим уподоблением Александра I «израильским царям» (Моисею, Давиду и Соломону), а также «божьему помазаннику» и «Христу»⁴⁹⁷. Следует иметь в виду, что уподобление российского монарха «Христу» и «израильским царям», вкупе с дихотомией «Россия – Ханаан (Израиль, Новый Израиль)» достаточно распространенный троп, использовавшийся в политическом богословии и панегириках светских авторов на протяжении всего XVIII в., особенно в период мужских царствований⁴⁹⁸. Тем не менее, следует согласиться, что имеется существенная разница между их наличием и широкой артикуляцией в условиях в российской политической культуры 1812–1814 гг. Эти же идеи разрабатывали и светские авторы. Так, М.И. Невзоров опубликовал оду «На случай войны с Французами в 1812 г.» (1812), открывавшуюся тем, что Александр I представал в образе «Северного Давида», в Россию же вторгался «Голиаф» (Наполеон), но на защиту Давида встал Бог («Покроет нас щитом Своим»):

Кто Богу нашему есть равен,

И кто ему подобен есть?

Он был, и есть, и будет славен

<...>

⁴⁹⁷ Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М., 2020. С. 265–286.

⁴⁹⁸ См. Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблема переводимости. М., 1987. С. 75–81, 107–109.

Царю, о Россы! В след идите
И поклоняйтесь Богу с Ним!⁴⁹⁹

Здесь также проводится параллель между Россией и Израилем, причем к России взывает сам Бог: («Россия ты Израиль новый, / Избраны мной сыны твои»), призывая «качать» армию Наполеона («врагов злых Церкви моей») ⁵⁰⁰.

Похожее представление об этих же событиях можно обнаружить в оде А.Х. Востокова, написанной с одной стороны на «прощание» с 1812 г., а с другой – на день рождения Александра I. Востоков уподобил царя Моисею, а его подданных «израильскому народу»:

Как древле бегствуя Израильский народ
К обетованному покою,
Пустынею, Черный понт невлажною стеною,
Прошел – так мы прошед, оставим за собою
Сей лютый, но и славный год!⁵⁰¹

Студент Московского университета А. Урываев. Он уподобил Наполеона «Галлов Фараону», отсылая к его Египетскому походу 1798–1801 гг.), а российских подданных «израильскому народу», который спасает Бог, пославший «вождем» войск М.И. Кутузова⁵⁰². Такой же взгляд на М.И. Кутузова, спасшего «Новый Израиль» и «израильский народ», фигурировал в стихотворении С.Н. Глинки:

Не пал Израиля спасавший,
Жив будет в новых он вождях,

⁴⁹⁹ Невзоров М.И. Одна на случай войны с Французами 1812 года // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814. Ч. 1. С. 35–36.

⁵⁰⁰ Там же. С. 36. С. 37.

⁵⁰¹ Востоков А.Х. На бегство Наполеона с остатком войск его // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814. Ч. 1. С. 147.

⁵⁰² Урываев А. Песнь на поражение Голльского Фараона, посвященная покровителю сочинителя, его превосходительству Павлу Ивановичу Голенищу-Кутузову // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814. Ч. 1. С. 101–103.

Бог славой его венчавший,
Еще в Израильских полках⁵⁰³.

Обращаясь к «вечному подвигу», совершенному полководцем, С.Н. Глинка использовал метафору «воплощения», считая, что даже после своей смерти, главнокомандующий «жив будет в новых он вождях».

Откликнувшись на взятие Парижа, Глинка написал «Благодарственную песнь Богу...» (1814), в которой Александр I выступил библейским Давидом, а Наполеон – Голиафом. Александра («Ангела») вновь ниспослал Бог «К спасению земли...»⁵⁰⁴:

Ты с Ним Господь и Он с тобою;
Смиранный Царь гласит душою:
Творится Божьей все рукой!⁵⁰⁵

В упоминаемом в предыдущей главе «Гимне лиро-эпическом на прогнание французов из Отечества» (1812) Державина, императору была отведена роль монарха-помазанника, возносящего молитву к Богу, а он в свою очередь напрямую обращался к своему ставленнику, вселяясь в монарха и назначая Кутузова главнокомандующим («Рукой [Александра I] избранна князя Михаила [Кутузова]») для сражения на Бородинском поле. В космологических масштабах Бородинское сражение в державинском гимне предстало библейским сюжетом: сражением «архангела Михаила» (Кутузова) с «Люцифером» (Наполеоном)⁵⁰⁶.

Карамзин, откликнувшийся на взятие Парижа одой «На освобождение Европы и Слава Александра I» (1814), напротив, представил «классический» вариант светского панегирика, как будто следуя традиции первых лет

⁵⁰³ Глинка С.Н. Стихи на кончину Святлейшего князя Кутузова-Смоленского // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814. Ч. 1. С. 191.

⁵⁰⁴ Глинка С.Н. Благодарственная песнь Богу, при известии о взятии Парижа // Русский вестник. 1814. Кн. 10. С. 59.

⁵⁰⁵ Там же. С. 62.

⁵⁰⁶ Державин Г.Р. Гимн лиро-эпический на прогнание французов // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1866. Т. 3. С. 152.

александровского царствования, подчеркивая «божественное происхождение» власти монарха:

Отечество мое! ликуй!
 И с Александром торжествуй!
 <...>
 Помазанник, сосуд избранный
 Ко избавлению людей,
 Монарх, Россией венчаный,
 Но данный богом всем странам,
 Языкам, будущим векам⁵⁰⁷;

Автор намекал на мессианскую миссию России и ее императора, освободившего европейские государства от «оков ига тирании» Наполеона. Интересно, что Карамзин один из немногих авторов, кто подчеркнул в панегириках 1812–1814 гг. образ монарха-воина в Александре I:

Днем в поле, ночью не дремлет:
 Советам прозорливых внимлет,
 Все думы Александр решит;
 Предвидит замыслы лукавых...⁵⁰⁸

Здесь же было наставление европейским государствам, освобожденным благодаря российскому войску и монарху:

...Господь небес о всех печется,
 И червь его рукой храним.
 Над вами царь, а бог над ним.
 В правленьях новое опасно,

⁵⁰⁷ Карамзин Н.М. Освобождение Европы и слава Александра I // Карамзин Н.М. Стихотворения. Л., 1966. С. 306.

⁵⁰⁸ Там же. С. 305.

А безначалие ужасно.

Как трудно общество создать!⁵⁰⁹

У В.А. Жуковского, посвятившего послание «Императору Александру» (1814) также можно обнаружить отчетливые черты мессианской миссии российской монархии и ее богоизбранности во все том же всеевропейском масштабе:

Я зрю тебя, племен несметных повелитель,
 Сей окруженного всемирной тишиной,
 Над полвселенною парящего душой,
 Где все твое, где ты над всех судьбою властен,
 Где ты один всех благ, один всех бед причастен,
 Уполномоченный от неба судия –
 О, сколь божественна в сей час душа твоя!⁵¹⁰

Подробно на характеристике этого сочинения останавливается А.Л. Зорин, обнаруживая здесь тему «мистического обручения царя и народа перед лицом вседержителя»⁵¹¹. В то же время Л.Н. Киселева, обращаясь к этому же произведению Жуковского, отмечает сложную перекодировку образов: от монарха-помазанника до наделения его власти человеческими чертами («человека на троне»). Человеческие качества монарха, как отмечает исследователь, становились у Жуковского «основой института монархии», т.к. демонстрировали подданным моральный ориентир в добродетелях⁵¹². Но и в том, и в другом случае Александр I не только уподобляется Богу, но и претендует на установление в Европе универсальной христианской монархии.

⁵⁰⁹ Карамзин Н.М. Освобождение Европы и слава Александра I // Карамзин Н.М. Стихотворения. Л., 1966. С. 309.

⁵¹⁰ Жуковский В.А. Императору Александру. Послание // В.А. Жуковский. Собрание сочинений в 4 т. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 1. Стихотворения. С. 208. Общее с. 199–210.

⁵¹¹ Зорин А.Л. Кормя двухглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой четверти XIX вв. М., 2001. С. 294–295.

⁵¹² Подробнее см.: Киселева Л.Н. «Царь сердец», или Карамзинистский панегирик // Любовь Киселева. Карамзинисты и прахаисты: статьи разных лет. Тарту, 2023. С. 58–65.

Однако ни светские, ни церковные панегирики не могли сформировать объяснение о дальнейшей общеевропейской миссии России в пространстве европейской интеллектуальной ойкумены. В силу своей жанровой специфики они предназначались для внутрirosсийского пользования. Первенство в этих попытках российского общества сконструировать роль Александра I в Европе после взятия Парижа 1814 г., принадлежала публицистике. Одну из попыток предпринял С.С. Уваров, опубликовавший под впечатлением от памфлета Ф.–Р. Шатобриана «О Бонапарте и Бурбонах» (1814)⁵¹³ собственную брошюру «Император Всероссийский и Бонапарте» (1814) на французском и русском языках⁵¹⁴. Уваров выдвигал идеи легитимизма и создания общеевропейского союза государств во главе с Александром I⁵¹⁵. Этот «Агамемнон Европы» предстает в уваровском сочинении все тем же монархом-помазанником, уповающим во время войны с Наполеоном «на помощь Божью и на меч свой», а также демиургом «примиряющим с Небом народ, побежденный им на земле⁵¹⁶ и возвращающий французский престол законному монарху Людовику XVIII⁵¹⁷. Глоссарий провиденциального монархизма находил применение и здесь – для обоснования все той же идеи о богоизбранности российской монархии, но уже в контексте общеевропейского мира и безопасности.

Манифест «О благополучном окончании войны с Французами...» от 1 января 1816 г.⁵¹⁸, подводя итоги произошедших военных кампаний 1812–1814 гг., по сути, превращался в пространный церковный панегирик. Описываемые события в манифесте изображались исключительно в провиденциальных категориях, в которых все было predetermined вмешательством Божественного

⁵¹³ Подробнее см.: Ившин В. С. Риторические стратегии Ф.-Р. Шатобриана и С. С. Уварова в памфлетах о Наполеоне во второй декаде XIX в // VIII Информационная школа молодого ученого : сборник научных трудов, Екатеринбург, 21–24 сентября 2020 года. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2020. С. 336–348.

⁵¹⁴ Об идейных источниках, отразившихся в сочинении С.С. Уварова см.: Майофис М. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 гг. М., 2008. С. 70–90. Здесь же М. Майофис отмечает, что Уваров в 1811–1814 гг. пытался сблизиться с Александром I, всячески обращая на себя внимание императора (Там же. С. 87).

⁵¹⁵ Уваров С.С. Император Всероссийский и Бонапарте (окончание) // Сын Отечества. 1814. № 30. С. 164–165.

⁵¹⁶ Уваров С.С. Император Всероссийский и Бонапарте (окончание) // Сын Отечества. 1814. № 30. С. 163; Уваров С.С. Император Всероссийский и Бонапарте (продолжение) // Сын Отечества. 1814. № 29. С. 124–125.

⁵¹⁷ Уваров С.С. Император Всероссийский и Бонапарте (окончание) // Сын Отечества. 1814. № 30. С. 162. С. 164.

⁵¹⁸ Манифест был подготовлен Шишковым уже после отставки с поста государственного секретаря.

Провидения. В таком виде, монарх с первых строк предлагал воздать «благодать всевышнему»: «Да прочтет дела и суд Божий; да воспалится к нему любовью, и вместе с царем своим во глубине сердца и души своей воскликнет: “Не нам, не нам, Господи, но имени твоему”»⁵¹⁹. При этом и сама война была представлена как битва «добра» со «злом». Отчетливо звучали мессианские идеи о богоизбранности Российской империи и ее монархии, которых «Бог избрал» для совершения «великого дела»: «Мы спасли Отечество, освободили Европу <...> Бог для совершения сего нашими руками дал слабости нашей свою силу, простот нашей свою мудрость, слепот нашей всевидящее око» (курсив мой – В.И.)⁵²⁰. Таким образом, формировался сакрально гиперболизированный мессианский «культ Александра I» и российской монархии. Исследователь Е.М. Болтунова обращает внимание на то, что Днем Победы в Отечественной войне 1812 г. не случайно было выбрано императором 25 декабря – Рождество Христово, закрепившее в коммеморативных практиках Российской империи восприятие Грозы 1812 г. как «священной войны». Сакрализация войны закономерно сдвинула память о многочисленных погибших в сторону «богоизбранности» монарха⁵²¹.

Итак, большинство российских консерваторов (за исключением Ростопчина) в начале царствования Александра I выступали авторами панегирических сочинений, которые содержали их рефлексии о «дворцовом перевороте» в пользу Александра I. Они, с одной стороны, рассматривали власть российского монарха как данную Божественным Провидением, представляя его полубожеством и героем, творящем близкие к «божественным преобразованиям», с другой стороны – допускала возможность свержения монарха, в одночасье ставшего «тираном» из-за нарушенного им «общего блага» собственных

⁵¹⁹ Манифест после всеобщего окончания дел // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 194–195.

⁵²⁰ Там же. С. 206.

⁵²¹ Болтунова Е.М. Последний польский король. Коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М., 2022. С. 332–333.

подданных⁵²². В условиях военных конфликтов 1805–1807 гг. и 1812–1814 гг. панегирический жанр продемонстрировал гибкость, эффективно адаптируясь под быстро меняющиеся внешнеполитические условия. Новации в развитии этого жанра были в значительной мере связаны с действиями российских консерваторов, прежде всего – Шишкова, разработавшего язык и образность манифестов 1812–1814 гг. Образ монархии Александра I приобрел черты максимально сакрализованного монарха; утверждалась идея богоизбранности Российской империи, основанной на тесной взаимосвязи между монархом, народом и монархической формой правления.

Глоссарий политического провиденциального монархизма позволял описать власть монарха как полубога, чья власть и преобразовательная функция заключалась в возможности совершить «чудо» и достичь «общего блага». В свою очередь «общее благо» ассоциировалось с установлением «тишины» («спокойствия», «мира») – ситуации, в которой монархом гарантированы всеобщая безопасность и соблюдение прав и свобод подданных. Противоположностью «тишине» выступали чрезвычайные ситуации, нарушавшие установленный божественный порядок, такие, как притеснение монархом своих подданных. Свержение монарха, ставшего тираном, описывалось через вмешательство Провидения: оно свергало («наказывало») одного, оно же утверждало («превозносило») нового монарха на престол.

§ 2.2. Трансформация культов Петра I и Екатерины II

В современной историографии, посвященной деятелям российского консерватизма конца XVIII – начала XIX вв. регулярно подчеркивается их

⁵²² Следует сделать оговорку, что «допускать» свержения монарха, ставшего «тираном (деспотом)», не было равносильно «желать», поскольку в провиденциальном глоссарии монархизма механизм «свержения» «тирана» на престоле отводился прямому вмешательству Божественного Провидения. Иными словами, панегирики под авторством т.н. российских консерваторов, следовали устоявшейся схеме, в которой данный сценарий «свержения деспота» был потенциально возможным.

двойственное отношение к Петру I и его реформам. Так, например, А.Ю. Минаков, рассматривая оценки, которые отечественные консерваторы начала XIX в. давали петровской эпохе, отмечает осознание ими «социокультурного раскола, инициированного реформами Петра I», и приходит к выводу о преемственности риторик между «первыми русскими консерваторами» и славянофилами⁵²³. Аналогичные идеи выдвинули А. Валицкий, рассматривавший истоки «славянофильской утопии» конца XVIII – начала XIX вв., и А.Е. Гребенщиков, анализировавшие «консервативную программу» Шишкова⁵²⁴. В подобном ключе Т.А. Егеревы отмечает: «Как и Карамзин, Шишков хорошо осознавал тот культурный раскол, к которому привели петровские преобразования, более того, предвосхищая П.Я. Чаадаева, адмирал считал, что поверхностное усвоение готовых европейских идей <...> приводит к творческому бессилию и постоянной интеллектуальной зависимости от Запада...»⁵²⁵. В свою очередь, исследователь Р.Р. Джаббаров полагает, что критический взгляд на петровские преобразования не был распространен в отечественной публичной сфере начала XIX в.⁵²⁶

Фигура монархии Петра Великого оставалась ключевой в исторической образности отечественного монархизма александровской эпохи⁵²⁷. Вместе с тем, с 1760-х гг., усилиями церковных и светских авторов формировался сопоставимый по масштабу культ Екатерины II⁵²⁸. Прославление императрицы достигло апогея в последние годы ее царствования на фоне Французской

⁵²³ Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 383–389.

⁵²⁴ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / А. Валицкий; пер. с польск. К. Душенко. М., 2019. С. 54–80; Гребенщиков А.Е. Адмирал Александр Семенович Шишков: общественно-политические взгляды и государственная деятельность. дисс. ... канд. ист. наук.: 07.00.02. Воронеж, 2019. С. 281.

⁵²⁵ Егеревы Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина. М., 2014. С. 273.

⁵²⁶ Джаббаров Р.Р. А.С. Шишков о Петре Великом // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 181. С. 128–136. ; Его же. Петр Великий в оценке Н.М. Карамзина // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. № 1. С. 98–107. ; Его же. Представители общественной мысли о монархической власти в XVIII веке: С.Н. Глинка о Петре Великом // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 172. С. 111–118.

⁵²⁷ См., например Зорин А.Л. Кормя двухглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой четверти XIX вв. М., 2001. С. 169–172; Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2008. № 3. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/3/chuvstvitelnyj-nacionalizm-karamzin-rostopchin-naczionalnyj-suverenitet-i-poiski-naczionalnoj-identichnosti.html>

⁵²⁸ См. Проскурина В. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. 322 с.

революции 1789 г. и Польского восстания 1794 г. Екатерининская образность сохранялась и активно использовалась в панегириках по случаю коронации Павла I, но по мере его дистанцирования постепенно сошла на нет⁵²⁹. Зато Александр I, заняв престол, провозгласил намерения царствовать по заветам своей «Августейшей Бабки», вернув екатерининскую образность в центр публичной сферы.

К примеру, Шишков в своей оде, воздав должное Божественному Провидению, призывал Александра I править по заветам «великих предков»:

С Екатерининской великою душой,
Он будет новый Петр и на суди в поле⁵³⁰.

Тот же риторический ход использовал Карамзин, написавший целых два панегирика по случаю вступления на престол Александра I. В одном из них он декларировал:

Там – там сияют Антонины;
Там должен Александр сиять
Между Петра, Екатерины
И титло мудрого приять...⁵³¹

В другом панегирике Карамзина екатерининская образность доминирует над петровской. Очевидно, что доминирование здесь екатерининского образа отсылало к манифесту монарха о вступлении на престол:

И с первым словом обещаешь
ЕКАТЕРИНЫ век златой

<...>

⁵²⁹ См. Бутров К.Д., Ившин В.С. Трансформация политической культуры российского монархизма в панегириках рубежа XIX в. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2021. № 1. С. 84–85.

⁵³⁰ Шишков А.С. Стихи при восшествии на Престол Императора Александра I // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 177.

⁵³¹ Карамзин Н.М. На торжественное коронование его императорского величества Александра I, самодержца всероссийского // Н.М. Карамзин полное собрание стихотворений. М., 1966. С. 268

Воспитанник ЕКАТЕРИНЫ!

Тебя Господь России дал⁵³².

Карамзин прославлял «екатерининские победы» и «героев-полководцев» П.А. Румянцева и А.В. Суворова⁵³³, а Петра I упоминал лишь в контексте добродетельных подданных («патриотов верных»): «У нас Пожарские сияли, / И Долгорукие дерзали / ПЕТРУ от сердца говорить; / Великий соглашался с ними / И звал их братьями своими»⁵³⁴.

С.Н. Глинка в панегирике, написанном на коронацию Александра I, как уже отмечалось выше, в целом проигнорировал петровскую образность и, что более важно, минуя Павла I, новый монарх «ЕЯ [Екатерины II] приемлет Он [Александр I] венец»⁵³⁵. Более того, в соответствии с текстом манифеста о вступлении на престол, Глинка использовал метафору «воплощения»:

Тому, кто путь с ЕКАТЕРИНОЙ,
Для царствия избрав единой,
ЕЯ душой живит свой дух!⁵³⁶

У Державина в оде на коронацию Александра I, как и прежде в «Оде...» Глинка, петровская образность вовсе отсутствовала, зато в полной мере была представлена екатерининская:

Екатерина воскресится
Знать Александра в временах:
Так, так! Она во внуке будет
Над нами царствовать вовек⁵³⁷.

⁵³² Карамзин Н.М. Его императорскому величеству, Александру Первому, самодержцу всероссийскому. М., 1801. С. 4–5.

⁵³³ Там же. С. 6. Интересно, что А.В. Суворов упоминался в оде в контексте Итальянских и Швейцарских походов, свершенных при Павле I, но суворовские победы приписывались Екатерине II (Там же. С. 6).

⁵³⁴ Там же. С. 9.

⁵³⁵ Глинка С.Н. Ода благотворителю России Александру Первому, на случай коронавания его. М., 1801. С. 3.

⁵³⁶ Там же. С. 10.

⁵³⁷ Державин Г.Р. На восшествие на престол императора Александра I (1801) // Сочинения Державина с объяснениями и примечаниями Я.К. Грота. СПб., 1869. Т. 2. С. 328.

Взирающая с небес покойная императрица в панегирике Державина в «спасает» российских подданных от беды:

«Се небо ныне посылает,
Вам внука моего в царя. –
Внимать вы прежде не хотели
И презрели мою любовь;
Вы сами от себя терпели,
Я ныне вас спасаю вновь»⁵³⁸.

А.Н. Радищев в одном из своих последних сочинений «Осемнадцатое столетие» (1801–1802)⁵³⁹, которое также можно рассматривать своеобразным панегириком Александру I, подчеркивал равенство между заслугами Петра I и Екатерины II:

Выше и выше лети ко солнцу, орел ты российский,
Свет ты на землю снеси, молнии смертельны оставь.
Мир, суд правды, истина, вольность льются от трона,
Екатериной, Петром вздвигнут, чтоб счастлив был росс.
Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет еще с нами.
Зрите на новый вы век, зрите Россию свою.
Гений хранитель всегда, Александр, будь у нас...⁵⁴⁰

Екатерининская образность представлена и в панегирике «Жертва радостных чувствований», поднесенного Александру I от собрания Казанской академии в сентябре 1801 г. Здесь ее роль в нынешнем царствовании монарха особо и многократно подчеркивалась через метафору «воплощения»:

⁵³⁸ Там же. С. 329.

⁵³⁹ М.Г. Альтшуллер, посвятив в своей монографии отдельный очерк А.Н. Радищеву и его взаимоотношениям с «Беседой...», подчеркивает, что интеллектуальное наследие Радищева оставалось востребовано среди ее участников. К тому же в «Беседу...» входили «последователи-радищевцы»: А.Х. Востоков, А.А. Писарев, в нее же должен был вступить друг Радищева С.С. Бобров, творчеством которого восхищались «беседчики» (Г.Р. Державин, А.А. Ширинский-Шихматов, С.П. Жихарев и др.), но Бобров скончался накануне (Подробнее см.: Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 318–330).

⁵⁴⁰ Радищев А.Н. Осмнадцатое столетие // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. М.;Л., 1938. Т. 1. С. 128–129.

Воскресла в нем Екатерина,
 Отечества любезна мать;
 В нем сердце с ней, душа едина:

<...>

Он рек уже в своем совете,
 Что бабки по следам пойдет,
 И что для человека в свете
 Блаженство в кротости найдет⁵⁴¹.

Та же метафора «воплощения» «Августейшей Бабки» в Александре I упоминалась в представленном здесь же поздравительном канте, достигая максимальной метафоричности:

Кто есть сей Царь? Известна всем
 ВЕЛИКАЯ ЕКАТЕРИНА
 Представьте те ж доброты в нем,
 Те ж свойства и душа едина⁵⁴².

В представленном здесь же акростихе к образу Екатерины II добавился Петр I и – неожиданно – Павел I, казалось бы, уже заклеянный в представленной раннее оде. Впрочем, Павел упоминался лишь в констатации родства между отцом и сыном, возможно, подчеркивая павловский Акт о престолонаследии 1797 г. В таком случае его упоминание являлось функционально значимым, поскольку, можно сказать, легитимизировало вступление Александра I на престол, в соответствии с действующим законом:

Астреин век златой к вам, Россы, возвратился,
 Любезный небесам сын Павла воцарился,

⁵⁴¹ Жертва всерадостных чувствований его императорскому величеству <...> Александру Первому, во всевожденнейший день торжественнейшего венчания и священнейшего миропомазания его императорского величества на всероссийский прародительский престол, со всеподданнейшим благоговением приносимая от Казанской академии 1801 года сентября дня. М., 1801. С. 6–7.

⁵⁴² Там же. С. 36.

Екатерина в нем премудрая живет,
Которой по стопам в правленьи он идет.

<...>

Раздором ли дерзнет смутить враг наш покой?
Алкиды росские с геройством вступят в бой,
Сотрут врага, как Петр полночна исполина:
Там страшен меч, где дух и мысль у всех едина⁵⁴³.

Логика возвращения екатерининского «золотого века» определяла и содержание панегирика московского медика Н.Г. Щеголева, который предложил оригинальный ряд исторических примеров – «Владимир, Иоанн, с Петром Екатерина», сошедшиеся в новом монархе⁵⁴⁴. П.И. Голенищев-Кутузов, в своей оде по случаю восшествия на престол Александра I, помимо упоминаний Петра I и Екатерины II, неожиданно припомнил «красный век Елисаветы»⁵⁴⁵. По-видимому, свой отпечаток наложила должность П.И. Голенища-Кутузова в Московском университете, основанном Елизаветой Петровной. В уже упомянутом панегирике П.И. Суворова Александр I уподоблен «родообновителю царей наших» Михаилу Романову⁵⁴⁶. А в завершении своего панегирика П.И. Суворов воспроизвел знаменитый, эффектный ход, который использовал Платон (Левшин) еще во время коронации Екатерины II в 1762 г., призвав Петра Великого восстать из мертвых и воочию увидеть, как процветает Россия при императрице. Теперь же П.И. Суворов заменил Петра на Екатерину: «Убо прииди ныне, Екатерина,

⁵⁴³ Жертва всерадостных чувствований его императорскому величеству <...> Александру Первому, во всевожденнейший день торжественнейшего венчания и священнейшего миропомазания его императорского величества на всероссийский прародительский престол, со всеподданнейшим благоговением приносимая от Казанской академии 1801 года сентября дня. М., 1801. С. 21.

⁵⁴⁴ Поздравительная песнь Его Императорскому Величеству Александру Первому, самодержцу всероссийскому, во всерадостный день священного миропомазания и коронования, всеподданнейше поднесенная кандидатом медицины Николаем Щеголевым 1801 года. М., 1801. С. 5.

⁵⁴⁵ Голенищев-Кутузов П.И. Ода его императорскому величеству Александру Первому во изъявление всеподданнейшей благодарности от Московского университета. М., 1801. С. 5, 9.

⁵⁴⁶ Слово на празднество всерадостнейшаго коронования государя императора Александра Павловича, бывшее в Черноморском Штурманском Училище в Николаеве Октября дня 1801 года. Говоренное онаго Училища Профессором П. Суворовым. Николаев, 1802. С. 4.

Матерь Отечества! Прийди, Божественная тень, от горних блаженных оных мест, где добрые с тобою цари зрят присно не вечерний день. Зри ныне возлюбленную тобою Россию покоящуюся, яко при тебе, благоденствующую, радующуюся; убо и сама с нами сорадуйся!»⁵⁴⁷.

Итак, можно говорить о преобладании екатерининской образности в светском панегирике; по-видимому, это является отражением формулировок манифеста Александра I.

Иной характер носило соотношение екатерининских и петровских образов в религиозной традиции. В уже упомянутой послекоронационной речи митрополит Платон (Левшин), предостерегая монарха от различных «ласкательств», уподобил Александра I библейскому Давиду. Завершая проповедь, Платон обратился к супруге Александра I, назвав ее «верной в ношении общественного бремени помощницею», а затем и к матери монарха – Марии Федоровне: «Ежели какая была и есть в душе Твоей скорбь, не доволен ли источник сей усладить оную? Ежели какие бурные тучи помрачали мысль Твою, сие воссиявшее от Тебя светило не довольно ли разогнать весь мрак сей? Итак, видя днесь, яко мать Соломонова, Сына своего венчана и превознесена, возрадуйся и возвеселися и возблагодари Господа, столь милостиво Тя посетившего!»⁵⁴⁸. В заключительной речи от 16 сентября 1801 г. Платон вновь обратился к образу императорской семьи, включив в него и жену, и мать Александра I: «Да здравствует наш самодержавнейший и всемилостивейший Государь Император, Александр первый, и с Их Императорскими Величествами – вселюбознейшею Супругою и вседражайшею Материю, и со всею Августейшею Фамилией, на многая лета!»⁵⁴⁹. Таким образом, новый Давид и Соломон – сын Марии Федоровны, но по каким-то причинам не внук «Великой бабушки» Екатерины II.

⁵⁴⁷ Там же. С. 21–22.

⁵⁴⁸ Платон (Левшин). Речь по совершению Коронования Императора Александра Павловича // Платон (Левшин). Полное собрание сочинений. Т. 2. Кн. 10. СПб., 1913. С. 660.

⁵⁴⁹ Платон (Левшин). Речь императору Александру I на другой день после коронации, поздравительная от всего духовенства // Платон (Левшин). Полное собрание сочинений. Т. 2. Кн. 10. СПб., 1913. С. 662.

Возможно, обращения Платона к матери и супруге царя были связаны с их физическим присутствием во время коронации, но это не объясняет отсутствия ссылок на Екатерину II, столь распространенных в творчестве светских авторов. Отсутствие Екатерины II в проповедях Платона тем более интересно, что политическое богословие эпохи Елизаветы Петровны, оформившее в середине XVIII в. канон жанра панегирика, применяло в качестве основной риторической стратегии уподобление дочери отцу, провозглашая Елизавету новым Петром⁵⁵⁰. Но аналогичную риторическую стратегию с внуком и его великой бабушкой Платон не осуществил. Похожая ситуация наблюдается также в речах белорусского епископа Анастасия (Братановского), который тоже проигнорировал Екатерину Великую⁵⁵¹, и в речи архимандрита Воскресенского монастыря под Москвой Иеронима (Понятского), который в обращении к Александру I и августейшему семейству, не использовал исторических аналогий⁵⁵². Наконец, спустя год после коронации, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий (Подобедов) следовал уже установленному канону церковного панегирика, упоминая в своей речи «Августейший дом» (императорскую семью), среди членов которой назвал действующая императрица и мать государя, но не Екатерину II⁵⁵³. Этой логике следовали и некоторые из светских авторов. Так, канцелярист Московского университета М.И. Невзоров в панегирике, написанном по следам недавней коронации, упоминал, подобно Платону (Левшину), мать Александра I, супругу монарха и целую плеяду

⁵⁵⁰ Подробнее см.: Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. ... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 137–160.

⁵⁵¹ Анастасий (Братановский). Слово в первый день по получении известия о короновании благочестивейшего государя императора Александра Павловича (1801) // Поучительные слова, преосвященным Анастасием, архиепископом Могилевским и Витебским и ордена святыя Анны 1-го класса кавалером, со вступления на паству белорусскую разновременно проповеданные. Ч. 3. М., 1806. С. 183–192.

⁵⁵² Речи его императорскому величеству <...> императору Александру Павловичу при всемилостивейшем его императорском величестве с высочайшею императорскою фамилией посещении ставропигиального Воскресенского, новый Иерусалим именуемого монастыря, говоренные архимандритом Иеронимом 1801 года октября 6 дня. М., 1801. 8 с.

⁵⁵³ Амвросий (Подобедов). Речь его императорскому величеству государю императору и самодержцу всероссийскому Александру Павловичу. СПб., 1802. 2 с.

«судей» (военачальников): Румянцева, Суворова, Пожарского и даже Минина, но не Петра I и Екатерину II⁵⁵⁴.

Тем не менее, екатерининская образность в российской общественно-политической мысли начала XIX в. оставалась востребованной. Уже первые годы царствования нового монарха были отмечены публикацией нескольких крупных трудов, посвященных восхвалению истории царствования Екатерины Великой. Следует в первую очередь назвать сочинение «Похвала Екатерине Великой» (1802) сенатора И.С. Захарова, подчеркивавшегося: «Столь же Велика была по делам, колико и Великий ПЕТР <...> Преобразователь Империи, Творец своего народа, Законодатель и Воин ПЕТР, яко великий ваятель отсекающий токмо грубые части камня – ЕКАТЕРИНА нежною дланью усовершенствования»⁵⁵⁵. Далее сенатор констатировал, что Александр I своей политикой продолжал «мудрейшее» правление Екатерины II, «проливая подобные твоим [Екатерины] щедроты на Россю»⁵⁵⁶. У Карамзина в «Историческом похвальном слове Екатерине II» (1801–1802), императрица сначала изображена «наследницей» («преемницей») «деяний» Петра I, стремящейся «возвеличить» его творения, а также «ревностно желая довершить начатое Петром»⁵⁵⁷. Однако в заключении Карамзин уподобил ее Петру Великому как равную ему в политике, как во внешней, так и во внутренней⁵⁵⁸. Те же риторические ходы использовал коллежский советник П.С. Колотов в многотомном сочинении, посвященном истории царствования Екатерины II. Оно увидело свет в 1811 г., когда чередой александровских реформ начала явно пересматривать наследие «Августейшей Бабки», начиная с ликвидации коллегий и заканчивая учреждением Государственного Совета в 1810 г. И все же Колотов в предисловии к своему труду обращался к

⁵⁵⁴ Невзоров М.И. Ода посвящена российскому императору Александру I в честь восшествия его на престол 15 (27) сентября 1801 года. М., 1801. С. 7, 12–13.

⁵⁵⁵ Захаров И.С. Похвала Екатерине Великой. СПб., 1802. С. 123. Сочинение И.С. Захарова цитировал А.С. Шишков в «Рассуждении о старом и новом слоге» (1803) (См. Шишков А.С. Рассуждения о старом и новом слоге. СПб., 1803. С. 417–423).

⁵⁵⁶ Захаров И.С. Похвала Екатерине Великой. СПб., 1802. С. 124.

⁵⁵⁷ Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Сочинения Карамзина. 1835. Т.8. С. 3–4. С. 8.

⁵⁵⁸ Там же. С. 108.

Александру I, ссылаясь на его манифест, в котором царь обещал «следовать по стопам Премудрой бабки своей», и упоминал саму императрицу, следовавшую заветам «Великого Петра»⁵⁵⁹. На уровне полемических ходов екатерининская образность, к примеру, в ключевом документе эпохи «Записке о древней и новой России...» (1811) Карамзина, была представлена в широком объеме. Ссылки на екатерининское наследие служили в «Записке» одним из основных аргументов против реформаторского курса Александра I: «Екатерина II была истинною преемницею величия Петрова и второю образовательницею новой России»⁵⁶⁰. На ее контрасте совершенно по-иному выглядели инвективы в «Записке...» о Петре I и его преобразованиях. Карамзин отметил, что целью его реформаторского курса было «не только новое величие России, но и совершенное присвоение обычаев европейских...»⁵⁶¹. В таком виде можно говорить о двояком отношении Карамзина к петровскому наследию.

С чем же можно связать постепенное угасание культа Екатерины Великой к концу александровского царствования в панегирическом регистре? Как демонстрируют представленные выше примеры, ее политическая фигура и реформаторское наследие оставались важным элементом в российской политической культуре первой половины александровского царствования. Современный исследователь Д.А. Сдвижков обращает внимание на быстрое освоение в российской политической культуре данного периода концепта «любви»: «До того нейтральное отечество феминизируется... Патриоты сверяют свои чувства с любовью, будь то любовь к родителям (родина-мать) или романтическая страсть. Первое обосновывает священный статус любви к родине (*l'amour sacré de la patrie*), тогда как второе заострено против рассудочности патриотизма Просвещения – но в любом случае исходным аналогом является личная эмоциональная привязанность, не имеющая ничего

⁵⁵⁹ См.: Колотов П.С. Деяния Екатерины II, императрицы и самодержицы всероссийской. СПб., 1811. Ч.1. 300 с.

⁵⁶⁰ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 40–41.

⁵⁶¹ Там же. С. 31–32.

общего с утилитарным и рассудочным»⁵⁶². Однако некогда «слитые» воедино при Екатерине II понятия «любви» к родине и государыне, в Грозу 1812 г. окончательно разделяются на самостоятельные: «...теперь же отечество превращается в самостоятельную величину, и любить его становится “общим делом”»⁵⁶³. Таким образом, аккумулярованные в политическом богословии времен начала царствования Александра I понятие «любви», выражавшее всеобщую радость («чувствования») подданных к монарху, вступающему на престол, в 1812 г. сменилось «любовью к Отечеству», а после – «все дальше уходила из сферы государственного»⁵⁶⁴.

Необходимо также отметить наблюдения Ю.В. Кагарлицкого, сделанные на материале политических проповедей XVIII в. Исследователь отмечает различия между стратегиями описания мужских и женских царствований, предполагая, что для царей авторитетная топика работала по принципу уподобления, а для цариц – по принципу соревнования. В первом случае политическая речь быстро превращалась в набор риторических общих фигур, а во втором случае – служила инструментом эффективной политической мобилизации. Так, в случае женских царствований панегиристы воспевали «законодательную мудрость» (или же просто «мудрость»), «кротость», «нежность», «доброту», «человеколюбие»⁵⁶⁵. К этому же отсылали проанализированные панегирики начала XIX в. в отношении екатерининской образности, в отличие от образности петровской, в которой четко артикулированы преимущественно «военные» качества монарха (к примеру, упомянутая выше строфа из панегирика Шишкова: «Он [Александр I] будет новый Петр и на суде, и в поле»). Петровская образность «монарха-полководца» («монарха-воина»/«царя-воина») наряду с другими его образами («царя-плотника», «царя-флотоводца», «царя-законодателя и др.) была

⁵⁶² Сдвижков Д. Самодержавие любви: 1812 год как роман [Электронный ресурс] // Отечественный записки. 2014. № 6. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/oz/2014/6/samoderzhavie-lyubvi-1812-god-kak-roman.html>

⁵⁶³ Там же.

⁵⁶⁴ Там же.

⁵⁶⁵ Подробнее см.: Кагарлицкий Ю.В. Сакрализация как прием: ресурсы убедительности и влияния имперского дискурса в России XVIII века // Новое литературное обозрение. 1999. № 4. С. 66–77.

сформирована еще в первой четверти XVIII в. в панегириках Феофана Прокоповича, а также в пространной «Гистории Свейской войны», подчеркивавшей роль Петра I именно как полководца⁵⁶⁶. А вот к началу XIX в. он соседствовал с античной и библейской образностью, например, Соломона и обширной частью римских императоров⁵⁶⁷.

Однако, исследователь Й. Клейн убедительно демонстрирует на материалах военной лирики царствования Екатерины II, что ее военные успехи в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. и последующих войнах, уравнивали императрицу с Петром I и создали ее двойственный образ, основанный на двух началах: «на мужском, воинственном начале, с одной стороны, на женском, кротком начале – с другой»⁵⁶⁸. Воплощением этого образа императрицы-воительницы – пишет Й. Клейн, было в отождествлении Екатерины II с Минервой (Палладой) – богиней, выступавшей в двух ролях: воина в шлеме с копьем и щитом, а также покровительницы изящных искусств⁵⁶⁹. Наивысшей выразительности образ монархини-воительницы достиг в последние годы царствования Екатерины Великой. К примеру, Ф.О. Таманский в светском панегирике 1791 г., написанном по случаю дня рождения императрицы, обратился к недавним победам над Османской империей и Швецией, отразив *прямое участие* императрицы в данных войнах, причем во главе армии:

...Вождь Росских будет войск ОНА [Екатерина II]

САМА делит собранны рати,

Чертит военных действий план,

Велит водой и сушей прати;

Покой ЕЯ военный стан⁵⁷⁰.

⁵⁶⁶ См., например, Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого): в 2 вып. / сост. Т.С. Майкова; под. общ. ред. А.А. Преображенского. М., 2004. Вып. 1. С. 105, 115–118, 164–168, 235, 250.

⁵⁶⁷ Бугров К.Д. «Счастья общего творец»: панегирики первых лет царствования Александра I и политическая традиция российского монархизма // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 234–235.

⁵⁶⁸ Клейн И. Торжествующая Россия: военная лирика XVIII века // Slověne= Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2018. Т. 7. № 1. С. 191.

⁵⁶⁹ Там же. С. 191.

⁵⁷⁰ Таманский Ф.О. На всерадостный день рождения ее императорского величества государыни Екатерины Второй. СПб., 1791. С. 7.

Этот образ монархини-воительницы, принимающей непосредственное участие в военных действиях, оказался не востребован с ее смертью ни в панегирическом регистре, ни в исторических сочинениях, где данную функцию восполнили «великие екатерининские полководцы». Петровский образ монарха-воина (монарха-полководца) упоминалась значительно чаще, особенно когда речь заходила о победах Российской империи над «вечными врагами» (Османской империей и Швецией). Он сохранил значимость и после Тильзитского мира 1807 г. Не случайно С.Н. Глинка открывал первый номер «Русского вестника» за 1808 г. сочинением, посвященном Петру I, начиная с его полководческих талантов, проявившихся еще в «потешных полках», а затем обративших в бегство «Северного Александра» (Карла XII), сам же Петр I – пишет Глинка «следовал за военачальниками между нижними чиновниками пеший»⁵⁷¹. Еще сильнее заслуги Петра I, по мнению автора, подчеркивало его успешное совмещение должностей монарха-законодателя и монарха-воина, способного одновременно быть при командовании войсками в Азовских походах и отправлять оттуда различные указы, не упуская из вида «благоуправления» государством⁵⁷². Наиболее показательным случаем доминирования в александровское время петровской образности монарха-полководца над екатерининской в целом выступает Русско-шведская война 1808–1809 гг. В Манифесте о заключении мира между Россией и Швецией от начала октября 1809 г. упоминались Александр Невский и Петр Великий, но не Екатерина II⁵⁷³. Митрополит Амвросий (Подобедов), следуя за высочайшим манифестом, в речи по заключению мира со шведами, также упоминал Александра Невского, а далее выстраивался следующий ряд персоналий, в соответствии с хронологией побед России над Швецией: «ПЕТР Первый

⁵⁷¹ Глинка С.Н. Петр Великий // Русский вестник. 1808. Ч. 1. № 1. С. 12–13. Интересно, что здесь же С.Н. Глинка упоминал известный риторический ход Платона (Левшина), произнесенный во время коронации Екатерины II: «”востани Петр! И зри торжество твое!”» (Там же. С. 18)

⁵⁷² Там же. С. 20.

⁵⁷³ Манифест о заключении мира, между Россией и Швецией // ПСЗРИ. 1830. Т. 30. № 23883. С. 1186.

возвратил, ЕКАТЕРИНА Вторая утвердила, <...> [Александр] распространя границы ее [России] и тем удаля последнюю от покушений опасность»⁵⁷⁴.

Екатерина II упоминалась и в светском панегирике П.И. Голенищева-Кутузова, но контекст ее упоминая несколько иной – автор задействовал метафору «воплощения», подчеркнув, что присоединение территорий с одной стороны продолжали прежнюю политику «Августейшей Бабки», а с другой – отличались от ее завоеваний Швеции, автор изобразил не военные заслуги императрицы, а ее планы, находящиеся лишь в мыслях:

К чему лишь мысль ее парила,
Все то рука ТВОЯ свершила...⁵⁷⁵

В этом отношении, упоминаемая далее в оде петровская образность, напротив, раскрывалась именно через образ монарха-полководца, «разящего» шведов под Полтавой:

О ПЕТР! Ты мнил ли под Полтавой,
Разя кичливого врага,
Что твой ПРАПРАВНУК большей славой
Восхитит Невские берега?⁵⁷⁶

И все же панегирик завершался тем, что Александр I, благодаря победам над Швецией, останется в одном ряду с Екатериной II и Петром I⁵⁷⁷.

А вот юный воспитанник гимназии Московского университета Н.В. Голтыков, опубликовавший свою оду на мир со шведами в журнале «Друг юношества» вовсе проигнорировал екатерининскую образность, отметив, что Александр I лишь довершал дела Петра Великого:

⁵⁷⁴ Амровсий (Подобедов). Речь, его императорскому величеству по совершении благодарственного молебствия, по случаю торжества о заключении вечного мира между Россиею и Швециею. СПб., 1809. С. 1–2.

⁵⁷⁵ Голенищев-Кутузов П.И. Ода его императорскому величеству всемилостивейшему государю Александру Первому, на заключение достохвального мира со Швециею и вкупе на покорение Измаила. М., 1802. С. 1.

⁵⁷⁶ Там же. С. 2.

⁵⁷⁷ Голенищев-Кутузов П.И. Ода его императорскому величеству всемилостивейшему государю Александру Первому, на заключение достохвального мира со Швециею и вкупе на покорение Измаила. М., 1802. С. 7.

Свершай желания ПЕТРОВЫ,
 ТЕБЕ хвалы уже готовы,
 И перейдут из века в век⁵⁷⁸.

Ученик Калужской семинарии Н.Г. Щеголев, опубликовавший стихи по случаю мира со Швецией в «Друге юношества», но годом позже, аналогично проигнорировал екатерининскую образность, упомянув петровскую:

...Где шведам Ты нанес удар
 Победоносную рукою;
 Где Твой Потомок, мудрый ПЕТР,
 Помоществуемый тобою
 Их дерзновенну гордость стер⁵⁷⁹.

Впрочем, ряд исторических примером у Щеголева широк, поскольку в соответствии с высочайшим манифестом, он добавил в него Александра Невского и даже Рюрика⁵⁸⁰.

В 1810 г. близкий к кругу Шишкова-Державина С.А. Ширинский-Шихматов опубликовал пространное «лирическое песнопение» Петру I. Произведение открывалось панегириком Александру I, в котором Ширинский-Шихматов призывал его объять «дела великие» Петра I, акцентируя на его военных победах. Нужно подчеркнуть, что Александр I в данном случае уподоблялся Петру I через метафору «воплощения», но затем сравнился в своих делах и с Екатериной Великой:

В ТЕБЕ ПЕТРОВА кровь, сам ПЕТР живет в тебе,
 Сам ПЕТР, ТВОЕЙ рукой метая молний стрелы
 <...>

Что славно начал ПЕТР, ты славно кончил ныне,

⁵⁷⁸ Голтыков Н.В. На заключение мира между Россиею и Швециею, и на присоединение к державе Российской Княжества Финляндского // Друг юношества. 1809 (октябрь). С. 40.

⁵⁷⁹ Щеголев Н.Г. Стихи на заключение мира с Швецией // Друг юношества. 1810 (февраль). С. 36.

⁵⁸⁰ Там же. С. 37.

ПЕТРОВЫХ ТЫ врагов низверг, поправ в конец,
Сравнился в торжестве ПЕТРУ, ЕКАТЕРИНЕ...⁵⁸¹

Кульминация произведения С.А. Ширинского-Шихматова приходилась на Полтавскую битву, заключительные строфы сочинения отсылали к надеждам на реванш после унижительного Тильзитского мира:

Но бойтесь, дерзкие соседи!
Его воинственная тень
Сильна еще стяжать победы,
Создать другой Полтавской день,
И в персть низвергнуть ваши войски...⁵⁸²

Итак, в светской и церковной панегирической топике, написанной по случаю завершения Русско-шведской войны 1808–1809 гг., екатерининская образность с одной стороны встречается, а с другой все же постепенно угасает, несмотря на явные параллели исторических событий. Пространство для использования ее образности резко сужается и ограничивается, по сути, констатацией ее «великости» наравне с Петром I. Петровская образность как монарха-полководца (монарха-воина), напротив, активно используется и, что более важно, проецируется на Александра I несмотря на отсутствие его непосредственного участия в военной кампании (в отличие от великого предка – Петра I). В контексте «ожидания» российским обществом Грозы 1812 г., петровский образ монарха-полководца становится политическим актуальным.

Ключевым вызовом для панегиристов эпохи Александра I была Отечественная война 1812 г., в ходе которой император обратился к «смиренной роли Божьего избранника»⁵⁸³ и заставил панегиристов переосмыслить восходящий к Петру образ грозного монарха-полководца. Все

⁵⁸¹ Ширинский-Шихматов С.А. Петр Великий. СПб., 1810. С. I (в оригинале – без указания страниц для панегирика, нумерация страниц моя – В.И.)

⁵⁸² Там же. С. 203.

⁵⁸³ Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М., 2020. С. 249–251.

чаще метафора «воплощения» употребляется не в отношении действующего монарха, а воинства и полководцев Отечественной войны 1812 г. Вместе с тем, екатерининская образность в Грозу 1812 г. вовсе отходит на второй план, а то и игнорируется. Так, например, в двухтомном «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (1814), подготовленном Н.Г. Кутушевым⁵⁸⁴, содержалось около полутора сотен стихотворений светской одической направленности, относящиеся к 1812–1814 гг.⁵⁸⁵ Петр упоминался здесь 47 раз, а Екатерина – 11⁵⁸⁶. Изменился и контекст использования их образов. У Державина в «Гимне лиро-эпическом на прогнание французов...» (1812), Наполеон напал на «дом Петра, Екатерины»⁵⁸⁷, а петровская образность монарха-полководца проецировалась на русское войско и М.И. Кутузова, помогая им победить в Бородинском сражении:

Но дух Петров, сквозь звездну мглу
С улыбкой вняв сию хулу,
Геройской кротости в незлобьи
Вспарил орла в подобьи, –
И грянул бородинский гром⁵⁸⁸.

Аналогичным образом поступил студент Харьковского университета К.М. Парпур, написавший свой панегирик в начале Отечественной войны, спроецировав петровский образ монарха-полководца на русскую армию:

⁵⁸⁴ Об установлении авторства издателя сборника см.: Бодрова А. Кто же был составителем «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»? [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2012. № 6. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/6/kto-zhe-byl-sostavitelem-sobraniya-stihotvorenij-otnosyashhihsya-k-nezabvennomu-1812-godu.html>

⁵⁸⁵ Только по приблизительным подсчетам советского филолога М.А. Цявловского, упоминаемых в работе В.Э. Вацура, за 1812–1815 гг. было опубликовано 567 текстов, из них 80% оды или близкие одическому жанру произведения (песнь, дифирамб, гимн и др.). См.: Вацуро В.Э. Война 1812 года и эволюция русской элегии. Историческая элегия. Элегия Д. Давыдова // Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 154–155.

⁵⁸⁶ Кулешов Н.Г. Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814. Ч. 1. 247 с. ; Его же. Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814. Ч. 2. 252 с.

⁵⁸⁷ Державин Г.Р. Гимн лиро-эпический на прогнание французов // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1866. Т. 3. С. 141.

⁵⁸⁸ Державин Г.Р. Гимн лиро-эпический на прогнание французов // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1866. Т. 3. С. 156.

Петр жив в душе – и Петр сердцами,
 О Росс! Твой правит смелой путь;
 Ты грянешь страшными громами,
 Заклепы вражьи падут⁵⁸⁹.

Тот же панегирический троп с М.И. Кутузовым был использован С.Н. Глинкой в стихах «На кончину князя Кутузова-Смоленского». Здесь полководец после смерти оказывается на небесах: «... Ты там, где правда лишь едина! / Пожарский, Петр, Екатерина!»⁵⁹⁰ А вот в сочинении В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов», помимо других «вождей» (монархов-полководцев и полководцев из различных исторических эпох России), вновь упомянут Петр Великий, но не Екатерина II:

И ты, наш Петр, в толпе Вождей!
 Внимайте клич: Полтава!⁵⁹¹

Образы двух государей вновь соседствуют в череде светских панегириков, написанных в период Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Подобные сочинения предполагали широкий исторический экскурс всего российского XVIII в., протирившийся от Французской революции 1789 г. до вступления Александра I в Париж 1814 г. Такой исторический экскурс закономерно возвращал в панегирическую топику, казалось бы, оставшуюся в стороне в условиях военной конфронтации екатерининскую образность.

В оде члена «Беседы любителей русского слова» С.В. Висковатого Петр и Екатерина равны как военные вожди:

Поправ раздор, смирил крамолы,
 Все бедства в щастье претворил,

⁵⁸⁹ Парпура К.М. Ода на объявление войны французами. СПб., 1812. С. 4.

⁵⁹⁰ Глинка С.Н. Стихи на кончину светлейшего князя Кутузова-Смоленского // Кулешов Н.Г. Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814. Ч. 1. С. 190.

⁵⁹¹ Жуковский В.А. Певец во стане русских воинов // Кулешов Н.Г. Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814. Ч. 1. С. 39.

И Льва, потрясшаго престолы
 В Полтаве громом поразил. –
 <...>
 Орла взнесла на верх небес. –
 Сармат восстал ...перун прияла,
 И враг с лица земле исчез. –
 Во брани грозна, кротка в мире...⁵⁹²

Итак, петровская образность монарха-полководца была успешно адаптирована в условиях многочисленных военных конфликтов александровского царствования, оставшись востребованной во время Отечественной войны 1812 г., в отличие от екатерининской образности, не нашедший применения в этих реалиях широкого применения. Интересно, что в светских панегириках, написанных по случаю вступления на престол Николая I, екатерининская и петровская образность сохранялись, но к ним добавилась третья – александровская, сформированная во время Грозы 1812 г. и успешных Заграничных походов русской армии в 1813–1814 гг. Так, поэт и публицист М.Е. Лобанов в своем панегирике Николаю I вовсе проигнорировал Екатерину II, поставив в наставление монарху Петра I и Александра I, последний, возможно, сменил иллюстрацию «кротости» и «мягкости», приписанную некогда в панегириках к его Великой бабушке:

Ты дух Петра являешь твердый,
 Ты Александр наш милосердный,
 Ты их в себе соединишь⁵⁹³.

Декан факультета словесных наук Московского университета А.Ф. Мерзляков в своей оде Николаю I упоминал в хронологическом порядке

⁵⁹² Висковатый С.И. Время ода сочиненная послучаю торжества России, на вступление великаго государя императора Александра Перваго в Париж марта 19 дня, 1814 года. СПб., 1814. С. 4–5.

⁵⁹³ Лобанов М.Е. Ода его величеству Императору Николаю Первому. СПб., 1826. С. 5.

всю «триаду»: Петр I иллюстрировала «твердость», Екатерина II – изящные искусства и доброту, а Александр I – Божественное Провидение:

Сия в Петре, как Бог творящий,
 Дела стихиям строй и ход; –
 В Екатерине – свет горящий
 Полезный знаний и доброт; –
 Во АЛЕКСАНДРЕ – Сила неба,
 Вселенной радость, страх Эреба...⁵⁹⁴

Преподаватель Санкт-Петербургской духовной семинарии Г.А. Окулов в своей оде призывал Николая I следовать по стопам великих предков, также упоминая «триаду» великих предшественников:

Как ПЕТР, низвергать в прах коварство;
 Как БАБКА [Екатерина II], препрославить царство;
 Как БРАТ ТВОЙ [Александра I], мира мир любя...⁵⁹⁵

Закономерно ее образность не представлена в церковных панегириках, написанных при вступлении на российский престол Николая I. На смену прежних исторических аналогий с петровско-екатерининской образностью пришло доминирование августинизма, рассуждений о богоизбранности и упоминания в его контексте наследия прежнего монарха-помазанника («нового Давида») – Александра I⁵⁹⁶. В условиях беспрецедентных военно-политических потрясений екатерининская образность в российской

⁵⁹⁴ Мерзляков А.Ф. Ода на всерадостнейший день священнейшего венчания и миропомазания его императорского величества, всемиловитейшего государя императора Николая I. М. : Унив. тип., 1826. С. 6.

⁵⁹⁵ Окулов Г.А. Чувства русского в день священнейшаго коронования государя императора Николая Павловича. СПб., 1826. С. 8.

⁵⁹⁶ См., например, Филарет (Дроздов). Речь его императорскому величеству Николаю Павловичу пред высочайшим вступлением в Успенский собор для Священнейшего коронования и миропомазания // Чин действия, каким образом совершилось священнейшее коронование его императорского величества государя императора Николая Павловича, самодержца всероссийского, по церковному чиноположению. М. : Синод. Тип., 1826. С. 39–42; Моисей (Богданов-Платонов-Антипов). Слово при совершении торжества венчания на царство и священного миропомазания благочестивейшего государя императора Николая Павловича и благочестивейшей государыни императрицы Александры Федоровны... СПб., 1826. 22 с.

политической культуре оказалась вытеснена с одной стороны «патриотическими чувствованиями» 1812 г., а с другой – нежеланием церковных ораторов-богословов обращаться к Екатерине II.

§ 2.3. Секулярный монархизм: проблема формы правления и конституции

Разумеется, сакрализация монарха не была единственной доступной российскому образованному обществу стратегией политической речи. В конце XVIII – начале XIX вв. российская общественно-политическая мысль оперировала *гlossарием форм правления*, в значительной мере восходившим к политической философии Ш.–Л. Монтескье⁵⁹⁷. Сама концепция формы правления подразумевала компаративный анализ: у разных народов и в разных исторических, социальных и географических условиях оказывались востребованы разные формы правления, поскольку каждая из таких форм имела свои сильные и слабые стороны. Количество и наименования этих форм могли определяться по-разному, но общепризнанным являлось принятое еще древними греками деление по числу индивидов, осуществляющих властные функции – монархия (власть одного), аристократия (власть немногих) и демократия (власть всех). В XVIII в. Монтескье несколько изменил эту классификацию, предложив различать формы правления по их движущим принципам: республика (добродетель), монархия (честь) и деспотизм (страх). Уже к середине XVIII в. в отечественной политической мысли утвердилось представление о связи между монархической формой правления и «общим благом»⁵⁹⁸, поэтому и вопрос об идеальной форме правления, подходящей для России, практически не ставился:

⁵⁹⁷ См. например, Егерова Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина. М., 2014. С. 338.

⁵⁹⁸ См. Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. ... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 221.

единственной подходящей для столь территориально обширного государства признавалась монархическая форма правления⁵⁹⁹.

Вместе с тем, согласно варианту глоссария форм правлений Монтескье, главнейшим отличием деспотии от монархии являлось наличие в основе последней «фундаментального закона»⁶⁰⁰. С 1760-х гг. соответствующее понятие становится неотъемлемой частью российской политической культуры⁶⁰¹. Практическое воплощение «фундаментальных законов» во второй половине XVIII – начале XIX вв. отразилось в появлении нескольких ключевых актов в России: Манифеста о вольности дворянской (1762), Жалованной грамоты дворянству (1785), Акта о престолонаследии (1797) и подтверждение (восстановление) Жалованной грамоты дворянству (1801). В конечном счете глоссарий форм правлений и «фундаментальные законы» оказывались тесно взаимосвязаны, включив также третье понятие – «общее благо». На его достижение и были направлены как «фундаментальные законы», так и монархическая форма правления. Нарушение монархом «фундаментальных законов» равносильно отказу монаршей особы достигать «общего блага». Это рассматривалось, исходя из глоссария форм правлений, как трансформация «монархии» в «деспотию» – деградированный вариант монархии, основанный не на «законе», а на «страхе» и «произволе» («зле») с отказом монарха следовать своему прямому предназначению («общему благу»). Таким образом, именно через «фундаментальные законы» между монархом и подданными формировался своеобразный «договор» («взаимные гарантии»)⁶⁰², его

⁵⁹⁹ Там же. С. 221–222.

⁶⁰⁰ Следует пояснить, что вместо понятия «фундаментальный закон» активно использовались синонимы: «ненарушимые», «непреложные», «конституционные», «коренные», «непременные» и др. Как говорилось в предыдущей главе, под «конституционным законом» или «конституцией» во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв. понимались: «государственная уставная грамота», «устав», «свод внутренних правил», «уложение государственных законов», «коренной закон», «старинный закон» и др. (См.: Тимофеев Д.В. Монография. С. 128–139). Характерно в данном ключе и то, что активный участник «Негласного комитета» П.А. Строганов считал российскими конституционными актами Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г., восстановленные Александром I в 1801 г. (Арискина Ю.Э. Негласный комитет: истоки реформаторской политики Александра I. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2015. С. 326–327).

⁶⁰¹ См. Киселев М.А. Трактат De L'Esprit des Lois Ш.-Л. Монтескье и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 4. С. 1131–1148.

⁶⁰² Киселев М.А. Трактат De L'Esprit des Lois Ш.-Л. Монтескье и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 4. С. 1144.

нарушение могло привести к «дворцовому перевороту», поскольку монарх нарушил установленный и гарантированный им же «фундаментальный закон» и «закон» в целом, верша ничем (ником) не ограниченный «произвол». По замечанию К.Д. Бугрова, в «дворцовых переворотах» сформировалась «рутинная мудрость: тот, кого свергли, и есть тиран, а свержение тиранов <...> должно заставить государей задуматься о том, как лучше укрепить фундамент своего господства и добиться большей безопасности на пути хорошего, мудрого, добродетельного царствования»⁶⁰³. Наконец, «фундаментальные законы» могли быть не только предписанными (создаваемыми) монархом, но и рассматриваться как нормы, сложившиеся в ходе исторического развития⁶⁰⁴. Следует добавить, что вводимые монархом новые «фундаментальные законы» должны были соответствовать исторически сложившимся нормам (условиям), которые могли складываться из различных факторов или, как в варианте Монтескье, быть объяснены природно-климатическими условиями, территориальной обширностью государства и иными факторами.

В том же ключе важнейшими задачами становились: с одной стороны разрешить вопрос наиболее эффективной организации властного аппарата монархии, а с другой – регламентировать (не ограничить!) власть монарха так, чтобы он предписал законы, исполнял предписанные законом нормы и мог бы отменить/изменить установленные им же законы и нормы, подчеркивая неограниченный характер своей власти. Последнее добавляет в озвученную выше «триаду» (монархической формы правления, «фундаментальных законов», «общего блага») четвертый регулятор, который условно можно назвать внутренним (моральным) – *добродетель* (морально-нравственные качества), которыми должен обладать монарх и из-за которых он не нарушит «фундаментальные законы». Подразумевается, что монарх изначально имеет выдающиеся добродетели, полученные в том числе от Бога, благодаря им он и

⁶⁰³ Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. ... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 241–242.

⁶⁰⁴ Там же. С. 228–230.

является монархом и более того – идеалом и ориентиром для подданных. Итак, глоссарий секулярного монархизма опирался на несколько взаимно связанных риторических стратегий, аккумулированных вокруг следующих концепций: глоссария форм правлений, «фундаментальных законов», «общего блага» и добродетели. Все вместе они образуют то, что принято называть «законной монархией» (самодержавием, самодержавной властью), подразумевая под данным понятием, что власть монарха не ограничена и не разделена с каким-либо коллективным органом, а лишь регламентируется через самоограничение законами, которые сам же монарх устанавливает ради «общего блага» себя и подданных. К тому же, нарушению установленных законов, препятствует заведомо «добродетельная» природа монарха, направленная исключительно на созидание «добра» («общего блага») ⁶⁰⁵.

Об их актуальности на момент конца XVIII в. может свидетельствовать записка канцлера А.А. Безбородко «О потребностях империи российской» (1799), подготовленная еще во времена Павла I. Записка начиналась с констатации того, что Россия «есть самодержавное государство», потому что территориальная «обширность ея» обуславливает «единый образ правления делают ей свойственным» ⁶⁰⁶. А далее – автор давал характеристику, каким должен быть российский монарх и на чем должна основываться его власть: «Государь самодержавный, если он одарен качествами сана его достойными, чувствовать должен, что власть дана ему безпредельная не для того, чтобы управлять делами по прихотям, но чтоб держать в почтении и исполнении законы предков своих и самим им установленные; словом, изрекши закон свой, он, так сказать, сам первый его чтит и ему повинует, дабы другие и помыслить не смели, что они от того уклониться или избежать могут» ⁶⁰⁷.

⁶⁰⁵ Киселев М.А. Адаптация антиабсолютистского монархизма в России в первые две трети XVIII в. // Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века / под ред. С.В. Польского и В.С. Ржеуцкого. М., 2022. С. 339–340.

⁶⁰⁶ Записка А.А. Безбородко «О потребностях империи Российской». 1799 г. // Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России XVIII начала XX вв. С. 194.

⁶⁰⁷ Записка А.А. Безбородко «О потребностях империи Российской». 1799 г. // Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России XVIII начала XX вв. С. 194.

Безбородко в записке удивительно точно определяет, что монарх обладает выдающимися качествами («добродетелями»), он же управляет государством, согласно законам предков («установленным историческим развитием») и законам, которые он устанавливает, будучи монархом. И в том, и в другом случае монарх чтит законы, следует и повинуется законам. Однако, всего этого невозможно было бы сделать, не будь у монарха наиболее важной части – добродетели, поскольку они предостерегают монарха от нарушения («прихотей») им «фундаментальных законов» и, надо полагать, направляют его на достижение «общего блага».

Как упоминалось в начале данной главы, в России XVIII в. сложился чрезвычайно влиятельный дискурс *антиабсолютистского монархизма*. Он формировался вокруг дихотомии монархии – деспотии (или самодержавия – самовластия). Отличия «самодержавной» от «самовластной» власти было в наличии «законов», которыми *самодержец* ограничил собственную власть, без них его беспредельная власть угрожала дестабилизацией и политическим хаосом, приводя к «произволу» и в конечном счете «деспотии»⁶⁰⁸. Таким образом, одной из важнейших задач в России второй половины XVIII – начала XIX вв. стоявшей перед монархией и политической элитой, становилась создание такого аппарата монархической власти, который бы сохранял за самодержцем верховенство (собственно саму идею монархической формы правления) его власти через установленные им же самоограничения («законы» и «фундаментальные законы») ради достижения «общего блага». Эту систему можно назвать системой взаимных гарантий между монархом и подданными, основанной на «законе» («фундаментальном законе»).

Однако с середины XVIII в. формировалось дополнение к идее «закона» – «совет» – законосовещательный орган при монаршей особе, призванный, опять же, не ограничить суверенную власть монарха, а создать эффективный

⁶⁰⁸ Киселев М.А. Адаптация антиабсолютистского монархизма в России в первые две трети XVIII в. // Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века / под ред. С.В. Польского и В.С. Ржеуцкого. М., 2022. С. 351–353, 356, 368–369.

властный орган в государстве при монархе. Основная опасность, исходившая от «закона» – это проблема его экспертной оценки, сводившаяся к тому, чтобы выявлять «дефекты» в «законе», потенциально угрожавшие монархической форме правления, а значит и «общему благу». Именно «совет» должен был упорядочить управление государством ради наиболее «эффективного» и «рационального» достижения «общего блага»; «совет» должен был выступить «экспертным» в области проверки «законов» на «дефекты» и, что нужно подчеркнуть, призван защитить монарха от монополии одной из придворных и бюрократических группировок («фаворитизма», «временщиков») на информированность и на эксплуатацию неограниченной монаршей власти⁶⁰⁹. Опасность (как и пользу), исходившую от такого властного органа («совета»), осознавали еще авторы проектов реформ высших органов государственной власти 1750-х – 1760-х гг., видевшие в проектах конкурентов именно попытку монополизировать информированность монарха в пользу того или иного административного органа (точнее – бюрократической группировки, лоббировавшей создание определенной конфигурации системы управлений, в которой они бы заняли ключевые должности)⁶¹⁰. Таким образом, в сущности, дискуссии о проектах реформ высших органов государственной власти середины XVIII в. сводились не к ограничению власти монарха, а к попытке создания еще более эффективного аппарата его власти, поскольку от этого напрямую зависело достижение «общего блага». В правление Екатерины II идея «совета» постепенно отошла на второй план, уступив место «законам» («фундаментальным законам»), не предполагая наличие «совета»⁶¹¹.

⁶⁰⁹ Бугров К.Д., Киселев М.А. «Закон» и «Совет»: концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50-60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2010. № 33. С. 120–123, 127, 131–136.

⁶¹⁰ См. подробнее: Бугров К.Д., Киселев М.А. «Закон» и «Совет»: концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50-60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2010. № 33. С. 110–139

⁶¹¹ Бугров К.Д., Киселев М.А. «Закон» и «Совет»: концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50-60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2010. № 33. С. 133–134.

Возвращаясь к «дням Александровым прекрасного начала» необходимо подчеркнуть, что со времен советской историографии принято отождествлять российский внутривластный курс первой четверти XIX в., в основном, с двумя понятиями: «александровского либерализма» и «правительственного конституционализма»⁶¹². В соответствии с принятым в исследовательской литературе обозначением данного периода как эпохи «правительственного конституционализма», одной из ключевых реформаторских идей становится конституционная реформа. Так, исследователь С.В. Мироненко, обращаясь к конституционным идеям Александра I связывает их с приверженностью юного монарха к идеям эпохи Просвещения, а также идеалам «законной монархии», скомпрометированным царствованием Павла I⁶¹³. Александр I планировал выработать «неизменный фундаментальный закон» – конституцию: «Основой реформ должно было стать определение прав граждан, главным среди которых являлось право на свободу и собственность. Пределы власти императора следовало ограничить законодательно. Новые законы должны были создать в стране такую ситуацию, чтобы их нельзя было менять “по произволу”»⁶¹⁴.

И действительно Александр I обсуждал с членами Негласного комитета идеи конституционного переустройства России в 1801–1805 гг., хотя среди участников обсуждений не было единого мнения о том, что представляет собой «конституция»⁶¹⁵. К тому же монарх принимал деятельное участие, совместно с М.М. Сперанским, в составлении «Плана всеобщего государственного образования» (1809), преобразованного затем в проект «Государственной Уставной Грамоты» (1818–1820). Т.В. Андреева обращает внимание на то, что создатели данных документов регулярно обращались к зарубежному опыту,

⁶¹² См., например, Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982. 293 с.; Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М., 1957; Мироненко С.В. Александр I и декабристы. Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М., 2016. 399 с.

⁶¹³ Мироненко С.В. Александр I и декабристы. Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М.: Кучково поле, 2016. С. 26–29.

⁶¹⁴ Там же. С. 30.

⁶¹⁵ Подробнее см.: Арискина Ю.Э. Негласный комитет: истоки реформаторской политики Александра I. дисс. ...канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2015. С. 319–342.

особенно английскому (Charta magna 1215 г. и Habeas Corpus Act 1679 г.) и США (Конституция США 1787 г.)⁶¹⁶. Более того, по распоряжению императора в 1806 г. издан знаменитый «бестселлер» второй половины XVIII в.: политическое сочинение швейцарского юриста Ж.–Л. де Лольма «Конституция Англии, или Состояние Английского Правления, сравненного с Республиканскою формою и с другими Европейскими Монархиями» (1771 г., на русском языке впервые – 1806 г.)⁶¹⁷. Основополагающий тезис этого сочинения заключался в том, что территориальный размер государства не был связан с формой правления, а потому – «конституция» (в представлении де Лольма, ее английский вариант) становилась *универсальным* образцом для всех государств⁶¹⁸.

Так, М.М. Сафонов отмечает, что Александр I усвоил от своего учителя-республиканца Ф.Ц. Лагарпа концепцию «истинной монархии», согласно которой «в правильной монархии верховная власть всецело принадлежит монарху, но в то же время существуют фундаментальные законы, не изменяемые никакой властью, и учреждения, гарантирующие их неизменность»⁶¹⁹. В таком ключе можно, к примеру, рассматривать обсуждение проектов «сенатской реформы» 1801–1802 гг., в рамках которых был подготовлен «Конституционный проект П.А. Зубова – Г.Р. Державина»⁶²⁰. Характерно и то, что в основе обсуждения сенатской реформы лежало опасение возможного возвышения одних из сенаторов, участвовавших в «дворцовом перевороте» 1801 г.⁶²¹ В таком виде развернувшиеся дебаты авторов различных проектов «сенатской реформы» в начале XIX в. походили на те же дебаты вокруг «совета» 1750-х – 1760-х гг.⁶²², поскольку в обоих случаях целью

⁶¹⁶ Андреева Т.В. Государственное управление России во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3. С. 51–52.

⁶¹⁷ Подробнее см.: Киселев М.А. Карамзин и Конституция [Электронный ресурс] // Новый мир. 2016. № 7. Режим доступа: <https://nm1925.ru/articles/2016/201607/karamzin-i-konstitutsiya-6388/>

⁶¹⁸ Там же.

⁶¹⁹ Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 126.

⁶²⁰ Сафонов М. М. Конституционный проект П.А. Зубова – Г.Р. Державина // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. С. 237–243

⁶²¹ Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 110–111.

⁶²² См. начало данного параграфа.

выступала организация «эффективного» властного органа, имеющего доступ к монарху («права советовать»). Отличие от дебатов середины XVIII в. было лишь в том, что теперь критике подверглась не коллегиальная система и Сенат (как в случае с проектом Н.И. Панина 1760-х гг.), а министерства, оставшиеся без коллегиального надзора и угрожавшие, согласно мнениям авторов проектов «сенатской реформы», монополизировать информированность монарха о делах в государстве и сам доступ к нему, создав «министерский деспотизм» (выражаясь понятием американского историка-русиста Д. Кристиана)⁶²³. Принципиально отметить в данном ключе и то, что об угрозе потенциального «самовластия министров» писали М.М. Сперанский, а также воспитатель-республиканец Александра I Ф.–С. Лагарп⁶²⁴.

К.Д. Бугров, анализируя опыт политических реформ второй половины XVIII – начале XIX вв., приходит к выводу о том, что целью их было достижение административного баланс, который не позволил бы монополизировать доступ к монарху и эксплуатировать его как властный ресурс, оказывая на монарха давление (влияние) через монополию на поступающую к нему информации⁶²⁵. К.С. Чернов предлагает рассматривать проекты М.М. Сперанского и «Государственной Уставной Грамоты» не конституционными проектами, а элементами «кодификационной традиции», восходившими к Уложенным комиссиям XVIII столетия⁶²⁶. К.С. Чернов

⁶²³ См. Christian D. The 'Senatorial Party' and the Theory of Collegial Government, 1801–1803 // *Russian Review*, Vol. 38. № 3. P. 298–322.

⁶²⁴ Андреева Т.В. Государственное управление России во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике // *Петербургский исторический журнал*. 2016. № 3. С. 45–46.

⁶²⁵ Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. ... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 244–271.

⁶²⁶ Чернов К.С. «Правительственный конституционализм» первой четверти XIX в. (на примере «Государственной Уставной Грамоты Российской империи») // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2012. № 11. С. 172. См. также основной тезис О.А. Омельченко о «просвещенном абсолютизме» второй половины XVIII в.: «Характерное для идейно-правовой доктрины “просвещенного абсолютизма” представление о государственном законе как важнейшем и нередко исключительном средстве совершенствования общества, исторического прогресса и достижения “блаженства каждого и всех” обусловило стремление государственной власти всемерно расширить общественную сферу этого закона, упорядочить систему и нормы закона и, следовательно, провести все объемлющую систематизацию этих норм и кодификацию нового, почерпнутого из “естественных оснований” права» (Омельченко О.А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII в.). М., 1989. С. 127–128).

приходит к выводу о том, что «принцип разделения властей и теория общественного договора реализованы в Грамоте в качестве средства, обеспечивающего доминирующее положение императора по отношению к обществу. Принцип разделения властей и общественный договор мутировали на русской почве в механизм упрочения феодальной патерналистской модели государственности»⁶²⁷. К похожему выводу приходит Т.В. Андреева, отмечая, что Александр I рассматривал конституционные преобразования как «мирный способ»: «оптимизировать механизм реализации государственной власти, усилить связь между государством и “обществом”...»⁶²⁸.

Итак, в исследовательской литературе нет единого мнения о «правительственном конституционализме» или «конституционных преобразованиях» при Александре I. Были ли они «конституционными» или же «кодификационными» – вопрос, который выходит за пределы настоящего исследования. Важно, что обсуждение и последующая разработка при личном участии императора конституционных (административных) реформ была взаимосвязана с внешнеполитическим контекстом, в особенности, с серией крупнейших раундов Наполеонов войн 1805–1807 гг. и 1812–1814 гг., которые прерывали замыслы монарха. В рамках настоящего исследования интерес представляет не характеристика указанных реформ, а то, каким образом они воспринимались российскими консерваторами. Так, А.Ю. Минаков приходит к следующему выводу: «Русские консерваторы, как правило, выступали противниками ограничения самодержавия. Для них было свойственно неприятие конституционализма и либерализма <...> Обосновывая самодержавную форму правления, они использовали аргументы религиозного характера, а также указывали на соответствие самодержавия народному характеру и природно-климатическим условиям России»⁶²⁹.

⁶²⁷ Чернов К.С. «Реформа администрации должна быть предпочтительнее конституции» // Российская история. 2009. № 4. С. 35.

⁶²⁸ Андреева Т.В. Государственное управление России во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3. С. 35–35.

⁶²⁹ Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 454.

Для этого необходимо рассмотреть специфику понятия «конституции» в начале XIX в. М.А. Киселев отмечает, что понятие о конституции претерпевает значительные изменения в европейской политической культуре конца XVIII в.⁶³⁰ Век Просвещения, выработавший универсальные подходы к понятию человеческого прогресса на базе рационализма и секуляризма, вносил ревизию в устоявшийся концептуальный аппарат форм правления. Если человек обладает разумом, почему форма правления не может иметь единых для всех государств фундаментальных основ. В политической теории начинает утверждаться представление о том, что веку Разума должна отвечать такая форма общественного устройства, которая гарантирует свободу. В фокусе внимания оказалась Великобритания с ее знаменитой смешанной формой правления, которую еще Монтескье считал устремленной к обеспечению свободы. Сам Монтескье осторожно отмечал, что британское государственное устройство является уникальным плодом совокупности исторических обстоятельств и утверждал, что континентальные монархии хотя и не обладают подлинно свободным устройством, но в них тоже возможен «дух вольности», который имеет те же социальные эффекты, что и подлинная «вольность» смешанной конституции. Американская и Французская революции способствовали возникновению представления о новом, современном конституционном государстве, в котором конституция понималась уже не как совокупность исторически сложившихся норм и законов, а как универсально применимый утвержденный и зафиксированный на письме порядок управления государством. В такой парадигме государства делились не на монархии и республики, обладавшие своими сильными и слабыми сторонами, а на конституционные государства и деспотии. Кроме того, такую конституцию можно было ввести в действие, тогда как фундаментальные законы старой интеллектуальной традиции были скорее продуктами исторического развития обществ.

⁶³⁰ См. Киселев М. А. Карамзин и Конституция [Электронный ресурс] // Новый мир. 2016. № 7. Режим доступа: <https://nm1925.ru/articles/2016/201607/karamzin-i-konstitutsiya-6388/>

Эти же процессы характерны и для российской политической культуры рубежа XVIII–XIX вв. Согласно наблюдениям Д.В. Тимофеева, в начале XIX в. образованная часть российского общества испытывала явный интерес к конституционным актам («коренным законам»). Интерес подкреплялся и выражался в публикации на страницах отечественной периодической печати текстов зарубежных конституций⁶³¹. Представления российских образованных подданных о «конституции» разнилось. Одни трактовали «конституцию» как «основополагающий законодательный акт», регулировавший правоотношения между гражданами и государством, крестьянами и землевладельцами. В таком смысле «конституция» «не подразумевала ограничения власти императора, но напротив – всячески подчеркивала необходимость высочайшего утверждения всех ее положений»⁶³². Другие считали «конституцией» «государственную уставную грамоту», «уложение государственных законов» или «коренным законом», выступавших в качестве «инструмента систематизации российского законодательства, ограничения “самовластья” фаворитов и произвола чиновников»⁶³³. Наконец, последние рассматривали «конституцию» в качестве «упорядочивания по инициативе монарха системы законодательства с учетом традиций и обычаев народ»⁶³⁴. Таким образом, модель конституционного устройства России рассматривалась в первой четверти XIX в. – заключает Д.В. Тимофеев, как создание «эффективного инструмента», «действенного механизма поддержки монарха» и «законодательного закрепления процедуры согласования позиций всех заинтересованных сторон», следовавших *не ограничению власти монарха*, а созданию «постоянно действующих каналов передачи информации» для информированности монарха о состоянии дел в государстве⁶³⁵.

⁶³¹ Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. С. 313–315.

⁶³² Там же. С. 134.

⁶³³ Там же. С. 135.

⁶³⁴ Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. С. 138.

⁶³⁵ Там же. С. 450.

Возвращаясь к действиям российских консерваторов начала XIX в., следует признать, что их мало интересовало обсуждение конституционных замыслов в данный период времени. Несомненно, обсуждения в Негласном комитете носили секретный характер и не были достоянием общественности⁶³⁶. Существующий в историографии тезис о том, что круг консервативных деятелей в лице Шишкова, Ростопчина и Державина с самого начала противостоял «якобинской шайке» опирается главным образом, на источники мемуарного характера и лишь условно иллюстрирует их реальную информированность об обсуждениях каких-либо проектов реформ в верховной власти⁶³⁷.

Несмотря на интенсивное обсуждение конституционных замыслов Александра I с членами Негласного комитета в начале 1800-х гг., единственным крупным преобразованием в данный период времени стала министерская реформа 1802 г. Остальные обсуждения и реформаторские замысли были нарушены начавшейся войной с Наполеоном 1805–1807 гг. Возвращение Александра I, уже совместно с М.М. Сперанским, к обсуждению конституционных идей пришлось на 1807–1809 гг. Именно в этот период, по поручению императора, Сперанским был составлен «План всеобщего государственного преобразования» (1809). Согласно данному документу, предполагалось постепенное введение в России трех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной. Более того, с 1809 г. Сперанский возглавил Комиссию составления законов и занялся кодификацией российского законодательства. Однако, первым шагом реализации «Плана...» стало учреждение 1 января 1810 г. Государственного совета – высшего государственного органа, призванного быть связующим звеном между тремя ветвями власти и монархом.

⁶³⁶ См. Frede V. Общественное мнение, его облик сверху: Негласный комитет Александра I [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2018. № 5. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/151/article/19756/

⁶³⁷ Егерова Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки и Ф. В. Ростопчина. М., 2014. С. 281–283.

В 1807–1808 гг. центром консолидации противников реформ Сперанского стала Тверь, в которой на постоянной основе проживала сестра императора, «тверская полубогиня» – Екатерина Павловна. При ее дворе Ростопчиным и Карамзиным были подготовлены две знаковые записки данной эпохи. В 1811 г. Ростопчин подготовил для сестры императора «Записку о мартинистах...» – краткий очерк о потенциально готовящемся в России масонском заговоре, направленном против российского императора при содействии французской пропаганды Наполеона⁶³⁸. Записка Ростопчина вскоре после представления Екатерине Павловне, передана Александру I. Исследовательница О.А. Мещерякова справедливо отмечает связь записки с интригой, направленной против Сперанского, поскольку в записке упоминались люди, приближенные к нему⁶³⁹. Вторым документом, подготовленным по поручению Екатерины Павловны стала известная записка «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811). Следует согласиться с выводами исследователя М.Б. Велижева о том, что записка Карамзина изначально не предназначалась лично императору и оказалась, без ведома ее автора, в руках монарха именно из-за действий Екатерины Павловны. Карамзин, выступавший с 1803 г. в роли официального историографа, неожиданно для себя самого оказался втянут в придворную политическую сферу как критик реформаторской политики Александра I и Сперанского⁶⁴⁰.

Как показал М.А. Киселев, Карамзин воспринял появление Государственного совета в 1810 г. и начало работы над проектом Гражданского Уложения как старт конституционных преобразований, ведущих к ограничению власти монарха на базе теории разделения властей, которую

⁶³⁸ Ростопчин Ф.В. Записка о Мартинистах, представленная в 1811 году графом Ростопчиным Великой Княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1879. Вып. 9. С. 77–84.

⁶³⁹ Подробнее см.: Мещеряков О.А. Ф.В. Ростопчин: У основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 97–107

⁶⁴⁰ Велижев М.Б. Политик поневоле? Историограф, монарх и публичная сфера в России начала XIX века [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2018. № 3. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/151/article/19757/

Карамзин «абсолютно не принимал»⁶⁴¹. Карамзинские инвективы против реформ опирались на глоссарий форм правлений: он интерпретировал ограничение власти монарха (Александра I) как превращение российской формы правления из монархии в аристократию, с XVIII столетия считавшуюся совершенно неподходящей для России⁶⁴². Кроме того, в проекте Уложения Карамзин видел не самостоятельный документ, систематизирующий российское законодательство, а «перевод Наполеонового Кодекса», не учитывавший ни исторического опыта, ни особенностей Российского государства⁶⁴³. Карамзин же ссылался на «фундаментальные законы», которые сложились в России исторически. Так, знаменитое карамзинское «...вижу аристократию, а не монархию»⁶⁴⁴, опиралось на его представление об исторически обусловленной в России неограниченной власти монархии, необходимость которой доказана опытом различных социально-политических катаклизмов: периода раздробленности Русского государства, а главное – Смутным временем. Поскольку именно из последних, «русский народ» извлек главный урок – пагубность аристократической формы правления, заключив своеобразный «договор» («фундаментальный закон») с монархом: «Бедствия мятежной аристократии просветили граждан и самих аристократов; те и другие единогласно, единодушно наименовали Михаила самодержцем, монархом неограниченным; те и другие, воспламененные любовью к отечеству, взывали только: Бог и Государь!.. Написали хартию и положили оную на престол. Сия грамота, внушенная мудростью опытов, утвержденная волею и бояр, и народа, есть священнейшая из всех государственных хартий. Князья московские учредили самодержавие – отечество даровало оное Романовым»⁶⁴⁵. Итак, ограничение собственной власти Александром I,

⁶⁴¹ Киселев М. А. Карамзин и Конституция [Электронный ресурс] // Новый мир. 2016. № 7. Режим доступа: <https://nm1925.ru/articles/2016/201607/karamzin-i-konstitutsiya-6388/>

⁶⁴² Там же.

⁶⁴³ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 88–92, 95–96.

⁶⁴⁴ Там же. С. 48.

⁶⁴⁵ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 29.

рассматривалось Карамзиным как нарушение «фундаментального закона»: иметь в России неограниченную власть монарха. Показательно, что «хартия» была санкционирована не только «договором», но и Божественным Провидением. Эти зачатки телеологичной схемы истории российского монархии, представленные в «Записке...», позже будут реализованы уже в первом томе «Истории государства Российского» (1816) с точном таким же включением провиденциализма⁶⁴⁶. Обращает на себя внимание и тот факт, что время появления двух знаковых записок (Ростопчина и Карамзина) совпали со своеобразным пиком галлофобии, молниеносно распространявшейся в России после Тильзитского мира 1807 г.⁶⁴⁷

Вместе с тем, Карамзин критиковал и бюрократический аппарат, вводящий государя в заблуждение и стремившийся к обогащению за государственный счет⁶⁴⁸. Ю.М. Лотман считал такую критику «всеобъемлющей бюрократической машины» новацией Карамзина⁶⁴⁹. Однако истоки подобных инвектив – в критическом языке XVIII в., использовавшемся для описания подьячих как порочных и коррумпированных обманщиков⁶⁵⁰, и в идеях реформаторов второй половины XVIII в., настаивавших на том, что эффективная власть монарха должна подразумевать прежде всего его контроль над собственным аппаратом управления. Именно такую логику иллюстрирует, к примеру, проект реформы российского Сената под авторством Н.И. Панина и Д.И. Фонвизина 1770-х – начала 1780-х гг. гг., характеризующей «горделивого государя»: «Если б Богу было угодно предопределять, кому властвовать и кому рабствовать, то бы он, конечно, ознаменовал чем-нибудь

⁶⁴⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1818. С. IX–XXIV.

⁶⁴⁷ Подробнее о галлофобии в России и борьбе с галломанией говорится в следующей главе.

⁶⁴⁸ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 75–76.

⁶⁴⁹ Лотман Ю.М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина – памятник русской публицистики начала XIX века // Ю.М. Лотман. Избранные статьи: в 3-х т. 1992. Т.2. С. 200.

⁶⁵⁰ Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. ... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 373–374.

сию волю свою; цари, например, рождались бы тогда с короною на головах, а вся достальная часть человеческого рода – с седлами на спинах»⁶⁵¹.

В «Записке...», как видим, обнаруживаются не только использование Карамзиным глоссария форм правления в интерпретации «ограничения власти монарха», но и отчетливые ссылки на «фундаментальные законы», которые нарушал монарх, вводя данные ограничения собственной власти. Не менее важным в данном отношении был и тезис о кодификации законодательства, по сути, Карамзин писал о противоречии вводимого Уложения тем нормам, которые сложились исторически в России и выступали «фундаментальными законами». Более того, пейоративный язык, использованный им для описания «бюрократической машины», вторил языку обсуждения административных реформ XVIII в., связанных с организацией доступа различных лиц к монарху и его информированности о делах в государстве. В таком виде карамзинское «обманывают государя проектами» синонимично и низкому развитию добродетелей среди чиновников.

Несколько иначе эти же представления выглядят за счет включения глоссария провиденциального монархизма, отчетливо звучащего в сочинениях Ростопчина. Ростопчин гораздо меньше рассуждал о монархической власти, а уж тем более о ее организации, ограничении или законах. Во всяком случае, постоянные апелляции к монарху как своеобразному «суперарбитру» встречаются в его сочинениях регулярно. Так, в своем известном памфлете «Мысли в слух на красном крыльце» (1807), обрушившись с критикой на щеголей-галломанов, он писал: «Дай Боже сто лет здравствовать государю нашему, а жаль дубины Петра Великого взять бы ее на недельку <...> да выбить дурь из дураков и дур»⁶⁵². Т.А. Егерова усматривает в метафоре «дубины Петра Великого» «симбиоз допетровской патриархальной добродетели» и стремление к «регламентации по модели петровского

⁶⁵¹ Цит. по: Сафонов М.М. Конституционный проект Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 6. М., 1974. С. 276.

⁶⁵² Ростопчин Ф.В. Мысли в слух на красном крыльце. М., 1807. С. 7.

регулярного государства»⁶⁵³. Можно предположить, что эта же метафору указывает на главенствующую роль монарха в организации и управлении обществом, поскольку монарх в ростопчинских представлениях выступал «суперарбитром», способным искоренить любые пороки.

К такой интерпретации приводит описание Ростопчиным роли монарха в другом его сочинении – «Замечания на книгу Стройновского» (1811). Так, именно за «государем и правительством» – писал Ростопчин, закреплено «попечение» об обществе и достижении «общего блага»⁶⁵⁴. Это соображение он дополнил патриархальной риторикой: «Государь есть отец всех подданных»⁶⁵⁵. Монарх правит «единственно любовью», служит для своих подданных моральным ориентиром и искореняет в них различные «пороки»⁶⁵⁶. По этой причине «воля» монарха «есть первый закон верноподданных»⁶⁵⁷. Эта цитата сходна с высказываниями Карамзина, отметившим в своей «Записке», что в «России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит <...> в монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное. Отец семейства судит и наказывает без протокола, – так и монарх в иных случаях должен необходимо действовать по единой совести»⁶⁵⁸.

Вместе с тем, патерналистская риторика так или иначе пронизывал все сочинения российских консерваторов данного периода. В одинаковой степени ее разделяли и Шишков, и Глинка. Шишков, как продемонстрировано в первой главе, писал о том, что «первейшим» источником добродетелей для монарха, его подданных и закона, была православная вера, из которой «народоправитель почерпает мудрость, закон силу, судья правду...»⁶⁵⁹. В таком виде монарх («поставленный от Бога отец») обладал врожденными, по мнению Шишкова,

⁶⁵³ Егерова Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина. М., 2014. С. 352.

⁶⁵⁴ Ростопчин Ф.В. Замечание графа Ф. В. Ростопчина на книгу г-на Стройновского // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1860. Кн. 2. С. 205.

⁶⁵⁵ Там же. С. 205–206.

⁶⁵⁶ Там же. С. 206.

⁶⁵⁷ Там же. С. 217.

⁶⁵⁸ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 102.

⁶⁵⁹ Шишков А. С. Рассуждения о любви к Отечеству. СПб., 1811. С. 37.

выдающимися добродетелями, но имел их благодаря тому, что был православным государем (монархом-помазанником), получившим свою власть от Бога⁶⁶⁰. Источником добродетели для монарха также служил «опыт предков», а с другой стороны – он же наделял монарха выдающимися моральными качествами, унаследованными от предшествующих монархов⁶⁶¹. Причем *монархическая форма правления* воспринималась Шишковым единственно возможным условием к достижению «общего блага». Так, он апеллировал к каноничным историческим примерам – Смутному времени, когда в 1610–1613 гг. Россия осталась без монарха на престоле и погрузилась в хаос⁶⁶². Спасение произошло благодаря ключевому источнику добродетелей – православной веры. Более того: добродетели, дарованные ею, выступали важнейшим регулятором отношений внутри общества. Шишков, задаваясь вопросом, может ли закон искоренить «человеческое лукавство» (пороки), однозначно писал, что «есть ли бы законы восхотели присвоить себе право исправлять их наказаниями, они бы не могли совладать с числом виновных, умножили бы только зло и напоследок потеряли бы властью свою <...> законы точно также не в состоянии были бы совладать с ними [пороками]»⁶⁶³.

Подобное отнюдь не значит, что адмирал отходил от легалистского дискурса, скорее, коммуникативный контекст появления и направленности его «Рассуждения о любви к Отечеству» (1811), содержащее размышления автора, в основном, о добродетелях монарха и его подданных, объясняют его обращение к добродетелям, которые выступали, *совместно с законом*, правовым и моральным регуляторами. Во всяком случае, через несколько лет он писал, что «Само по себе разумеется, что никто кроме закона, не может давать никаких прав, или определять их меру. *Где нет закона, там нет и прав; там господствует обычай или насилие*» (курсив мой – В.И.)⁶⁶⁴. Итак,

⁶⁶⁰ Там же. С. 43.

⁶⁶¹ Там же. С. 15.

⁶⁶² Там же. С. 19.

⁶⁶³ Там же. С. 39–40.

⁶⁶⁴ Шишков А.С. Примечания на первую главу Проекта гражданского уложения // Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1871. Т. 2. С. 59.

«законы», согласно Шишкову устанавливают пределы прав, но и наличие законов не дает обществу впасть в «насилие». Надо полагать, что здесь отражен именно «фундаментальный» характер «законов» как регулятора человеческих взаимоотношений в государстве. Проще говоря, «законы» для Шихкова с одной стороны выполняли функцию ограничения от возможного «насилия», а с другой – были источником прав. Эта схема не противоречила тому, что добродетели выполняли ту же роль саморегулирования, спасавшего членов общества от внутренних, моральных «пороков». Можно уверенно сказать, что и «законы», и «добродетели» были в его представлениях взаимосвязаны: там, где заканчивался предел действий одних, моментально включалось действие других.

В равной степени патерналистский взгляд на социально-политическое устройство государства разделял С.Н. Глинка. Как обстоятельно доказывает Л.Н. Киселева, характеризуя его взгляды, представленные в многочисленных публикациях «Русского Вестника», патерналистская риторика в буквальном смысле окутывала все его представления о социальном устройстве общества. Причем, что интересно, он связывал избрание именно Михаила Романова на российский престол с его выдающимися качествами-добродетелями. В свою очередь, данные добродетели позволяли монарху направить свою «семью» (подданных) к достижению «общего блага»⁶⁶⁵. Несмотря на соразмерный с Шишковым акцент на добродетели, как внутреннем регуляторе, С.Н. Глинка писал: «Где нет законного разпорядка, там каждый захочет своевольтствовать; всякой бросит свое дело; там запустеют нивы, разрушатся села и города; там в яростной необузданности страстей будут грызть и пожирать друг друга» (курсив мой – В.И.)⁶⁶⁶. Иными словами, легалистский дискурс также был характерен для патерналистской риторики С.Н. Глинки, который, впрочем, как

⁶⁶⁵ Киселева Л.Н. Система взглядов С.Н. Глинки (1807–1812 гг.) // Ученые записки Тартуского государственного университета. Проблема литературной типологии и исторической преемственности. Тарту, 1981. Вып. 32. С. 58–61.

⁶⁶⁶ Цит. по Киселева Л.Н. Система взглядов С.Н. Глинки (1807–1812 гг.) // Ученые записки Тартуского государственного университета. Проблема литературной типологии и исторической преемственности. Тарту, 1981. Вып. 32. С. 61.

и Шишков, основывался на взаимодействии внутреннего (добродетелей) и внешнего («фундаментальных законах») регуляторов.

Можно с уверенностью сказать, что из всех российских консерваторов только Карамзин в 1800-е – начале 1810-х гг. явно беспокоился о проблеме ограничения власти монарха. Было ли это следствием его особой осведомленности о планируемых «конституционных преобразованиях» Александра I и Сперанского? Во всяком случае, Ростопчин, также входивший в «тверской двор» Екатерины Павловны, проводя инсинуации против Сперанского, не вдавался в подробности планируемых «конституционных преобразований». Несмотря на отсутствие рефлексии о них, Ростопчин, Шишков и Глинка активно обращались к «фундаментальным законам», как и к «законам» в целом. В таком ключе, их представления о «законе» как регуляторе общественных отношений, возникших в государстве, предполагало их носовершенство в той части, на которую «закон» повлиять никак не мог – внутренние «пороки» человека. Однако, выступая в тесной взаимосвязи с внутренним регулятором – «добродетелями», они оказывались взаимодополняющими.

Господствующими в российской политической элите оставались те представления о монархии, которые сложились на протяжении XVIII в. Эти представления предполагали, что наилучшей для России формой правления является монархия, опирающаяся на фундаментальные законы. Власть монарха не ограничивалась фундаментальными законами напрямую, однако была ориентирована на достижение «общего блага». Российский монархизм имел ощутимую антиабсолютистскую направленность: фундаментальные законы одновременно являлись границей, предостерегавшей монарха от возможного «произвола» в отношении к подданным. Впрочем, господство монарха опиралось не только на формальную законность, но и на моральное превосходство, поскольку соблюдение законов требовало моральной добродетели от подданных. Поэтому, власть монарха и ее возможные пределы описывались и через использование патриархальной риторики.

Как известно, Александр I вернулся к своим конституционным замыслам в 1814–1815 гг. По мнению исследователя А.Н. Медушевского, «после Французской революции и особенно в условиях Реставрации конституционализм ставится общепризнанной формой легитимации всякой власти, в том числе и монархической»⁶⁶⁷. Так, в мае 1814 г., согласно планам европейского переустройства, выработанным на Венском конгрессе, Людовик XVIII подписал Конституционную Хартию, установив во Франции конституционную монархию. А уже в мае 1815 г. Александр I, руководствуясь отчасти постановлениями того же конгресса, даровал конституцию Царству Польскому, предоставив широкую автономию, армию и гарантию прав и свобод⁶⁶⁸. Исследовательница М. Майофис обращает внимание на то, что в период 1813–1814 гг. в Государственном Совете возобновилась работа над проектами Сперанского, в частности, обсуждение Гражданского Уложения. Тогда же свои услуги по созданию *нового* гражданского уложения Александру предложил И. Бентам⁶⁶⁹. Вместе с тем, особый интерес вызывает записка государственного секретаря А.Н. Оленина «О истинном и естественном основании составов государственных конституций», подготовленная не позднее 1814 г., в ходе активных обсуждений реформаторских проектов. Записка представляет собой своеобразную «рецензию» на брошюру Ж. де Местра⁶⁷⁰ «Essai sur le principe générateur des constitutions politiques» (1809), направленную еще в довоенные годы против реформаторских проектов Сперанского⁶⁷¹. «Рецензия» Оленина, занимавшего, по выражению М. Майофис, «умеренно консервативную позицию»⁶⁷², представляет собой

⁶⁶⁷ Цит. по Велижев М.Б. Республиканизм в общественной мысли России первой половины XIX в. // Res Publica Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века / под ред. К.А. Соловьев. М., 2021. С. 437.

⁶⁶⁸ Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 93–94.

⁶⁶⁹ Майофис М. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 гг. М., 2008. С. 258–266.

⁶⁷⁰ Савойский посланник, находившийся при русском дворе с 1803 по 1817 гг., в 1812 г. рассматривался как один из кандидатов на пост государственного секретаря России (см. Парсамов В.С. Жозеф де Местр и А.С. Шишков // Актуальность Жозефа де Местра: материалы российско-французской конференции. М., 2012. С. 145–148).

⁶⁷¹ Майофис М. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 гг. М., 2008. С. 266–267.

⁶⁷² Там же. С. 265. Следует также подчеркнуть, что в доме А.Н. Оленина часто собирались А.С. Шишков, Г.Р. Державин, В.А. Озеров, В.А. Жуковский, а также различные петербургские интеллектуалы. (См. Бродский

яркий пример того, как *гипотетически* могла бы сочетаться патерналистская риторика о власти монарха Ростопчина, Глинки и Шишкова, с их представлениями о конституции.

Оленин писал о том, что народ в каждом государстве, вне зависимости от формы правления, всегда разделен на «три главнейших состояния». Они образуют «семейство», состоящее из «старших, средних и младших братьев» («дворянства, мещанства и крестьянства»). Доказывая далее, что появление конституции должно быть обусловлено естественным развитием, Оленин обратился к роли «фундаментальных законов»: «Великое дело законодателей предписать законы, которые бы благоразумно определили между сими состояниями права и преимущества каждого и общую их друг от друга зависимость, подобно доброй семьи, в которой младшие братья совершенно повинуются старшим, средние состоят в некоторой их зависимости, а все вместе имеют два только предмета: общую пользу целого семейства и, следственно, слепое повиновение к главе оною, к отцу семейства, который буде родился добрым, пользу и утешение находит в благоденствии своей семьи <...> Прав не предписывают дети отцу, но они сами собою устанавляются по мере прав, детям от отца данным, что делается постепенно, со временем, смотря по обстоятельствам и нуждам, как и Конституции народные»⁶⁷³.

Как было продемонстрировано выше, патерналистское описание социальной структуры общества, в его «рецензии» оказывается удивительно близким к представлениям российских консерваторов. Впрочем, Оленин ничего не сообщал о том, мог ли монарх нарушить установленные им же «фундаментальные законы». Очевидно, предполагалось, что от подобных действий монарх защищен благодаря изначально присущих (дарованных от

Н.Л. Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века. М., 2001. С. 28. Кроме того, с 1814 г. Оленин был назначен директором Публичной библиотеки, сотрудником которой был деятельный участник «Беседы любителей русского слова» И.А. Крылов.

⁶⁷³ Оленин А.Н. О истинном и естественном основании составов государственных законов // Майофис М. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 гг. М., 2008. С. 750.

Бога) ему «добродетелей». В таком ключе и понятие «конституции» оказывалось близким к «фундаментальным законам».

Вместе с тем, после отставки с поста государственного секретаря в 1814 г., Шишков вошел в состав Государственного Совета, став членом департамента законов. Напомню, что тогда же в Совете шло обсуждение Гражданского Уложения, в обсуждение проекта которого Шишков принял активное участие. Часть поданных им мнений во время обсуждения частей Уложения, так или иначе касалась размышлений о том, каким должен быть закон и как должна происходить их кодификация. Эта критика, подобно карамзинской, затрагивала также и язык, которым был написан проект Уложения. Шишков считал, что проект Уложения не соблюдал грамматические нормы русского языка, а также был лишен «ясных и с точностью определенных» понятий⁶⁷⁴. Оценивая всю серьезность не только разработки языковой части Уложения, но и в целом самого процесса законотворчества и кодификации, он предостерегал, что «составление законов есть ващъ несравненно важнейшая <...> но худость изданного уложения посеет тяжбы и раздоры, водворит корыстолюбие...»⁶⁷⁵. В таком виде, Шишков писал, что вновь вводимые «фундаментальные законы» (проекты частей Гражданского Уложения были именно такими), должны, по мнению адмирала, соответствовать сложившимся историческим «нормам» «на правах и обычаях своего народа, и вообще на знании дел и сердец...»⁶⁷⁶. Как можно видеть, Шишков в полной мере разделял мнение о наличии «фундаментальных законов» в России.

Во время своего визита в Варшаву в 1818 г., Александр I на открытии Сейма Царства Польского, сообщил о своем «конституционном намерение»

⁶⁷⁴ Шишков А.С. Примечания на первую главу Проекта гражданского уложения // Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1871. Т. 2. С. 68.

⁶⁷⁵ Шишков А.С. Примечания на главу шестую Проекта гражданского уложения // Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Берлин, 1871. Т. 2. С. 151.

⁶⁷⁶ Шишков А.С. Примечания на первую главу Проекта гражданского уложения // Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Берлин, 1871. Т. 2. С. 68.

даровать конституционное устройство России⁶⁷⁷. Через несколько дней речь монарха была опубликована на страницах российской периодической печати, спровоцировав обсуждение конституции образованной частью российского общества⁶⁷⁸. Тогда же Новосильцеву императором была поручена секретная разработка проекта Государственной Уставной Грамоты (1818–1820)⁶⁷⁹. Нужно подчеркнуть, что ни Ростопчин (находившийся с 1816 г. во Франции), ни Шишков, ни Глинка (работавший в это время над собственной «Русской историей») никаким образом публично не отреагировали на информацию о возможном «конституционном переустройстве» России. Единственным из деятелей российского консерватизма данного периода, кто вновь высказался, был Карамзин, передавший монарху записку «Мнение русского гражданина» (1819). Только вот появление записки было связано отнюдь не с варшавской речью Александра I и его «конституционными обещаниями». Карамзин в записке выражал обеспокоенность возможным «восстановлением Речи Посполитой», в связи с обсуждением включения в состав Царства Польского западных губерний Российской империи (бывших территорий Великого княжества Литовского, присоединенных Екатериной II по итогам первого раздела Речи Посполитой 1771 г.)⁶⁸⁰. И все же возможные планы монарха по отчуждению от Российской империи «исконно русских» губерний Царству Польскому, актуализировали обращение Карамзина к «фундаментальным законам» и христианству: «Вера Христианская <...> выше всех законов – физических, гражданских, государственных, – но их не отменяет»⁶⁸¹. Управляя государством на «общее благо», монарх должен руководствоваться такими же неизменными законами «гражданских обществ», не изменивших своих

⁶⁷⁷ Мироненко С.В. Александр I и декабристы. Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М., 2016. С. 68–74.

⁶⁷⁸ Киселев М. А. Карамзин и Конституция [Электронный ресурс] // Новый мир. 2016. № 7. Режим доступа: <https://nm1925.ru/articles/2016/201607/karamzin-i-konstitutsiya-6388/> (дата обращения: 05.02.2024).

⁶⁷⁹ Подробнее см. об источниках и работе над Государственной Уставной Грамоте: Чернов К.С. «Реформа администрации должна быть предпочтительнее конституции» // Российская история. 2009. №. 4. С. 23–37.

⁶⁸⁰ Болтунова Е.М. Последний польский король. Коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в / Е. Болтунова. М., 2022. С. 15–19.

⁶⁸¹ Карамзин Н.М. Мнение русского гражданина // Консерватизм: pro et contra, антология / сост., вступ. статья, коммент. А. Я. Кожурина; ред., предисл. А. А. Сеницына. СПб., 2016. С. 103.

«коренных уставов»⁶⁸². А возможное «восстановление» Речи Посполитой, в случае присоединения к ней западных губерний Российской империи, по мнению Карамзина, было бы нарушением «фундаментальных законов» России, и столь явный отказ от «общего блага» имел бы чудовищные последствия: «Мы лишились бы <...> любви к Царю: остыли бы душою и к Отечеству, видя оное игралищем самовластного произвола <...> Не опустел бы конечно дворец; Вы и тогда имели бы Министров, Генералов: но они служили бы не Отечеству, а единственно своим выгодам, как наемники, как истинные рабы...»⁶⁸³. Фактически Карамзин рисовал картину деградации монархической формы правления в деспотию, ведь одной из главных черт деспотии было превращение подданных в «рабов», повинующихся только произволу. Таким образом, «отчуждение» Александром I территорий своего государства, согласно Карамзину, было бы нарушением («самовластным произволом») российским императором «фундаментальных законов», что привело бы к деградации монархической формы правления, но не к аристократической (как в случае с «Запиской...» 1811 г.), а к деспотической, основанной на «произволе» к своим подданным.

Между тем, Ростопчин, незадолго до возвращения в Россию в 1823 г., подготовил записку о своем семилетнем опыте жизни во Франции «Картина Франции 1823 года». Записка была представлена императору⁶⁸⁴. По большей части она представляла собой очерк о французской политической системе, установленной Конституционной Хартией 1814 г. Специальных размышлений о конституции в этом тексте нет, содержащаяся в записке критика функционирования французского парламента основывалась на расхожей аргументации против республик. Заявив в 1811 г., что «время республик в мире прошло»⁶⁸⁵, Ростопчин и в 1823 г. критиковал существующие во Франции

⁶⁸² Там же. С. 103.

⁶⁸³ Там же. С. 105.

⁶⁸⁴ Мещеряков О.А. Ф.В. Ростопчин: У основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 215.

⁶⁸⁵ Ростопчин Ф.В. Замечание графа Ф. В. Ростопчина на книгу г-на Стройновского // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1860. Кн. 2. С. 206.

партии, упрекая их в том, что они «не могут договориться между собой», поскольку «роялисты желают иметь короля без хартии», а другие видят свою миссию – «в защите хартии»⁶⁸⁶. Впрочем, записка Ростопчина вряд ли произвела на императора какое-либо особое впечатление, а лишь подтвердила уже укоренившееся в нем разочарование в возможности сочетания в России «конституции» и «монархии». Отчасти новые настроения Александра I подкреплялись относительно недавним восстание Семеновского полка в 1820 г., шефом которого он был еще до вступления на престол⁶⁸⁷, а с другой стороны – осознание им существования бесконтрольной сети тайных обществ в России, настойчивых требований части дворянства продолжения реформ⁶⁸⁸. Наконец, подписанием 16 августа 1823 г. секретного манифеста о передаче российского престола после смерти Александра I Николаю⁶⁸⁹.

Итак, формирование консервативных идей в России 1790-х – 1810-х гг. не было связано с полемикой вокруг проблемы ограничения власти монарха; свое влияние сохраняла концепция форм правления, в рамках которой критике подверглась возможность трансформации монархической формы правления в аристократическую, не подходящую для России. Отечественная общественно-политическая мысль рубежа XVIII–XIX вв. охотно обращалась к таким понятиям, как «фундаментальный закон» или «общее благо». Неограниченная власть монарха на российском престоле регулировались именно наличием в государстве «фундаментальных законов», рассматривавшихся как часть деятельности монарха к достижению «общего блага», а с другой – выступала своего рода границей, оберегавшей самого монарха от собственного возможного «произвола» по отношению к своим подданным. Однако и

⁶⁸⁶ Ростопчин Ф.В. Картина Франции, представленная императору Александру I // Русский архив. Историко-литературный сборник. 1872. Вып. 5. Стб. 969–970, 980.

⁶⁸⁷ Иванов И.А. «Нешастное и постыдное приключение» как предвестник восстания декабристов. "Семеновская история" 1820 г. В зеркале государственной безопасности // Петербургский исторический журнал. 2017. № 4. С. 32–44; См. также: Андреева Т.В. Александр I и внутренняя безопасность Российской империи: правительство, тайные общества и дворянство // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1. С. 77–81.

⁶⁸⁸ Андреева Т.В. Александр I и «Тайное общество» декабристов. 1818–1825 гг.: политическая толерантность или прагматические задачи? // Труды исторического факультета СПбГУ. 2012. № 11. С. 203–219.

⁶⁸⁹ Сафонов М.М. Речь Посполитая и декабризм // Культурология техники и инженерной деятельности. Коллективная монография / отв. редактор Н. Г. Багдасарьян. СПб., 2011. С. 169.

«фундаментальные законы», и «законы» были неразрывно связаны с представлением о «добродетелях» как внутренних регуляторах в той части, когда речь заходила о «пороках» человека, искоренение которых не могло произойти посредством «закона». На этом фундаменте была возможна «тишина», существование которой декларировалось в Российской империи; эта «тишина» противопоставлялась ужасам французского безначалия и кровожадной диктатуре Наполеона.

Российским консерваторам конца XVIII – начала XIX вв. было достаточно идейного инструментария в виде глоссария форм правлений, который снабжал их аргументацией против республики, актуализированным на фоне противостояния Наполеону⁶⁹⁰. В таком ключе российские консерваторы не вносили новшеств в аргументацию в защиту монархической формы правления в России. Их представления в секулярном глоссарии монархизма основывались на почве распространенных идей XVIII в.: признания за монархом выдающихся добродетелей, благодаря которым он направлял свою деятельность только на «общее благо» и не испытывал стремлений к «произволу». Эти представления подкреплялись описанием власти монарха через патерналистскую риторику, в которой «добрый» и «заботливый отец» направляет все «семейство» к достижению «общего блага». Законотворчество «отца» (монарха) также рассматривалось как достижение «общего блага», но оно не должно было нарушить исторически сложившихся «фундаментальных законов». Нужно подчеркнуть, что сама патерналистская риторика, а также признание за монархом выдающихся добродетелей являлись составной и неотъемлемой частью глоссария провиденциального монархизма. В конечном счете карамзинское «государь есть живой закон» свидетельствует о том, что именно монарх сохранял все верховенство власти.

Таким образом, формирование консервативных идей в российской общественно-политической мысли 1790-х – 1810-х гг. было слабо связано с

⁶⁹⁰ См. первую главу настоящего исследования.

противостоянием попыткам ограничения власти монарха в начале XIX в., напротив, этот процесс шел по пути сакрализации власти самодержца, прежде всего, в провиденциальной глоссарии монархизма. Именно сакрализация власти монарха, на фоне противостояния наполеоновской агрессии, принимает форсированные темпы. Однако подобный процесс потребовал переустройства и в других областях общественно-политической мысли, вокруг которых и происходило формирование консервативных идей в России: переосмысления добродетели «любви к отечеству» как важнейшей части политической системы и усиления историзма, шедшего путем открытия национального героического прошлого. Об этом и предстоит говорить в двух последующих главах.

Глава 3. Социальная иерархия и дискуссии о пороках и добродетелях русского дворянства в русской политической культуре конца XVIII – начала XIX веков

§ 3.1. Представления о социальной иерархии

Проблема социальной иерархии считается одной из ключевых в парадигме консервативных идей в России конца XVIII – начала XIX вв. Этот подход имеет длительную историографическую традицию, в рамках которой консерватизм рассматривается как социально (или классово) обусловленное явление, т.н. «дворянский (аристократический) консерватизм» или «идеология господствующего класса». Так, советский филолог Б.С. Мейлах рассматривал деятельность «Беседы любителей русского слова», характеризуя взгляды ее участников как «беспредельно реакционные», защищавшие «феодално-крепостнический режим», будучи «апологией феодальной неподвижности и застоя»⁶⁹¹. Несмотря на критику определения консерватизма как социально обусловленного явления⁶⁹², с долей условности можно признать, что данные представления вошли в современную историографию. В.Я. Гросул выдвинул предположение о существовании в России рубежа XVIII–XIX вв. нескольких разновидностей «дворянского консерватизма»⁶⁹³; отечественный исследователь Э.Г. Соловьев подчеркивает, что в этот же период «консервативно окрашенный традиционализм оставался уделом представителей дворянско-чиновной аристократии»⁶⁹⁴. Исследователь А. Мартин рассматривает Ф.В. Ростопчина и Н.М. Карамзина как главных идеологов «дворянского консерватизма», приходя к выводу, что «дворянский консерватизм» был обречен в первую очередь» с

⁶⁹¹ Мейлах Б.С. Пушкин и его эпоха. М., 1958. С. 247, 250, 257. Похожих представлений придерживался об А.С. Шишкове советский историк А.В. Предтеченский. (См.: Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М., 1957. 465 с.). Советская исследовательница Л.Г. Кислягина называл Н.М. Карамзина исключительно «идеологом консервативного дворянства» (См. Кислягина Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина. М., 1976. 201 с.).

⁶⁹² Хантингтон С. Консерватизм как идеология / пер. с англ. А. А. Закутина // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 231–232.

⁶⁹³ Гросул В.Я. Зарождение русского политического консерватизма // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1997. № 1. С. 31–32.

⁶⁹⁴ Соловьев Э.Г. У истоков русского консерватизма // Полис. Политические исследования. 1997. № 3. С. 137.

наступлением царствования Николая I⁶⁹⁵. А.Е. Гребенщиков, исследуя взгляды Шишкова на крепостное право, приходит к выводу, что адмирал «выражал интересы феодального класса», незаинтересованного в уступках «зависимому населению»⁶⁹⁶.

Вместе с тем, социальная иерархия регулярно упоминается в качестве одной из доктринальных характеристик российского консерватизма данного периода. А.Ю. Минаков связывает ее с «религиозным мировосприятием консерваторов», предполагавшее «необходимость общественной иерархии <...> иерархии сословий, связанных между собой духовными узами и взаимными обязанностями»⁶⁹⁷. Следует также признать, что в некоторой степени проблема социальной иерархии была актуализирована и событиями рубежа XVIII–XIX вв., особенно в ходе Французской революции 1789 г., выведшей на авансцену идею равенства, прежде всего, правового. Таким образом, проблема социальной иерархии является одной из ключевых в силу историографической традиции изучения российского консерватизма, а также обусловлена историческим контекстом формирования консервативных идей в России на рубеже XVIII–XIX вв.

Идеи российских консерваторов рубежа XVIII–XIX вв. относительно социальной иерархии привлекают внимание специалистов⁶⁹⁸, прежде всего в связи с тем, что данная проблематика напрямую связана с вопросом о крепостном праве. Так, исследователь А.И. Рейтблат выделяет две существовавшие в России риторические стратегии обоснования крепостного права в первой четверти XIX в. Одна («универсалистская») консолидировала

⁶⁹⁵ Мартин А. Романтики, реформаторы, реакционеры: Русская консервативная мысль и политики в царствование Александра I / пер. с англ. Л.Н. Высоцкий. СПб., 2021. С. 385.

⁶⁹⁶ Гребенщиков А.Е. Адмирал Александр Семенович Шишков: общественно-политические взгляды и государственная деятельность. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2019. С. 195–196.

⁶⁹⁷ Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 6.

⁶⁹⁸ Там же. С. 392–416; Егерев Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки и Ф. В. Ростопчина. М., 2014. С. 163–224; О’Мара П. Русское дворянство времен Александра I / пер. с англ. А. Шокаревой. М., 2023. С. 307–371; Рейтблат А.И. Риторические стратегии оправдания крепостного права в России в первой половине XIX века [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2016. № 5. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016/article/12183/

сторонников постепенного освобождения крепостных крестьян через их просвещение, тогда как вторая (концепция «особого пути») сочетала в себе идеи «всеобщего блага», «“природного сословного неравенства”», «различных сословных функций» и патернализма⁶⁹⁹. А.И. Рейтблат подчеркивает, что «конкретные мыслители могли совмещать положения и аргументы обеих версий»⁷⁰⁰. К сходным выводам приходит А.Ю. Минаков, подчеркивая, что «перспектива освобождения “непросвещенного” народа, лишенного основ правового сознания и уважения к чужой собственности, пугала консерваторов. Его необходимо было подготовить к освобождению через создание соответствующей системы образования, которая сделала бы крепостных прежде всего законопослушными и просвещенными гражданами»⁷⁰¹. Аналогичным образом рассматривает вопрос и Т.А. Егерова, подчеркивая, что для российских консерваторов было характерно «патриархально снисходительное отношение к их крепостным, проявлявшееся как в речевых формулах, так и в определенных мерах по поддержанию крестьянского хозяйства»⁷⁰². Между тем, следует сделать несколько уточнений, касающихся выявления исторических и коммуникативных контекстов, обратившись не только к представлениям российских консерваторов в дихотомии «дворянство – крестьянство», а также к более широкой проблематике представлений российских консерваторов о социальной структуре общества в целом.

Рассматривая формирование представлений о социальной иерархии в России XVIII в., К.Д. Бугров прослеживает длительную традицию описания общества через функционалистское обоснование социальной иерархии, восходящее в своей аргументации к средневековой и античной мысли. В рамках данной традиции общество мыслилось как совокупность различных

⁶⁹⁹ Рейтблат А.И. Риторические стратегии оправдания крепостного права в России в первой половине XIX века [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2016. № 5. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016/article/12183/

⁷⁰⁰ Там же.

⁷⁰¹ Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 417

⁷⁰² Егерова Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина. М., 2014. С. 190.

групп, объединенных исполнением закрепленных за каждой группой того или иного круга обязанностей (воинов, судей, земледельцев и других). Усердие в исполнении таких обязанностей считалось добродетелью и обеспечивало воздаяние как на этом свете, так и на том⁷⁰³. Такой взгляд нашел отражение в российском законодательстве – например, в манифесте Екатерины II «О разных дарованных народу милостях» от 2 сентября 1793 г.⁷⁰⁴ Е.Н. Марасинова, конкретизируя закрепленные в манифесте за каждой социальной стратой функции, приводит выдержки из данного манифеста: «”Пастырям” следовало преподавать “истинное понятие о православии и благочестии”, “гражданские правители” должны были “искоренять злоупотребления, влекущие за собой разрушение порядка”, от “попечителей государственного хозяйства” ожидалось “рачение, дабы таковое хозяйство не именем, но на деле существовало”, “судилищам” вменялось “воздать суд не мздоимный”, “воинство” должно было “блюсти устройство и правила подчиненности”, “купечеству и мещанству” полагалось “положить в основу торгам их добрую веру, четность и благоразумную осторожность”. Основной обязанностью дворянства оставалась “служба государственная”, а также верность “своему званию” и памяти “прародителей, заслугами отечеству прославившихся”»⁷⁰⁵.

Функционалистская концепция предполагала заведомое неравенство между разными социальными стратами. Критика равенства как заведомо несбыточной идеи, провоцирующей опасные анархические тенденции, сформировалась в отечественной общественно-политической мысли задолго до свержения французской монархии. Одним из отечественных сочинений, появившихся в качестве прямого ответа на революцию во Франции, было написанное И.В. Лопухиным сочинение «Изображение мечты равенства и буйной свободы...» (1794). Лопухин критиковал идею равенства, опираясь на

⁷⁰³ Бутров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. ... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 349–364.

⁷⁰⁴ Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 220.

⁷⁰⁵ Там же. С. 220.

концепцию естественного права и ссылаясь на хорошо известные в России труды Ф. Фенелона и Ж.-Ф. Мармонтеля⁷⁰⁶. Лопухин утверждал, что неравенство присуще любому обществу, поскольку «необходимость, пользу подчинения и власти, коих взаимное действие есть душа порядка, связь мира и путь к возможному совершенствованию»⁷⁰⁷. Он приводил в качестве главного аргумента «естество природы», которое «миллионами солнцем блистающие очеса Всевидящего», но над всеми «миллионами солнц» – писал Лопухин, возвышается Бог, а он в свою очередь «освещает свое подобие в земных царях»⁷⁰⁸. В этом патерналистском мире неравенства каждый человек, какую бы должность он ни исполнял, обязан был хранить в своей душе добродетель, «единый источник *небесной свободы*»⁷⁰⁹. Можно констатировать, что «спасение души», согласно тезису Лопухина, напрямую зависело от добродетельного исполнения закрепленного за каждой «должностью» в силу «естества» круга обязанностей.

Сходную риторику мы встречаем и в труде П.М. Захарьина «Путь к благонравию...» (1798), в котором среди «состояний» упоминались судьи, купцы, воины, художники, земледельцы и рабы. Все «состояния», согласно Захарьину, были определены Богом, а потому «каждая степень и различные оных части обязаны исполнить свою должность с точностью и без роптания»⁷¹⁰. Исполняя свои обязанности на благо Бога, монарха и «общего блага», можно получить воздаяние («правосудный Бог благословит дни жизни твоей») ⁷¹¹. Интересно, что Захарьин, используя функционалистское описание социальной структуры общества, не упоминал дворянства, вместо него в тексте упоминались «воины» и «судьи».

⁷⁰⁶ Лопухин И.В. Изображение мечты равенства и буйной свободы с пагубными их плодами. М., 1794. С. 24, 26.

⁷⁰⁷ Там же. С. 14.

⁷⁰⁸ Там же. С. 16–17.

⁷⁰⁹ Там же. С. 24, 28.

⁷¹⁰ Захарьин П.М. Путь к благонравию, или Сокращенное наставление обучающемуся юношеству, содержащее в себе полезные и нравоучительные правила для всякого звания и состояния людей. Николаев, 1798. С. 69–101, 90.

⁷¹¹ Там же. С. 101.

Функционалистское описание социальной структуры общества было представлено и в панегириках. К примеру, в оде «Плоды просвещения...» (1801) выпускника Славяно-греко-латинской академии И.С. Тодорского, написанной по случаю восшествия на престол Александра I, наиболее отчетливо нашли отражение патерналистское и функционалистское описание социальной структуры. Тодорский развертывал метафору «семьи», уподобив монарха «отцу, пекущимся о семействе», а его подданных – «чадам» («детям»)⁷¹². Функционалистское описание социальной структуры общества начиналось с должностей «воинов» и «судей» (дворянства):

Рожденные от нежной крови,
Охотно щит и меч берут;
<...>
Судья, сидящий за Зерцалом,
Хранит коль Свят Царев Закон⁷¹³.

Тодорский описывал дворянство в категориях социальных функций как «воинов» и «судей». Далее в тексте упоминались «купцы», заботящиеся не о собственном благосостоянии («свой презревши интерес»), а об «общем благе», снабжая соотечественников необходимыми товарами⁷¹⁴, и «земледелы», чья обязанность заключалась в работе на поле⁷¹⁵. Все перечисленные в оде социальные страты образуют словно бы «счастливое семейство»:

Семейство то благословенно,
Рабам Отцом где Господин.
Отец где сына просвещает...⁷¹⁶

⁷¹² Тодорский И.С. Ода Плоды просвещения. На всерадостный день всевысочайшаго восшествия на всероссийский праотеческий престол его императорского величества всеавгустейшаго государя императора Александра Павловича. М., 1801. С. 2.

⁷¹³ Там же. С. 4.

⁷¹⁴ Там же. С. 5.

⁷¹⁵ Там же. С. 5.

⁷¹⁶ Там же. С. 5.

Похожие представления о социальной структуре российского общества в кратком виде упоминал Шишков в своей оде, посвященной восшествию на престол Александра I, перечисляя разные социальных страты («вельможа и пастух и воин и купец»), уповающие на божественную власть монарха⁷¹⁷.

В рамках функционалистского описания социальной структуры общества дворянство, как правило, отождествлялось с «воинами» и «судьями». Конечно, в российской политической культуре дворянство не описывалось только как «воинство» и «судьи». Под «воинством» подразумевалась и императорская армия, комплектовавшаяся на принципах рекрутчины, что в определенном смысле не позволяло отождествлять воинскую доблесть исключительно с дворянством⁷¹⁸. Под «судьями» могла подразумеваться бюрократия в целом, которая опять-таки состояла не только из дворян.

Характерные черты дворянство более рельефно выделялись в рамках иного подхода к описанию социальной структуры. Одним из первых шагов императора Александра I стало восстановление отмененной при Павле I Жалованной грамоты дворянству 1785 г., подтверждавшей «качествами блистающими к начальству [управлению]» российского дворянства, а также имевших особые заслуги в военной и гражданской службе. В благодарность за свою службу монархии, дворянство «приобретало поместья, с оных имело содержание», а за многократные усердия к службе получила «потомственные вотчины»⁷¹⁹. Таким образом, помимо должностей «воинов» и «судей», за дворянством были закреплены особые привилегии по владению «вотчинами» и управлению подвластными крестьянами в силу наличия у «благородных» особых качеств-добродетелей. Эти выдающиеся качества-добродетели

⁷¹⁷ Шишков А.С. Стихи при восшествии на Престол Императора Александра I // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 177.

⁷¹⁸ Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. ... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 392–394.

⁷¹⁹ Такими же строчками открывался манифест Александра I «О восстановлении жалованной дворянству грамоты», подчеркивавшее не только военные и гражданские «подвиги» дворянства, но также упоминая о высоких морально-нравственных качества дворян: «Шествуя безпреткновенно в путях чести и истинного просвещения, оно [дворянство] покрыло себя славою везде, где веления монархов и государственной пользы [общего блага] отверзали поле его действия» (См. Манифест о восстановлении жалованной дворянству грамоты // ПСЗРИ. 1830. Т. 26. № 19810. С. 601).

дворянства не могли быть сведены только к должностям «воинов» и «судий», поскольку любая деятельность дворянства, направленная на «общее благо», могла рассматриваться как служба. Она же была исключительной привилегией, дарованной дворянству за их выдающиеся качества-добродетели.

Наиболее отчетливо это прослеживается в заметке Н. М. Карамзина «Приятные виды, надежды и желания нашего времени» (1802), опубликованной в «Вестнике Европы». Здесь, обращаясь к характеристике должностей «воинов» и «судей», Карамзин отмечал: «Не все могут быть воинами и судьями, но все могут служить отечеству»⁷²⁰. Далее Карамзин перечислял разнообразные дворянские «должности»: «героя» («воина»), «судьи», «ученого» («художника»), «отца», занимающегося образованием «детей», «господина», обязанного «печься» о своих подданных и, наконец, должность «владельца», который способствует «успехам земледелия»⁷²¹.

Показательно, что функционалистское описание социальной структуры общества не использовалось в манифестах под авторством Шишкова времен Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Вместо него было задействовано сословное описание социальной структуры общества. В манифесте о взятии Парижа 30 августа 1814 г. последовательно, согласно вкладу в победу над Наполеоном, перечислены следующие страты: «священнейшее духовенство», «победоносное воинство», «благородное дворянство», «именитое купечество», «почтенное мещанство и крестьяне»⁷²². Но описание в манифесте социальной структуры нельзя назвать и полноценно сословным, поскольку помимо сословий в нем упоминалось «воинство», которое можно рассматривать как межсословную организацию. Интересно, что изначальная последовательность сословий по их вкладу в победу была другой: за «духовенством» должно было следовать упоминание

⁷²⁰ Карамзин Н.М. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Вестник Европы. 1802. Ч. 3. № 12. С. 330.

⁷²¹ Там же. С. 330.

⁷²² Милостивый манифест 30 августа 1814 года // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 167–170.

«дворянства», а в конце – «воинство». Исследовательница Е.Э. Лямина, приводит детали конфликта, произошедшего между Александром I и Шишковым при написании манифеста, в ходе которого монарх был против упоминания «дворянства» выше «воинства», приказав поменять их местами⁷²³.

Как продемонстрировано выше, при функционалистском описании, дворянство отождествлялось, прежде всего, с должностью «воинов», поэтому произошедший конфликт, скорее, был лишь частью «формальной» прелюдии Александра I к отставке Шишкова с поста государственного секретаря, состоявшейся в день публикации манифеста 30 августа 1814 г.⁷²⁴ Конфликт, конечно, может служить иллюстрацией проявления «нелюбви» монарха к российскому дворянству⁷²⁵. На уровне риторических стратегий, конфликт отсылает к проблеме рекрутского комплектования российской армии, при котором должность «воина» («воинства») и «воинская доблесть» не могли отождествляться исключительно с дворянством. Нужно подчеркнуть, что, характеризуя «воинство» Шишков отметил среди их качеств «доблесть» и «храбрость». Однако, обратившись к дворянству, он также подчеркнул их воинские качества-добродетели: «Дворянство наше верная и крепкая ограда престола, ум и душа народа, издревле благочестивое, *издревле храброе*, издревле многократными опытами доказавшее ничем ненарушимую преданностью и любовь к Царю и Отечеству, наипаче же ныне изъязвившее беспримерную ревность щедрым пожертвованием нетокмо имуществ, *но и самой крови и жизни своей...*» (курсив мой – В.И.)⁷²⁶. В представленной характеристике дворянства, оно оказывалось совершенно не отличимой от описания качеств-добродетель «победоносного воинства». Отталкиваясь от текста манифеста, можно предполагать, что отождествление дворянства с

⁷²³ Лямина Е. Новая Европа: мнения «деятельного очевидца». А.С. Стурдза в политическом процессе 1810-х годов // Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века. М., 1999. С. 138–139.

⁷²⁴ Там же. С. 138.

⁷²⁵ Рэй М.-П. Александр I / пер с фр. А.Ю. Петров, А.Ю. Терещенко. М., 2013. С. 137.

⁷²⁶ Милостивый манифест 30 августа 1814 года // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 169.

должностью «воинов» сохранялось, несмотря на изменение самого подхода к описанию социальной структуры общества.

В.С. Парсамов, также обращаясь к манифестам под авторством Шишкова времен 1812–1814 гг., подчеркивает его «сословно-иерархическое сознание», в котором «народ неизменно упоминается [в манифестах] на последнем месте как низшее, а следовательно, последнее по значению сословие», признанное Шишковым лишь «вспомогательной силой в военном отношении»⁷²⁷. К такому выводу В.С. Парсамов приходит, цитируя манифест о созыве ополчения: «Да встретит он [неприятель] в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; народ Русский! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках...»⁷²⁸.

Несмотря на то, что под «народом» в манифестах Шишкова действительно понимались «крестьянство и мещанство»⁷²⁹, следует ли считать это описание «сословно-иерархичной схемой»? Приведенный фрагмент манифеста далее сводился к определению роли дворянства, которое должно было организовать ополчение и стать во главе этих формирований, что органично вписывается в представленный порядок описания сословий именно в таком порядке⁷³⁰. Нужно полагать, что определенный порядок упоминания сословий в манифестах не имел настолько принципиального значения, во всяком случае подобное не регламентировалось. К примеру, в упоминаемом

⁷²⁷ Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М., 2020. С. 157–158.

⁷²⁸ Манифест с объявлением о шествии неприятеля в пределы России и о всеобщем противу него ополчении // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 15.

⁷²⁹ Панченко А.В. Концепт «народ» в манифестах А.С. Шишкова в контексте дискурса об Отечественной войне 1812 г. // Слово,ру: балтийский акцент. 2020. № 3. С. 31–34.

⁷³⁰ Манифест с объявлением о шествии неприятеля в пределы России и о всеобщем противу него ополчении // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 15–16.

выше екатерининском манифесте о «дарованных народу милостях» 1793 г., как и в рассмотренном выше манифесте 1814 г. под авторством Шишкова, перечисление сословий вовсе начиналось с «пастырей» («духовенства»). В манифесте об отступлении неприятеля из Москвы 1812 г., последовательность была следующей: «Храбрые войски НАШИ везде поражали и низлагали врага. Знаменитое дворянство не пощадило ничего к умножению государственных сил! Почтенное купечество ознаменовало себя всякого рода пожертвованиями. Верный народ, мещанство и крестьяне показали такие опыты верности и любви к Отечеству, какие одному только русскому народу свойственны...»⁷³¹. Духовенство же упоминалось в конце манифеста⁷³². Однако, как и в выше рассмотренных манифестах, «войски» («воинство») упоминалось отдельно от дворянства, сохраняя и предполагая все же, что они неразрывно связаны «воинской доблестью».

Итак, функционалистское описание социальной структуры общества на рубеже XVIII–XIX вв. было представлено в сочинениях различных жанров: от панегириков до морально-этических сочинений. Тем не менее, прежний подход к описанию социальной структуры не был представлен в манифестах под авторством Шишкова в 1812–1814 гг. Почему же потребовалось отказаться в манифестах от функционалистского описания? Ответ следует искать в том, что функционалистское описание предполагало *статичность*, предлагая подданным довольствоваться уготованной «должностью» и оставаться в пределах своего круга обязанностей. Однако в условиях Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг., потребовавших социальной мобилизации прежняя схема, описывающая общество в функционалистских категориях попросту не могла обеспечить необходимой динамики⁷³³. Наконец, она не могла объяснить, почему вчерашнему

⁷³¹ Манифест к народу о изгнании врага из Москвы, о бегстве его и Высочайшем благоволении всем состояниям за единодушное содействие // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 62–63.

⁷³² Там же. С. 64.

⁷³³ Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М., 2020. С. 232. Эту же ситуацию отразил ряд манифестов, к примеру, в манифесте об отходе неприятеля, крестьянству воздавалась

«земледельцу», «купцу» или же «ремесленнику» необходимо отказаться от ревностного исполнения закрепленных обязанностей, вступив в ополчение. Это, в свою очередь, потребовало изменения общих риторических стратегий описания социальной структуры российского общества, что спровоцировало *модификацию* функционалистского описания. При этом сохранялась двойственность в описании «воинства» и «дворянства», так как «дворянство» продолжало отождествляться с традиционной должностью «воина».

Важной проблемой функционалистского взгляда на социальную структуру проблемой выступала мотивационная составляющая. Для дворянства она решалась актуализацией государственной службы и ее престижа – к ним регулярно апеллировала власть, подчеркивая участие дворянства во властном аппарате, в управлении государством и призывая к достижению «общего блага»⁷³⁴. Очевидные сложности возникали с мотивационной составляющей «земледельцев». Своеобразным решением этой проблемы, как отмечает Е.Н. Марасинова, было использование государством особой терминологии, в которой крепостные крестьяне («земледельцы») именовались «членами Государства», «сынами Отечества», «гражданами», что, в свою очередь, служило «нравственным оправданием существования крепостничества»⁷³⁵. Дворянство же начало называть себя «истинными сынами Отечества» («истинными гражданами»), что должно было отражать их высокий морально-нравственный уровень (социальную «зрелость»), в сравнении с крестьянством.

хвала за их добровольное и активное вступление в ополчение, подчеркивая, что еще некоторое время тому назад, они занимались привычным кругом обязанностей: «Твердая грудь их и смелая рука с такою же неустрашимостью расторгала полки неприятелей, с какой, за несколько пред тем недель, раздирала плугом землю» (Манифест к народу о изгнании врага из Москвы, о бегстве его и Высочайшем благоволении всем состояниям за единодушное содействие // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 63.

⁷³⁴ Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 222–225.

⁷³⁵ Марасинова Е.Н. «Рабы» и «граждане» в Российской империи XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 113.

Этот подход вселил в сознание российского дворянства уверенность в «полной психологической и интеллектуальной неготовности крепостных приобрести «звание свободных граждан»»⁷³⁶. В свою очередь, российское дворянство брало на себя обязательства морально-нравственного «воспитания» крестьянства («сынов Отечества») с целью достижения ими социальной «зрелости». Дворянство же рассматривало свою деятельность как «службу» и «долг», направленные на достижения «общего блага».

Д.В. Тимофеев отмечает, что в российской политической культуре первой четверти XIX в. обсуждение крепостного права, в том числе было вызвано публиковавшимися в периодической печати материалами об иностранном опыте рабства и попыток его решения, а также изданием указов от 12 декабря 1801 г.⁷³⁷ и 20 февраля 1803 г. («О вольных хлебопашцах»)⁷³⁸. Размышления отечественных авторов об этой теме зачастую сопровождалось обоснованием роли дворянина-помещика. Этими обстоятельствами было обусловлено появление упомянутой выше заметки Карамзина, в которой он апеллировал к «иностранным авторам», писавших о «рабском» состоянии российских «земледельцев». Выступая против использования категорий «рабства», он подчеркивал, что в отличие от «рабов», крестьяне имеют более высокий статус, «процветая» под сенью «закона» и «просвещения». Здесь же обнаруживается обоснование роли дворянина-помещика, которую Карамзин обосновывает на основе права собственности на землю и патерналистской «опеки» над помещичьими крестьянами. Дворянин-помещик – пишет Карамзин, «защищает их [крестьян] в гражданских отношениях» и выступает «помощником в бедствиях случая и природы». Показательно, что он представлял эти функции как «обязанность» дворянства, а потому – в духе

⁷³⁶ Марасинова Е.Н. «Рабы» и «граждане» в Российской империи XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 109–111.

⁷³⁷ Разрешил покупку земли купечеству, мещанам, государственным крестьянам и получивших вольность крестьян (О предоставлении купечеству, мещанству и казенным поселянам приобретать покупкою землю // ПСЗРИ. 1830. Т. 26. № 20075. С. 862–863).

⁷³⁸ Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. С. 259–298.

будущего манифеста Шишкова – отметил, что «дворянство есть душа и благородный образ всего народа»⁷³⁹. В таком виде патерналистская аргументация акцентировала на роли дворянства в процессе «воспитания» «сынов Отечества».

В «Письме сельского жителя» (1803), опубликованном Карамзиным в «Вестнике Европы» вслед за указом 20 февраля 1803 г., содержало похожий набор аргументов. Здесь шла речь о дворянине-помещике, оставившем своих крестьян на полном самоуправлении, но вернувшись в свое имение, он застал «сырые нивы», среди которых крестьяне предались «гнусному пороку» пьянства. Проблема решилась с возвращением справедливого и строгого дворянина-помещика, заставившего работать крестьян на «общее благо», в том числе собственное⁷⁴⁰. Крестьяне же предались «пороку» не по собственной воле, а по причине низкой сознательности – они «ленивы от природы, от навыка, от незнания выгод трудолюбия»⁷⁴¹. Можно заключить, что Карамзин рассматривал их крепостное состояние как временное, способное измениться в обозримом будущем с развитием уровня «просвещенности», которое позволит не только думать о собственном благополучии, но и «общем благе» государства. Из этого следовал вывод автора, адресованный к дворянам-помещикам «чтобы они [крепостные] имели добрых господ и средства к просвещению», поэтому необходимо открытие начальных учебных заведений «в деревне»⁷⁴². На дворянство возлагались обязанности, вновь представленные Карамзиным в категориях «долга» и «службы»: «быть добрым помещиком; кто исполняет ее, тот служит отечеству как верный сын, тот служит монарху как верный подданный»⁷⁴³.

Общий аргументационный ряд, приведенный Карамзиным в тех или иных вариациях воспроизводился в отечественной общественной мысли конца

⁷³⁹ Карамзин Н.М. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Вестник Европы. 1802. Ч. 3. № 12. С. 321–322, 330.

⁷⁴⁰ Карамзин Н.М. Письмо сельского жителя // Вестник Европы. 1803. Ч. 11. № 17. С.42–59.

⁷⁴¹ Там же. С. 50.

⁷⁴² Там же. С. 52.

⁷⁴³ Карамзин Н.М. Письмо сельского жителя // Вестник Европы. 1803. Ч. 11. № 17. С. 59.

XVIII – первой четверти XIX вв. Лейтмотив этой аргументации можно суммировать так: *сначала просветить (воспитать) – затем освободить*. Похожие мысли в контексте выхода указа 20 февраля 1803 г. высказывал Державин, подчеркивая в том числе опасность предоставления свободы «еще довольно непросвещенному народу»⁷⁴⁴. Тем не менее, этот аргументационный ряд мог опираться не только на патерналистскую риторику, но и апеллировать к потенциальным угрозам для государства от несвоевременного освобождения помещичьих крестьян. У Державина эти тезисы были прямо связаны с потенциальной угрозой для «государственного хозяйства» (рекрутского набора и налогообложения), т.к. с получением свободы, помещичьи крестьяне по «своевольству своему и лености разбрестися» по различным территориям империи⁷⁴⁵. Таким образом, благодаря морально-нравственным качествам дворянина-помещика, он может не только стимулировать работу собственных крестьян, но также выполнять надзорные функции за правопорядком на местах, поскольку дворянство «суть наилучшие блюстители или полицмейстеры за благополучием»⁷⁴⁶.

Карамзин воспроизвел похожие доводы в «Записке о древней и новой...» (1811), повторив прежний аргумент о несвоевременности освобождения крестьян, апеллируя к «общему благу» государства: «...для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственным»⁷⁴⁷. Не менее в духе державинских аргументов, Карамзин выделил проблемы, которые могут возникнуть в случае освобождения крестьянства: комплектование рекрутской армии и сбором налогов, особо выделив роль дворянства в обеспечении государственной безопасности в области надзорных и судебных функций на местах⁷⁴⁸.

⁷⁴⁴ Державин Г.Р. Записка об указе о вольных хлебопашцах 1803 г. // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1866. Т. 6. С. 812–813.

⁷⁴⁵ Там же. С. 813.

⁷⁴⁶ Там же. С. 813.

⁷⁴⁷ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 74.

⁷⁴⁸ Там же. С. 68–74.

Неразрывная связь между монархической формой правления и дворянством в «Записке...» опиралась на глоссарий форм правлений Ш.–Л. Монтескье. Карамзин приводил расхожую аксиому из его сочинения «О духе законов»: «Нет монарха, нет и дворянства; нет дворянства, нет и монарха»⁷⁴⁹. Отталкиваясь от этого теоретического фундамента, он также апеллировал к Жалованной грамоте дворянству 1785 г., упоминая наследственный характер дворянской власти и, в соответствии с текстом грамоты, отмечал, что монарх должен вознаграждать дворянство за службу, причем не только именьями, но и различными знаками отличия: «Народ работает, купцы торгуют, дворяне служат, награждаемые отличиями и выгодами, уважением и достатком...»⁷⁵⁰. Карамзин несколько раз, говоря о российском дворянстве, упоминает о «воспитании» как неотъемлемой части процесса становления «истинного сына Отечества», который не столько получает знатность «от рождения», сколько формирует дворянские добродетели в процессе воспитания. Такой подход соразмерно ставился им в противовес «исключительным случаям» получения дворянства, поскольку «простолюдин» – пишет Карамзин, сделавшись дворянином «не любит дворян и мыслит личною надменностью изгладить из памяти свое низкое происхождение»⁷⁵¹.

Похожие риторические стратегии задействовал Ростопчин в своих «Замечаниях на книгу г-на Стройновского» (1811), распространявшуюся в рукописях среди читающей публики⁷⁵². Одним из поводов к написанию В.Б. Стройновским своего сочинения «Об условиях помещиков с крестьянами» (1808) был указ «О вольных хлебопашцах» 1803 г. Обращаясь в

⁷⁴⁹ Там же. С. 105.

⁷⁵⁰ Там же. С.105–106.

⁷⁵¹ Там же. С.106–107.

⁷⁵² Мещеряков О.А. Ф.В. Ростопчин: У основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 21–23. О.А. Мещерякова выдвигает тезис о существовании двух редакций текста: одного, под заглавием «Замечаний...», предназначавшихся для императора, и второго – под заглавием «Возражений...», предназначенных для читающей публики. Книга бывшего польского защитника Конституции 3 мая 1791 г. В.Б. Стройновского «Об условиях помещиков с крестьянами» (1808) впервые была опубликована на польском языке, затем переведена и издана членом Комиссии по составлению законов В.Г. Анастасевичем в 1809 г. в Вильно.

сочинении к дворянам-помещикам, Стройновский писал о необходимости освобождения от «рабского состояния» крепостных крестьян на добровольном основании между государством, крестьянами и дворянами-помещиками, сохранив за последними право собственности на землю⁷⁵³. Ростопчин, как и большинство отечественных авторов, обращавшихся к данному вопросу, решительно выступал против отождествления помещичьих крестьян с «рабами», считая, что Стройновский придался «воображению»⁷⁵⁴. Следует отметить, что для системы взглядов Ростопчина было характерным негативное понимание свободы («вольности»). Эти взгляды проецировались им не только на «свободу» помещичьих крестьян, но также на все сословия и, скорее всего, их источником было признание несовершенства человеческой природы⁷⁵⁵. Они же нашли отражение в начале данного сочинения: «Слово вольность или свобода изображает лестное, но не естественное для человека состояние»⁷⁵⁶. Единственным, кто способен обуздать анархическую составляющую свободы человека, выступает у Ростопчина монарх, объединяющий и направляющий деятельность различных сословий на достижение «общего блага»⁷⁵⁷. Эта идея опиралась на патерналистскую аргументацию: «государь есть отец всех подданных» для которого «дети равно все драгоценны»⁷⁵⁸.

Излагая свои взгляды на историю закрепощения крестьян, Ростопчин подчеркивал, что «рабство» существовало в России с древнейших времен и всякий раз, когда крестьяне получали «вольность», она обращалась в «своевольство», из-за которого государство несло убытки, а сами «вольные» крестьяне разбредались по территории государства и «лишались последнего

⁷⁵³ См. Перхавко, В. Б. Крепостное право в истории России: понятийно-терминологический аспект // Труды Института российской истории РАН. 2023. № 17. С. 113–114.

⁷⁵⁴ Ростопчин Ф.В. Замечание графа Ф.В. Ростопчина на книгу г-на Стройновского // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1860. Кн. 2. С. 203.

⁷⁵⁵ Егерова Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н. М. Карамзина, А.С. Шишкова, С. Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина М., 2014. С. 188–189.

⁷⁵⁶ Ростопчин Ф.В. Замечание графа Ф.В. Ростопчина на книгу г-на Стройновского // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1860. Кн. 2. С. 204–205.

⁷⁵⁷ Там же. С. 205.

⁷⁵⁸ Там же. С. 205.

своего имущества»⁷⁵⁹. Этот пассаж служил доказательством исторической обусловленности закрепощения, поскольку оно «или полезно, или не могло быть заменено лучшим»⁷⁶⁰. Характеризуя морально-нравственные качества помещичьих крестьян, он вторил Карамзину, приводя в пример собственных крестьян, постоянно желавших его обмануть, заключая об их социальной «зрелости» следующее: «...распутство, лень и нерадение их превышает понятие»⁷⁶¹. Тем не менее, сравнивая состояние российских крестьян и их взаимоотношения с помещиками с условиями европейских крестьян и американских рабов, он подчеркивал преимущества первых по уровню достатка («имеют состояние превосходнее английских фермеров») и уровню жестокости помещиков по отношению к крестьянам, отличавшегося от зарубежных практик, поскольку в России их взаимоотношения регулируются законом и «рассудком» дворянина, «ибо разорять крестьянина есть самый верный способ разорить себя»⁷⁶².

Какую же роль Ростопчин отводил дворянину-помещику? Все того же строгого и справедливого «начальника», который в силу своих морально-нравственных качеств может нивелировать низкий уровень развития этих качеств собственных помещичьих крестьян. К тому же, именно дворянство – пишет Ростопчин, обеспечивает крестьян землей, оберегая их от притеснений и судебных споров. В таком виде, потенциальное освобождение крестьян, по мнению Ростопчина, было бессмысленным. Оставшись без попечений о них дворянства и получив «вольность», они будут массово записываться в другие состояния (мещанство, купечество) или же «сделаются новыми помещиками» и сами начнут «кабалить» крестьян, не имея должного опыта и морально-нравственных качеств⁷⁶³. В конечном счете, Ростопчин в завершении своего

⁷⁵⁹ Ростопчин Ф.В. Замечание графа Ф.В. Ростопчина на книгу г-на Стройновского // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1860. Кн. 2. С. 207.

⁷⁶⁰ Там же. С. 207.

⁷⁶¹ Там же. С. 209, 212.

⁷⁶² Там же. С. 209.

⁷⁶³ Ростопчин Ф.В. Замечание графа Ф.В. Ростопчина на книгу г-на Стройновского // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1860. Кн. 2. С. 214.

сочинения обратился к обоснованию дворянской исключительности, связав ее, что важно, с ревностной военной службой предков (в духе Жалованной грамоты дворянству 1785 г., в которой история дворянства и дворянской «воинской доблести» исчислялась столетиями). Благодаря усилиям предков, современное для Ростопчина российское дворянство занимает должности: «в Совете, в верховных судах сидящих, государя окружающих, полководцев, воинов и всех знаменитых людей, отечество прославивших <...> кто были предки их? Дворяне. Кто они сами? Потомки их. Кто возвысил их в сие достоинство? Цари Российские. Кто утвердил права их? Александр I. И так предоставим ему <...> устраивать счастье России и, вместе с ним, свое благоденствие; для соучастия в подвиге сем...»⁷⁶⁴. Кратко настоящий нарратив можно суммировать следующими словами: когда-то предки дворянства ревностно служили, что позволяет их потомкам участвовать в управлении государством, а значит – иметь право собственности на землю и власть над крестьянами, поскольку они обладают морально-нравственными качествами («добродетелями»), следовательно – социальной «зрелостью».

Патерналистская аргументация о взаимоотношениях отечественного дворянства и помещичьих крестьян не была частью исключительно частных, единичных сочинений российских консерваторов и авторов. Этот нарратив транслировался через государственные манифесты. Реконструируя взгляды Шишкова на крепостной вопрос и его представления о взаимоотношениях дворян-помещиков и крестьян, исследователи часто ссылаются на манифест 30 августа 1814 г., написанный им на посту государственного секретаря⁷⁶⁵. В данном манифесте он воспроизвел патерналистскую риторику, подчеркнув историческую обусловленность образовавшейся связи между дворянством и помещичьими крестьянами: «Существующая издавна между ними, русских нравам и добродетелям свойственна связь, прежде и ныне многими опытами

⁷⁶⁴ Там же. С. 217.

⁷⁶⁵ Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 188–191; Егерев Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина М., 2014. С. 180.

взаимного <...> не оставляет в нас ни малого сомнения, что с одной стороны помещики отеческою о них, яко о чадах своих, заботою, а с другой они, яко усердные домочадцы, исполнением сыновьих обязанностей и долга, приведут себя в то счастливое состояние, в каком процветают добронравные и благополучные семейства»⁷⁶⁶. Выше был раскрыт произошедший конфликт между Александром I и Шишковым, случившийся из-за определения места «воинства» и «дворянства» в этом же манифесте. Однако при обсуждении проекта манифеста случился второй конфликт Шишкова с императором по поводу фразы о взаимоотношениях дворянства и помещичьих крестьян «на обоюдной пользе основанной», с которой был несогласен император, заявив Шишкову, что не подпишет «того, что противно моей совести»⁷⁶⁷. Тем не менее, в опубликованном варианте манифеста патерналистская риторика о взаимоотношениях дворянства и помещичьих крестьян была сохранена.

Необходимо отметить, что патерналистские взгляды, представленные в манифесте, конечно, были близки Шишкову⁷⁶⁸, а вот Александру I было присуще совершенно иное отношение к проблеме крепостного права⁷⁶⁹. Однако, в данном случае речь идет о манифесте от имени императора, которую следует рассматривать как трансляцию представлений *государства* о взаимоотношениях дворянства с помещичьими крестьянами, а не только собственных представлений Шишкова, конечно, совпадавших с содержанием манифеста. Два конфликта, связанные с проектом этого манифеста, подтверждают, что Александр I, лично вмешиваясь в содержание текстов, все

⁷⁶⁶ Милостивый манифест 30 августа 1814 года // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 171.

⁷⁶⁷ Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 412. Лямина Е. Новая Европа: мнения «деятельного очевидца». А.С. Стурдза в политическом процессе 1810-х годов // Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII – начало XX века. М. 1999. С. 138–139.

⁷⁶⁸ Гребенщиков А.Е. Адмирал Александр Семенович Шишков: общественно-политические взгляды и государственная деятельность. дисс. ... канд. ист. наук.: 07.00.02. Воронеж, 2019. С. 161–162; Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 411–412; Егерова Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина М., 2014. С. 179–181.

⁷⁶⁹ Арискина Ю.Э. Негласный комитет: истоки реформаторской политики Александра I. дисс. ...канд. ист. наук.: 07.00.02. М., 2015. С. 291–318; О'Мара П. Русское дворянство времен Александра I / пер. с англ. А. Шокаревой. М., 2023. С. 304–328; Рэй М.-П. Александр I / пер с фр. А.Ю. Петров, А.Ю. Терещенко. М., 2013. С. 90–91, 115, 120–121, 137–142.

же сохранил часть с патерналистской риторикой о дворянстве и помещичьих крестьянах. Более того, когда заходит речь о других манифестах, к примеру, о вступлении на престол Александра I, написанным государственным секретарем Д.П. Трощинским⁷⁷⁰, данное монархом обещание править по заветам «Августейшей Бабки», насколько известно, никогда не приводились как исключительные представления и желания Д.П. Трощинского. Таким образом, при обращении к манифестам под авторством Шишкова, необходимо учитывать, что они являются отчасти коллективным творчеством, транслирующим *представления государства* о взаимоотношении дворянства с помещичьими крестьянами.

Будучи членом Департамента законов Государственного совета, Шишков выступил против проекта Н.И. Тургенева, запрещавшего продажу помещичьих крестьян по одиночке и без земли, подобно «бессловесным животным». Тургенев апеллировал к тому, что данная норма не соответствует «духу нынешнего времени и унизительна для самого человечества», а также «вредная для пользы государства»⁷⁷¹. Шишков не был согласен с формулировкой, приравнивавшей крестьян к «животным», т.к. подобное не соответствовало действительности⁷⁷². Он также ссылаясь на «коренные, издавна установленные и ныне существующие законы», разрешавшие продажу помещичьих крестьян по одиночке и без земли⁷⁷³. В духе большинства российских консерваторов, он апеллировал к «здоровому смыслу», благодаря которому дворянин-помещик не имел причин «разлучать крестьян своих» и, более того, имея малый земельный участок, недостаточный для обеспечения собственных крестьян, вынужден продавать их «для их и своей пользы»⁷⁷⁴. Интересно в данном случае отметить, что Шишков разграничивал право

⁷⁷⁰ Обстоятельства написания данного манифеста см.: Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М., 1986. С. 285–286.

⁷⁷¹ Шишков А.С. Дело достойное примечания (О продаже крепостных) // Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Берлин, 1871. Т. 2. С. 112.

⁷⁷² Там же. С. 117.

⁷⁷³ Шишков А.С. Дело достойное примечания (О продаже крепостных) // Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Берлин, 1871. Т. 2. С. 120.

⁷⁷⁴ Там же. С. 121.

собственности на «вещи и животных» и право собственности на крестьян. Крестьяне – пишет он, «не есть собственность владельца» сравнимая с вещью, животным или даже рабом, поскольку данное право собственности «ни беспредельно, ни насильственно, но огражденное законами, требующими, чтоб помещик сочетал пользу свою с пользою своих подвластных, и купно с государственным благом, наблюдая между ими, как *отец между детьми*, благосостояние, порядок и устройство»⁷⁷⁵. Приведенный ряд патерналистских риторик, отсылавших к «общему благу», демонстрирует сходство с представлением российских консерваторов конца XVIII – начала XIX вв. по данному вопросу.

Похожих представлений о патерналистских взаимоотношениях дворян-помещиков с крестьянами придерживался С.Н. Глинка, транслируя свои идеи на страницах «Русского вестника»⁷⁷⁶. Л.Н. Лупарева справедливо отмечает, что его журнал необходимо рассматривать как «просветительский проект», в котором особое внимание уделялось «воспитанию» морально-нравственных качеств дворянства и помещичьего крестьянства⁷⁷⁷. Так, в одном из номеров, в духе Карамзина, Глинка писал, что дворянская служба помимо должностей «воинов» и «судей» предполагала также, что «дворяне могут быть отцами и благодетелями крестьян своих»⁷⁷⁸. Другой номер «Русского вестника» Глинки открывался констатацией существующего союза между «благодетелем» (дворянином) и «вверенным ему [в] благосостояние крестьян», подводя читателей к выводу, что их обоюдный союз позволяет «одним благотворить, а другим – любить»⁷⁷⁹. В конечном счете – пишет Глинка, «крестьяне суть такие же люди, как и они [дворяне]»⁷⁸⁰. Следует согласиться с Т.А. Егеревой, что

⁷⁷⁵ Там же. С. 122–123.

⁷⁷⁶ Егерева Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина М., 2014. С. 177–179.

⁷⁷⁷ Лупарева Н.Н. Проблема крепостного права в публицистике и исторических сочинениях С. Н. Глинки // *Via in tempore*. История. Политология. 2009. № 1. С. 68.

⁷⁷⁸ Глинка С.Н. Напоминание о Екатерине Второй // *Русский вестник*. 1808. № 4. С. 24.

⁷⁷⁹ Глинка С.Н. Примерная приверженность и признательность крестьян при кончине благодетельного помещика // *Русский вестник*. 1809. № 2. С. 207–208.

⁷⁸⁰ Там же. С. 207–208.

Глинка испытывал «восторженно-романтическое отношение к крестьянам»⁷⁸¹. Причем романтизируя не только российское крестьянство, но крестьянство в целом. Обращаясь в «Русском вестнике» к истории Французской революции 1789 г., Глинка представил «трудолюбивых и богобоязненных» французских крестьян невинными жертвами «развратителей душ и умов», втянувших их в революцию⁷⁸². В таком виде, романтизированное им российское крестьянство выступало носителем исконно присущих ему добродетелей. Собственно, это же прослеживалось в создании им мифологизированного образа крестьянина Ивана Сусанина, спасшего ценной собственной жизни Михаила Романова⁷⁸³.

Итак, российские консерваторы 1790-х – 1810-х гг. использовали патерналистские риторики для описания взаимоотношений дворянства с помещичьими крестьянами. Общей константой в данном случае выступал тезис о необходимости «опеки» «истинных сынов Отечества» над «сыновьями Отечества» в силу отсутствия у последних необходимого уровня морально-нравственных качеств, позволивших бы им действовать на «общее благо» независимо от дворян-помещиков. Однако, обоснование дворянской исключительности основывалось на признании за дворянством выдающихся морально-нравственных качеств (их социальной «зрелости»), полученных и сформированных в течение продолжительной службы их предков. В общем виде, соответствие необходимому уровню морально-нравственных качеств приравнивалось к возможности *активного* стремления к «общему благу» и объясняло, почему одни – управляют, а другие – подчиняются. Обладание российского дворянства социальной «зрелостью» позволяло отставить тезис об «опеке» и необходимости «воспитания» крестьянства, как неотъемлемой часть дворянской «службы» и «долга», которая мотивировала «земледельцев» на достижение «общего блага». Таким образом, установившаяся дворянская

⁷⁸¹ Егерова Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина М., 2014. С. 178.

⁷⁸² Каким образом лжеумствователи французские развращали народ // Русский вестник. 1814. № 4. С. 20.

⁷⁸³ Велижев М., Лавринович М. «Сусанинский миф»: становление канона [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2003. № 5. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/5/susaninskij-mif-stanovlenie-kanona.html>.

«опека» над менее морально-нравственным крестьянством допускала, что в процессе «воспитания» они когда-то достигнут нужного уровня социальной «зрелости» для их освобождения (за исключением Ростопчина и Шишкова). Поскольку «воспитание» – это длительный процесс, то «воспитание» с целью освобождения крестьянства не являлось самоцелью. Необходимый уровень социальной «зрелости» отодвигался на неопределенный срок, сопровождаясь сопутствующими аргументами о несвоевременности, потенциальной угрозе государству в виде проблем с рекрутскими наборами, налогообложением и государственной безопасностью.

Следует также отметить, что в дискурсивном пространстве конца XVIII – начала XIX вв. критерий социальной «зрелости» выступал одним из ключевых не только для российских консерваторов, но также различных реформаторских проектов, включая антикрепостнические. Так, во «Введении к уложению государственных законов» (1809) Сперанского была заложена идея о дифференцированном наделении подданных правами в соответствии с их морально-нравственными качествами и «имущественным цензом». Его проект предполагал наделение дворянства, помимо «гражданских прав» «политическими правами» в тесной зависимости от принадлежащей им собственности. Несмотря на появление нового критерия – «имущественного ценза», взаимосвязь между обладанием «правами» и морально-нравственными качествами (социальной «зрелостью») сохранялась⁷⁸⁴. Критерий социальной «зрелости» и необходимости «воспитания» («просвещения») осознавал и император.

Исследовательница М.Л. Майофис обращает внимание на взаимосвязь «прибалтийского эксперимента» 1816–1817 гг.⁷⁸⁵ с открытием на территориях Остзейских губерний образовательных, в том числе начальных, учреждений.

⁷⁸⁴ Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. С. 254–256.

⁷⁸⁵ Отмена Александром I крепостного права в прибалтийских губерниях (Эстляндской, Курляндской и Лифляндской) в 1816–1817 гг. с дарованием личных свобод крестьянам, но с лишением их права на землю, оставшейся в собственности дворян-помещиков.

Сходной логики придерживалась часть «арзамасцев», к примеру, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа С.С. Уваров, в речи, произнесенной на собрании Главного педагогического института в 1818 г., транслировал идею широкого «воспитания» («просвещения») как неотъемлемой части для решения крепостного вопроса⁷⁸⁶. К уровню социальной «зрелости» российских подданных был привязан также конституционный замысел Александра I, обещавшего в речи, произнесенной на открытии польского сейма 15 марта 1818 г., даровать России конституцию «когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости»⁷⁸⁷. С.В. Мироненко подчеркивает связь между конституционными реформами императора и его стремлением к решению крепостного вопроса, справедливо полагая, что Александр I осознавал возможность решения этой проблемы с помощью правовых преобразований (гарантий и регулирования права собственности крестьянства)⁷⁸⁸.

§ 3.2. Борьба с галломанией и дебаты о добродетелях и пороках

Характерной особенностью исследований, посвященных российскому консерватизму конца XVIII – первой четверти XIX вв. является признание начавшейся в начале XIX в. *борьбы с галломанией* важнейшей частью и катализатором развития идей российского консерватизма⁷⁸⁹, а подчас и раннего русского национализма⁷⁹⁰, зарождавшегося в контексте «спора о старом и

⁷⁸⁶ Майофис М. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 гг. М., 2008. С. 272–285.

⁷⁸⁷ Речь, произнесенная государем императором Александром I при открытии Сейма Царства Польского 15 (27) марта 1818 г. // Болтунова Е.М. Последний польский король. Коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в / Е. Болтунова. М., 2022. С. 507.

⁷⁸⁸ Мироненко С.В. Александр I и декабристы. Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М., 2016. С. 96–112.

⁷⁸⁹ Минаков А.Ю. Антизападнические мотивы в раннем российском консерватизме // Тетради по консерватизму. 2015. № 3. С. 16–23. ; Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 362–375; Гребенщиков А.Е. Адмирал Александр Семенович Шишков: общественно-политические взгляды и государственная деятельность. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2019. С. 96–134; Лупарева Н.Н. С.Н. Глинка в споре о «Старом» и «Новом» слоге русского языка в начале XIX столетия // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 139–143; Полежаева Т.В. Язык как фактор национального единства (на материале полемики архаистов и карамзинистов начала первой четверти XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 96–100.

⁷⁹⁰ Егерова Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина. М., 2014. С. 225–252;

новом слоге», инициатором которого выступил Шишков. Обилие имеющихся в настоящее время научных трудов, посвященных «спору о старом и новом слоге» позволяет говорить о хрестоматийном статусе данной темы, становившейся предметом различных исследований: от лингвистических и литературоведческих до трудов по истории общественно-политической мысли⁷⁹¹. Вслед за Г.О. Винокуром следует отметить, что «спор о старом и новом слоге» не имеет лингвистической ценности, напротив, его ценность состоит в «мировоззрительном» характере⁷⁹². Или, как отмечают Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, начавшаяся полемика, в сущности, была спором о самобытности и путях развития национальной культуры, касаясь многих вопросов российской общественно-политической жизни, выходящих за

Земскова Е.Е. О роли языка в построении национальной утопии: «онемечивание» Кампе и «корнесловие» Шишкова // *Философский век: альманах*. 2000. № 12. С. 86–98; Иванов А.А., Казин А.Л., Светлов Р.В. Русский национализм: основные вехи исторического осмысления // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2015. № 4. С. 143–157; Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности [Электронный ресурс] // *Новое литературное обозрение*. 2008. № 3. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/3/chuvstvitelnyj-nacjonalizm-karamzin-rostopchin-nacjonalnyj-suverenitet-i-poiski-nacjonalnoj-identichnosti.html>

⁷⁹¹ Тьянянов Ю.Н. Архаисты и Пушкин // *Архаисты и новаторы*. М., 1929. С. 87–227; Виноградов В.В. Стилистические противоречия в литературном языке первой трети XIX в. // *Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.* М., 1934. С. 151–176. Винокур Г.О. Создание общенациональной нормы // Профессор Г.О. Винокур. Избранные работы по русскому языку М., 1959. С. 84–99; Мордовченко Н.И. Полемика о «старом» и «новом слоге» // *Русская критика первой четверти XIX в.* М., 1959. С. 77–98; Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 446–538; Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. 285 с.; Киселева Л.Н. Полемика по вопросам языка и идея национальной самобытности культуры (К языковой позиции «старших архаистов») // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Тарту, 2023. С. 338–353. Киселева Л.Н. Проблема литературного авторитета в русской критике 1800–1810-х гг. // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Тарту, 2023. С. 361–370; Проскурин О. У истоков мифа о «новом слоге» // *Литературные скандалы пушкинской эпохи. (Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 6.* М., 2000. С. 19–46; Альтшуллер М.Г. Рассуждение о старом и новом слоге русского языка как политический документ: (А.С. Шишков и Н.М. Карамзин) // *Russia and the West in the nineteenth century*. 1983. С. 214–222; Альтшуллер М.Г. Шишков и Карамзин в споре о судьбах России // *Литературоведческий журнал: мат-лы III Международного симпозиума «Русская словесность в мировом культурном контексте.* М., 2011. С. 43–57; Седова Д.Д. «Архаисты» и «Новаторы»: обобщение полемики // *Rhema. Рема*. 2009. № 3. С. 61–74; Крашенинникова О.А. Полемика о старом и новом слоге (1803–1812) // *Очерки истории русской публицистики первой трети XIX в.* М., 2021. С. 103–145; Крашенинникова О.А. Споры о критике 1806–1808 гг. (М. Каченовский, Е. Станевич, А. Воейков, А. Шишков) // *Очерки истории русской публицистики первой трети XIX в.* М., 2021. С. 146–164; Крашенинникова О.А. Теоретико-литературные сочинения А.С. Шишкова и споры вокруг них (1808–1811) // *Очерки истории русской публицистики первой трети XIX в.* М., 2021. С. 165–181; Крашенинникова О.А. Полемика М.Т. Каченовского с А.С. Шишковым в журнале «Вестник Европы» (1811–1812) // *Очерки истории русской публицистики первой трети XIX в.* М., 2021. С. 182–208.

⁷⁹² Винокур Г.О. Создание общенациональной нормы // Профессор Г.О. Винокур. Избранные работы по русскому языку М., 1959. С. 92.

пределы языковой части «спора»⁷⁹³ – таких, вопросов, как национальный характер, патриотизм, история и пути развития русской культуры⁷⁹⁴. Несомненно, язык занимал важное место в системе взглядов Шишкова. Исследователь М.Г. Альтшуллер отмечает: «Язык для Шишкова является квинтэссенцией национальной культуры <...> основным инструментом для создания литературы, а литература, в свою очередь, является воплощением национального характера, главным выразителем национальной культуры и главным орудием национального воспитания»⁷⁹⁵. Характер национального языка в системе взглядов Шишкова «определял нравственный облик его носителей, а также судьбу национальной культуры и самой нации»⁷⁹⁶.

Настоящий параграф не затрагивает лексикографические, лингвистические и семантические аспекты «спора о старом и новом слоге», а посвящен изучению проблем, оставшихся вне «языковой» части данной полемики. В современных филологических исследованиях особое внимание уделяется текстологическому анализу «Рассуждения о старом и новом слоге...» (1803) Шишкова с целью выявления адресатов его критики⁷⁹⁷. Однако не меньшим и самостоятельным значением обладает проблема реконструкции авторских намерений Шишкова, необходимость исторической контекстуализации его текста, далеко выходящего по своему значению за пределы сугубо лингвистического спора.

⁷⁹³ См. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 446–538.

⁷⁹⁴ Киселева Л.Н. Poleмика по вопросам языка и идея национальной самобытности культуры (К языковой позиции «старших архаистов») // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Тарту, 2023. С. 338. Похожие границы «спора о старом и новом слогe» очерчивает О.А. Крашенинникова: «Спор о языке в первой четверти XIX в. отразил наиболее существенные константы русского культурного сознания, связанные с отношением к прогрессу и цивилизации, проблеме исторического наследия и национального самоопределения, представлением о путях развития культуры и отношением к западной цивилизации...» (Крашенинникова О.А. Poleмика о старом и новом слогe (1803–1812) // Очерки истории русской публицистики первой трети XIX в. М., 2021. С. 106–107).

⁷⁹⁵ Альтшуллер М.Г. Шишков и Карамзин в споре о судьбах России // Литературоведческий журнал: мат-лы III Международного симпозиума «Русская словесность в мировом культурном контексте. М., 2011. С. 45–46.

⁷⁹⁶ Киселева Л.Н. Poleмика по вопросам языка и идея национальной самобытности культуры (К языковой позиции «старших архаистов») // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Тарту, 2023. С. 340.

⁷⁹⁷ См. современные исследования текстологического анализа «Рассуждения о старом и новом слогe...» Шишкова по поиску источников его сочинения: Проскурин О. У истоков мифа о «новом слогe» // Литературные скандалы пушкинской эпохи. (Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 6). М., 2000. С. 19–46; Крашенинникова О.А. Poleмика о старом и новом слогe (1803–1812) // Очерки истории русской публицистики первой трети XIX в. М., 2021. С. 103–145.

Появление «Рассуждения о старом и новом слоге...» Шишкова традиционно связывают с обострением галломании российского дворянства, связанной с притоком в Россию после Французской революции 1789 г. французов-эмигрантов⁷⁹⁸. А.Ю. Минаков отмечает, что галломания проявлялась в подражании «французским культурно-поведенческим моделям: языку, моде, идеологии и т.д.», ставших в условиях революции и серии раундов Наполеоновских войн угрозой для российской государственности⁷⁹⁹. Впрочем, галломания вовсе не была изобретением начала XIX в., более того – нам неизвестные работы, изучающие реальный масштаб французской эмиграции в Россию в конце XVIII – начале XIX вв. Большинство встречающихся в современных исследованиях тезисов о подъеме галломании из-за притока эмигрантов опирается на мемуарные либо нарративные источники современников, порицавших галломанию⁸⁰⁰. Увлечение российского двора французским языком берет начало с царствования Елизаветы Петровны, а со второй половины XVIII в. российское дворянство, в особенности его высшая часть, уже находилась в ситуации билингвизма, владея и французским, и русским языками. Французский язык в России данного периода стал языком социального престижа, составной частью карьерного успеха дворянина⁸⁰¹. Шишков и другие российские консерваторы конца XVIII – первой четверти XIX вв. не были исключением, прекрасно владея французским, а подчас и другими европейскими языками, и используя их в самых различных коммуникативных средах⁸⁰². Нельзя сказать, что Шишков испытывал

⁷⁹⁸ Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 65–66.

⁷⁹⁹ Минаков А.Ю. А.С. Шишков как идеолог и практик русского консерватизма // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: История. Политология. 2009. № 7. С. 143.

⁸⁰⁰ Одну из попыток подсчета реальных цифр французской эмиграции в Россию во второй половине XVIII – начале XIX вв. предпринял современный исследователь В.С. Ржеуцкий. Его исследование подтвердило, что большинство франкоязычных эмигрантов выбирало в качестве профессии работу гувернером или воспитателем в российских семьях и пансионах. Однако реальное количество французских эмигрантов, оказавшихся в России, установить не удалось. (См. Ржеуцкий В. С. Французские гувернеры в России XVIII в.: результаты международного исследовательского проекта «Французы в России» // Французский ежегодник. 2011. С. 58–80).

⁸⁰¹ О'Мара П. Русское дворянство времен Александра I / пер. с англ. А. Шокаревой. М., 2023. С. 83–101; Offord D., Rjéoutski V., Argent G. The French Language in Russia A Social, Political, Cultural, and Literary History. Amsterdam, 2018. 699 p.

⁸⁰² Егерова Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина М., 2014. С. 59–162.

«врожденную» ненависть ко всему европейскому, напротив, в юношеские годы 1770-х – 1780-х гг. он рассматривал Европу «не чуждым и не враждебным миром», желая активно знакомиться с ней ближе⁸⁰³.

В то же время на протяжении второй половины XVIII – начала XIX вв. феномен галломании российского дворянства часто становился объектом для сатиры и осмеивания в русской литературе⁸⁰⁴. Ключевым актором в этом процессе становилась фигура монарха – Екатерина II, участвовавшая в формировании и задававшая тон настоящей полемики о воспитание, языке и подражании иностранному. Так, Е.Н. Марасинова отмечает, что императрица активно формировала облик «благородного юношества» чередой манифестов, указов и других монарших императивов: «Так, неоднократно упоминалось, что, “поелику знание языков почитается путем, ведущим к желаемой цели, а не самой целью, до которой человек должен достигнуть:... воспитание молодого человека не зависит единственно от знания французского языка” <...> На “русском языке” дворянин обязан был “писать правильно и красноречиво”, чтобы “разуметь” не только светские, но и “церковные книги” <...> Резонно замечалось, что для “иностранных воспитателей Государство Российское не есть отечество, и трудятся [они] о пользе оною как бы посторонним образом”, поэтому “надежнее... давать преимущества природным пред иностранными, хотя и отличные достоинства имеющими”»⁸⁰⁵. Исследователь А.Д. Ивинский на анализе материалов екатерининского журнала «Собеседник любителей русского слова» 1783–1784 гг., убедительно демонстрирует, что воспитание в представления императрицы понималось как комплекс смежных проблем, связанных с определением места и роли национального (русского) языка, его связях с

⁸⁰³ Киселева Л.Н. Русский «архаист» в Европе // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Тарту, 2023. С. 296.

⁸⁰⁴ Приказчикова Е.Е. Литературные проекции французской культуры в русской словесности XVIII в.: между галломанией и галлофобией // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 102–117; см. также Винокур Г.О. Создание общенациональной нормы // Профессор Г.О. Винокур. Избранные работы по русскому языку М., 1959. С. 84–88; Offord D., Rjéoutski V., Argent G. The French Language in Russia A Social, Political, Cultural, and Literary History. Amsterdam, 2018. P. 461–483.

⁸⁰⁵ Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 430–431.

историей, литературой и просвещением⁸⁰⁶. Целью педагогических штудий императрицы становилось морально-нравственное воспитание (совершенствование) российских подданных. Причем в «Былях и небылицах» – цикле сочинений, подготовленных Екатериной II на страницах «Собеседника...», она также обличала пороки «щеголих» и «кокеток», отличавшихся любовью ко всему французскому («нерусскому»), следуя за «модой»⁸⁰⁷. На страницах «Собеседника...» тема воспитания получила обстоятельное звучание в трудах княгини Е.Р. Дашковой, сформировавшей через обличение пороков «русских французов» («щеголей», «петиметров» и др.), собственный взгляд на воспитание как морально-нравственное совершенствование, основанное не на слепом «подражании» и презрении ко всему русскому, а на формировании добродетели «любви к отечеству»⁸⁰⁸. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский отмечают, что на протяжении XVIII – первой половины XIX вв., «государственная власть» (монарх) часто брал на себя «функцию переделки языка», рассматривая свое участие в процессе как «руководство стихийными языковыми процессами в качестве своей прямой функции». Они приводят в пример Петра I, Екатерину II, Павла I (стремившегося создать канон русской политической лексики) и Николая I (реформировавшего графику польского языка)⁸⁰⁹.

Исследователь Е.Е. Приказчикова отмечает, что в 1770-х – 1790-х гг. осмеивание галломании как «модного явления» (сатиры на «русских щеголей-петиметров») постепенно сменяется борьбой с галломанией как идеологией. Она, в частности, нашла отражение в литературных трудах Д.И. Фонвизина и Н.И. Новикова, сосредоточенных на критике и порицании французских философов-просветителей («кумиров молодежи» – Вольтера, Д. Дидро и других), а также «галлорусов» за их презрение к допетровским нравам

⁸⁰⁶ Ивинский А.Д. Литературная политика императрицы Екатерины II: «Собеседник любителей русского слова». дисс. канд. филолог. наук: 10.01.01. М., 2009. С. 226.

⁸⁰⁷ Там же. С. 113–118.

⁸⁰⁸ Там же. С. 119–126.

⁸⁰⁹ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 450–451.

российского общества⁸¹⁰. И в 1790-е гг. борьба с галломанией и «подражанием» иностранному оставалась неотъемлемой частью российской политической культуры рубежа XVIII–XIX вв. В частности, Карамзин в «Письмах русского путешественника» с возмущением писал о статусе русского языка в России: «...Англичане знают французский язык, но не хотят говорить им <...> Какая разница с нами! У нас всякой, кто умеет только сказать: “Comment vous portez-vous?” без всякой нужды коверкает французский язык, чтобы с русским не говорить по-русски; а в нашем так называемом хорошем обществе без французского языка будешь глух и нем. Не стыдно ли?»⁸¹¹.

Представления о высоком статусе национального языка в российском образованном обществе конца XVIII в. стали важной частью патриотического дискурса, уровень владения языком был напрямую связан с «любовью к отечеству».

Российский читатель журнала «Зритель» за 1792 г. мог ознакомиться с несколькими материалами, связывавшими подражание иностранным « порокам» и « модам» с нравственными качествами российского дворянства⁸¹². Так, анонимный автор писал о связи французского (« модного») воспитания соотечественников с утратой ими моральных качеств: «У нас молодые люди от модного воспитания вместо хороших офицеров столь нужных для отечества,

⁸¹⁰ Приказчикова Е.Е. Литературные проекции французской культуры в русской словесности XVIII в.: между галломанией и галлофобией // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 112–113. Показательно, что содержание записок и писем Шишкова и Фонвизина о путешествиях по Европе 1770-х – 1780-х гг. диаметрально противоположны по своим оценкам. У Фонвизина нещадной критике подвержено все европейское; Шишков, как было отмечено выше, проявлял неподдельный интерес к Европе (См. сравнение Киселева Л.Н. Русский «архаист» в Европе // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Тарту, 2023. С. 291–296).

⁸¹¹ Цит. по Лотман Ю.М. Колумб русской истории // Ю.М. Лотман. Избранные статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX вв. Таллин, 1992. Т. 2. С. 209. Этот же фрагмент из «Писем...» Карамзина важен по другим причинам. Во-первых, он напрямую касается статуса языка – одной из важнейших частей системы взглядов Шишкова. Во-вторых, Шишков активно цитировать и критиковал отдельные фрагменты «Писем...» Карамзина в своем «Рассуждении...» (См.: Крашенинникова О.А. Полемика о старом и новом слоге (1803–1812) // Очерки истории русской публицистики первой трети XIX в. М., 2021. С. 113–114).

⁸¹² Были ли знакомы с содержанием «Зрителя» участники «спора о старом и новом слоге» начала XIX в.? Л.Н. Киселева отмечает, что Н.М. Карамзин «...помнил его [журнал «Зритель»] как наиболее весомого литературного противника “Московского журнала”»; среди подписчиков был брат А.С. Шишкова, а одно из его стихотворений («Песнь некоторого мореходца») было напечатано в «Зрителе»; С.Н. Глинка на момент издания журнала был учеником Кадетского корпуса, в котором преподавал один из авторов журнала – П.А. Плавильщикова, читая свои ученикам опубликованные сочинения. См. Киселева Л.Н. Журнал «Зритель» и две концепции патриотизма в русской литературе 1800-х гг. // Труды по русской и славянской филологии. Проблемы типологии русской литературы. Уч. зап. Тартуского гос-го ун-та. Тарту, 1985. С. 12–13.

выходят в свет актерами, плясунами, или пересмешниками, благодаря французскому воспитанию»⁸¹³. В конечном счете, французское воспитание становилось угрозой государственной безопасности, поскольку, «подражая» иностранному, россиянин «отчуждает и сердце от своего отечества»⁸¹⁴.

В целом, журнал «Зритель» уделял большое внимание борьбе с галломанией. В февральском номере 1792 г. анонимным автором было отмечено «порочное» влияние иностранного воспитания, грозившее утратой «врожденного свойства россиян», пренебрежением национальным языком⁸¹⁵. Впрочем, автор порицал иностранное воспитание в целом: «Кого воспитывал француз, тот подражает французам: воспитанник англичанина поставляет за первый предмет казаться англичанином и так далее»⁸¹⁶. Похожие мысли на страницах «Зрителя» высказывал актер и писатель П.А. Плавильщиков, рассуждая о вопросах репертуара российского театра и выступая за развитие и включение «отечественности» в драматургические произведения. Он считал, что «подражание» иностранной драматургии и использование ее в репертуаре театра не формировало «истинного вкуса», так как сюжеты, лежащие в основе этих произведений непонятны отечественному зрителю. К примеру, «Безумный день, или Женитьба Фигаро» (1779), на взгляд Плавильщикова, «ничего не значит: ибо у нас чинов никогда не продавали и не продают»⁸¹⁷. Плавильщиков заключал: «Мы не можем подражать слепо ни французам, ни англичанам: мы имеем свои нравы, свое свойство, и следовательно должен быть свой вкус»⁸¹⁸. Виной подражанию, согласно Плавильщикову, были не иностранные воспитатели, не знавших российских «нравов и свойств», а поведение соотечественников, стыдившихся и пренебрегающих собственным (русским) языком, так как «родители берегут своих детей от российского

⁸¹³ Письмо к издателям о вертушках // Зритель. 1792. Ч. 2 (май). С. 22.

⁸¹⁴ Там же. С. 27.

⁸¹⁵ Нечто о врожденном чувстве душ Российских // Зритель. 1792. Ч. 1. (февраль). С. 12, 18.

⁸¹⁶ Там же. С. 19.

⁸¹⁷ Плавильщиков П.А. Театр // Зритель. 1792. Ч. 2. (июнь). С. 131–132.

⁸¹⁸ Там же. С. 132.

языка, как от моровой язвы⁸¹⁹. Вместе с тем, отстаивая преимущества русского языка перед иностранным (французским), Плавильщиков не только апеллировал к «безмерному богатству» первого над последним, но также к добродетелям, которые, по его мнению, отсутствовали во французском языке⁸²⁰. В конечном счете, язык для него был тождественен морально-нравственному развитию его носителей (народа). Они были взаимосвязаны, изменение языка меняло морально-нравственный облик народа, так и наоборот: «Не стало латинского языка в Италии, не стало и римлян, погиб и язык латинский»⁸²¹. Итак, главнейшим аспектом воспитания становится русский язык, трактуемый как средство для избавления от постыдного подражания и одновременно как источник добродетелей.

В сентябрьском номере журнала «Зритель» за 1792 г. вышло «Письмо к издателю» анонимного автора⁸²², несогласного с тезисами статьи Плавильщикова. Интересно, что тезисы этого «Письма...» напоминают аргументы участников полемики о «языке» в начале XIX в. Так, автор писал, предвосхищая будущую аргументацию Карамзина, что «все языки имеют собственный вкус в красноречии», но развитие и «очищение» национального языка происходит через подражание иностранным, не нарушая «отечественного вкуса»⁸²³. Автор называл французский язык одним из древнейших европейских языков, произошедших от древнегреческого и латинского языков, в чем и усматривал одну из «причин успехов превосходного их просвещения»⁸²⁴. В том же ключе, но только о «древнем славянском языке», будет позднее писать Шишков, возводя его генеалогию к древнегреческому. Анонимный автор разделял взгляды Плавильщикова на национальное воспитание и даже тезис о богатстве «российского языка», но

⁸¹⁹ Плавильщиков П.А. Театр // Зритель. 1792. Ч. 2. (июнь). С. 136, 139. 141.

⁸²⁰ Там же. С. 143.

⁸²¹ Плавильщиков П.А. Трагедия // Зритель. 1792. Ч. 2. (август). С. 273.

⁸²² Л.Н. Киселева предполагает, что автором анонимного письма также был П.А. Плавильщиков (См. Киселева Л.Н. Журнал «Зритель» и две концепции патриотизма в русской литературе 1800-х гг. // Труды по русской и славянской филологии. Проблемы типологии русской литературы. Уч. зап. Тартуского гос-го ун-та. Тарту, 1985. С. 11).

⁸²³ Письмо к издателю // Зритель. 1792. Ч. 2. (сентябрь). С. 10.

⁸²⁴ Там же. С. 13–14.

отмечал все же, что русский язык «беден в отделке», «имея множество не обеспеченных выражений, не может иногда сыскать точного слова для названия вещей...»⁸²⁵ Этот тезис важен и близок к языковой программе «карамзинистов» начала XIX в., аргументировавших необходимость заимствований из французского по тем же причинам. В заключении же автор выразил, можно сказать, квинтэссенцию будущих позиций «карамзинистов» и «шишковистов», разделявших патриотический пафос, но расходившихся в методах развития национального языка. В статье анонимного автора это звучало так: «Как же одна причина могла произвести разные действия? <...> Вы любите его [Отечество] как любовницу, а я как друга»⁸²⁶. Л.Н. Киселева, анализируя данный текст, делает вывод о формировании в журнальной полемике двух концепций патриотизма («любви к отечеству») – «страстной» и расчетливо-рациональной⁸²⁷.

Интересно отметить, что в начале 1790-х гг. на страницах журнала «Зритель» наряду с галломанией порицалось и «подражание» иностранному в целом. Здесь можно было бы объяснить выступления против галломании (как и «подражания» в целом) отдельных авторов их внутренними убеждениями. Однако, нужно полагать, что главным императивом в данном ключе выступала государственная политика в сфере воспитания российского дворянства.

Не случайно воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей М.Н. Муравьев транслировал им идею необходимости и важности развития «природного языка» над иностранным. Муравьев особо подчеркивал роль монарха в «очищение языка и ободрение превосходных писателей», искренне считая, что именно монаршая забота о «природном языке», сначала формирует «вкус», а затем – способствует просвещению⁸²⁸. Предложенную им схему можно суммировать: писатели, пользующиеся «природным языком»,

⁸²⁵ Письмо к издателям // Зритель. 1792. Ч. 2. (сентябрь). С. 16–17, 21.

⁸²⁶ Там же. С. 22–23.

⁸²⁷ Киселева Л.Н. Журнал «Зритель» и две концепции патриотизма в русской литературе 1800-х гг. // Труды по русской и славянской филологии. Проблемы типологии русской литературы. Уч. зап. Тартуского гос-го ун-та. Тарту, 1985. С. 12.

⁸²⁸ Муравьев М.Н. Опыты истории, писмен и нравоучения. СПб., 1796. С. 35.

открывают для «государственного благополучия» и «дают целому народу пространивший образ видеть вещи, более откровенные в разуме, более кротости во нравах»⁸²⁹. В конечном счете, покровительство монарха «природному языку» стимулировало развитие отечественной литературы, в свою очередь она обеспечивала просвещение, развивая «природный язык». Таким образом, уровень развития «просвещения» в государстве становился в один ряд со статусом и уровнем «природного языка». Антитезой для автора выступал прусский король Фридрих II, «воспитанный во вредном предрассуждении против своего «природного языка», предпочитая французский. Из-за его пренебрежительного отношения к немецкому («природному») языку, он не позволил развиваться немецкоязычной литературе, а следовательно – просвещению собственного народа⁸³⁰. Положительным примером, согласно автору, был Людовик XIV, покровительствовавший французскому языку и писавшим на нем великим писателям⁸³¹. Эти же идеи нашли отражение в другой заметке Муравьева – «Забавы воображения» (1796). Обращаясь к значению «природного языка», он пишет: «Тогда только *достигает язык всех своих преимуществ*, когда изящные разумы умеют наполнить общество пристрастием к произведениям своим <...> могут удовлетворять вкус и рассуждения просвещенных людей: *когда множество оригинальных сочинений <...> сделаются любимым и обыкновенным чтением всех возрастов и состояний*»⁸³². В конечном счете, продолжает автор, «изящные разумы» (писатели, художники и др.), создавая *оригинальные* произведения, написанные на «природном языке», «сохраняет потомству черты патриотов и героев»⁸³³. Именно здесь вновь проявляется взаимосвязь между «природным языком», оригинальными произведениями и добродетелью – «любви к отечеству». Важно отметить, что его размышления

⁸²⁹ Муравьев М.Н. Опыты истории, писмен и нравоучения. СПб., 1796. С. 35–36.

⁸³⁰ Там же. С. 36–37.

⁸³¹ Там же. С. 37.

⁸³² Там же. С. 117–118.

⁸³³ Там же. С. 118.

в данной заметке апеллировали к авторитету Ломоносова. Через несколько лет на его же авторитет будет ссылаться Шишков в «Рассуждении...», становясь одной из важнейших частей его аргументации и шире – всей «Беседы любителей русского слова»⁸³⁴.

Озвученные Муравьевым идеи были близки Карамзину, посвятившему серию публикаций в «Вестнике Европы» в начале XIX в. размышлениям о подражании иностранному опыту, воспитанию и «природному языку». Муравьев был покровителем Карамзина, помог ему получить должность официального историографа в 1803 г. В свою очередь, Карамзин участвовал в подготовке к изданию сочинений Муравьева и был хорошо знаком с его заметками о преподавании великим князьям⁸³⁵. Впрочем, отчасти Карамзин развивал на страницах «Вестника...» и идеи, ранее изложенные им в «Письмах русского путешественника», а также в журналах начала 1790-х гг. («Аглая» и «Московский журнал»)⁸³⁶. Его замечания о языке и путях развития, по точному замечанию Б.А. Успенского, «разбросаны по разным его произведениям», что, впрочем, не мешало современникам воспринимать их как единую и цельную программу⁸³⁷.

Одной из программных статей, опубликованных в «Вестнике Европы» в 1802 г., стало сочинение Карамзина «О любви к Отечеству и народной гордости». Обозначив, что «любовь к отечеству» может быть «физической», «моральной» и «политической», автор связывает данную добродетель именно с последним вариантом – политическим: «Мы излишне смиренны в мыслях о

⁸³⁴ См. подробнее об использовании авторитета и идей Ломоносова Шишковым: Киселева Л.Н. Проблема литературного авторитета в русской критике 1800–1810-х гг. // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Тарту, 2023. С. 365–366; Смолицкий Г.А. Шишков о Ломоносове: Чтение в «Беседе любителей русского слова» как программный документ // Новый филологический вестник. 2008. № 1. С. 21–30; Альтшуллер М.Г. Ломоносовские традиции в восприятии сторонников «старого слога» // Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 292–301.

⁸³⁵ Ивинский А.Д. Из предыстории «арзамасской галиматии»: письма М.Н. Муравьева и В.В. Ханькова (по материалам ОПИ ГИМ) // Болдинские чтения : 2018, Болдино, 12–14 сентября 2017 года. Болдино, 2018. С. 103; Ивинский А.Д. Екатерина II, М.Н. Муравьев и Карамзин: к вопросу о контекстах «истории государства Российского» // Литературоведческий журнал. 2017. № 40. С. 146–167.

⁸³⁶ См. Очерки истории русской театральной критики конец XVIII – первая половина XIX вв. / под ред. А.Я. Альтшуллера. М., 1975. С. 44–51.

⁸³⁷ Успенский Б.А. Вокруг Третьяковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008. С. 15.

народном своем достоинстве – а смирение в политике вредно»⁸³⁸. Карамзин демонстрировал читателям, что в ряде сфер (прежде всего, в военной) Россия превосходит иностранные государства, но «в науках мы стоим еще позади других»⁸³⁹. Следуя оценкам своих предшественников (Плавильщикова, Муравьева), Карамзин заключал, что источником бед являлось пренебрежение русским языком: «Беда наша, что мы все хотим говорить по-французски, и не думаем трудиться над обработыванием собственного языка», который «богаче гармоней, нежели французский»⁸⁴⁰. В таком виде, Карамзин писал об умеренности в просвещении и необходимости развития русского языка: «Хорошо и должно учиться; но горе и человеку и народу, который будет всегдашним учеником»⁸⁴¹.

В одной из статей «Вестника...» Карамзин приветствовал открытие благородных училищ Александром I. Он привел в пример Екатерину II, которая разрешила детям мещан учиться в Кадетском корпусе для того, чтобы они становились педагогами (учителями)⁸⁴². В сочинении «О новом образовании народного просвещения в России» (1803) он подчеркивал преемственность реформ в сфере просвещения: «Петр Великий учредил первую Академию в нашем Отечестве, Елизавета первый Университет, Великая Екатерина городские школы, но Александр, размножая Университета и Гимназии, говорит еще: да будет свет в хижинах!»⁸⁴³ Образцом для него вновь выступала Екатерина II, которая «знала необходимость образовывать собственных учителей для государства, которому назначено просветиться»⁸⁴⁴. Лишь через хорошее воспитание позволяет достичь «частного и государственного благоденствия»⁸⁴⁵, а это невозможно, «пока не будет русских хороших учителей». Карамзин солидарен в Плавильщиковым в

⁸³⁸ Карамзин Н.М. О любви к отечеству и народной гордости // Вестник Европы. 1802. Ч. 1. № 4. С. 60.

⁸³⁹ Там же. С. 65.

⁸⁴⁰ Там же. С. 68.

⁸⁴¹ Там же. С. 69.

⁸⁴² О новых благородных училищах, заводимых в России: Письмо из Т. / N.N. // Вестник Европы. 1802. Ч. 2. № 8. С. 362.

⁸⁴³ Карамзин Н.М. О новом образовании народного просвещения в России // Вестник Европы. 1803. Ч. 8. № 5. С. 49.

⁸⁴⁴ Там же. С. 58.

⁸⁴⁵ О новых благородных училищах, заводимых в России: Письмо из Т. / N.N. // Вестник Европы. 1802. Ч. 2. № 8. С. 363.

умозаключении о том, что «никогда иностранец не поймет нашего естественного или народного характера, и следственно не может сообразоваться с ним в воспитании <...> и не воспалит в ученике искр патриотизма»⁸⁴⁶. Итак, в представлениях Карамзина необходимость национального воспитания вновь образовывала связь с добродетелью «любви к отечеству» и выступала основой для достижения «общего блага».

Размышления Карамзина о русском («природном») языке отразились в его полемической статье под заглавием «От чего в России мало авторских талантов?» (1802). Карамзин считал, что «всю жизнь надобно учиться своему природному [языку]»⁸⁴⁷. В отличие от французов, русским учиться национальному языку сложнее из-за отсутствия – пишет автор, «великих» русских писателей: «прочитав множество церковных и светских книг, соберем только <...> словесное богатство языка»⁸⁴⁸. На первый взгляд, автор выстраивал ту же логическую цепочку в духе Плавильщикова и Муравьева, задаваясь тем же вопросом: почему не появляются «авторские таланты» в России? Потому что «в лучших домах говорят у нас по-французски!»⁸⁴⁹. Однако ключевую роль в муравьевских представления о «природном языке» играло покровительство монарха, а Карамзин предложил свой вариант, заключающийся в преобразовании национального языка писателями в соответствии с запросом («вкусом», «модой») общества, очертив стоящие перед писателями задачи следующими словами: «Выдумывать, сочинять выражения, угадывать лучший выбор слов; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть от них необыкновенность выражения!»⁸⁵⁰ Выводя на авансцену своей аргументации критерий «вкуса», Карамзин игнорировал в сфере языка фигуру монарха – внешний императив, покровительствующий

⁸⁴⁶ О новых благородных училищах, заводимых в России: Письмо из Т. // Вестник Европы. 1802. Ч. 2. № 8. С. 363.

⁸⁴⁷ Карамзин Н.М. Отчего в России мало авторских талантов? // Вестник Европы. 1802. Ч. 4. № 14. С. 122.

⁸⁴⁸ Там же. С. 122–123.

⁸⁴⁹ Там же. С. 123.

⁸⁵⁰ Там же. С. 123.

«природному языку». У Карамзина конечной инстанцией оказывается «вкус» публики.

Таким образом, изменения языка признаются естественным процессом, ориентированным на французский язык: «Французы пишут, как говорят, а русские обо многих предметах должны еще говорить так, как напишет человек с талантом»⁸⁵¹. Впрочем, ориентация на французский язык и признание потребности в заимствованиях из него, не мешали Карамзину выступать против распространения французского языка среди российского дворянства в ущерб собственному языку⁸⁵². Предлагаемая им схема развития русского языка сохраняла конечную цель развития «талантов» («писателей и др.), игравших роль в просвещении сограждан⁸⁵³. Признавая, что в России «менее авторских талантов, нежели у других европейских народов», Карамзин настаивал на том, что таланты обязательно появятся в изобилии, если будут следовать предложенной им идее преобразования русского языка, ориентированной на европейские (французские) практики⁸⁵⁴. Проще говоря, он опирался на тезис об общности развития европейских (прежде всего, французского) и русского языка.

В историографии появление «Рассуждения о старом и новом слоге» Шишкова считается полемическим выпадом против Карамзина и его литературной школы, олицетворявшей пристрастие к французской культуре и языку⁸⁵⁵. Конечно, сегодня уже доказано, что Шишков выступал не только против Карамзина, он также критиковал других отечественных авторов⁸⁵⁶.

⁸⁵¹ Карамзин Н.М. Отчего в России мало авторских талантов? / Ф.Ц. // Вестник Европы. 1802. Ч. 4. № 14. С. 124.

⁸⁵² Б.А. Успенский по этому поводу отмечает, что «протест против французского языка как такового никак не распространяется на отношение к галлицизмам именно потому, что заимствования признаются [карамзинистами] естественным фактором языковой эволюции...» (см. Успенский Б.А. Вокруг Третьяковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008. С. 29).

⁸⁵³ Карамзин Н.М. Отчего в России мало авторских талантов? / Ф.Ц. // Вестник Европы. 1802. Ч. 4. № 14. С. 128.

⁸⁵⁴ Там же. С. 121–122.

⁸⁵⁵ Мордовченко Н.И. Полемика о «старом» и «новом слоге» // Русская критика первой четверти XIX в. М., 1959. С. 77–78; Крашенинникова О.А. Полемика о старом и новом слоге (1803–1812) // Очерки истории русской публицистики первой трети XIX в. М., 2021. С. 107.

⁸⁵⁶ Подробнее см.: Крашенинникова О.А. Полемика о старом и новом слоге (1803–1812) // Очерки истории русской публицистики первой трети XIX в. М., 2021. С. 108–111; Проскурин О. У истоков мифа о «новом слоге» // Литературные скандалы пушкинской эпохи. (Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 6. М., 2000. С. 19–46. Как отмечает сам Шишков в «Предупреждении» к «Рассуждению...»: «Сочинение сие не иное что есть как род веденой мною записки всему тому, что мне при чтении разных старинных и новых книг, касательно до

Реконструируя цель, которую преследовал Шишков, издавая свое сочинение, Л.Н. Киселева описывает ее следующими словами: «Искоренить заблуждения, совершить переворот в сердцах и душах, “обратить” и сформировать новое мировоззрение»⁸⁵⁷. Портрет «литературного оппонента», сконструированный Шишковым, выглядел как «молодой человек, следующий моде, говорящий на иностранных языках и не знающий русского, восхищающийся достижением европейской культуры и презирающий отечественную»⁸⁵⁸. Таким образом, в историографии хорошо известна конечная цель его «Рассуждения...» – она выстраивается от его же содержания. Однако, определение конечной цели и адресатов критики ничего не сообщает о намерениях, выражаясь словами Кв. Скиннера: что Шишков совершал, когда писал свой текст?

Шишков начинает «Рассуждение...» с тезиса о том, что «древний славянский язык, повелитель многих народов, есть корень и начало русского языка», обогатившийся «красотами» из древнегреческого языка⁸⁵⁹. Этот «древний славянский язык» признавался им одним из старейших языков Европы, который еще в XII в. «процветал, сколько французский язык стал процветать во времена Людовика XIV»⁸⁶⁰. Доказывая древность русского языка, Шишков рассматривал происхождение слов как «древо», в котором «первоначальные слова» находятся в корне, а все остальные образуют различные части «древа»⁸⁶¹. Шишков опирался на ту систему доказательств, которая в современной филологии именуется «ложной этимологией» – поиск первоначальных «коренных слов» (в духе Третьяковского, Сумарокова и Ломоносова). Признавая себя последователем языковой программы Ломоносова, Шишков обвиняет соотечественников в преклонение перед

языка и слога, заметить случилось» (Шишков А.С. Рассуждения о старом и новом слоге русского языка. СПб., 1803. С. I).

⁸⁵⁷ Киселева Л.Н. Модель поведения «старших архаистов»: теория и практика // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Тарту, 2023. С. 357.

⁸⁵⁸ Киселева Л.Н. Проблема литературного авторитета в русской критике 1800–1810-х гг. // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Тарту, 2023. С. 363.

⁸⁵⁹ Шишков А.С. Рассуждения о старом и новом слоге русского языка. СПб., 1803. С. I

⁸⁶⁰ Там же. С. 350.

⁸⁶¹ Там же. С. 33–34.

французским языком и пренебрежении собственным – и, в частности, упрекает языковую программу Карамзина в том, что ее сторонники «читая французские книги, находят иногда в них такие слова, которым, по их мнению, на нашем языке нет равносильных, или точно соответствующих»⁸⁶². Возражая карамзинской языковой программе и отрицая появление без необходимости галлицизмов и изобретение неологизмов в современном ему русском языке, он призывал развивать его, основываясь на чтении, прежде всего, литературы на «природном языке»⁸⁶³. Кратко его языковую программу можно суммировать следующим: «надобно прежде за свой язык взяться, своему языку хорошенько научиться, вникнуть в него, почувствовать всю его красоту, обогатиться знанием слов и потом уже говорить нам о Шексперах [Шекспирах] и Метастазиях...»⁸⁶⁴.

Как и предшественники, включая Карамзина, Шишков усматривал причины «рабственного подражания» французскому языку сограждан в иностранном «образе воспитания»: «Ибо какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян <...> находятся на руках французов, прилепляются к их нравам, научаются призирать свои обычаи <...> говорят языком их свободнее нежели своим»⁸⁶⁵. Его размышления о национальном языке тесно переплетены с проблемой отечественного воспитания. Отвечая на вопрос, отраженный в заглавии статьи Карамзина – «Отчего в России мало авторских талантов?» – Шишков подчеркивал, что развитие и появление «талантов» с иностранным воспитанием сограждан невозможно, ведь иностранные учителя формируют лишь «любовь к французскому, и презрение к своему языку»⁸⁶⁶. Вместе с тем, национальный язык в программе Шишкова отражал морально-нравственные качества его носителей, оказываясь взаимосвязанным с добродетелями: «Сия

⁸⁶² Шишков А.С. Рассуждения о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803. С. 44.

⁸⁶³ Там же. С. 7.

⁸⁶⁴ Там же. С. 359.

⁸⁶⁵ Там же. С. 5.

⁸⁶⁶ Там же. С. 169.

ненависть к языку своему (а с ним, понемногу постепенно, и к сродству и к обычаям и к вере и к отечеству)»⁸⁶⁷. Таким образом, говорящие «полурусским языком» становились в его глазах не гражданами, а «невольниками», подражающими иностранному и утрачивающими морально-нравственные добродетели, к примеру, «любви к отечеству»⁸⁶⁸.

Следует отметить, что представления о национальном воспитании Шишкова оказываются созвучны идеям Карамзина и в соображениях о внешней атрибутике (внешнем виде, «моде») сограждан, также отражавшей, по их мнению, нравственные качества. У Шишкова «новомодные писатели» подражают французскому языку равносильно так же, как «в нарядах»: «... вместо занятия от них [французов] единых токмо полезных наук и художеств, стали перенимать мелочные их обычаи, наружные виды, телесные украшения, а и час от часу более делаться совершенными их обезьянами»⁸⁶⁹. Это увлечение внешнему подражанию угрожало, согласно автору, морально-нравственным качествам соотечественников не меньше, чем подражание их языку⁸⁷⁰. Карамзин на страницах «Вестника...» в 1802 г. критиковал стремление соотечественниц следовать французской моде, назвав подобные действия «обезьянством» (подражанием), буквально восклицая: «Мы гнушаемся ужасами Революции и перенимаем моды ее!»⁸⁷¹. Наконец, в духе Карамзина Шишков писал в заключении «Рассуждения...», что «доколе не возлюбим мы языка своего, обычаев своих, воспитания своего, до тех пор во многих наших науках и художествах будем мы далеко позади других»⁸⁷². Итак, оба автора разделяли общий патриотический пафос, связанный с важностью повышения престижа национального языка среди соотечественников. Их ключевые расхождения обнаруживаются лишь в методах достижения этой цели.

⁸⁶⁷ Шишков А.С. Рассуждения о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803. С. 315.

⁸⁶⁸ Там же. С. 50.

⁸⁶⁹ Там же. С. 351.

⁸⁷⁰ Там же. С. 351–352.

⁸⁷¹ Карамзин Н.М. О легкой одежде модных красавиц девятаго-надесять века // Вестник Европы. 1802. Ч. 2. № 7. С. 251, 253.

⁸⁷² Шишков А.С. Рассуждения о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803. С. 368.

Часть исследователей, обращавшаяся к «Рассуждению...» Шишкова, обнаруживает в тексте антиреволюционный и антифранцузский пафос, приводя в подтверждение два фрагмента⁸⁷³. Первый из них в шишковском варианте звучит следующим образом: молодому человеку «надлежит с великою осторожностью вдаваться в чтение французских книг, дабы чистоту нравов своих в сем преисполненном опасностью море не приткнуть о камень»⁸⁷⁴. Указание на «преисполненное опасностью море» служит здесь лишь косвенным намеком на Французскую революции 1789 г. Автор связывает это увлечение французскими книгами, прежде всего, с угрозой «природному языку», что находит подтверждение в продолжении данного абзаца: «какую пользу принесет им чтение иностранных книг, когда не читают они своих? Вольтеры, Жан-Жаки, Корнелии <...> не научат нас писать по-русски»⁸⁷⁵. В конечном счете именно эта угроза была наиболее важной для Шишкова, писавшего, что пристрастие современников к французскому языку, угрожает морально-нравственному облику соотечественников⁸⁷⁶. Второй фрагмент связан с приведенным Шишковым примером из пространного панегирика Екатерине II, написанным П.И. Суворовым в 1793–1794 гг. на «торжество мира» с Османской империей⁸⁷⁷. Содержание данного текста отражает «классические» панегирические риторические рефлексии о Французской революции (представляющей как «адское безначалие» и «неистовство») ⁸⁷⁸. Несмотря на наличие в «Рассуждении...» данного фрагмента, все же самостоятельных и обстоятельных размышления Шишков о революции в нем не обнаруживается. Приведенный им фрагмент текста панегирика, скорее,

⁸⁷³ См., к примеру, Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 367–369.

⁸⁷⁴ Шишков А.С. Рассуждения о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803. С. 8.

⁸⁷⁵ Там же. С. 8.

⁸⁷⁶ Там же. С. 8–9.

⁸⁷⁷ Там же. С. 422–426. Текст, из которого Шишков приводил фрагмент: Суворов П.И. Слово на всерадостное торжество мира между Российской империей и Оттоманскою Портою, Сентября 2 дня 1793 года. СПб., 1794. С. 51–55.

⁸⁷⁸ Исследователь А.Ю. Минаков, приводя данный фрагмент в своем исследовании, отмечает, что он отражает «консервативное восприятие революционной Франции» (См. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 368). Однако, как было продемонстрировано в 1-й главе настоящего исследования – это общая панегирическая риторика последних лет царствования Екатерины II в рефлексии о Французской революции 1789 г.

выполнял функцию образца литературного слога, причем, что важно – высокого. Более того, Шишков предлагал взять французов «за образец, в том, чтобы подобно им трудиться в созидании собственного своего красноречия и словесности, а не в том, чтобы найденные ими в их языке, ни мало нам не сродный красоты перетаскивать в свой язык»⁸⁷⁹. Надо полагать, что на момент выхода его труда в 1803 г. антиреволюционный пафос не был ни целью, ни частью настоящего сочинения, «опасное море» в такой трактовке было лишь общей угрозой, исходившей от «подражания» современников французскому языку.

Исследователи, говоря об истоках представлений «карамзинистов» и «шишковистов» о национальном языке и национальном воспитании, часто связывают их с использованием обоими лагерями авторов идей Ж.–Ж. Руссо, Вольтера, Ш.–Л. Монтескье и И.Г. Гердера⁸⁸⁰. Этот тезис отчасти справедлив, учитывая регулярность упоминаний Руссо, Вольтера и Гердера на страницах их произведений. Считается, что на «старших архаистов» большое влияние оказали руссоистские идеи, в парадигме которых язык перестает быть лишь условной системой знаков, становясь частью действия (отражения действительности)⁸⁸¹. Вместе с тем, руссоистская концепция «национального воспитания», написанная Руссо как руководство для «малых республик», стала составной частью программ «карамзинистов» и «шишковистов». Взаимосвязь

⁸⁷⁹ Шишков А.С. Рассуждения о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803. С. 11–12.

⁸⁸⁰ Зорин А.Л. Кормя двухглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой четверти XIX вв. М., 2001. С. 167–173; Егерова Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина. М., 2014. С. 226–229; Киселева Л.Н. Полемика по вопросам языка и идея национальной самобытности культуры (К языковой позиции «старших архаистов») // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Тарту, 2023. С. 347. С. 353; Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 468; Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2008. № 3. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/3/chuvstvitelnyj-nacjonalizm-karamzin-rostopchin-nacjonalnyj-suverenitet-i-poiski-nacjonalnoj-identichnosti.html>; Кром М.М. Патриотизм, или Дым отечества. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 72–85. В частности, Т.А. Егерова отмечает, что Шишков, выступивший переводчиком сочинения немецкого пуриста И.Г. Кампе, мог унаследовать от него идею о необходимости развития «природного языка» (См. Егерова Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н. М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина. М., 2014. С. 227–229).

⁸⁸¹ Киселева Л.Н. Полемика по вопросам языка и идея национальной самобытности культуры (К языковой позиции «старших архаистов») // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Тарту, 2023. С. 347.

между национальным воспитанием и добродетелью «любви к отечеству» имела республиканские корни⁸⁸².

Б.А. Успенский отмечает, что характеристика идеологических источников «спора о старом и новом слоге» как связанных исключительно с «трансплантацией западноевропейских идей» или обеспеченных только «имманентно внутренним развитием» будет неверным, корректнее говорить о синтезе обоих «импульсов»⁸⁸³. Полемика «архаистов» и «новаторов» опиралась в идеях о национальном языке и его развитии на синтез участниками полемики различных этапов взглядов В.К. Тредиаковского на литературный язык: «карамзинисты» взяли на вооружение идеи «раннего этапа» его творчества, а «шишковисты» – позднего⁸⁸⁴. Этимологические изыскания в доказательстве древности «славянского языка» и размышления о языке Тредиаковского были близки Екатерине II, активно пользовавшейся его работами в историческом и филологическом обосновании монархической идеи России и ее международного престижа в Европе. Более того, именно через этимологические изыскания, императрица, в духе Тредиаковского, отстаивала идею древности русского языка и стремилась доказать, что все европейские языки произошли от русского⁸⁸⁵. Практическим воплощением представлений Екатерины II о национальном языке и программа его совершенствования были отражены в опубликованном императрицей в журнале «Собеседник...» сочинения «Были и небылицы» (1783–1784). Императрица декларировала, что национальный язык и литература должны соответствовать критерию «приятства», а также подчиняться требованию «писать так, как говорят». Эти идеи близки карамзинской концепции преобразования национального языка, выводящей на авансцену критерий

⁸⁸² Подробнее см.: Зорин А.Л. Кормя двухглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой четверти XIX вв. М., 2001. С. 167–173; Егерова Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н. М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина. М., 2014. С. 233–238.

⁸⁸³ Успенский Б.А. Вокруг Тредиаковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008. С. 20.

⁸⁸⁴ Там же. С. 200.

⁸⁸⁵ Ивинский А.Д. Литературная политика императрицы Екатерины II: «Собеседник любителей российского слова». дисс. ... канд. филолог. наук: 10.01.01. М., 2009. С. 92–102.

«вкуса». Противоположностью «приятству» выступала «скука», заключающаяся, по мнению императрицы, в «педантстве» писателей, употреблявших в произведениях нравоучительный и высокопарный пафос, сопровождавшийся строгим следованием грамматических правил. В другой части «Былей и небылиц», Екатерина II обратилась к статусу русского языка, подчеркивая его богатство и древность, не уступавшие другим европейским языкам. Доказывая свой тезис, императрица занималась этимологическими изысканиями, выявляя соответствия «славянских языков» языкам романо-германской группе, и считая, что именно «славянский язык» лежал в основе европейских языков. Эти идеи уже близки Шишкову. В заключении своего сочинения, Екатерина II провозглашала принцип синтеза «языкового пуризма» (часть будущей программы Шишкова) и «игривого отношения» к языку (часть будущей программы Карамзина). Как видим, на практике их синтез оказался невозможен; тезисы, выдвинутые императрицей, образовали в «споре о старом и новом слоге» два противоположных полюса полемики «шишковистов» и «карамзинистов»⁸⁸⁶.

О том, что представления Екатерины II о национальном языке и путях развития отечественной литературы в определенной степени оставались востребованными среди «карамзинистов» и «шишковистов», свидетельствует ряд текстов, появившихся в течении первой трети XIX в. В 1832 г. издателем екатерининских «Былей и небылиц» выступил С.Н. Глинка – деятельный участник «когорты славян». В «Предисловии» к сочинению, он суммировал представления императрицы в «Былях и небылицах» о национальном языке. Во-первых, «ходулей не употреблять, где ноги могут служить» – не использовать не к месту высокопарных слов, когда нет необходимости. Во-вторых, писатели должны «глубокомыслие окутать ясностью, а полномыслие *легкостью слога*» (курсив мой – В.И.)⁸⁸⁷. Казалось бы, приведенные Глинкой

⁸⁸⁶ Подробнее см.: Ивинский А.Д. Литературная политика императрицы Екатерины II: «Собеседник любителей русского слова». дисс. ... канд. филолог. наук: 10.01.01. М., 2009. С. 197–201.

⁸⁸⁷ Глинка С.Н. Предисловие // Были и небылицы, и гражданское уложение Екатерины II. М., 1832. С. X.

екатерининские цитаты олицетворяли триумф карамзинской школы, но эти же строки можно понимать как указание на синтез языковых программ («шишковистов» и «карамзинистов»). Здесь же обнаруживается пассаж о роли писателей и национальном языке, в которых – пишет Глинка, Екатерина II предвосхитила собственное время, предупреждая современников и потомков «остроумными намеками», что «видит увертки пороков и страстей, какой бы не облекались они личиною»⁸⁸⁸. Таким образом, «писатели», использующие национальный язык, в представлениях Глинки вновь играли ключевую роль в формировании нравственных качеств соотечественников. Можно предполагать, что созданный Глинкой – выпускником Кадетского корпуса, «Русский вестник» вполне можно рассматривать частью реализации екатерининской программы национального воспитания⁸⁸⁹.

Не меньшее внимание развитию отечественной «словесности» при Екатерине II и ее высокой роли в организации «национального воспитания» и «природного языка» было уделено в прозаическом панегирике Карамзина 1802 г., посвященном императрице. Он называл заботы об отечественной «словесности» в числе ее главных деяний, «ибо она знала ее сильное влияние на образование народа и счастье жизни»⁸⁹⁰. Оценивая открытие Екатериной II в 1783 г., Академии Российской («Академии Словесности») с целью «утвердить русский язык по правилам и привести в систему», Карамзин, по сути, кратко излагал свою языковую программу. Согласно Карамзину, «бессмертные» Ломоносов и Сумароков «не образовали еще нашего слога». Однако, при Екатерине II «россияне начали выражать свои мысли ясно для ума, приятно для слуха, и вкус сделался общим: ибо монархиня сама имела его и любила нашу словесность»⁸⁹¹. Казалось бы, здесь обнаруживается

⁸⁸⁸ Там же. С. V.

⁸⁸⁹ Интересно, что после «Предисловия» к изданным С.Н. Глинкой «Былям и небылицам» им был помещен небольшой некролог «Праху Екатерины Великой», в котором он с гордостью писал следующее: «Тебе, по выходе из сего святилища [Кадетского корпуса] воспитания...» (Глинка С.Н. Предисловие // Были и небылицы, и гражданское уложение Екатерины II. М., 1832. С. XIII (в оригинале страницы отсутствуют, нумерация страниц моя – В.И.).

⁸⁹⁰ Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Сочинения Карамзина. СПб., 1835. Т. 8. С. 92.

⁸⁹¹ Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Сочинения Карамзина. 1835. Т. 8. С. 94.

отсутствующее в его «Вестнике...» указание на покровительство монарха «природному языку», соответствующее работам Муравьева, но Карамзин далее писал, что «гений» языка «не повинуется даже и монархам», тем самым вновь отдавая первенство в формировании и изменении национального языка «вкусу» общества⁸⁹². Заслуги Екатерины II Карамзин видел в организации национального воспитания, в частности, в реформе Кадетского корпуса⁸⁹³. Да и в целом императрица, согласно Карамзину, заботилась о национальном воспитании, с «прискорбием видела», как родители «благородных» и «мещанских» детей поручались иностранным учителям «всего менее к тому способны, не зная наших нравов, духа народного <...> не имея к отечеству нашему сыновней любви». В разрешении нескольким «мещанским детям» учиться в Кадетском корпусе, Карамзин определенно видел подготовку тех самых русских учителей, которые смогут заменить иноземцев⁸⁹⁴.

У Шишкова «Рассуждение...» открывалось небольшим отрывком из уже упоминавшегося выше панегирика П.И. Суворова Екатерине II. Императрица в нем представляла «любителем древности славянской», занимавшейся языковым «любомудрствованием»: «Сладостно нам сие, что тако чествуете и возносити язык славянский!»⁸⁹⁵ С 1796 г. Шишков являлся членом Императорской Академии Российской, основанной Е.Р. Дашковой и Екатериной II для изучения русского языка и словесности. В произнесенной при открытии Академии в 1783 г. речи Дашкова провозгласила превосходство «природного языка» над иностранными, но добавляла, что русскому языку «недоставало <...> предписанных правил», заключая: «Сочинение грамматики и словаря будут первым нашим упражнением»⁸⁹⁶. Эти идеи были близки Шишкову, подготовившему к концу XVIII в. ряд специализированных

⁸⁹² Там же. С. 94.

⁸⁹³ Там же. С. 84.

⁸⁹⁴ Там же. С. 86.

⁸⁹⁵ Шишков А.С. Рассуждения о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803. С. I.

⁸⁹⁶ Цит. по Стенник Ю. В. Вопросы языка и стиля в журнале «Собеседник любителей российского слова» // XVIII век: сб. ст. и материалов. СПб., 1993. № 18. С. 113.

словарей, опираясь на разработки Академии⁸⁹⁷. К тому же, с 1813 по 1841 г. он был председателем (с 1818 г. – Президентом) Академии Российской. Доклад, произнесенный им по случаю утверждения нового устава Академии Российской в 1818 г., начинался со ссылки на Екатерину II, учредившей Академию – «ученое сословие, которое пеклося о корне словесности <...> об отечественном языке своем»⁸⁹⁸. Показательно в данном случае то, как Шишков превозносил роль екатерининского учреждения в российском обществе, символично становившееся шишковским «четвертым сословием»: «Академия, носящая на себе название: 1. Императорской, 2. Российской, уже самыми сими названиями показывает, что она есть важное и во всех Государствах таковым признаваемое сословие; ибо каждая просвещенная держава основывает на процветании отечественного языка и словесности своей, коих Академия есть страж <...> долженствует она состоять под особенным Императорского Величества покровом...»⁸⁹⁹ Итак, национальный язык и словесность обеспечивают международный престиж государства под покровительством монарха, действующего в данном случае через Академию. Шишков разделяет произведения «академиков» на «относящиеся вообще к словесности, а другие к языку». В конечном счете, Академия Российская «охранительница» и «страж», который неизменно готов «ревностью вооружаться против всего несвойственного, чуждого, невразумительного, темного, не нравственного в языке»⁹⁰⁰.

А.Д. Ивинский предполагает, что Шишков участвовал в полемике о языке в «Собеседника любителей русского слова» еще в начале 1780-х гг., скрываясь под псевдонимом «Любослов». Действительно, ряд идей, высказанных в статьях Любослова, близки к идеям Шишкова. Это, во-первых, тезис о превосходстве и богатстве русского языка над иностранными языками,

⁸⁹⁷ Таунсенд К.И. "Трехязычный морской словарь" А.С. Шишкова в контексте истории перевода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 8. С. 164–180.

⁸⁹⁸ Высочайше утвержденный Устав Российской Императорской Академии (Доклад Президента Российской Императорской Академии) // ПСЗРИ. 1830. Т. 35. № 27380. С. 300.

⁸⁹⁹ Там же. С. 301.

⁹⁰⁰ Там же. С. 302.

во-вторых, признание особой древности русского языка, в-третьих, критика соотечественников, не желавших владеть русским языком и преклоняющихся перед иностранными языками, наконец, связь между отношением к собственному языку и развитием литературы⁹⁰¹. Необходимо дополнить, что «Любослов» ориентировал авторов «Собеседника...» на следование стилю «ораторской прозы» М.В. Ломоносова – по сути, церковнославянскому (панегирическому) языку⁹⁰². Перечисленные тезисы в той или иной степени олицетворяли ту же языковую программу, которую воспроизвел в «Рассуждении...» Шишков.

В подтверждение своего предположения А.Д. Ивинский указывает на публикацию Шишковым в «Собеседнике...» стихотворения «Старое и новое время»⁹⁰³. Это соображение следует дополнить тем аргументом, что в пользу участия Шишкова в полемике может говорить и написанная им драма «Невольничество» (1780), повествующая о событиях Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и выкупе Екатериной II из турецкого плена российских подданных, имевших нарочито русские имена (Добромысл, Честана др.). Второстепенным героем произведения выступал Любослав, прообразом которого, скорее всего, послужил сам автор⁹⁰⁴. Допуская, впрочем, что под личиной Любослова мог скрываться и не Шишков, следует признать как минимум хорошее знакомство Шишкова с текстами Любослова. Причем Любослову в этом журнале была отведена важная роль – он выступал языковым «педантом» и пуристом, пропагандирующим следование грамматическим правилам русского языка и его «очищение» (эти идеи были блики самой Екатерине II), становясь объектом критики, в том числе самой

⁹⁰¹ Ивинский А.Д. Литературная политика императрицы Екатерины II: «Собеседник любителей русского слова». дисс. ... канд. филолог. наук: 10.01.01. М., 2009. С.202–223.

⁹⁰² Стенник Ю. В. Вопросы языка и стиля в журнале «Собеседник любителей русского слова» // XVIII век: сб. ст. и материалов. СПб., 1993. № 18. С. 119.

⁹⁰³ Ивинский А.Д. Литературная политика императрицы Екатерины II: «Собеседник любителей русского слова». дисс. ... канд. филолог. наук: 10.01.01. М., 2009. С. 203; Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 35–41.

⁹⁰⁴ «Любослав» имеет явную связь с морским делом, подробно рассказывая товарищам по несчастью о Чесменской битве, в которой он участвовал и оказался в турецком плену. Шишков, как известно, также был связан с флотом, дослужившись до звания вице-адмирала. См. Шишков А.С. Невольничество. СПб., С. 34–37, 38–40.

Екатерины II, отстаивающей идею языкового «приятства»⁹⁰⁵. Публикуемые «Любословом» инвективы буквально позволяли другим участникам «Собеседника...» транслировать собственные идеи о том, как должен формироваться и какую роль должен играть современный им национальный язык. В конечном счете, следует согласиться с А.Д. Ивинским, отметившим, что «если бы Любослова не существовало, его стоило бы придумать»⁹⁰⁶.

Итак, порицание галломании российского дворянства было важной частью отечественной политической культуры второй половины XVIII – начала XIX вв. Простой факт наличия увлечения французским языком, безусловно, характерного для части российского общества, не объясняет столь единодушного порицания «галло-руссов» в публичной сфере тех лет. Одну из ключевых ролей в борьбе с галломанией на протяжении второй половины XVIII в. играла российская монархия, которая, помимо прочего, формировала своеобразный вектор того, каким критериям должны соответствовать ее подданные (прежде всего, «истинные граждане» – дворянство).

Размышления авторов-борцов с галломанией российского дворянства в конце XVIII – начале XIX вв. касались ряда связанных между собой вопросов: национального языка, национального воспитания и добродетели – «любви к отечеству». Критикуя галломанию, они разделяли общий патриотический пафос, включая Шишкова и Карамзина. Национальный язык в этой системе рассматривался как отражение морально-нравственного облика сограждан (хотя «карамзинисты» не выдвигали такого тезиса), показателем уровня просвещения в государстве и международного государственного престижа. Отсюда – тезисы о значимости и высокой роли национального языка, необходимости его развития и его распространения.

Общепризнанным стал тезис, что иностранные учителя не могут воспитать в соотечественниках «пламень любви к отечеству», поскольку не

⁹⁰⁵ Ивинский А.Д. Литературная политика императрицы Екатерины II: «Собеседник любителей российского слова». дисс. ... канд. филолог. наук: 10.01.01. М., 2009. С. 197–198.

⁹⁰⁶ Там же. С. 203.

знают российских нравов, языка, истории и не разделяют того патриотизма, который могли бы дать отечественные учителя. В конечном счете, именно проблема отсутствия национального воспитания мыслилась борцами с галломанией как первопричина подражания иностранному (в основном, французскому) опыту. Незнание «природного языка» или пренебрежительное отношение к нему признавалось «общественно вредным» явлением, не позволяющим развиваться собственному просвещению (прежде всего, одному из главных индикаторов «просвещенности» для государства – литературе), а также быть «истинным сыном отечества», поскольку незнание национального языка не позволяет полноценно служить отечеству.

Более того, екатерининская языковая и литературная программа, также восходящая к Третьяковскому, была востребована среди «карамзинистов» и, особенно «шишковистов» в лицах главных представителей двух направлений: Карамзина и Шишкова. Необходимо согласиться с А.Д. Ивинским, что Екатерина II предвосхитила своей языковой и литературной программой «карамзинистов» и «шишковистов». Однако факт опоры Шишкова и Карамзина на единый теоретический фундамент екатерининской языковой и литературной программы не объясняет, почему они расходились в методах преобразования национального языка.

Какие намерения преследовал Шишков в 1803 г., когда писал свое «Рассуждение...»? Принимая во внимание наблюдения А.Д. Ивинского, можно полагать, что Шишков попытался продолжить языковую полемику, начатую при Екатерине II в «Собеседнике...». Не случайным является упоминание императрицы в начале сочинения, напоминающее о ее покровительстве национальному языку. Очевидно, Шишков рассматривал Академию Российскую как один из последних форпостов, принявших, в условиях фактического отсутствия покровительства Александра I национальному языку, функции покровительства («стража»), идеологически восходящие к программе Екатерины II. Можно предполагать, что Шишков отводил Академии Российской символическую роль – последнее детище и прямое

наследие Екатерины II, связанное, прежде всего, с ее изысканиями в области «природного языка». В конечном счете, сакральная роль этого наследия приобретала в его представлениях вполне реальные очертания, как продолжение екатерининских языковых штудий.

Выдержанные в традиции второй половины XVIII в. соображения Шишкова – порицание галломании, размышления о национальном языке, воспитании и «любви к отечеству» – оставались «нейтральными» в плане риторических стратегий даже для 1803 г. и первого этапа полемики с «карамзинистами» 1804 г. – начала 1805 г. Важно подчеркнуть, что другие участники полемики, несмотря на идейную близость к Шишкову или Карамзину, обладали самостоятельностью и даже иногда демонстрировали расхождения во взглядах⁹⁰⁷. К примеру, Карамзин и П.И. Макаров – издатель «Московского Меркурия» – не сходились во взглядах на национальное воспитание и французскую моду: первый ее порицал, считая «обезьянством», а вот второй – активно пропагандировал.

Один из первых критических откликов на сочинение Шишкова появился в декабрьском номере 1803 г. «Московского Меркурия» под авторством франкофила⁹⁰⁸ Макарова «Критика на книгу под названием “Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка”» (1803). Несмотря на то, что критика была направлена на общелитературную и языковую часть «Рассуждения...», Макаров также вступился за иностранное воспитание и находившихся «под защитой правительства» России французских учителей, не видя в их деятельности каких-либо связей с формированием нравственных качеств

⁹⁰⁷ См. например характеристику взглядов Макарова и Карамзина: Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. 470–471; Станевича, Глинки и Шишкова: Киселева Л.Н. Модель поведения «старших архаистов»: теория и практика // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Тарту, 2023. С.343–348.

⁹⁰⁸ См. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 470–473.

соотечественников⁹⁰⁹. Даже в канун Отечественной войны 1812 г. Д.В. Дашков в анонимной рецензии на сочинения Шишкова 1808–1811 гг. задавался тем же вопросом: «Какое влияние споры о словесности могут иметь на священную любовь к отечеству, равно пылающую во всякой груди русской?»⁹¹⁰ Но, как мы видели, традиция XVIII в. рассматривала связь между владением национальным языком и наличием добродетелей как нечто естественное и само собой разумеющееся.

Для переводчика и поэта Д.И. Языкова, опубликовавшего анонимно в «Северном вестнике» (1804) критику на «Рассуждение...», связь между чтением соотечественниками иностранных книг и добродетелями не вызывала вопросов. Его возмутило лишь то, что Шишков демонстрировал все на французских примерах: «Книги противная нравственности, равно опасна как на французском, так и на всех языках»⁹¹¹. Придерживаясь идеи о естественном развитии языка «подверженного неминуемой перемене» в разные исторические периоды, Языков разделял идею Шишкова о «древности славянского языка»⁹¹². Более того, он также разделял тезис о «чрезвычайной привязанности» некоторых «молодых писателей» к французскому языку. Но придерживался несколько умеренной позиции, признавая, что заимствовать из французского языка можно, при условии, что нет «равносильных» слов в русском⁹¹³.

Шишков ответил своим критикам отдельно изданным «Прибавлением к сочинению...» (1804), повторив свои прежние представления о «природном языке». Показательно, что в тексте отсутствовало прямое упоминание о Французской революции 1789 г., она вновь упоминалась лишь косвенно на фоне противопоставления «прежних духовных книг» времен Ломоносова,

⁹⁰⁹ Макаров П.И. Критика на книгу под названием «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка» // Московский Меркурий. 1803. № 12. С. 187

⁹¹⁰ Дашков Д.В. О легчайшем способе возражать на критики. СПб., 1811. С. 17. Подробнее о полемике между Шишковым и Дашковым в 1810–1811 гг. см. Киселева Л.Н. Проблема литературного авторитета в русской критике 1800–1810-х гг. // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Тарту, 2023. С. 361–370.

⁹¹¹ Языков Д.И. Письмо от неизвестного // Северный вестник. 1804. Ч. 1. № 1. С. 21.

⁹¹² Там же. С. 27–28.

⁹¹³ Там же. С. 28.

«научающих человека кроткому и мирному житию; а не тем развратным нравам, которым новейшие философы обучили род человеческий, и которых пагубные плоды <...> ныне еще во Франции гнездятся»⁹¹⁴. При этом Шишков приводил в пример французских писателей, в том числе Вольтера, которые не пренебрегали национальным языком, а развивали его, не подражая другим⁹¹⁵. Конечно, это не помешало Шишкову здесь же заявить о существовании множества «вредных и заразительных умствований» в книгах на французском языке⁹¹⁶, и все же его построения были куда сложнее, чем примитивная ксенофобия и «смертельная боязнь и страх»⁹¹⁷, которую он якобы испытывал перед Французской революцией. Парируя критику, Шишков писал о необходимости просвещения, возможное, по его мнению, при том лишь условии, что «всякой россиянин должен отечество свое и отечественный язык свой любить и знать гораздо больше, нежели какую-то ни было чужую землю и чужой язык»⁹¹⁸. Он ссылаясь на Екатерину II, которая занималась просвещением, но «любила русскую землю, русский народ, русский язык, русские обычаи»⁹¹⁹.

Характер «спора о старом и новом слоге» в 1803–1804 гг., не содержал острых выпадов против Французской революции – эта тема на данном этапе имела лишь второстепенное значение, выходя за рамки аргументации и Шишкова, и Макарова с Языковым. Но в ситуации очередного этапа Наполеоновских войн 1805–1807 гг. полемика о языке начала политизироваться и радикализироваться. При этом участники спора использовали те же аргументы, что и в предыдущие годы, буквально каждый раз повторяя своим читателям уже знакомые позиции. Не такие уж

⁹¹⁴ Шишков А.С. Прибавление к сочинению, называемому Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка или собрание критик, изданных на мою книгу с примечанием на оные. СПб., 1804. С. 103.

⁹¹⁵ Там же. С. 125–128.

⁹¹⁶ Там же. С. 20.

⁹¹⁷ Альтшуллер М.Г. А.С. Шишков о французской революции // Русская литература. 1991. № 1. С. 144–145.

⁹¹⁸ Шишков А.С. Прибавление к сочинению, называемому Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка или собрание критик, изданных на мою книгу с примечанием на оные. СПб., 1804. С. 8.

⁹¹⁹ Там же. С. 164.

непримиримые позиции участников полемики, со временем становились разными полюсами.

На рубеже XVIII–XIX вв., авторы, выступавшие против галломании, считали пренебрежение национальным языком лишь потенциальной угрозой для истинной службы и добродетели – «любви к отечеству», не отрицая возможного наличия этой добродетели среди «галлорусов». Однако, в контексте войн с Францией 1805–1807 гг. потенциальная угроза становилась реальной. В конечном счете, добродетель «любви к отечеству» оказывалась взаимосвязанной со знанием национального (русского) языка, отсутствием внешнего (мода) и внутреннего (нравы) подражания французам. Кроме того, сама «любовь к отечеству» отчетливо становится эмоциональной, а не рациональной категорией⁹²⁰. Еще в журнале «Зритель» в начале 1790-х гг. можно было наблюдать столкновение двух концепций «любви к отечеству» – любви как дружбы и любви страстной (чувственной). И даже в 1802 г. Карамзин утверждал в своей статье «О любви к Отечеству и народной гордости» (1802), что «патриотизм <...> требует рассуждения и потому не все люди имеют его»⁹²¹. Шишков, отвечая на критику Макарова, в «Прибавлении...» (1804) писал, что им движет «патриотическая ревность, или скажем по-русски, ревность к отечеству»⁹²². Однако уже в 1805–1807 гг. во время генеральной репетиции «новой культуры чувств» доминировать начинает «страстная» «любовь к отечеству»⁹²³, и авторы, выступающие против галломании, начинают отказывать «галлорусам» в существовании у них «искренних чувств» и, следовательно, в наличии у них «любви к отечеству».

⁹²⁰ Сдвижков Д. Самодержавие любви: 1812 год как роман [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2014. № 6. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/oz/2014/6/samoderzhavie-lyubvi-1812-god-kak-roman.html>

⁹²¹ Карамзин Н.М. О любви к отечеству и народной гордости // Вестник Европы. 1802. Ч. 1. № 4. С. 59.

⁹²² Шишков А.С. Прибавление к сочинению, называемому Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка или собрание критик, изданных на мою книгу с примечанием на оные. СПб., 1804. С. 169.

⁹²³ Сдвижков Д. Самодержавие любви: 1812 год как роман [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2014. № 6. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/oz/2014/6/samoderzhavie-lyubvi-1812-god-kak-roman.html>

Наиболее отчетливо новая риторика зазвучала в памфлете Ростопчина «Мысли в слух на красном крыльце...» (1807)⁹²⁴. Он буквально с первых строк отказывал галломанам в существовании у них «любви к отечеству»: «Как же им любить свою землю, когда они и русский язык плохо знают? Как им стоять за веру, за царя и за Отечество, когда они закону Божьему не учены и когда русских считают за медведей? Мозг у них в тупее, сердце в руках, а душа в языке»⁹²⁵. Нужно полагать, что хоть и Ростопчин не участвовал в «споре о старом и новом слоге», его указание на «душу в языке» указывает на близость к позициям «шишковистов», отождествлявших национальный язык с добродетелью. Противоположностью охваченной галломанией молодежи выступает у Ростопчина «ефремовской дворянин Сила Андреевич Богатырев, отставной подполковник, израненной на войнах...», В.М. Живов справедливо отмечает, что ростопчинский призыв «За веру, за царя!», вложенный в уста Силы Андреевича и направленный к дворянству, по сути, конструировал сословное единение, основанное на понятных православному российскому большинству максимах: православной вере и идеи монархии⁹²⁶.

Показательно влияние ростопчинского памфлета на С.Н. Глинку, начавшего издавать «Русский Вестник» в 1808 г. В «когорте славян» он стоял ближе к Ростопчину – языковая часть полемики интересовала его слабо, и все же, он разделял представления о национальном языке и его связи с нравственным обликом соотечественников⁹²⁷. Впрочем, следует согласиться с

⁹²⁴ Впервые опубликована без согласия автора А.С. Шишковым в Петербурге в марте 1807 г. с изменениями, включая упоминание полководца Л.Л. Беннигсена, которому Ростопчин не простил участия в заговоре против Павла I. В этом же году сочинение было издано Ростопчиным в Москве семитысячным тиражом. Сочинение пользовалось большой популярностью, породив несколько подражательных сочинений. (См. Мещеряков О.А. Ф.В. Ростопчин: У основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 79–82).

⁹²⁵ Ростопчин Ф.В. Мысли в слух на красном крыльце. М., 1807. С. 6.

⁹²⁶ Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2008. № 3. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/3/chuvstvitelnyj-nacjonalizm-karamzin-rostopchin-nacjonalnyj-suverenitet-i-poiski-nacjonalnoj-identichnosti.html>

⁹²⁷ Как отмечает Л.Н. Киселева, характеризуя представления С.Н. Глинки о национальном языке, он отходил от каноничных «шишковистов», к примеру, в том, что признавал самостоятельное существование русского языка отдельно от церковнославянского (Киселева Л.Н. Полемика по вопросам языка и идея национальной самобытности культуры (К языковой позиции «старших архаистов») // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Тарту, 2023. С. 349–351).

Л.Н. Киселевой, что проблематика национального языка в представлении Глинки была частью его борьбы с подражанием соотечественников перед иностранным⁹²⁸. К данному тезису отсылает и само название журнала – «Русский Вестник», который, как отмечено выше, можно рассматривать как глобальный российский «воспитательный» (просветительный) проект. Так, очерчивая программу журнала, Глинка писал об «испорченных» нравах современников, их увлечении «модам» и иностранным воспитанием, которым нужно – писал автор, противопоставить «нравы и добродетели праотцов наших»⁹²⁹. На историческом опыте предков Глинка, по сути, создавал методические рекомендации для отечественного воспитания, чтобы «отцы семейств» нашли в журнале «способы учения для семейственного воспитания»⁹³⁰. В частности, он публиковал фрагменты о воспитании из сочинений отечественных авторов второй половины XVIII – начала XIX вв. упоминая в одной из статей и «Недоросля» Д.И. Фонвизина, и Карамзина с Шишковым⁹³¹. Вместе с тем, Глинка не отказывался от идеи иностранного воспитания в целом: «Знание языков необходимо в гражданской и военной службе»⁹³². Однако в данном случае надо следовать не «пристрастному» подражанию иностранным образцам, а развивать собственный опыт: «истинное воспитание» должно состоять в «преимущественной любви к отечеству»⁹³³. Таким образом, добродетель «любви к отечеству» оказывается в представлениях Глинки зависимой от отечественного воспитания. Такая позиция была близка и «карамзинистам», и «шишковистам». Неудивительно, что в «Русском Вестнике» Карамзин и Шишков регулярно упоминались и цитировались рядом⁹³⁴.

⁹²⁸ Киселева Л.Н. Полемика по вопросам языка и идея национальной самобытности культуры (К языковой позиции «старших архаистов») // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Тарту, 2023. С. 349.

⁹²⁹ Глинка С.Н. Вступление // Русский вестник. 1808. Ч. 1. № 1. 1808. С. 6.

⁹³⁰ Там же. С. 9.

⁹³¹ Глинка С.Н. Мнения известнейших русских писателей о воспитании отечественном и о иноземцах // Русский Вестник. 1808. № 1. С. 43–52.

⁹³² Глинка С.Н. О воспитании русских до Петра Великого // Русский Вестник. 1808. № 3. С. 296.

⁹³³ Там же. С. 299.

⁹³⁴ См. Киселева Л.Н. Полемика по вопросам языка и идея национальной самобытности культуры (К языковой позиции «старших архаистов») // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Тарту, 2023. С. 350.

В начале 1807 г. в «Вестнике Европы» его издатель М.Т. Каченовский анонимно опубликовал рецензию на полемику Шишкова и Макарова 1803–1804 гг., полностью разделяя позиции «шишковистов». Именно Каченовский, пересказывая содержание «Рассуждения...» Шишкова и работ его оппонентов, поместил их в контекст противостояния России и Франции. Выступая апологетом шишковских размышлений, Каченовский прямолинейно упомянул в рецензии то, что в «Рассуждении...» и во время полемики 1804 г. упоминалось лишь косвенно: «В то время, когда еще у всех в свежей памяти ужасы революции, когда на губах царубийц еще не засохла кровь доброго короля, которую торжественно пили злодеи; когда Европа взирает на Францию, как на гнездилище разврата, приятно ли находить в русской книге [в журнале «Московский Меркурий»] самое набожное уважение к французским нелепостям»⁹³⁵. Так Каченовский задал новое звучание прежней полемике. А появление его рецензии, дало Шишкову повод повторно высказаться в печати.

Уже в начале второй половины 1807 г. Шишков опубликовал в «Вестнике Европы» анонимный ответ Каченовскому, в котором повторил свои основные аргументы. Но теперь и он открыто упоминал ужасы Французской революции. Так, вновь обрушившись с критикой на пристрастие соотечественников к французскому воспитанию, он не преминул напомнить им, что французы «ужасами революции своей отняли славу у самого ада», поддавшись «адской вольности», за что получили в наказание «деспотию» Наполеона⁹³⁶. Соответственно, менялось и отношение к французскому языку. И хотя Шишков все еще признавал, что французский язык «сам по себе не вреден; но слепая наша страсть к нему делает его для нас вредным», отныне он рассматривал его как идеологическое оружие Франции⁹³⁷. Его аргументация

⁹³⁵ Каченовский М.Т. Письмо города N.N. в столицу [Полемика по поводу статей П.И. Макарова в «Московском Меркурии» и «Рассуждению о старом и новом слоге российского языка»] // Вестник Европы. 1807. Ч. 32. № 8. С. 288.

⁹³⁶ Шишков А.С. Ответ на письмо господина Луки Говорова [М.Т. Каченовского], напечатанное в Вестнике Европы апреля 1807 № 8, под заглавием: Письмо из города N.N. в столицу // Вестник Европы. 1807. Ч. 36. № 24. С. 262.

⁹³⁷ Там же. С. 246.

опиралась на два примера. Первый – это антинаполеоновский памфлет «Тайная история нового французского двора в письмах» (1807) английского писателя Л. Голдсмита, опубликованный на русском языке. Шишков пересказывал одно из писем, в котором повествовалось о тайном замысле французского правительства Наполеона захватить Великобританию через «истребление употребления природного языка <...> чтобы они [англичане] не говорили иначе как по-французски <...> и тогда Англия будет нашею [французской] рабою»⁹³⁸. Однако, еще более интересным кажется второй пример. Шишков упоминал прусского короля Фридриха II, презиравшего «природный язык». Ранее на пример Фридриха II ссылался М.Н. Муравьев, согласно которому пренебрежение прусского короля национальным языком привело к остановке в развитии немецкоязычной литературы и просвещения. Шишков же, писавший свой текст после сокрушительного разгрома армии Пруссии при Иене и Ауэрштедте, уже связывал неосмотрительное пренебрежение Фридриха II национальным языком с потерей «народной гордости» и прусской государственности. Шишков приходил к выводу, что приверженность европейских государств французскому языку в современных ему войнах 1806–1807 гг., делает их беззащитными перед идеями Французской революции и перед полчищами Наполеона: «Ежели б всякая держава сохраняла свою народную гордость, то Французская революция была бы только в углу своем страшна; мнимые их философы не вскружили бы столько голов; они бы вредны токмо для своего правительства и народа, а не для всей Европы <...> От чего сие, как не от общего языка их различия, подчинившего умы наши их умам?»⁹³⁹. Именно отвечая Каченовскому, Шишков окончательно сформулировал связь между состоянием национального языка в государстве с его государственной безопасностью. Состояние национального языка в государстве служило индикатором добродетели подданных – их «любви к

⁹³⁸ Шишков А.С. Ответ на письмо господина Луки Говорова [М.Т. Каченовского], напечатанное в Вестнике Европы апреля 1807 № 8, под заглавием: Письмо из города N.N. в столицу // Вестник Европы. 1807. Ч. 36. № 24. С. 247.

⁹³⁹ Там же. С. 247–248.

отечеству», а следовательно – способности эффективного сопротивления внешней угрозе. Более того, здесь же возникло шишковское представление о языке как идеологическом оружии.

Эти представления разделял один из его последователей – писатель Е.И. Станевич, который в 1808 г. издал в двух частях собственное «Рассуждение о русском языке». Несмотря на некоторые отличия его представлений о «природном языке» от Шишкова (в основном, взглядов на происхождение языков), Станевич разделял основные тезисы его языковой программы⁹⁴⁰. Ключевое место в его размышлениях о языке занимала социально-политическая проблематика. Можно сказать, что благодаря сочинению Станевича «спор о старом и новом слоге» приобрел отчетливое социальное звучание. Особенно обращает на себя внимание его предложение по использованию национального (русского) языка как одного из способов инкорпорации территорий Речи Посполитой и Финляндии в состав Российской империи⁹⁴¹. Автор призывал действовать не силой оружия, а приложить «старание к истреблению не народов, не городов их и сел, но их наречия <...> для чего бы и давно не завести было в покоренных землях [Речи Посполитой и Финляндии] русских училищ, чтоб русский язык господствовал?»⁹⁴². Как только исчезнет «наречие», угаснут и их «добродетели». Предложенная Станевичем программа инкорпорации земель через национальный язык – это обратный пример того, как можно использовать русский язык подобно французскому.

Впрочем, Станевичу все же приходилось пояснять, почему в сочинении о национальном языке, он писал о «любви к отечеству» и воспринимал их

⁹⁴⁰ Крашенинникова О.А. Полемика о старом и новом слоге (1803–1812) // Очерки истории русской публицистики первой трети XIX в. М., 2021. С. 129–135.

⁹⁴¹ Согласно Е.И. Станевичу, его книга была закончена 5 сентября 1805 г., но судя по отдельным фрагментам работа над книгой продолжалась вплоть до 1808 г. В частности, под упоминаемыми в книге «покоренными шведами» имелась в виду присоединенная Финляндия в результате Русско-шведской войны 1808–1809 гг. Из-за отступления шведских войск в начале войны, высочайший манифест о присоединении Финляндии был опубликован уже 20 марта (1 апреля) 1808 г. (см. Манифест о покорении шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России // ПСЗРИ. 1830. Т. 30. № 22911. С. 146–147).

⁹⁴² Станевич Е.И. Рассуждение о русском языке. СПб., 1808. Ч. 1. С. 18.

«неразрывными» друг от друга. Он давал такую схему: «Любовь к языку есть мера любви к отечеству <...> обе любви должны быть неразрывны; но если нет сего союза, там должно предполагать, что или любовь к языку или любовь к отечеству ослаблена». За «ослаблением одной <...> последует ослабление другой. От сего же обоюдного потрясения происходит ослабление в нравах, откуда проистекают уже все развраты, толико губительные для государства; как напротив того, соединение сих двух любостей может быть источником дел великих и цветущего состояния народов»⁹⁴³. Иными словами, Станевич рассматривает «любовь к языку» как еще одну из добродетелей, направленную на достижение «общего блага», такую же как «любовь к отечеству». В конечном счете, в случае их деградации – они ставят под вопрос существование самого государства, а потому – одной из важнейших проблем становилось «культивирование» данных добродетелей.

Центральным сюжетом первой части «Рассуждений...» Станевича была критика галломании российского дворянства. В представлениях Станевича, пренебрежение или незнание соотечественниками собственного языка рассматривалось как отсутствие в них истинного патриотизма («любви к отечеству»), «ибо любить отечество без любления языка своего, и любить язык свой без употребления его <...> [все равно, что] уверять, что тело может жить без души»⁹⁴⁴. Свои выводы он подкреплял двумя примерами. Один из них был почерпнут из античных времен, когда победившие греков римляне «прилепились к языку греческому», а римские императоры начали покровительствовать древнегреческому языку, из-за чего «с упадком языка их [римлян] последовало падение их добродетелей»⁹⁴⁵. Другой пример отсылал уже к современной Франции. Французы – отмечает Станевич – распространили французский язык за пределы государства и «подобно грекам

⁹⁴³ Станевич Е.И. Рассуждение о русском языке. СПб., 1808. Ч. 1. С. 69–70.

⁹⁴⁴ Там же. С. 14.

⁹⁴⁵ Там же. С. 26.

владычествуют изобретательною силою ума своего и прелестью своего приятного ловкого общения»⁹⁴⁶.

При этом Станевич признавал за французами особую любовь к отечеству, опиравшуюся на их любовь к собственному языку, стяжавшую им «славу и уважение целого света»⁹⁴⁷. Получалось, что французы, несмотря на «развращение во нравах», оставались хотя бы отчасти добродетельными, поскольку не пренебрегали собственным языком, а россияне-галломаны не имели даже такой добродетели – таков был «моральный урок» согражданам в контексте послетильзитской России.

Вслед за предшественниками⁹⁴⁸, Станевич признавал одной из главных угроз для «культивирования» данных добродетелей иностранное воспитание, которое не порождало «ни твердых правил нравственности, ни прямой любви к отечеству, ни прилежания к вере»⁹⁴⁹. Интерес вызывают его взгляды на историю просвещения в России. В европейских государствах, по мнению Станевича, ключевую роль играл «народ, потребовавший просвещения»; в России, напротив, со времен Петра I ключевую роль играло правительство, ставшее «главной причиною нашего просвещения»⁹⁵⁰. Таким образом, в допетровские времена, просвещение в России шло тем же путем, что и в европейских государствах, естественное же развитие российского просвещения было нарушено Петром I, с правлением которого просвещение не «соответствовало нуждам народа»⁹⁵¹. На первый взгляд, автор пишет о «культурном расколе», начавшемся из-за петровских преобразований. Однако Станевич не вкладывал в это понятие критического смысла, скорее считая его, особенностью России, связанной с ее территориальной протяженностью. Ответственность за дальнейшее развитие просвещения он возлагал на

⁹⁴⁶ Станевич Е.И. Рассуждение о русском языке. СПб., 1808. Ч. 1. С. 29–30.

⁹⁴⁷ Там же. С. 29–30. С. 49.

⁹⁴⁸ Интересно, что его представления о воспитании частично опирались на екатерининский «Собеседник любителей русского слова». В тексте обнаруживаются две ссылки, одна из которых ведет на сочинение Е.Р. Дашковой «О смысле слова воспитания» (1783). См. Там же. С. 61, 67.

⁹⁴⁹ Там же. С. 22.

⁹⁵⁰ Там же. С. 35–36.

⁹⁵¹ Там же.

российское дворянство («главную и лучшую подпору»), которое должно содействовать монарху в просвещении других сословий, подавая личный пример «любви к языку» и «любви к отечеству»⁹⁵².

Отношение к петровским преобразованиям Станевича было более умеренным, в сравнение с Карамзиным, вынесшем в «Записке...» (1811) своеобразный приговор Петру I: «Мы [российское дворянство] стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр»⁹⁵³. Карамзин искренне считал, что петровские преобразования нарушили «естественное» историческое развитие («дух народный») России: «Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств <...> Искореня древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные, государь России [Петр I] унижал россиян <...> Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам? Любовь к Отечеству питается сими народными особенностями <...> Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ [просвещению]»⁹⁵⁴.

Учитывая по-прежнему мощный «культ Петра I» в панегирическом регистре, Карамзин находил оправдания для действий первого императора, заключавшейся – писал автора, в «худом воспитании» и «женевце Лефорте», испортившем нравы российского монарха, а после «немецкие слободы <...> довершили Лефортово дело <...> [Петр] увидев Европу, захотел делать Россию – Голландиею»⁹⁵⁵. В отличие от Станевича, Карамзин переложил отсутствие «искренней» добродетели «любви к отечеству» с российского дворянства на петровские преобразования и самого монарха, прервавшего «естественное» историческое развитие России. Эту же мысль он повторил публично в 1818 г. в своей «Речи, произнесенной на торжественном собрании Императорской Российской Академии»: «Петр Великий, могущею рукою своею преобразив

⁹⁵² Станевич Е.И. Рассуждение о русском языке. СПб.: Тип. Ивана Глозунова, 1808. Ч. 1. С. 36.

⁹⁵³ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 35.

⁹⁵⁴ Там же. С. 32–33.

⁹⁵⁵ Там же. С. 35.

отечество, сделал нас подобными другим европейцам. Жалобы бесполезны. Связь между умами древних и новейших россиян прервалась навеки»⁹⁵⁶. Но, поскольку речь была произнесена после триумфальной победы, требовавшей пояснений относительно прежнего карамзинского приговора Петру I, он был вынужден признать и оговорить, что «Петр, изменив многое, не изменил всего коренного русского: для того ли, что не хотел, или для того, что не мог...»⁹⁵⁷. В конечном счете, карамзинское «изменив многое, не изменил всего» – это своеобразное признание, что «коренные» добродетели россиян неподвластны монарху, а в то же время включение петровских преобразований в часть этих же добродетелей, а потому – «европейское» рассматривается неотъемлемой частью российского.

Идею о том, что иностранное воспитание представляет собой угрозу, в канун Отечественной войны 1812 г. начало разделять и российское правительство. Так, с 1810 г. министром народного просвещения назначен А.К. Разумовский – один из попечителей «Беседы любителей русского слова». Под его руководством был разработан указ от 25 мая 1811 г. о частных пансионах (принадлежавших, по большей части, иностранцам). Указ обязывал частные пансионы «не упускать из виду знания русского языка» (среди учеников и преподавателей, в том числе только приступавших к работе учителей) и, главное, преподавать дисциплины на русском языке. Еще важнее был доклад министра, опубликованный в сопровождение указа. Разумовский обратился к российскому дворянству («подпоре государства»), зачастую отдававшего своих детей на воспитание в частные пансионы к иностранным учителям, не имевших «привязанности к стране, для них чуждой, они юным россиянам внушают презрение к языку нашему и охлаждают сердце их ко всему домашнему <...> из россиянина образуют иностранца <...> скорыми шагами приближает к истреблению духа народного». Примеру дворянства –

⁹⁵⁶ Карамзин Н.М. Речь, произнесенная на торжественном собрании императорской Российской академии // Карамзин Н.М. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 237.

⁹⁵⁷ Там же. С. 238.

писал автор, следовали и другие сословия, обрекая своих детей на «медленную пагубу обществу». При этом следует обратить внимание на мотивационную составляющую, заключающуюся в том, чтобы сделать дворянских детей «истинными сынами отечества». Несмотря на это, Разумовский признавал, что принятый указ не сможет в одночасье «преломить дух» устоявшихся практик, а потому – «быть может, мера правительства послужит образцом» для российских подданных⁹⁵⁸. Появление указа следует рассматривать как практическую подготовку к Отечественной войне 1812 г. На протяжении второй половины 1811 г. шла концентрация российских войск вдоль западной границы⁹⁵⁹. Формально направленный на воспитание детей, указ напоминал дворянству об их первейшем «воинском долге» перед монархом и отечеством.

Символическая попытка примирить «шишковистов» и «карамзинистов» была предпринята Ф.С. Стопановским – членом «Общества любителей российской словесности» при Московском университете. В 1811 г. он анонимно опубликовал сочинение «Разговор о том, что преимущественно занимать должно языком отечественным»⁹⁶⁰. Стопановский выбрал форму воображаемого диалога, изображавшего полемику о языке начала XIX в. В диалоге было задействовано четыре персонажа с говорящими именами и характерами. «Стародум» – «истинный патриот», читающий исключительно церковные книги, призывая отказаться от иностранного и возратить нравы предков; «Модов» – щеголь-петиметр, подражавший во всем французам, призывая говорить по-французски; «Ветроном» – человек без собственного мнения («По мне все равно, каким [языком] ни говорить; правда, я слышал, что французский лучше!»)⁹⁶¹; «Здравомысл» – своеобразный «медиатор» для других персонажей. Именно ему удалось в итоге примирить «Стародума» с «Модовым» и просветить «Ветронома». «Здравомысл» в завершении диалога

⁹⁵⁸ Высочайше утвержденный доклад министра народного просвещения «О предположения касательно частных пансионеров» (25 мая 1811) // ПСЗРИ. 1830. Т. 31. № 24647. С. 665–666.

⁹⁵⁹ Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М., 2020. С. 108.

⁹⁶⁰ Стопановским Ф.С. Разговор о том, что преимущественно заниматься должно языком отечественным // В удовольствие и пользу. 1811. Ч.2. С. 195–225.

⁹⁶¹ Там же. С. 217.

произносил: «С рассуждением и выбором учиться чужестранным языкам; но будем помнить всегда, что <...> знание отечественного языка полезнее и необходимее иностранных»⁹⁶². Представленное сочинение можно рассматривать как призыв к консолидации двух лагерей в канун Грозы 1812 г., оставшийся, впрочем, проигнорированным в начале 1810-х гг. Примирение «шишковистов» и «карамзинистов» с легкостью происходило на страницах литературы, но на практике представляло собой большую трудность.

Уже в декабре 1811 г. Шишков в «Рассуждении о любви к Отечеству» призвал соотечественников к «пристрастной, такой, какую природа вложила в один пол к другому» «любви к отечеству»⁹⁶³. Поскольку эта добродетель, по его мнению, соразмерна «народной гордости» и обе они непостоянны, их необходимо «подпитывать» из нескольких источников: православной веры, отечественного воспитания и национального языка. Сходные идеи он уже высказывал им в 1807 г., но в предчувствии Грозы 1812 г. со всей прямолинейностью он отстаивал идею «пристрастной любви к отечеству», отсутствие «страсти» воспринималась им как государственная измена⁹⁶⁴. Шишков провозглашал, что «язык есть душа народа, зеркало нравов, верный показатель просвещения...», фактически повторяя свои старые доводы, но теперь они сопровождались более радикальным заявлением о том, что «никогда безбожник не может говорить языком Давида...»⁹⁶⁵. Таким образом, противопоставление языков приняло религиозные обертоны и начало рассматриваться как конфликт «наихристианнейшего» русского (церковнославянского) языка⁹⁶⁶ с «безбожным» французским. За «природным

⁹⁶² Стопановским Ф.С. Разговор о том, что преимущественно заниматься должно языком отечественным // В удовольствие и пользу. 1811. Ч. 2. С. 225.

⁹⁶³ Шишков А. С. Рассуждения о любви к Отечеству. СПб., 1811. С. 25. Л.Н. Киселева, справедливо отмечает, что ссылка Шишкова на мнение дамы «Отечество (сказала мне одна из почтеннейших наших женщин)...», была заочным ответом Карамзину и «карамзинистам», ориентировавшихся на светский «вкус» женщин (См. Киселева Л.Н. Проблема литературного авторитета в русской критике 1800–1810-х гг. // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Тарту, 2023. С. 368–369).

⁹⁶⁴ Шишков А. С. Рассуждения о любви к Отечеству. СПб., 1811. С. 24.

⁹⁶⁵ Там же. С. 48–49.

⁹⁶⁶ Напомню, что в представлениях Шишкова не существовало разницы между церковнославянским и русским языком – это для него один и тот же язык.

языком» закреплялась сакральная функция, он воспринимается Шишковым уже как «некий дар», полученный от «природы, вложившей в нас тайную любовь», а потому – «[природный язык] соединяет всех самыми крепкими узами»⁹⁶⁷. На основе «природного языка», должна была произойти консолидация общества, объединяющая различные сословия. Шишков рассматривает пренебрежение собственным языком как отказ от православной веры – главного источника добродетелей. Он приходит к бескомпромиссному выводу о том, что «две любви не бывают совместны», все же оставляя соотечественникам небольшой выбор: принятие «пристрастной любви к отечеству» либо национальное предательство⁹⁶⁸.

Итак, оказавшись в ситуации нового раунда наполеоновской экспансии, «тильзитского плена миром» России, в преддверии Грозы 1812 г., привычные для конца XVIII в. размышления о национальном языке, воспитании и добродетели «любви к отечеству» приобрели политическую окраску. «Спор о старом и новом слоге», проходивший еще в самом начале XIX в. по лекалам прежней языковой полемики, в ситуации 1805–1812 гг. динамично политизировался, вопросы языка стали трактоваться как неразрывно связанные с вопросами гражданской добродетели и государственной безопасности. Шишков мастерски модифицировал свою позицию с учетом общественных настроений после Тильзита, приобретая в конечном счете своеобразный статус «провидца»⁹⁶⁹. Впрочем, несмотря на патриотический пафос борьбы с галломанией и «спора о старом и новом слоге» в 1805–1812 гг., большинство российского офицерского корпуса времен Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской

⁹⁶⁷ Шишков А. С. Рассуждения о любви к Отечеству. СПб., 1811. С. 50–52. В конечном счете и отечественное воспитание рассматривалось Шишковым в таких же категориях, поскольку – писал он, «ученый чужестранец <...> не может вложить в душу нашу огня народной гордости, огня любви к отечеству <...> чувствований моих к моей матери [Отечеству]» (См. Там же. С. 48).

⁹⁶⁸ Там же. С. 45.

⁹⁶⁹ Этот своеобразный статус разделял и сам Шишков, заявив в одном из писем 1813 г.: «Я почти первый <...> стал о сем говорить смело: и вы помните, как господа Вестники и Меркурии против меня восстали <...> и тогда должен я был по неволе воздерживаться; но теперь я бы ткнул их носом в пепел Москвы, и громко им сказал: вот чего вы хотели!» (Цит. по Полемика по вопросам языка и идея национальной самобытности культуры (К языковой позиции «старших архаистов») // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Тарту, 2023. С. 341).

армии 1813–1814 гг. продолжило говорить по-французски⁹⁷⁰. Вспоминается остроумная фраза, произнесенная князем П.А. Вяземским во время Грозы 1812 г.: «Привычка говорить по-французски не мешала генералам нашим драться совершенно по-русски»⁹⁷¹. Конечно, несмотря на затишье в 1812 г., «спор о старом и новом слог» возобновился в послевоенные годы. Уже с середины 1810-х гг. берут начало «крестовые походы арзамасцев»⁹⁷², некоторое время полемику продолжили и бывалые «шишковисты» во главе с Шишковым. Более того: в 1820-е – 1830-е гг. возникло литературное направление, выражаясь словами советского классика – Ю.Н. Тынянова – «младоархаистов» (П.А. Катенина, В.К. Кюхельбекера и А.С. Грибоедова)⁹⁷³. Продолжительное время «спор о старом и новом слог» сохранял определенный динамизм, но все же трансформировался в сторону действительно филологических и лингвистических баталий о языке⁹⁷⁴.

Эти процессы не предполагали отказа от просвещенческой философии второй половины XVIII в. Напротив, «спор о старом и новом слог», как и борьба с галломанией, развивался по пути, заданному еще Екатериной II. Но в исторических условиях наполеоновских войн начала XIX в. прежние глоссарии *модифицировались*. Борьба с галломанией была не «изобретением» реакции на Французскую революцию и реформаторский курс Александра I, а была обусловлена развитием идейного «багажа» XVIII столетия, оказавшегося в условиях военно-политического кризиса начала XIX в. Участники «спора о старом и новом слог» опирались не только на адаптацию руссоистских и немецких (гердерианских) идей в российской политической культуре рубежа XVIII–XIX вв., но также отечественные практики второй половины XVIII в. Показательно и то, что для России второй половины XVIII в., так и для начала XIX в. этот фундамент базировался на просвещенческой идеологии.

⁹⁷⁰ О'Мара П. Русское дворянство времен Александра I / пер. с англ. А. Шокаревой. М., 2023. С. 88.

⁹⁷¹ Цит. по Егереву Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки и Ф. В. Ростопчина. М., 2014. С. 229–230.

⁹⁷² Майофис М. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 гг. М., 2008. С. 208–248, 311–373, 455–533.

⁹⁷³ Тынянов Ю.Н. Архаисты и Пушкин // Архаисты и новаторы. М., 1929. С. 87–227.

⁹⁷⁴ См., например, Мордовченко Н.И. Poleмика о «старом» и «новом слог» // Русская критика первой четверти XIX в. М., 1959. С. 93–98.

Глава 4. Формирование представлений о Смутном времени в российской политической культуре XVIII – начала XIX веков

Важной частью парадигмы консервативных идей в отечественной социально-политической мысли конца XVIII – начала XIX вв. считают активное обращение к опыту прошлого⁹⁷⁵. Современная историография исходит из признания того, что история служила для консерваторов своего рода «хранилищем» вечных истин, а обращение к прошлому предполагало его идеализацию и романтизацию. Так, Т.А. Егерова отмечает, что консерваторы конца XVIII – начала XIX вв. преследовали «утопичную идею», стремясь «воссоздать прошлое, помещая в истории утраченный Золотой век и создавая тем самым ретроспективную утопию»⁹⁷⁶. А.Ю. Минаков полагает, что именно обращение к истории позволило деятелям консерватизма «конструировать собственную традицию, селективно интерпретируя исторические факты», а сами «примеры из идеализированной версии русского прошлого» должны были «“излечить” галломанию российского дворянства»⁹⁷⁷.

Большинство исследователей связывает рост интереса к национальной истории в конце XVIII – начале XIX вв. с развитием литературного романтизма в немецком либо французском варианте, возникшим в результате рефлексии о Французской революции 1789 г. и серии Наполеоновских войн – в условиях военного и политического кризиса интеллектуальная элита обратилась к «ностальгии по давно минувшим дням»⁹⁷⁸. Европейский романтизм оказывал

⁹⁷⁵ Подробнее см.: Мангейм К. Консервативная мысль // Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 612–617; Шацкий Е. Утопия и традиция / пер. с польского В.А. Чаликова. М., 1990.

⁹⁷⁶ Егерова Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф. В. Ростопчина М., 2014. С. 253–255.

⁹⁷⁷ Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 360.

⁹⁷⁸ Подробнее см.: Шмитт К. Политический романтизм / пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. М., 2015. 460 с.; Казакова Г.Х. Романтический историзм и проблема реабилитации средневековой культуры в творческом наследии Ф.–Р. Шатобриана. дисс. канд. филолог. наук. Казань, 2017. 221 с.; Коваль Е.И., Назукина М. В. От монархической идеи к консервативной: Ф.–Р. Шатобриан и развитие русской политической мысли в первой половине XIX в // Полис. Политические исследования. 2005. № 5. С. 92–101; Будникова О.Е. Взгляды и деятельность К. Меттерниха в контексте австрийского консерватизма: автореф. дис. ... канд. ист. наук:

влияние на российскую общественно-политическую мысль конца XVIII – начала XIX вв.⁹⁷⁹ Американский исследователь А. Мартин отразил романтизм российских консерваторов той эпохи в самом заглавии своей монографии: «Романтики, реформаторы, реакционеры...», причислив к идеологии «националистического романтизма» Шишкова и С.Н. Глинку⁹⁸⁰. Т.А. Егерев, отмечая влияние идей предромантизма на российскую интеллектуальную элиту конца XVIII – начала XIX вв., приходит к аналогичному выводу⁹⁸¹. Противоположный вывод делает В.Н. Смирнов, исследуя вопрос о влиянии немецкого романтизма на «русскую партию» начала XIX в. (главным образом, на круг «Беседы любителей русского слова» Шишкова-Державина и молодого С.С. Уварова): по его мнению, «в идеологии “русской партии” и национализме 1812 г., в сущности, не было ученичества по отношению к немцам», а влияние немецкого романтизма проявилось в России несколько позднее, во второй четверти XIX в.⁹⁸²

Литературная деятельность ко второй половине XVIII в. оформилась в один из основных видов «службы» российского дворянства⁹⁸³, переплетаясь с

07.00.03. Курск, 2007. 27 с.; Рахшмир П.Ю. Князь Меттерних: человек и политик. Пермь, 2005. 405 с.; Дегтярева М.И. Религиозно-философская мысль Жозефа де Местра в контексте формирования консервативных традиций Европы и России. дисс. док. философ. наук. М., 2009. 321 с.; Фененко А.В. «Национальная идея» и ее эволюция в творчестве французский консерваторов XIX в. дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003. 231 с.; Gilmartin K. Writing against Revolution Literary Conservatism in Britain, 1790–1832. Cambridge, 2007. 334 p.; Castellano K. Romantic Conservatism in Burke, Wordsworth, and Wendell Berry // *SubStance*. 2011. Т. 40. № 2. P. 73–91. Travers É. Constant et Chateaubriand, deux défenses de la Monarchie // *Revue Française d'Histoire des Idées Politiques*. 2004. № 1. Режим доступа: <https://www.cairn.info/revue-francaise-d-histoire-des-idees-politiques1-2004-1-page-89.htm> ; Gans E. Maistre and Chateaubriand: Counter-Revolution and Anthropology // *Studies in Romanticism*. 1989. Vol. 28. № 4. P. 559–575.; Colceriu D.M. Le paradigme chrétien autour de 1800: L'exemple de Chateaubriand et des romantiques allemands. Bruxelles, 2013. 263 p.; Bercegol F. Chateaubriand ou la conversion au progrès // *Romantisme: L'idée de progrès*. 2000. № 108. P. 23–51.; Berchet J.–C. Chateaubriand et le despotisme oriental // *Dix-huitième Siècle. Economie et politique*. 1994. № 26. P. 391–421; Garrad G. Joseph de Maistre's Civilization and its Discontents // *Journal of the History of Ideas*. 1996. № 3. P. 429–446.; Andrade G. Joseph de Maistre and Retributionist Theology // *Journal of Philosophical Investigations at University of Tabriz*. 2017. № 21. P. 1–13.

⁹⁷⁹ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / пер. с польск. К. Душенко М., 2019. С. 53–100, 249–260; Маслим М., Волконская А. Концепция русского консервативного романтизма // *Тетради по консерватизму*. 2020. № 2. С. 450–455.

⁹⁸⁰ Подробнее см.: Мартин А. Романтики, реформаторы, реакционеры. Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I / пер. с англ. Л.Н. Высоцкий. СПб., 2021. С. 13–14, 28–29.

⁹⁸¹ Егерев Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина М., 2014. С. 255–257.

⁹⁸² Смирнов В.Н. Влияние немецкого «романтического национализма» на русскую философию XIX в. дисс. ... канд. философ. наук. СПб., 2021. С. 96–105, 104.

⁹⁸³ См.: Осповат К. Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М., 2020. 480 с.

придворной и активно формирующейся публичной сферами⁹⁸⁴. Ю.М. Лотман подчеркивал особую роль литературы для отечественного образованного общества конца XVIII – начала XIX вв., для которого автор-литератор формировал своего читателя: «...чтобы он [читатель] не читал книги, а *жил по книгам*» (курсив мой – В.И.)⁹⁸⁵. В свою очередь российский читатель, учась «жить по книге», выстраивал свою жизнь по определенным нормам поведения, моральным правилам; литературные произведения заставляли читателей «перестроить бытовую [жизнь] по нормам идеальной [литературной]» и, что необходимо подчеркнуть, «трагедия начинает осмысляться как идеальный учебник гражданственных эмоций»⁹⁸⁶. Разумеется, обращения к историческим сюжетам были широко распространены в России, крупнейшие литераторы эпохи зачастую выступали также в качестве историописателей⁹⁸⁷. Важно отметить: исторические сочинения XVIII – начала XIX вв. не были исследовательскими трудами; их можно трактовать как форму публицистики.

В настоящей диссертации вопрос о том, каким образом отечественные консерваторы рубежа XVIII–XIX вв. обращались к опыту прошлого, рассматривается на примере исторических сюжетов политического кризиса конца XVI – начала XVII вв., известных как Смутное время (Смута). Смута была для российской общественно-политической мысли конца XVIII – начала XIX вв. тем же явлением, что Английская революция 1642–1651 гг. и

⁹⁸⁴ О тесной связи отечественной литературной и политической сферы в XVIII – начале XIX вв., а также литературы как особой форме дворянской службы имеется обширная историография. Подробнее см. особенно: Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-1760-х годов. М.;Л., 1936. 236 с.; Осповат К. Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М., 2020. 480 с. ; Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. 328 с. ; Проскурина В. Империя пера Екатерины II: литература как политика. М., 2017. 256 с.; Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. 416 с. ; Зорин А. Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М., 2016. 568 с. ; Майофис М. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. 800 с.; Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb., 2003. 312 p.

⁹⁸⁵ См.: Лотман Ю.М. Литература и читатель: жизнь по книге // Ю.М. Лотман о русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997. С. 137.

⁹⁸⁶ Там же. С. 136.

⁹⁸⁷ Велижев М.Б. Политик поневоле? Историограф, монарх и публичная сфера в России начала XIX века [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2018. № 3. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/151/article/19757/

Американская революция 1765–1783 гг. для западноевропейских ранних консерваторов. Европейские мыслители (в том числе Э. Берк, Ж. де Местр, Ф.Р. Шатобриан, Л. де Бональд и Ф. Генц) часто сопоставляли и сравнивали современную им Французскую революцию 1789 г. именно с историческими «опытами революций». В российской политической культуре конца XVIII – начала XIX вв. интерес к зарубежному «опыту революций» (американскому и английскому) был распространен относительно слабо⁹⁸⁸, значительно уступая в востребованности историческим примерам Смутного времени. Несомненно, нельзя переоценивать широкое знакомство российской читающей публики с перипетиями Смутного времени. Сама тема была слабо изучена и разработана в исторической литературе и публицистике XVIII столетия⁹⁸⁹. С.Ф. Платонов отмечал: «Скудность исторического материала вела всех писателей к однообразию фактических данных и *давала простор их риторикам*. В распоряжении историков XVIII и даже XIX века был только текст “утвержденной грамоты” об избрании Михаила Федорович (напечатанный Н.И. Новиковым в его “Вивлиофике” и графом Н.П. Румянцевым в его “Собрании Государственных Грамот и Договоров”), далее – несколько фраз Нового Летописца, хронографов и Авраамия Палицына да, в редких случаях, сухие разрядные записи»⁹⁹⁰.

⁹⁸⁸ К примеру, в 1817 г. на русском языке в двух частях был опубликован один из ключевых трактатов Ф.-Р. Шатобриана «Опыт исторический, политический и нравственный о древних и новейших переворотах...» (опубликован на французском языке в 1797 г.), среди подписавшихся на «новинку» были члены т.н. «русской партии»: А.С. Шишков и Д.И. Хвостов. См.: Опыт исторический, политический и нравственный о древних и новейших переворотах. Ч. 2. СПб., 1817. С. I–II. Однако, Шатобриан был хорошо известен российской образованной публике конца 1790-х – 1800-х гг., прежде всего, как французский литератор и представитель французского предромантизма. Только с середины 1810-х гг. начинается активная публикация переводов его сочинений общественно-политической направленности. Подробнее см.: Barratt R.G. Chateaubriand in Russia, 1800–1830 // *Comparative Literature Studies*. 1972. № 2. P. 153–154; Ившин В.С. Переводы произведений Ф.-Р. Шатобриана в политико-культурном контексте России первой четверти XIX в. // *Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: мат-лы VII Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых*. Ижевск, 2020. С. 183–188.

⁹⁸⁹ Пичета В.И. Смута и ее отражение в трудах историков // *Голос минувшего*. 1913. № 2. С. 10.

⁹⁹⁰ Платонов С.Ф. Вопрос об избрании М. Ф. Романова в русской исторической литературе. СПб., 1913. С. 4.

§ 4.1. Исторические параллели со Смутой в российской общественно-политической мысли конца XVIII – начала XIX веков

В историографии, обращение российской интеллектуальной элиты в конце XVIII – начала XIX вв. к историческим сюжетам Смуты традиционно связывают с актуальными для современников событиями, отсылавших их к истории начала XVII в. Так, филолог М.Г. Альтшуллер, реконструируя деятельность «Беседы любителей русского слова», обращаясь к героической поэтике С.А. Ширинского-Шихматова, связывает ее с созданием «национальной героической поэмы» (и шире – «национальной истории»), основанной на исторических событиях конца XVI – начала XVII в.⁹⁹¹. Обстоятельно вопрос был изучен А.Л. Зориным, связавшим обращение российских образованных подданных к историческим сюжетам Смуты с усвоением в конце XVIII – начале XIX вв. «концепции национального воспитания» Ж.-Ж. Руссо, опиравшейся на приобщение к собственной (национальной) истории и отечественным историческим традициям. Стимул для появления такой концепции был связан – продолжает А.Л. Зорин, с окончательным разделом Речи Посполитой в 1795 г., патриотическим подъемом после Тильзитского мира 1807 г., а также метонимией событий и дат 1612/1812 гг. Патриотический пафос цикла российских сочинений 1806–1807 гг. о Смуте формировался вокруг «национальной мобилизации» против внешнего врага – Наполеона, что «как нельзя лучше отвечало схеме идеологического строительства» и было «востребовано в текущей политической ситуации»⁹⁹². А.Е. Гребенщиков также отмечает, что апелляции Шишкова к Смутному времени следует рассматривать в контексте

⁹⁹¹ Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 115–140.

⁹⁹² Зорин А.Л. Кормя двухглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой четверти XIX вв. М., 2001. С. 167–172, 173–174; Те же тезисы проводит Т.А. Егерева. См. Егерева Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н. М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина М., 2014. С. 265–267.

двухсотлетнего юбилея династии Романовых и окончания Смуты⁹⁹³. Обращение к истории Смуты играло роль «предостережения об опасности внутренней нестабильности для государства»⁹⁹⁴. А.Ю. Минаков, исследуя национально-патриотический подъем в России 1807–1811 гг., подчеркивает существовавший «запрос российского общества на национальную историю»⁹⁹⁵. В.С. Парсамов раскрывает данную проблематику в ключе «культивирования национальной самобытности» российского общества на фоне патриотического подъема в послетильзитской России 1807–1811 гг., подчеркивая, что в Фортуны 1812 г. исторические сюжеты Смуты «практически не продуцировались» на военные действия, служа «аллюзиями» и «ситуативной реминисценцией» к «общеизвестным» сюжетам из истории конца XVI – начала XVII вв.⁹⁹⁶ Т.В. Полежаева предлагает иную трактовку актуализации исторических сюжетов Смуты, подчеркивая доминирование в исторической концепции Шишкова понятия «народный дух», восходящего к наследию французских (Монтескье, Вольтера) и немецких (И.Г. Гердера, Г.В.Ф. Гегеля и др.) мыслителей⁹⁹⁷.

Впрочем, даже проводя исторические параллели между прошлым и современным им настоящим, авторы не могли попросту «вычитать» набор аргументов и знаковых образов в готовом виде из текстов XVII в. Конечно, события Смуты были осознаны как острейший политический катаклизм в истории Российского государства уже современниками⁹⁹⁸. Политическая история Смутного времени в сочинениях XVII в. сводилась к борьбе

⁹⁹³ А.Л. Зорин в данном ключе отмечает, что «... смысловой кульминацией описываемых событий [Смутного времени] служит во всех упомянутых произведениях избрание на царство Михаила Федоровича, положившее начало династии Романовых. При этом практически всегда инициатором этого избрания выступает Пожарский, перед этим трогательно и величественно отклоняющий поднесенный ему венец» (Зорин А.Л. Корня двухглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой четверти XIX вв. М., 2001. С. 179–185).

⁹⁹⁴ Гребенщиков А.Е. Адмирал Александр Семенович Шишков: общественно-политические взгляды и государственная деятельность. дисс. ... канд. ист. наук.: 07.00.02. Воронеж, 2019. С. 146.

⁹⁹⁵ Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 118–119.

⁹⁹⁶ Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М., 2020. С. 188–190.

⁹⁹⁷ Полежаева Т.В. Религиозные основания консервативной концепции А.С. Шишкова. дисс. ... канд. ист. наук.: 07.00.02. Томск, 2016. С. 99–101.

⁹⁹⁸ Антонов Д.И. Смута в культуре средневековой Руси: эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М., 2009. С. 37–101.

«истинных» (наследственных и родственных прежней династии) и «ложных» (самозванцев, узурпаторов) претендентов на русский престол⁹⁹⁹, а сами события Смуты изображались в эсхатологическом ключе вплоть до момента обретения «истинного царя»¹⁰⁰⁰. Тогда же в отечественной социально-политической мысли начинается поиск «своеобразного варианта “общего блага”», связывавшегося с наличием в государстве монарха¹⁰⁰¹ и не предполагавший легитимного существования иных форм правления, кроме самодержавия («истинного царя»)¹⁰⁰². Важно подчеркнуть: в сочинениях первой трети XVII в. отсутствовали героические образы Дм. Пожарского и К. Минина, несмотря на упоминания об их активном участии во Втором земском ополчении. На первом плане была «идея единения ратных людей», а провиденциальная трактовка событий лишала Пожарского и Минина «героического ореола в глазах современников»¹⁰⁰³. Исторические аналогии со Смутой могли бы быть легко объяснимы в ситуации пресечения династии, гражданской войны или иных подобных событий. Однако почему эти сюжеты оказались востребованы в России именно на рубеже XVIII–XIX вв.?

Функционирование исторических сюжетов о Смуте в российской общественно-политической мысли конца XVIII – начала XIX вв. необходимо рассматривать через адаптацию в отечественной интеллектуальной традиции конца XVII – начала XIX вв. глоссариев «форм правлений» – различных режимов политической организации власти, имеющих свои сильные и слабые стороны¹⁰⁰⁴. Этот глоссарий имел компаративный потенциал; в предыдущих

⁹⁹⁹ Туфанова О.А. Древнерусские письменные памятники о Смутном времени как художественный феномен: дис. ... док. филол. наук: 10.01.01. М., 2019. С. 312–342; Антонов Д.И. Смута в культуре средневековой Руси: эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М., 2009. С. 43–45, 90–92.

¹⁰⁰⁰ Туфанова О.А. Древнерусские письменные памятники о Смутном времени как художественный феномен: дис. ... док. филол. наук : 10.01.01. М., 2019. С. 223–241.

¹⁰⁰¹ Киселев М.А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII вв. // Исторический вестник. 2013. № 153. С. 20.

¹⁰⁰² Киселев М.А. Правда и закон во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: от монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. 1. М., 2012. С. 49–65.

¹⁰⁰³ Туфанова О.А. Древнерусские письменные памятники о Смутном времени как художественный феномен: дис. ... док. филол. наук : 10.01.01. М., 2019. С. 385.

¹⁰⁰⁴ Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. ... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 198–201.

главах настоящей диссертации было показано, что именно с помощью понятия формы правления российские авторы осмыслили конфронтацию России и Франции как противоборство «правильной» монархии Александра I и тирании (деспотии) Наполеона. Одним из базовых постулатов в глоссарии форм правления было признание того, что форма правления при определенных обстоятельствах может трансформироваться из «правильной» в «неправильную», к примеру, из монархии в тиранию (деспотию) либо олигархию¹⁰⁰⁵. Эти представления опирались на распространенный в XVIII – начале XIX вв. взгляд на историю как на циклический процесс, в духе античной традиции, восходящей к текстам Аристотеля и Полибия¹⁰⁰⁶, и позволяли осмыслить, например, ход событий от падения французской монархии 1789 г. до императорской коронации Наполеона в 1804 г.¹⁰⁰⁷

Именно понятие формы правления позволяло отечественным авторам XVIII в. переосмыслить события Смуты в контексте вопроса о том, какая форма правления подходит для России наилучшим образом. Обращаясь к сюжетам Смуты, отечественные авторы конца XVIII – начала XIX вв. описывали эти сюжеты с помощью *греко-римской образности* и античных описательных моделей, как правило, связанных с анализом кризиса и упадка древних республик. Исследователь В.Л. Каплун говорит даже о существовании в России «культуры гражданского республиканизма», распространенной среди образованного общества рубежа XVIII–XIX вв. и отразившаяся в «общем наборе форм мысли, правил и повседневных практик (от литературных до политических), ориентированных на античные республиканские образцы»¹⁰⁰⁸.

¹⁰⁰⁵ Артемьева Т. В. История метафизики в России XVIII века. СПб., 1996. С. 297.

¹⁰⁰⁶ Лимонов В. А. Идея цикличности исторического процесса в трудах русских мыслителей XVIII–XIX вв. // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 2. С. 30–31.

¹⁰⁰⁷ Подробнее см. первую главу данной диссертации.

¹⁰⁰⁸ В.Л. Каплун со ссылкой на Ю.М. Лотмана, приводит еще более показательную в этом отношении цитату из «Записок...» С.Н. Глинки: «Были у нас свои Катоны, были подражатели доблестей древних греков, были свои Филопемены [...] Древний Рим стал и моим кумиром. Не знал я, под каким живу правлением, но знал, что вольность была душою римлян. Не ведал я ничего о состоянии русских крестьян, но читал, что в Риме и диктаторов выбирали от сохи и плуга. Не понимал я различия русских сословий, но знал, что имя римского гражданина стояло почти на чреде полубогов. Исполинский призрак древняго Рима заслонял от нас родную страну...». Цит. по Каплун В.Л. «Жить Горацием или умереть Катоню»: российская традиция гражданского республиканизма // Неприкосновенный запас. 2007. № 5. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/5/zhit-goracziem-ili>

К аналогичным выводам приходит Е.Е. Приказчикова, прослеживая рецепцию «мифориторической» культуры античности в российском литературном и бытовом сознании XVIII – первой половины XIX в., которая «учила человека жить в соответствии с высокими принципами морали, воспитывала дух героизма и самопожертвования», основываясь на античных республиканских идеалах¹⁰⁰⁹. Более того: античные параллели сопровождали всю Фортуну 1812 г. и Заграничные походы 1813–1814 гг. через регулярные сравнения текущих событий с античным прошлым¹⁰¹⁰.

Наиболее расхожий в историографии пример проецирования греко-римской образности на историческую героину из русской истории, связан с С.Н. Глинкой и его многочисленными обращениями в «Русском Вестнике» к данным сюжетам¹⁰¹¹. Одним из наиболее влиятельных нарративов, созданных Глинкой на страницах его «Русского вестника», был связан с канонизацией нарратива о героическом подвиге Ивана Сусанина – русском крестьянине, спасшего Михаила Романова от поляков. Глинка, конечно, не был инициатором «изобретения» данного сюжета, еще в 1805–1810 гг. на основе греко-римской образности, он был переосмыслен на страницах журнала «Друг просвещения» Д.И. Хвостовым и М.М. Херасковым, превративших Сусанина в античного Горация. Однако, сохранив и дополнив античное прочтение, именно нарратив Глинки с его монархической составляющей, вошел в оперу «Жизнь за царя» (1836) М.И. Глинки¹⁰¹². Помимо этого, именно С.Н. Глинка в 1820-е гг. переиздал в России «Сравнительные жизнеописания» Плутарха под заглавием

umeret-katonom-rossijskaya-tradicziya-grazhdanskogo-respublikanizma.html. Этот же фрагмент приводил Ю.М. Лотман. См.: Лотман Ю.М. Литература и читатель: жизнь по книге // Ю.М. Лотман о русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997. С. 138–139. О республиканизме Карамзина также см.: Лотман Ю.М. Поэзия Карамзина // Лотман Ю.М. Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX вв. М., 1992. Т. 2. С. 159–193.

¹⁰⁰⁹ Приказчикова Е.Е. Античность в литературном и бытовом сознании XVIII – 1-й трети XIX в. через призму мифориторической культуры // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2009. № 1/2. С. 112.

¹⁰¹⁰ Там же. С. 107.

¹⁰¹¹ Велижев М., Лавринов М. «Сусанинский миф»: становление канона // Новое литературное обозрение. 2003. № 5. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/5/susaninskij-mif-stanovlenie-kanona.html>

¹⁰¹² Там же.

«Плутарх в пользу воспитания» (1822–1828), вновь преследуя дидактические цели¹⁰¹³.

С.Н. Глинка, конечно, не был одинок в своем увлечении античностью. Так, П.Ю. Львов – автор цикла исторических сочинений начала XIX в. и участник «Беседы любителей русского слова», в сочинении «Пожарский и Минин, спасители Отечества» (1810 г.) начинал свое повествование об их подвиге с осмысления высшей *гражданской* (античной) республиканской добродетели – «любви к Отечеству» на исторических примерах древних Рима и Греции. Прослеживая связь между данной добродетелью и «историческими бедствиями», Львов задавался вопросами: «Что сделало Грецию и Рим громкими [великими]? Что привлекло к ним общее удивление? Что, как не сия святая любовь к отечеству бессмертных сынов их? Не Александром, не Кесарям они обязаны славою своею; но Кодрам, Леонидам, Эпаминондам; но Дециям [Деций Траян], Регулам, Катонам...», а далее – он пришел к выводу, что после падения Греции и Рима «нигде толь сильно и постоянно не владычествовала, сия священная добродетель [любви к Отечеству], как в стране Российской»¹⁰¹⁴. Львов уподобил Пожарского греко-римским образам военачальников-граждан: Мильтиаду Младшему, Фокиону, Леониду, Луцию Эмилию, Марк Фурию Камиллу¹⁰¹⁵, Сципиону; а Минина греко-римским образцам гражданского (политического) мужества: Аристиду, Гаю Фабрицию, Луцию Цинцинату и Катону Старшему¹⁰¹⁶.

¹⁰¹³ Приказчикова Е.Е. Античность в литературном и бытовом сознании XVIII – 1-й трети XIX в. через призму мифориторической культуры // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2009. № 1/2. С. 109.

¹⁰¹⁴ Львов П.Ю. Пожарский и Минин, спасители Отечества. СПб., 1810. С. 6, 8.

¹⁰¹⁵ Интересно, что Марк Фурий Камилл считался избавителем Рима от галлов и вошел в историю как «второй основатель Рима».

¹⁰¹⁶ Львов П.Ю. Пожарский и Минин, спасители Отечества. СПб., 1810. С. 19, 95. Львов, впрочем, не ограничивался только уподоблением Пожарского и Минина греко-римским образам, фактически, в своем сочинении он уподобляет многих российских правителей какому-либо греко-римскому образу. Например, Гостомысла – Соломону, Рюрика – Юстиниану, Святослава – Ахиллу и Тесею, Ярослава Мудрого – Солону и Ликургу, Владимира Мономаха – Александра Невского – Константину Великому и Марку Аврелию, Дмитрия Донского – Кодру и Эпаминонду, Ивана IV – Адриану, Клавдию и Аврелиану, Федора Иванович – Гордиану Младшему, Бориса Годунова – Гордиану Старшему, Василий Шуйский – Валериану I и др. Подробнее см.: Львов П.Ю. Пожарский и Минин, спасители Отечества. СПб., 1810. С. VI–VIII, X–XI, 14–18.

Переосмыслил античную республиканскую добродетель («любовь к отечеству») и Шишков в своем «Рассуждение о любви к Отечеству» (1811 г.). У Шишкова повествование о героях Смуты сплетается с судьбами их греко-римских предшественников. Обращает на себя внимание и композиционное оформление этих сюжетов, каждый начинался с греко-римского примера, а затем, по их лекалам, приводился пример из отечественной истории. К примеру, Филарета (Романова) Шишков трактовал как «нашего Фемистокла»; Фемистокл, «изгнанный неблагодарными афинянами», оказался при дворе персидского царя Ксеркса и отказался от его предложения мстить согражданам («разорвать стены своего отечества»), а Филарет, отправленный ко двору Сигизмунда III, отказался подписать грамоту о признании его самодержцем России¹⁰¹⁷. Патриарх Гермоген представал у Шишкова «нашим Регулом»¹⁰¹⁸.

В связи с Шишковым интересно привести еще один пример, оставшийся проигнорированным в профильной историографии об адмирале. В 1808 г. на страницах «Русского вестника» анонимно опубликовано письмо к издателю журнала С.Н. Глинке «От почтенного Старовера...» под авторством Шишкова¹⁰¹⁹, повествующее о *республиканских добродетелях* на примерах из истории России XII в. (Новгородской и Псковской (в тексте письма «Плесковской») республик). Шишков не только допускал существование в истории России героического республиканского прошлого, закрепив за обеими республиками статус «республики мечей» подобно Римской¹⁰²⁰, но и искренне восхищался их добродетелями – «любви к отечеству», уподобив ее, опять же,

¹⁰¹⁷ Шишков А. С. Рассуждения о любви к Отечеству. СПб., 1811. С. 9–14.

¹⁰¹⁸ Там же. С. 17–21.

¹⁰¹⁹ От почтенного Староверова к Издателю Русского вестника // Русский вестник. 1808. Ч. 3. (август). 201–216. Позднее письмо вошло в 14-ю часть «Собрания сочинений и переводов А.С. Шишкова...», подготовленное им к изданию собственноручно, под заглавием «Письмо к издателю Русского вестника» (Шишкова А.С. Письмо к издателю Русского вестника // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 256–268). Шишков написал «Письмо...» под впечатлением от сочинения Н.С. Ильинского «Историческое описание города Пскова...» (1790–1795 гг., подробнее см.: Ильинский Н.С. Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самага их основания. Заключающее в себе многия достойныя любопытства происхождения. Составленное из многих древних летописцев, надписей, записок и Российской истории Николаем Ильинским. СПб., 1790. 327 с.). Все последующие ссылки на «Письмо...» Шишкова в тексте настоящей диссертации даются по изданию 1831 г.

¹⁰²⁰ Шишкова А.С. Письмо к издателю Русского вестника // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 261.

античным идеалам, таким «какие у Квинта Курция древние скифские послы говорят Александру Великому»¹⁰²¹.

В ноябре 1811 г. в Дерптском университете профессор русского языка и словесности А.С. Кайсаров прочитал «Речь о любви к Отечеству» (1811), тоже начав с греко-римских примеров «любви к отечеству»: «Мать древней Греции, идущему на защиту Отечества сыну, с тем же чувством произносит: на щите или со щитом! С каким умирающий Римлянин издыхает последние слова: сладко умереть за Отечество»¹⁰²². И только после упоминания античных греков и римлян Кайсаров обратился к отечественной исторической героике и добродетели – «любви к отечеству», последовательно упомянув Петра I, Гермогена, Филарета, Пожарского, Минина (упомянуты были также древние славяне, благодаря «любви к отечеству» победившие византийцев)¹⁰²³.

Памятник Минину и Пожарскому, установленный в Москве в 1818 г. по проекту И.П. Мартоса, закрепил греко-римские черты исторической памяти о Смутном времени¹⁰²⁴. Вышедшее по случаю открытия «Историческое описание монумента, воздвигнутого гражданину Минину и князю Пожарскому...» (1818 г.), открывалось уподоблением их греко-римским образам: «Избавители России – Минин и Пожарский – стоят на ряду с Кодрами, Леонидами, Дециями, Регулами в храме бессмертия»¹⁰²⁵. Интересно, что читатели «Русского вестника» С.Н. Глинки за 1808 г. (тогда же активно обсуждались проекты планируемого памятника), могли ознакомиться с анонимно опубликованным «Письмом к знаменитому художнику, о памятнике Пожарского и Минина», в котором автор письма возмущался – редкий случай (!) – греко-

¹⁰²¹ Шишкова А.С. Письмо к издателю Русского вестника // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 264.

¹⁰²² Кайсаров А.С. Речь о любви к Отечеству // Сын Отечества. 1813. № 27. С. 7–8.

¹⁰²³ Там же. С. 8.

¹⁰²⁴ Об истории создания памятника Минину и Пожарскому см.: Историческое описание монумента, воздвигнутого гражданину Минину и князю Пожарскому в столичном городе Москве : С присовокуплением именного списка особ, принесших денежные пожертвования во всех частях России на сооружение сего монумента. СПб., 1818. С. II–XXIX.

¹⁰²⁵ Историческое описание монумента, воздвигнутого гражданину Минину и князю Пожарскому в столичном городе Москве : С присовокуплением именного списка особ, принесших денежные пожертвования во всех частях России на сооружение сего монумента. СПб., 1818. С. I.

римским одежаниям (греко-римским образам Пожарского и Минина в целом), воплощенных в памятнике: «Для чего, например, вам уподоблять было одежды Пожарского и Минина, обоих Русских, и Греческим и Римским одеждам, по мнению об них Винкельманову¹⁰²⁶? Не отважнее ли... одеть русских героев в собственное свое платье, не имеющее ничего неприятного, ни странного; тем более что оно и ныне у нашего народа то же? <...> Для чего, из подражания тем же правилам, иль паче предрассудкам, не обути и Минина?»¹⁰²⁷.

Представленное выше «Письмо...» из «Русского вестника» раскрывает также представления российского общества начала XIX в. об истории Смуты: «...вмещаются [в памятнике] столь различные страсти и чувствования, что *обыкновенный зритель*, без знания истории, поэзии и изящных художеств, *ничего понимать не может* <...> особливо при изображении героев исторических, более древних и менее известных, нежели Петр Великий» (курсив мой – В.И.)¹⁰²⁸. Неудивительно, что, несмотря на прошлогодний успех трагедии М.В. Крюковского «Пожарский, или освобожденная Москва» (1807), ее историческое содержание приходилось пояснять для широкой публики. Так, в одной из номеров «Вестника Европы» за 1807 г. была опубликована статья «Об освобождении Москвы от поляков», разъяснявшая и пояснявшая суть отечественных исторических событий начала XVII в.¹⁰²⁹

Особое значение в разработке исторических сюжетов, связанных со Смутой, имела тираноборческая топика, опиравшаяся на различные глоссарии: от религиозно-библейского политического богословия¹⁰³⁰ до естественно-

¹⁰²⁶ Имеется в виду немецкий историк искусства, основоположник изучения античного искусства и археологии Иоганн Иоахим Винкельман (1717–1768).

¹⁰²⁷ Письмо к знаменитому художнику [И.П. Мартосу], о памятнике Минина и Пожарского // Русский вестник. 1808. Ч. 1. С. 272.

¹⁰²⁸ Письмо к знаменитому художнику [И.П. Мартосу], о памятнике Минина и Пожарского // Русский вестник. 1808. Ч.1. С. 268. Обращает на себя внимание также датировка этого анонимного письма от «октября 1807 г.» (см. Там же. С. 277), к тому времени «с громовым успехом» 22 мая 1807 г. была сыграна премьера трагедии М.В. Крюковского «Пожарский...». Подробнее см.: Зорин А.Л. Кормя двухглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой четверти XIX вв. М., 2001. С. 185.

¹⁰²⁹ Об освобождении Москвы от поляков // Вестник Европы. 1807. Ч.35. № 17. С. 34–54.

¹⁰³⁰ Brincat S. “Death to Tyrants”: The political philosophy of tyrannicide – Part I // Journal of International Political Theory. 2008. Vol. 4. P. 212–240.

правовых концепций антиабсолютистского толка¹⁰³¹. Тираноборческие риторики и манеры вести речь о тиранах в обоих случаях отталкивались от определенной нормы: божественного или естественного закона. Разные системы аргументации могли дополнять друг друга. Провиденциальный взгляд на власть трактовал злого государя как Божье наказание; в рамках глоссария форм правления тирания считалась «испорченным» вариантом монархии, рушащим «общее благо» (аристотелевский тиран думал только о собственных выгодах¹⁰³²); естественно-правовая теория исходила из того, что «насилие естества» с неизбежностью подразумевает право жертвы защитить себя от изверга. Не меньшим тираном мог считаться узурпатор, пришедший к власти насильственным путем или же пытавшийся захватить престол, не имея на то законных прав. Характерно и то, что во второй половине XVIII в. в качестве обвинений свергнутого правителя в тирании традиционно упоминали несколько сюжетов: религиозные притеснения (наступление на православную веру), предательство (измена государственным интересам, к примеру, объявление «бесполезной» войны) и «угнетение своих подданных»¹⁰³³. Часто тираноборческие риторики соприкасались с актуальными для современников событиями, будь то осмысление дворцовых переворотов или противостояние «законной» монархии Александра I тирании Наполеона.

Именно история античности снабжала мыслителей многочисленными примерами и аналогиями; наиболее распространенными в российской политической культуре данного периода были образы таких античных тиранов, как Нерон и Калигула, а круг тираноборцев, избавивших Отечество от тиранической напасти, включал имена Марка Брута (иногда Луция Брута (т.н. «Капитолийского Брута») – отца-основателя Римской республики), Гая

¹⁰³¹ См.: Киселев М. А. Обстоятельный манифест о восшествии Екатерины II на престол 1762 г.: авторство и идейные источники // Современная научная мысль. 2018. № 5. С. 48–64, 60.

¹⁰³² Ильин М. В. Слова и смыслы: Деспотия. Империя. Держава // Полис. Политические исследования. 1994. № 2. С. 117–130.

¹⁰³³ Именно такие формулировки (обвинения) были использованы против Петра III в Обстоятельном манифесте Екатерины II при восшествии на престол. Подробнее см.: Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 160–197.

Кассия и Марка Катона Младшего. Греко-римская образность, являвшаяся к началу XIX в. *locus communis* для отечественной политической культуры, усиливалась за счет ориентации отечественных авторов на французскую классицистическую драматургию XVII–XVIII вв., в центре которой чаще всего находился конфликт морального долга и внутренних чувств/желаний героев¹⁰³⁴. Использование подобных новаций позволило отечественным авторам рубежа XVIII–XIX вв. переосмыслить ряд исторических сюжетов и персоналий из истории Смуты. В схожем ключе в российской политической культуре XVIII в. – начала XIX вв. были переосмыслены сюжеты древней новгородской истории и произошло «изобретение» («открытие») Новгородской *республики*¹⁰³⁵. Однако, как справедливо отмечает М.Б. Велижев, обращения к истории Смутного времени в литературе конца XVIII – начале XIX вв. были более интенсивными, что связано с «символической значимостью начала царствующей династии, и наполнением провиденциальным смыслом параллели между 1612 г. и 1812 г.»¹⁰³⁶

События Смуты осмыслялись в политической культуре России XVIII – начала XIX вв. по аналогии с кризисом Римской республики. Таким образом, конструируя представления об отдельных исторических сюжетах Смуты, отечественные авторы конца XVIII – начала XIX вв. могли задействовать сразу несколько глоссариев: провиденциальный («религиозно-библейский»), форм правлений, античной (греко-римской) экземплификации, естественного права и тираноборческий. Последующий анализ их сочинений демонстрирует, насколько приведенные глоссарии могли быть взаимосвязаны друг с другом, так и использованы авторами независимо.

¹⁰³⁴ Хамаз Е. И. Время в зеркале жанра: французская драматургия XVI – первой трети XVII вв. М., 2012. 200 с.

¹⁰³⁵ Подробнее см.: Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. ... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 422–483.

¹⁰³⁶ Велижев М.Б. Республиканизм в общественной мысли России первой половины XIX в. // Res Publica Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века / под ред. К.А. Соловьев. М., 2021. С. 433–434.

§ 4.2. Василий Шуйский: проблема ограничения власти монарха и тираноборчества

На протяжении XVIII в. доминирующим сюжетом из истории Смутного времени, переосмысленном отечественными авторами в глоссарии формы правления выступал летописный сюжет XVII в. о крестоцеловальной записи («греховной записи») Василия Шуйского. Можно сказать, что переосмысление данного сюжета было связано с Политическим кризисом 1730 г.¹⁰³⁷ – так, архиепископ Феофан Прокопович интерпретировал «затейку» верховников именно с помощью аналогии с историей Шуйского¹⁰³⁸. Сходные идеи излагал В.Н. Татищев в «Истории Российской»¹⁰³⁹ и Екатерина II в «Антидоте»¹⁰⁴⁰. Зато в «Ядре российской истории» А.И. Манкиева 1715 г. (переизданное только за период с 1770-х до конца XVIII в. не менее 4 раз)¹⁰⁴¹, «Кратком российском летописце с родословием» (1760 г.) М.В. Ломоносова, «Краткой российской истории для народных училищ...» (1799 г.) Ф.И. Янковича де Мириево¹⁰⁴² и анонимной «Подробной летописи от начала России до Полтавской баталии» (1795–1799 гг.) сюжет с попыткой изменить форму правления в России отсутствовал.

¹⁰³⁷ Часть современных российских историков называет Политический кризис 1730 г. «конституционным» или проявлением «дворянского конституционализма», но как было продемонстрировано в первой главе, в настоящем исследовании разделяется точка зрения К.Д. Бугрова, что «дворянский конституционализм» – это лишь своеобразный троп. Тем не менее, см. противоположное мнение, например, Польской С.В. Внутрисловная стратификация дворянства и «Конституционное» движение 1730 года // Вестник СамГУ. 2011. № 1/2. С. 59–64.

¹⁰³⁸ Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. ... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 213–217.

¹⁰³⁹ Написана в 1730-е – 1740-е гг., опубликована впервые в 1768–1784 гг. Г. Ф. Миллером (кроме Пятой части, описывающей события с царствования Ивана III до смерти Федора Ивановича, найдена в 1843 г. М.П. Погодиным, опубликована в 1848 г. О.М. Бодянским). Подробнее см.: Бодянский О.М. Предисловие // История Российская с древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. М., 1843. Кн. 5. С. I–IX; Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 367–368.

¹⁰⁴⁰ Сочинение «Антидот» впервые было опубликовано анонимно на французском языке и предположительно принадлежит перу Екатерины II в качестве опровержения на рассуждения о России аббата Шаппа д'Отроша. Подробнее см.: Проскурина В. Ландшафт империи: «Антидот» Екатерины II против «Путешествия в Сибирь», или Границы европейской цивилизации [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/144_nlo_2_2017/article/12411/;

¹⁰⁴¹ Впервые опубликована Г.Ф. Миллером в 1770 г., с 1715 по 1770 гг. распространялась в рукописных списках. До конца XVIII в. была переиздана 4 раза (!). См.: Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. ... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 428.

¹⁰⁴² Янкович де Мириево Ф.И. Краткая российская история для народных училищ. СПб., 1799. С. 136–137.

Крупнейший российский интеллектуал второй половины XVIII в. М.М. Щербатов, мастерски владевший обоими глоссариями форм правлений (в аристотелевской и «расширенной» редакции Ш.–Л. Монтескье)¹⁰⁴³, с конца 1760-х – начале 1770-х гг. работал над изданием «Летописи о многих мятежах...» (издана в 1771 г.) – летописном памятнике середины XVII в.¹⁰⁴⁴ Этот памятник вскоре стал одним из основных исторических источников для его «Истории Российской...» (1791 г.), особенно в части, посвященной российским событиями конца XVI – начала XVII вв. Отталкиваясь от «Летописи о многих мятежах...» Щербатов¹⁰⁴⁵, по сути, вступал в заочную полемику с Татищевым и его тезисом об установлении в России аристократической формы правления по итогам крестоцеловальной записи Шуйского. Подвергнув критике сам факт существований какой-либо «записи» Шуйского, Щербатов предполагал, что монарх дал лишь «присягу», а не «запись»¹⁰⁴⁶. Замена понятий позволила автору заключить, что форма правления не менялась на аристократическую, оставшись монархией, т.к. «присяга» - писал Щербатов, не ограничивала власть монарха. Надо полагать, что в данном случае он исходил из констатации закрепленной за монархом неотъемлемой добродетели, в духе фенелоновской интерпретации власти монарха-суверена как исключительно «добродетельной» (непорочной) или, что вероятнее, существовавшего «фундаментального закона», выступившего естественным ограничением от деградации в тиранию или иную форму правления¹⁰⁴⁷. Именно в последнем варианте «присяга» Шуйского

¹⁰⁴³ Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 429.

¹⁰⁴⁴ Подробнее о «Летописи о многих мятежах...» и ее роли в российском монархизме середины XVII в. см.: Ляпин Д.А. «Летопись о многих мятежах» в контексте исторической памяти и самодержавной идеологии российского государства середины XVII в // Новое прошлое. 2016. №. 2. С. 164–172.

¹⁰⁴⁵ Скорее всего к переосмыслению М.М. Щербатовым сюжета «крестоцеловальной записи» подтолкнул один из фрагментов «Летописи...», в которой от «записи» Шуйского отговаривали «бояре и всякие люди», именно по той причине, что «раннее в Московском государстве того не велось. Он [Шуйский] же никого не послуша и оцелова крест на том всем» (курсив мой – В.И.) (См. Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен... / под ред. М.М. Щербатова. СПб., 1771. С. 105).

¹⁰⁴⁶ Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Т. VII. Ч. II–III. СПб., 1791. С. 132.

¹⁰⁴⁷ Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 298–299.

рассматривалась Щербатовым как взаимный ответ на такую же «присягу» монарху российских подданных.

Фигура «несчастливого монарха» Шуйского выступала для Щербатова историческим примером идеального монархического правления, монарх-тираноборца, победившего Лжедмитрия I («самозванца, тирана и разорителя веры»¹⁰⁴⁸). Это подтверждает и попытка Щербатова связать изменение формы правления не с деятельностью Василия Шуйского, а с Лжедмитрием I, в частности с созданием им «Большого совета» (Щербатов, впрочем, сомневался в существовании такого государственного органа). Допуска в конечном счете существование «Большого совета», он связал его появлением с подражанием Лжедмитрия I «Польскому установлению сената [формы правления]»; саму же Речь Посполитую Щербатов однозначно идентифицировал как республику¹⁰⁴⁹. В своих представлениях на политическую фигуру Василия Шуйского Щербатов он не был одинок. В «Краткой российской истории, для употребления юношества...» (1800 г.) М.Ф. Берлинского повествование о начале царствования Шуйского также открывалось с описания героической роли князя, под чьим руководством был свергнут Лжедмитрий I: «Василий Иванович Шуйский, главнейший виновник избавления России от самозванца по всеобщему всего народа и бояр согласию возведен Патриархом на престол»¹⁰⁵⁰.

Итак, к концу XVIII в. в российской историописательной мысли распространилось, как минимум, два подхода к переосмыслению сюжета записи Шуйского в глоссарии форм правлений. Условно их можно разделить по фамилиям авторов: татищевская (наиболее распространенная версия В.Н. Татищева¹⁰⁵¹) и щербатовская (М.М. Щербатова). Важно подчеркнуть, что

¹⁰⁴⁸ Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Т. VII. Ч. II–III. СПб., 1791. С. 418.

¹⁰⁴⁹ Там же. С. 34, 418.

¹⁰⁵⁰ Берлинский М.Ф. Краткая российская история: для употребления юношества, начинающему обучаться истории: Продолженная до исхода XVIII столетия. М., 1800. С. 83–84.

¹⁰⁵¹ Ее же дословно воспроизводил И.Н. Болтин в «Примечаниях на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» (1788 г.), рассуждая о преимуществах монархической формы правления над аристократической, начиная, что важно, с Политического кризиса 1730 г., приходя к выводу, что «Сии примеры довольно были убедительны для российского дворянства предпочесть правление монархическое аристократическому» (См. Болтин И. Н. Примечания на Историю древней и нынешней России Г. Леклерка : в 2 т. СПб., 1788. Т. 2. С. 475–476). А вот уже историк И.И. Голиков в одной из частей своего многотомного сочинения «Дополнений к деяниям

к этому времени в российской политической культуре к распространенному глоссарию форм правлений Аристотеля добавился менее распространенный глоссарий форм правлений Ш.–Л. Монтескье¹⁰⁵². Впрочем, его адаптация в отечественной общественно-политической мысли второй половины XVIII в. радикально не изменила общей направленности в интерпретации данного сюжета, отталкиваясь от глоссария форм правлений.

Одним из главных русскоязычных «бестселлеров» конца XVIII – начала XIX вв. были многотомные историописательные сочинения И.И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» (1788–1789 гг.), а также «Дополнения к деяниям Петра Великого» (1790–1797 гг.), посвященные истории допетровской Руси. Цикл его сочинений суммировал отечественные историописательные наработки по истории России за весь XVIII в. Первые два тома «Дополнений...» полностью были посвящены событиями Смутного времени, а в своем переосмыслении сюжета записи Шуйского он объединил обе версии интерпретации событий: татищевскую и щербатовскую.

Отталкиваясь от «Ядра российской истории» Манкиева и «Летописи о многих мятежах...» в трактовке «присяги» Шуйского, Голиков отмечал, что «присяга» ограничивала власть монарха и «не полюбились боярам и народу», призывавших избранного царя «толь нового *рода правления* [формы правления] не вводить» (курсив мой – В.И.), но он их не послушал и «крест целовал»¹⁰⁵³. В то же время, Голиков не видел в татищевской версии каких-либо разночтения для собственной интерпретации, оговорив, что ограничения власти монарха желала лишь часть бояр-заговорщиков, принудившая князя принять «присягу»¹⁰⁵⁴. Бывшие же во время коронации бояре и народ «ничего

Петра Великого» дословно цитировал И.Н. Болтина, доказывая, что монархическая форма правления была наиболее подходящей для России, нежели аристократическая (См. Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого: в 18-и т. М., 1790. Т. 3. С. 513–514).

¹⁰⁵² Об их различиях см. в предыдущих главах.

¹⁰⁵³ Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого: в 18-и т. М., 1790. Т. 3. С. 299.

¹⁰⁵⁴ Там же. С. 299.

о сем наведавшие, не соглашались на оные» и отговаривали монарха от дачи «присяги»¹⁰⁵⁵.

Суммировав обе трактовки, Голиков пришел к выводу, что в результате «присяги» в правление Шуйского установилась *смешанная форма правления*, при которой он разделил свою власть с узким кругом вельмож («советом царским»); установленная форма правления имела черты аристократической и монархической. Согласно голиковской интерпретации Шуйский оказался «несчастливым» *заложником* уже имевшихся до его вступления на престол кризисов, которые он был не в силах решить именно по причине слабости («ограниченности») собственной монаршей власти¹⁰⁵⁶. Как и в щербатовском варианте, после «низложения несчастного» монарха Шуйского – писал Голиков, в России установилось «яко не бывалое никогда в России» «правительство боярское» («сущей аристократии [аристократической формы правления]»), ставшее причиной множества негативных последствий для государства: «...взящего бедствия, волнений, мятежей и кровопролития, а потому и не могло оно долго устоять»¹⁰⁵⁷. Этот негативный опыт «ограничения» власти монарха в России с последующим установлением аристократического правления, согласно Голикову, был усвоен российским боярством, а потому: «никаких уже не предписали они [бояре] границ» Михаилу Романову, выбрав самодержавие¹⁰⁵⁸. Представленные исторический урок подводил российского читателя голиковских сочинений к закономерному выводу, что монархическая форма правления являлась наиболее подходящей для России, а российские подданные «самоизвольно пожертвовали мнимой вольностью участвовать в правлении монаршей власти» (курсив мой – В.И.)¹⁰⁵⁹.

Итак, к концу XVIII – начала XIX вв. традиционный летописный сюжет «записи» Шуйского был радикально переосмыслен отечественными авторами

¹⁰⁵⁵ Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого: в 18-и т. М., 1790. Т. 3. 299–300.

¹⁰⁵⁶ Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого: в 18-и т. М., 1790. Т. 1. С. 318–319.

¹⁰⁵⁷ Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого: в 18-и т. М., 1790. Т. 1. С. 440; Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого: в 18-и т. М., 1790. Т. 2. С. 3, 450.

¹⁰⁵⁸ Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого: в 18-и т. М., 1790. Т. 3. С. 515.

¹⁰⁵⁹ Там же. С. 513.

в глоссарии форм правлений. Так, «запись» («присяга») служила для авторов XVIII в. индикатором изменения формы правления, по их мнению, на «неподходящую» для России и ведущую к негативным последствиям для государства и, как доказывал исторический пример политической биографии Шуйского, самого монарха¹⁰⁶⁰. Важно подчеркнуть, что именно голиковская интерпретация «записи» («присяги») Шуйского стала наиболее известной в российской интеллектуальной традиции конца XVIII – начала XIX вв.¹⁰⁶¹

Возвращение Александра I и М.М. Сперанского к конституционным реформам 1807–1812 гг. актуализировали проанализированную выше интерпретацию «записи» Шуйского в категориях форм правления. Так, в «Записке о древней и новой России» Карамзин, критикуя реформаторские планы монарха, обращался к эпохе Лжедмитрия I: «Наши монархические учреждения XV и XVI века приняли иной образ: малочисленная Дума Боярская, служив прежде единственно Царским советом, обратилась в шумный сонм ста правителей, мирских и духовных, коим беспечный и ленивый Димитрий вверил внутренние дела государственные»¹⁰⁶². Этот «шумный сонм» вскоре был свергнут Шуйским, получившим в награду «скипетр от Думы Боярской и торжественно изменив самодержавию, присягнув без ее согласия, не казнить никого, не отнимать имений и не объявлять войны»¹⁰⁶³. Из-за недалёковидности и уступчивости Шуйского – продолжал Карамзин, к власти пришла «многоглавая гидра аристократии», создавшая угрозу самой российской государственности: «Правительство рушилось. Государство погибало»¹⁰⁶⁴. Помимо истории о Смуте Карамзин

¹⁰⁶⁰ За исключением М.М. Щербатова, который совершенно иначе интерпретировал «присягу» Шуйского.

¹⁰⁶¹ В частности, И.В. Нехачин – автор не менее популярного в начале XIX в. «Нового ядра российской истории» (впервые издано в 1795 г., второе издание в 1809 г.) также способствовал ее популяризации, дословно используя текст из «Дополнений...» Голикова в описании истории правления Василия Шуйского и междуцарствия 1610–1613 гг. (см. Нехачин И.В. Новое ядро российской истории. М., 1809. С. 198–201, 227–229).

¹⁰⁶² Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 26.

¹⁰⁶³ Там же. С. 27.

¹⁰⁶⁴ Там же. С. 28.

упоминал ряд исторических примеров: раздробленность Руси и политический кризис 1730 г.¹⁰⁶⁵

Исследователь М.Б. Велижев обращает особое внимание на события марта 1811 г., т. н. «тверского чтения» отрывков из «Истории государства Российского» Карамзиным Александру I: «К счастью, мы знаем, какие именно сюжеты легли в основу карамзинского [тверского] чтения»¹⁰⁶⁶. М.Б. Велижев ссылается на предисловие Карамзина, данное им в первом томе «Истории государства Российского»: «...читал Вам [Александру I], Государь, некоторые главы сей Истории – об ужасах Батыева нашествия, о подвиге героя, Дмитрия Донского»¹⁰⁶⁷. По мнению исследователя, «тверское чтение» перекликалось с внешнеполитическим вектором России марта 1811 г. – подготовкой к новому столкновению с Наполеоном. Оно же иллюстрировало «идеологическую схему» грядущего столкновения, подводя Александра I к мысли, что залогом победы в войне, «окажется способность монарха консолидировать власть внутри страны, точнее, укрепить самодержавную, единовластную модель правления»¹⁰⁶⁸. Но предложенная схема, кажется, нуждается в корректировке, поскольку она лишь косвенно перекликается с контекстом начатых годом ранее «конституционных» реформ Александра I и Сперанского.

Как уже отмечалось, заказчиком «Записки...» выступила Екатерина Павловна. Она же на протяжении 1810 г. – начале 1811 г. активно обсуждала с Карамзиным проводившиеся реформы Сперанского, сходясь с историографом в негативных оценках¹⁰⁶⁹. Эти оценки, как известно, были изложены во второй части «Записки...», посвященной внутренней политике Александра I. Сам же М.Б. Велижев подчеркивает, что исторический сюжет с Дмитрием Донским не

¹⁰⁶⁵ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 18–20, 37–38.

¹⁰⁶⁶ Велижев М.Б. Политик поневоле? Историограф, монарх и публичная сфера в России начала XIX века [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2018. № 3. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/151/article/19757/

¹⁰⁶⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. 1. С. V–VI.

¹⁰⁶⁸ Велижев М.Б. Политик поневоле? Историограф, монарх и публичная сфера в России начала XIX века [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2018. № 3. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/151/article/19757/

¹⁰⁶⁹ См. например: Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 153–155.

играл существенной роли в записке, но сохранял логику связи *военных успехов* и *единоначалия*¹⁰⁷⁰. Почему же Александру I необходимо было напоминать о героическом подвиге Дм. Донского в марте 1811 г.? Этот сюжет был, как минимум хорошо ему известен из курса истории, прочитанном юным Александру и Константину Павловичам М.Н. Муравьевым¹⁰⁷¹.

Надо полагать, что историческая аргументация на примере героики Дм. Донского и его победы над Батыем, дополнялась еще более мощным сюжетом крестоцеловальной записи Шуйского, интерпретированного в «Записке...» в глоссарии форм правлений. Именно она иллюстрировала *добровольное*, согласно Карамзину, ограничение власти монарха и негативные последствия такого жеста. Это давало Карамзину и Екатерине Павловне необходимую историческую параллель с реформами Александра I и Сперанского (по сути, тем же *добровольным перераспределением власти* монарха). Более того: в «Записке...» сюжет с «полумонархом» Шуйским и «гидрой аристократии» планомерно подводил к одному из основных тезисов о богоизбранности российской монархии, подчеркивая связь между Михаилом Романовым и Александром I. Показательно, что данный сюжет заканчивался ключевым пассажем об утверждении в России монархии, что все «...единогласно, единодушно наименовали Михаила самодержцем; монархом неограниченным <...> взывали только: Бог и Государь!»¹⁰⁷². Таким образом, сюжет с «записью» Шуйского в «Записке...» приводился как один из основных исторических аргументов, косвенно отсылавших к проводимым реформам. На эту же роль не мог претендовать, к примеру, политический кризис 1730 г., т.к. инициатором ограничения власти монарха выступили придворные, а не сам монарх.

¹⁰⁷⁰ Велижев М.Б. Политик поневоле? Историограф, монарх и публичная сфера в России начала XIX века [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2018. № 3. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/151/article/19757/

¹⁰⁷¹ Ивинский А.Д. Екатерина II, М.Н. Муравьев и Карамзин: к вопросу о контекстах "истории государства Российского" // Литературоведческий журнал. 2017. № 40. С. 154–156.

¹⁰⁷² Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 29.

У Шишкова в «Рассуждении о любви к Отечеству» (1811) также присутствовали сюжеты из истории Смутного времени, хотя он и не упоминал эпизод с присягой Шуйского. Шишков описывал события начала XVII в. так: «Россия без главы; нет в ней Царя; вельможи все вкуче разделены, а каждый порознь слаб и маловластен; народ мятется, унывает, страждет, не зная, что делать и кому повиноваться: так на море корабль без кормила и якоря не ведает куда идти и где остановиться»¹⁰⁷³.

За год до появления программного «Рассуждения о любви к Отечеству» к событиям Смутного времени обращался близкий к кругу Шишкова – Державина П.Ю. Львов в историческом трактате «Пожарский и Минин, Спасители Отечества» (1810 г.). Львов придерживался историописательной традиции конца XVIII в., связывая начало Смуты с воцарением тирана Лжедмитрия I, против которого выступил тираноборец Василий Шуйский¹⁰⁷⁴. Согласно Львову, после свержения Шуйского с российского престола «частью вельмож, зараженных зловещим ядом самочинства и корыстолюбия», в государстве установилась «неслыханная в России власть седмибоярства»¹⁰⁷⁵. Изменение формы правления на неподходящую для России аристократию создало угрозу для государства. Львов наставлял: «Да видит потомство, что в тех странах бывает, где вознесутся превыше себя, где усилятся вельможи лукавые, бояре высокомерные, царедворцы корыстолюбивые, сановники престолу и земле своей неверные»¹⁰⁷⁶.

К сюжету «записи» («присяги») Шуйского обращался С.Н. Глинка в «Русской истории, в пользу воспитания» (впервые опубликована в 1817–1818 гг.

¹⁰⁷³ Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству. СПб., 1811. С. 19. Упоминаемое им сравнение государства с кораблем, носящимся по морю, не было просто фигурой речи “старого адмирала” – это сравнение восходит к «Правде волей монаршей» Феофана Прокоповича. Эту же сравнение государства с кораблем использовал Голиков в своем «Дополнении...», характеризуя разрушенное государство, доставшееся Михаилу Романову, а за год до речи Шишкова, близкий к кругу Шишкова-Державина, П.Ю. Львов в своем сочинении «Пожарский и Минин, Спасители Отечества» (1810 г.) писал следующее: «Все царство в смятении; без Царя, без заступников; как корабль без шегл, без кормчего, носящийся по треволненному морю, оставлен на произвол превратных ветров. И служит им игралищем». См.: Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого: в 18-и т. М., 1790. Т. 3. С. 389–390; Львов П.Ю. Пожарской и Минин, спасители Отечества. СПб., 1810. С. 73.

¹⁰⁷⁴ Львов П. Ю. Пожарской и Минин, спасители Отечества. СПб., 1810. С. 45.

¹⁰⁷⁵ Там же. С. 60–61.

¹⁰⁷⁶ Там же. С. 61, 64–65.

на страницах «Русского вестника»¹⁰⁷⁷. Основой описания исторических событий у Глинки, как и в «Истории» Карамзина, выступили провиденциализм и телеологичность монархического правления в России. Глинка прекрасно был знаком с современными историческими сочинениями конца XVIII – начала XIX вв.¹⁰⁷⁸. Согласно Глинке, Василия Шуйского нарекли царем «несколько придворных бояр <...> не сносясь о том ни с боярами, ни с народом»¹⁰⁷⁹. Инициатором «записи» выступал сам Шуйским «подобно Борису Годунову, нарушая древние обычаи», присутствовавшие при «записи» народ и бояре отговаривала его, т.к. «сего не было никогда в земле Русской»¹⁰⁸⁰.

Итак, к началу XIX в. российский образованный подданный, выступая против ограничения власти монарха (изменения формы правления), мог обратиться к трем сюжетам из отечественной истории, переосмысленных ранее в глоссарии форм правлений: раздробленности Руси, «записи» Шуйского (близких к нему правления Лжедмитрия I и междуцарствия 1610–1613 гг.) и политического кризиса 1730 г. К началу XIX в., переосмысленный в глоссарии форм правлений сюжет «записи» («присяги») Шуйского, стал достаточно сложным и запутанным историческим аргументом для российской интеллектуальной элиты. Можно сказать, что эта ситуация отразилась и в том, что часть российских авторов конца XVIII – начала XIX вв. попросту не упоминала «запись» («присягу») Шуйского или не связывала ее с изменением формы правления. К тому же данный сюжет совершенно не нашел места в отечественной драматургии ни второй половины XVIII в., ни начала XIX в., а потому – оставался малоизвестен для широкой публики. И все же параллельно процессу переосмысления «записи» («присяги») Шуйского в глоссарии форм правлений, наиболее активно во второй половине XVIII в. развивался иной глоссарий – тираноборческий, в котором Шуйский выступал тираноборцем.

¹⁰⁷⁷ Лупарева Н.Н. «Отечестволубец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж, 2012. С. 145–148.

¹⁰⁷⁸ См. Володина Т.А. Русская история С.Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в. // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 147–161.

¹⁰⁷⁹ Глинка С.Н. Русская история. М., 1823. Ч. 5. С. 81.

¹⁰⁸⁰ Там же. С. 82–83.

В российской политической культуре второй половины XVIII в. за счет тираноборческого глоссария был радикально переосмыслен исторический сюжет свержения Лжедмитрия I (Димитрия Самозванца, Расстриги) – одной из главных отрицательных фигур цикла отечественных сочинений XVII в.¹⁰⁸¹, ставший в тираноборческом глоссарии второй половины XVIII в. олицетворением тирании. Шуйский, напротив, выступал в рамках данного глоссария в роли героя-тираноборца («спасителя отечества», «народного вождя»). Первенство в переосмыслении истории о Смуты в тираноборческих категориях принадлежало А.П. Сумарокову – автору пьесы «Димитрий Самозванец» (1771 г.)¹⁰⁸², которая пользовалась широкой популярностью на протяжении второй половины XVIII – начала XIX вв.¹⁰⁸³ Исторической основой сюжета выступил последний день царствования Лжедмитрия I, когда он был свергнут с престола Василием Шуйским. Тираноборческий конфликт сопровождался еще одной сюжетной линией: Димитрий покушался на чужую невесту, дочь Шуйского Ксению¹⁰⁸⁴, принуждая ее стать ему супругой.

¹⁰⁸¹ См. например Лазуткина М.Г. Формирование художественного образа самозванца Лжедмитрия I в русской литературе XVII–XIX вв. дисс. ... канд. филолог. наук : 07.00.01. М., 2003. С. 14–34.

¹⁰⁸² При подготовке к написанию «Димитрия...» он состоял в тесной переписке с Г.Ф. Миллером по вопросам исторических источников к своему сочинению. Ю.В. Стенник небезосновательно упоминает, что при работе над «Димитрием...» А.П. Сумароков использовал «многочисленные исторические источники, в частности анонимную рукописную «Повесть како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов...» (1606), а также материалы, которые предоставили в его распоряжение академик Г.-Ф. Миллер и князь М. М. Щербатов, готовивший в эти годы «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятностей...» (СПб., 1771). Не исключено, что в поле зрения драматурга могло быть необычайно популярное в XVII веке сочинение келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына «Сказание, или История в память предыдущим родам» (1620), более известное под названием «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря», а также мемуары Ж. Маржере, французского капитана, служившего в России в период правления Бориса Годунова и при Самозванце: «Состояние Российской империи и великого княжества Московии» (Париж, 1607), позднее переиздававшегося. Подробнее см.: Стенник Ю.В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-политической мысли XVIII – начала XIX вв. СПб., 2004. С. 102–103; Стенник Ю.В. Сумароков-историк // XVIII век. 1996. Т. 20. С. 23–45.

¹⁰⁸³ Как отмечает современный исследователь В.В. Ткаченко, во второй половине XVIII в. «Димитрий...» А.П. Сумарокова игрался на сценах Москвы и Петербурга более 40 раз, а солдаты знали ее наизусть из-за того, что трагедия регулярно исполнялась полковыми театрами. См.: Ткаченко В.В. Допетровская Русь в исторической памяти XVIII века. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва, 2020. С. 123; Стенник Ю.В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-политической мысли XVIII – начала XIX вв. СПб., 2004. С. 102–105.

¹⁰⁸⁴ Очевидно, что прообразом Ксении Шуйской послужила Ксения Годунова, дочь Бориса Годунова, вероятно бывшей наложницей Лжедмитрия I, а после – насильно постриженная в монашество по его указу.

Сумароков намеренно изобразил образ Дмитрия как нарочито гротескного тирана, заявляющего, кроме прочего, что «богат быть должен царь, а государство бедно»¹⁰⁸⁵. Шуйский же представал в образе главы «народного восстания» (героем-тираноборцем).

Весьма показательное самоубийство Дмитрия и его последняя реплика перед смертью: «Ступай, душа, во ад и буди вечно пленна! // Ах, если бы со мной погибла вся вселенна!»¹⁰⁸⁶ – это отсылало современников к греко-римской традиции, смерть Дмитрия художественно повторяла кончину римского императора Нерона, приказавшего своему слуге заколоть себя кинжалом.

«Дмитрий...» Сумарокова содержал также дидактическую функцию, представленную в глоссарии форм правлений, наиболее ярко раскрытый в тираде одного из героев трагедии – Георгия:

Самодержавие – России лучша доля.
Мне думается, где самодержавства нет,
Что любочестие, теснимо, там падет ...

<...>

Коль нет монарха в ней [государстве], власть – тяжкие оковы.

Несчастлива та страна, где множество вельмож:

<...>

Благополучна нам монаршеска держава,
Когда не бременна народу царска слава...¹⁰⁸⁷

Какими же качествами должен был обладать добродетельный монарх? Сумароков вкладывал эту мысль в уста Ксении Шуйской, что монарх должен не нарушать законные свободы и судить по законам¹⁰⁸⁸:

¹⁰⁸⁵ Сумароков А.П. Дмитрий Самозванец // А. П. Сумароков. Избранные произведения. Л., 1957. С. 449.

¹⁰⁸⁶ Там же. С. 469.

¹⁰⁸⁷ Там же. С. 450.

¹⁰⁸⁸ Дискуссионной проблемой в историографии остаются причины обращения Сумарокова к данному историческому сюжету и наличием обширных дидактических элементов. Так, филолог Ю.В. Стенник связывал их с актуальными для современников событиями конца 1760-х – начала 1770-х гг., с проявлением антирусских настроений в Речи Посполитой (образование Барской конфедерации) и «ожиданием» Сумароковым ее Первого раздела в 1772 г. или же с его возможной реакцией на «Наказ» Екатерины II (1767 г.)

Блажен на свете тот порфиноносный муж [монарх],
 Который не теснит свободы наших душ,
 Кто пользой общества себя превозвышает
 И снисхождением сан царский украшает,
 Даруя подданным благополучны дни,
 Страшатся коего злодеи лишь одни¹⁰⁸⁹.

Сумароковский «Димитрий Самозванец» воспринимался российской образованной публикой конца XVIII – начала XIX вв. как неоднозначный греко-римский тираноборческий сюжет. К этому отсылает похвальное слово Сумарокову российского литератора А.Н. Грузинцева, опубликованное в 1803 г. Грузинцев подробно остановился на проблеме восприятия «Димитрия...» отечественной публикой начала XIX в. и заложенных в нем дидактических идей: «Сия Трагедия больше всех играна, и каждый раз сопровождается рукоплесканиями. Важность интриги много ее поддерживает; ибо *заговор Вельмож против тирана важнее*, чем разговор двух любовников. Роль Димитрия пламенна: в нем зрится злодей в высочайшей степени»¹⁰⁹⁰. Другой литературный критик А.Ф. Мерзляков в своей рецензии на страницах «Вестника Европы» за 1817 г. подчеркивал важность выбранного Сумароковым исторического сюжета, в котором произошел «переход от несчастного положения России к самому счастливейшему, низвержение злого тирана [Лжедмитрия I], которого память проклинается и церковью, и обществом»¹⁰⁹¹. Не упоминая о греко-римской образности, воплощенной в

(См. Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-политической мысли XVIII – начала XIX вв. СПб., 2004. С. 103, 105–106. В случае с возможной реакцией «Димитрия...» Сумарокова на «Наказ» Екатерины II, Ю.В. Стенник, похоже отталкивался от тезиса Г.А. Гуковского о «дворянской фронде» в литературе 1750-х – 1760-х гг., т.н. «панинской партии», в которую входил Сумароков. Подробнее см.: Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-х – 1760-х годов. М.; Л, 1936. С. 153–154). А вот современная исследовательница В.В. Ткаченко связывает появление «Димитрия...» именно с дворцовым переворотом 1762 г., часть реплик героя трагедии – Пармена, бывшего помощником Димитрия, но перешедшего на сторону Шуйского. Пармен – пишет В.В. Ткаченко, почти открыто говорит в пользу «правления Императрицы-немки [Екатерины II]» и иллюстрируют, что право монарха на престол «определялось делами», а не родством с прежней династией (См. Ткаченко В.В. Допетровская Русь в исторической памяти XVIII века. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва, 2020. С. 122).

¹⁰⁸⁹ Сумароков А.П. Димитрий Самозванец // А.П. Сумароков. Избранные произведения. Л., 1957. С. 437.

¹⁰⁹⁰ Грузинцев А.Н. Похвала господину Сумарокову // Новости русской литературы. 1803. Ч. VII. С. 340–341.

¹⁰⁹¹ Мерзляков А.Ф. Сумароков (окончание) // Вестник Европы. 1817. Ч. 94. № 14. С. 113.

трагедии, Мерзляков иронично и раздосадовано констатировал, что весь сюжет «Димитрия...» сводился к тому, как «тиран [Лжедмитрий I] сердился, бранился и с досады наконец убил себя»¹⁰⁹².

Грузинцев в рецензии вступил в заочные дебаты с Сумароковым вокруг исторического прочтения образа Лжедмитрия I, который, со слов рецензента, был «тонким политиком и имел ум просвещенный», скрывая «...под личиною смирения <...> гордый дух и властолюбивое сердце <...> хитростью и терпением достиг престола»¹⁰⁹³. Грузинцев даже увидел в действиях Лжедмитрия I параллели с античной историей, сравнив цели принятия им католичества с действиями Константина Великого: «Димитрия заставила та же политика быть католиком, которая и Константина принудила принять христианскую веру»¹⁰⁹⁴. Разница между ними, согласно Грузинцеву, была в том, что Константин «в своем предприятии преуспел», а Димитрий (Лжедмитрий I) – нет¹⁰⁹⁵. Несмотря на попытки Сумарокова представить Шуйского «Брутом, или Кассием» – писал автор, он был изображен «слабым, придворным Вельможей», представ в трагедии «крайне униженным»¹⁰⁹⁶.

В заключительной части рецензии «Димитрия...», Грузинцев подробно размышлял о причинах, которые могли бы послужить легитимации восстания против тирана, среди которых отметил: желание «переменить веру» (притеснение веры), предательство (переход к полякам) и «угнетение своих подданных»¹⁰⁹⁷. Нужно подчеркнуть, что приведенные им черты «законного» восстания против тирании, по сути, изображали дворцовый переворот в пользу Шуйского и не выходили за уже разработанную к концу XVIII в. легитимацию дворцовых переворотов, к примеру, в пользу Екатерины II. Одним из главных обвинений в адрес Петра III в Обстоятельном манифесте Екатерины II были названы, прежде всего, его наступление на православную веру, предательство

¹⁰⁹² Мерзляков А.Ф. Сумароков (окончание) // Вестник Европы. 1817. Ч. 94. № 14. С. 115.

¹⁰⁹³ Грузинцев А.Н. Похвала господину Сумарокову // Новости русской литературы. 1803. Ч. VII. С. 341.

¹⁰⁹⁴ Там же. С. 342.

¹⁰⁹⁵ Там же. С. 342.

¹⁰⁹⁶ Там же. С. 343–344.

¹⁰⁹⁷ Там же. С. 344.

(заключение мира с Пруссией и объявление «бесполезной» для России войны Дании), а также «угнетение» своих подданных¹⁰⁹⁸.

В российской интеллектуальной традиции конца XVIII – начала XIX вв. особняком стоит драматургическое творчество В.Т. Нарезного. Он выступил своеобразным новатором и одним из первых адаптировал на русском языке жанр шиллеровской (немецкой) драматургии¹⁰⁹⁹. Особенностью такого подхода были пространная проза с включением в сюжет множества действующих лиц; ориентация на чтение (т.н. роман-трагедия), а не представление на сцене¹¹⁰⁰. В 1800 г.¹¹⁰¹, будучи студентом Московского университета, Нарезный написал трагедию «Димитрий Самозванец» (опубликована в 1804 г., впервые и единожды поставлена на сцене в 1809 г.¹¹⁰²), основанную, как и некогда у Сумарокова, на историческом сюжете противостояния Лжедмитрия I и Василия Шуйского. У Нарезного, впрочем, дидактика была представлена лишь краткими упоминаниями каким государь (монарх) не должен быть, к примеру: «Горе Государю, которого боятся, а не любят!»¹¹⁰³, что отсылало читателя к деградированной форме монархии – тирании (деспотии).

¹⁰⁹⁸ Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. ... док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 160–197.

¹⁰⁹⁹ Подробнее о влиянии Ф. Шиллера на раннее творчество В.Т. Нарезного см.: Степанова Н.Л. Вступительная статья // Избранные сочинения: В.Т. Нарезный. М., 1956. Т. 1. С. 8–10; Лазуткина М.Г. Формирование художественного образа самозванца Лжедмитрия I в русской литературе XVII–XIX вв. дисс. ... канд. филолог. наук. М., 2003. С. 50–53.

¹¹⁰⁰ Новаторский подход В.Т. Нарезного к написанию драматургических произведений встретил недоумение среди современников, прежде всего, отразившийся в критике самого подхода использования прозы, а не стихосложения в трагедии, а также включения множества действующих лиц. Так, в опубликованной анонимно рецензии на «Димитрия Самозванца» под авторством Нарезного, рецензент приходил к выводу: «Вообще видно, что, если Г[осподин]. Нарезный забудет расположение немецких трагедий <...> выбросит все лишние разговоры, а оставит необходимые для главного содержания, поправит слог и реже будет говорить о дьяволах и сатанах, то напишет прекрасную трагедию». см. Рецензия. Письмо неизвестного // Северный вестник. 1804. Ч.4. № 11. С. 148.

¹¹⁰¹ О дате написания «Димитрия...» существуют разночтения. Большинство исследователей, указывает дату написания «Димитрия...» Нарезным 1800 г., скорее всего, взятой из опубликованного в 1804 г. варианта «Димитрия...» Нарезного, в котором на титульном листе самим автором указано следующее: «Сочинение Василия Нарезного 1800 г.» (См. Лазуткина М.Г. Формирование художественного образа самозванца Лжедмитрия I в русской литературе XVII–XIX вв. дисс. канд. филолог. наук. М., 2003. С. 45.). Советский филолог Н.Л. Степанова, без ссылки на какой-либо источник, датирует написание «Димитрия...» Нарезным – 1801 г. (см. Степанова Н.Л. Вступительная статья // Избранные сочинения: В.Т. Нарезный. М., 1956. Т.1. С. 8).

¹¹⁰² Трагедия была воспринята зрителями как сырая и крайне неудачная. Все же шиллеровские трагедии предназначались для чтения, а не для сцены. См. Лазуткина М.Г. Формирование художественного образа самозванца Лжедмитрия I в русской литературе XVII–XIX вв. дисс. ... канд. филолог. наук. М., 2003. С. 46.

¹¹⁰³ Нарезный В.Т. Димитрий Самозванец. Трагедия в пяти действиях. М., 1804. С. 26.

Новаторский характер «Димитрия...» Нарезного не ограничивался адаптацией шиллеровского подхода к написанию драматургии, ключевая новация обнаруживаются совершенно в другом – переосмыслении автором тираноборческих сюжетов. В «Димитрии...» представлены два прообраза античных тираноборцев, противостоящих Димитрию (Лжедмитрию I) совершенно разными методами. Во-первых, тираноборцем предстает персонаж трагедии, «наперсник» царя Петр Басманов¹¹⁰⁴, манипулятор и заговорщик, желающий свергнуть тирана и занять престол. Басманов признавался, что именно он посадил на престол Димитрия и сделал его тираном: «Дух его [Димитрия] усыплен мною [Басмановым]; строгая его деятельность ослеплена; – его мужество – душевная твердость – растленны, – все это сделал я – вышедши Кесаря из сената, – посадил Гелиогабала в собрании прелюбодейниц»¹¹⁰⁵. Прообразом Басманова послужила биография тираноборца-заговорщика Марка Брута. Это подтверждает вымышленная биография Басманова, который признается: «Я родился в бедности. Отец мой не имел ни великих титулов, ни огромных замков...»¹¹⁰⁶, что отсылало читателя к плебейскому происхождению Марка Брута. В отличие от своего античного прототипа, Басманов в последний момент передумывает убивать Димитрия *кинжалом*, решив отравить его «смертельным ядом», но примечательна сама реплика: «...Бруты и Катоны, вы знаменитые полубоги баснословия! Ужели мне идти по следам вашим? <...> вооружить руку кинжалом, явно развесит знамена бунта! – Нет, иначе должен поступить...»¹¹⁰⁷. Конечно, негативное изображение тираноборческих образов не было новшеством в российской политической культуре XVIII – начала XIX вв.¹¹⁰⁸

А вот Шуйский Нарезного представлял собой совершенно другой образ героя-тираноборца. Он не тайный заговорщик как Басманов-Брут; напротив,

¹¹⁰⁴ Прототипом послужил Петр Федорович Басманов, перешедший на сторону Лжедмитрия I.

¹¹⁰⁵ Нарезный В.Т. Димитрий Самозванец. Трагедия в пяти действиях. М., 1804. С. 182–183.

¹¹⁰⁶ Там же. С. 108.

¹¹⁰⁷ Там же. С. 148.

¹¹⁰⁸ См.: Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 425.

автор изобразил его античным тираноборцем-республиканцем, опиравшегося в своих действиях на народ (плебс)¹¹⁰⁹. Шуйский, мечтая о свержении тирана, провозглашал своей целью главные античные республиканские добродетели: «Отныне общей нашей целью вера, согласие и любовь к отечеству»¹¹¹⁰. Для достижения собственной цели («спасения государства»), он совершает макиавеллистские действия, заставляя своего друга князя Георгия жертвовать возлюбленной – Ксенией Годуновой: «Если ты хочешь, чтобы цвело твое отечество – нужна смерть твоей [Георгия] невесты [Ксении]»¹¹¹¹. Георгий, в одной из сцен, пытаюсь понять природу тираноборческого образа Шуйского, прямо задавался этими вопросами, перечисляя почти всех античных тираноборцев: «Брут! Катон! – Нет! Эти имя тебя [Шуйского] не стоят. Если бы Шуйский был во времена Кесаря [Цезаря], то клянусь лицемерный Октавиан [Август] не занял бы упразднившегося трона»¹¹¹².

Кто же выступил в «Димитрии» Нарезного античным прообразом героя-тираноборца Шуйского? Нарезный мастерски переосмыслил античную биографию предполагаемого предка Марка Брута – Луция Юния Брута – основателя Римской республики и ее первого консула, положившего конец Римскому царству, изгнав последнего римского царя (тирана) – Тарквиния Гордого. Возможным античным прообразом Ксении Годуновой, скорее всего, послужила Лукреция (У Нарезного для «сластолюбивых» развлечений ее преследовал Димитрий), а прообразом Георгия выступил Луций Коллатин (Георгий (Коллатин) в «Димитрии...» был влюблен в Ксению (Лукрецию), но, в отличие от античного прототипа, вскоре был убит, а Ксения – отправлена в монастырь). Современный исследователь М.Г. Лазуткина, ссылаясь на В.А. Бочкареву, анализируя трактовку Нарезным исторических событий Смуты, называет их «наивными»¹¹¹³. Однако, за «наивным», как видим,

¹¹⁰⁹ Нарезный В.Т. Димитрий Самозванец. Трагедия в пяти действиях. М., 1804. С. 19.

¹¹¹⁰ Там же. С. 39.

¹¹¹¹ Там же. С. 9.

¹¹¹² Там же. С. 18.

¹¹¹³ Лазуткина М.Г. Формирование художественного образа самозванца Лжедмитрия I в русской литературе XVII–XIX вв. дисс. ... канд. филолог. наук. М., 2003. С. 47.

скрывается мастерски выполненное переосмысление античных сюжетов и создание по лекалам биографий тираноборцев, отечественной истории тираноборческой традиции на античный манер.

В 1805 г. в России был опубликован перевод романа-трагедии немецкого автора А. Лафонтена «Брут, или Освобожденный Рим» (*Brutus, oder die Befreiung Roms*, на немецком языке опубликован в 1801 г.)¹¹¹⁴, посвященный классическому античному сюжету свержения царя-тирана Тарквиния Гордого героем-тираноборцем Луцием Брутом и установлению Римской республики. У Лафонтена трагедия заканчивалась торжеством римской *вольности*, во время изгнания тирана Тарквиния из Рима, вооруженный народ, возглавляемый Луцием Брутом скандировал на площади (форуме): «Вольность! Вольность!», часть народа кричала: «Брут! Наш избавитель! Наш государь!»¹¹¹⁵. Луций Брут заверял собравшихся, что не разделит судьбу Тарквиния, отказавшись быть царем (государем), но согласился быть консулом («вашим советником, вашим консулом»), поклявшись не оскорблять вольность римлян¹¹¹⁶.

У Нарезного трагедия также заканчивалась на площади, где Шуйский, воздав хвалу Провидению, обращался напрямую к народу, чтобы тот выбрал нового государя, который бы судил и казнил Димитрия¹¹¹⁷: «Избирайте! Кто должен воссесть на упразднившемся престоле, кто должен судить его [Димитрия]? <...> Один Царь может судить государственного преступника»¹¹¹⁸. Народ избрал царем Шуйского, который поклялся перед народом соблюдать *закон*: «И пусть смерть постигнет меня на подобное одре. Если хотя один из вас чрез меня прольет невинно слезу горести!»¹¹¹⁹. Конечно, говорить о наличии какой-либо связи трагедии «Димитрия...» Нарезного с «Брутом...» Лафонтена, нет оснований, к тому же сюжет о Луции Брута был и

¹¹¹⁴ Лафонтен А. Брут или Освобожденный Рим / пер. с немецкого. М., 1805. 275 с.

¹¹¹⁵ Там же. С. 273.

¹¹¹⁶ Лафонтен А. Брут или Освобожденный Рим / пер. с немецкого. М., 1805. С. 274.

¹¹¹⁷ У Нарезного в конце трагедии Димитрия (тирана) закалывает кинжалом (!) вымышленный персонаж – Нищий, признавшись перед этим, что он и есть отец Димитрия, а после выпивает яд и умирает. Упоминание «кинжала» вновь открытое указывает на античные тираноборческие сюжеты, связанные с Брутом и Кассием.

¹¹¹⁸ Нарезный В.Т. Димитрий Самозванец. Трагедия в пяти действиях. М., 1804. С. 248–249.

¹¹¹⁹ Там же. 260.

без Лафонтена хорошо известен российским интеллектуалам – так, Нарезный мог слышать о нем в курсе лекций по истории античности в Московском университете¹¹²⁰ или при знакомстве с римской античной литературой, главным образом, «Сравнительными жизнеописаниями» Плутарха¹¹²¹.

Казус Нарезного и появление перевода «Брута...» Лафонтена в России в начале XIX в., кажется еще более примечательным, учитывая, что Бруты (Марк и Луций) были одним из наиболее распространенных символов во Франции во время и после революции. Оба символизировали республиканские (гражданские) добродетели и были использованы как роялистами, так и республиканцами, исчезнув из французского культурного ландшафта только в консульство Наполеона (1799 г.)¹¹²². Но, пример Нарезного демонстрирует, как биографии из античной истории могли обретать новые смыслы, вполне уживающиеся с российским монархизмом.

Итак, тираноборческий сюжет о свержении тирана Лжедмитрия I героем-тираноборцем Шуйским, воспроизведенный Сумароковым, оказался невостребованным (в плане появления новых оригинальных сочинений по этому же историческому сюжету) во внутренней политической ситуации России первой четверти XIX в. и мог быть ассоциирован современниками с недавним дворцовым переворотом в пользу Александра I. Доминирующим восприятием тираноборческой героики Шуйского оставалось следующее его конфликтное прочтение для современности начала XIX в.: победив тирана Димитрия (Лжедмитрия I), Шуйский, в результате законного избрания занял престол, но в итоге был предан и отречен от престола собственными боярами (подданными). В «Димитрии...» Нарезного Шуйский выступал, скорее,

¹¹²⁰ Рецензент перевода «Брута...» Лафонтена, говоря о его сюжете, отмечал: «Кто читал Римскую Историю, тот по одному заглавию сей книжки должен знать ее содержание...» (курсив мой – В.И.). См. Брут или освобожденный Рим. Письмо от неизвестного о сем творении // Северный вестник. 1805. Ч. 8. № 10. С. 41.

¹¹²¹ Подробнее см.: Любжин А. Римская литература в России XVIII – начале XIX вв. М., 2007. С. 26–43. У Плутарха рассказ о герое-тираноборце Луции Бруте упоминался в рассказе о Попликоле. См.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания / под ред. С.С. Аверинцев. В 2-х. М., 1994. Т.1. С. 114–120.

¹¹²² Подробнее см.: Baxter D.A. Two Brutuses: Violence, virtue, and politics in the visual culture of the French Revolution // Eighteenth-Century Life. 2006. Т. 30. №. 3. P. 51–77; Andrew G.A. Imperial Republics Revolution, War, and Territorial Expansion from the English Civil War to the French Revolution. Toronto, 2011. P. 140–166.

большим исключением, учитывая, что он создал абсолютно отличную от прежних авторов переосмысление этого сюжета. Однако, жанровая адаптация шиллеровской трагедии-прозы в России, воспроизведенная в «Димитрии...» Нарезным имела крайне мало читателей среди российских образованных подданных начала XIX в.

В первой четверти XIX в. одно из последних обращений к сюжету, основанному на противостоянии Лжедмитрия I и Шуйского, можно видеть в «Думах» (опубликованы в 1825 г., написаны в конце 1810-х – 1820-х гг.) декабриста К.Ф. Рылеева. Он также следовал греко-римской образности. У Рылеева в «Димитрии Самозванце» – Шуйский – Марк Брут и Гай Кассий в одном лице. Именно к такому прочтению отсылает в начале сон Димитрия, в котором Шуйский закалывает его кинжалом, подобно сюжету с Цезарем и Брутом¹¹²³. Однако, очнувшись ото сна, тиран Димитрий видит толпу во главе с тираноборцем Шуйским, чувствуя погибель, он совершает самоубийство.

Нужно подчеркнуть, что тираноборческий сюжет, основанный на героике Шуйского, совершенно не подходил и для внешнеполитического противостояния России и Франции в начале XIX в., ведь после свержения, «несчастный государь» был пленен польским королем Сигизмундом III, а находясь в плену – вынужденно присягнул ему, вскоре умерев¹¹²⁴. Однако, исторические параллели, возникшие на фоне Французской революции 1789 г. и Польского восстания 1794 г., вывели на авансцену отечественных панегирических, исторических и драматургических сочинений о Смутном времени тираноборческий образ Пожарского.

¹¹²³ Рылеев К.Ф. Димитрий Самозванец // К.Ф. Рылеев. Думы. М., 1975. С. 66.

¹¹²⁴ Подробнее об этом см. Болтунова Е.М. Болтунова Е.М. Последний польский король. Коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М., 2022. С. 404–414.

§ 4.3. Гражданственность и героико-тираноборческое прочтение образов Д.М. Пожарского и К. Минина

Французская революция 1789 г. и Польское восстание 1794 г. заставили российских образованных подданных вновь осмыслить значение монархии. Как уже было отмечено в первой главе, синонимичность этих событий в восприятии российскими образованными подданными конца XVIII в. была однозначной. Образовавшаяся взаимосвязь между двумя событиями дала импульс к переосмыслению прошлого и настоящего противостояния России и Речи Посполитой, актуализировав в российской политической культуре героические образы Пожарского и Минина. Уже в начале XIX в., в основном, интеллектуальными силами круга литераторов Шишкова-Державина, появилась целая плеяда сочинений, основанных на переосмыслении исторических сюжетов, связанных с окончанием Смутного времени. Исследуя их сочинения и новации, А.Л. Зорин справедливо отмечает, что «смысловой кульминацией описываемых событиях [в сочинениях круга Шишкова-Державина этого периода] служит <...> избрание на царство Михаила Федоровича...», а инициатором его избрания практически всегда выступал Пожарский, совершая перед этим «моральный выбор»: передать престол законному наследнику или оставить его себе¹¹²⁵. А.Л. Зорин убедительно доказывает проецирование его «морального выбора», впервые появившегося в сочинениях начала XIX в., на судьбу Наполеона, «похитившего» законный престол Бурбонов и ставший в итоге тираном¹¹²⁶.

Отмеченное А.Л. Зориным прочтение «морального выбора» Пожарского не было данностью для авторов конца XVIII – начала XIX вв. В.В. Ткаченко, прослеживая появление и формирование героической образности Пожарского и Минина в XVIII в., отмечает, что интерес к ним начинает проявляться с конца

¹¹²⁵ Зорин А.Л. Кормя двухглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой четверти XIX вв. М., 2001. С. 179–180.

¹¹²⁶ Там же. С. 184–185.

последней трети XVIII в.¹¹²⁷ Их героическая образность формировалась вокруг организации ими Второго земского ополчения и их военных успехов по освобождению Москвы от поляков. Пожарский и Минин отсутствовали в повествованиях об избрании Михаила Романова в 1613 г. в российских историописательных сочинениях XVIII в.

Так, в «Ядре российской истории» Манкиева четвертая и пятая главы целиком были посвящены событиям Второго земского ополчения, но со спасением столицы от поляков – оба пропадали из повествования, когда речь шла об избрании на царствование Михаила Романова¹¹²⁸. У Ломоносова в «Кратком российском летописце» упоминалось об организации ими ополчения и «очищении Москвы»¹¹²⁹. А вот в его же поэме «Петр Великий» (1756–1761) вовсе отсутствовал Минин, вместо него на защиту отечества встали «Пожарского и Трубецкого ревность», а после свершения «ревности» – пропадали («И обществом дана Петрову деду [Михаилу Романову] власть»)¹¹³⁰. Не менее близко к Манкиеву, в своем «бестселлере» конца XVIII в. писал Голиков, с той лишь оговоркой, что он упоминал о пожаловании Михаилом Романовым чинов Пожарскому и Минину, уже после своего воцарения¹¹³¹. Закрепление за Пожарским традиции уподобления его греко-римским образам военачальников-граждан связано с отечественной историописательной мыслью XVIII в., акцентировавшей на военных подвигах и воинской доблести, закрепив за ним военно-республиканские качества-добродетели: честь, верность, долг и др. Минин почти всегда выступал лишь

¹¹²⁷ Ткаченко В.В. Допетровская Русь в исторической памяти XVIII века. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2020. С. 123–126.

¹¹²⁸ Манкиев А.Я. Ядро российской истории. М., 1770. С. 300–324.

¹¹²⁹ Ломоносов М.В. Краткий российский летописец с родословием. СПб., 1760. С. 41.

¹¹³⁰ Ломоносов М.В. Петр Великий // М.В. Ломоносов. Избранные произведения. Л., 1986. С. 299. Интересно, что героизация Пожарского и Минина происходила за счет постепенного исчезновения из отечественных сочинений XVIII – начала XIX вв. других героев Смутного времени, связанных с Первым земским ополчением, в частности, кн. Трубецкого и казака Заруцкого. См. Зорин А.Л. Кормя двухглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой четверти XIX вв. М., 2001. С. 177–179; Ткаченко В.В. Допетровская Русь в исторической памяти XVIII века. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2020. С. 123–130.

¹¹³¹ Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого: в 18-и т. М., 1790. Т. 2. С. 269–335. Такое же прочтение в «Новом ядре российской истории» (2-е издание в 1809 г.) Нехачина. См. Нехачин И.В. Новое ядро российской истории. М., 1809. Ч. 2. С. 257–276, 289.

организатором ополчения, в кульминационной сцене с избранием Михаила Романова он либо играл номинальную роль, либо же вовсе отсутствовал¹¹³².

Первое упоминание прямого участия Пожарского в избрании Михаила Романова встречается в российских художественно-исторических сочинениях второй половины XVIII в. в «венце литературы» – «Россиаде» (опубликована в 1779 г.)¹¹³³ М.М. Хераскова. В «Россиаде» повествование о событиях Смуты было вплетено в видение Ивана IV Грозного, в котором он видел «моральный выбор» Пожарского («венец» ему подносил «народ», отказавшись от короны он «дал совет» избрать Михаила):

Пожарскому венец народом поднесется;
 Но сей великий муж от царства отречется,
 И сею кротостью Монархов превзойдет;
 Избрать Романова на царство даст совет;
 В уединение потом восхочет скрыться;
 И Филаретов сын со славой воцарится¹¹³⁴.

А.Л. Зорин, обращаясь к поиску первоисточника «морального выбора» Пожарского в сочинениях Державина не упоминает «Россиады» Хераскова в качестве одного из источников, акцентирует внимание на русской песенной традиции (фольклоре), которой интересовался Державин. Первоисточником тропа «морального выбора» Пожарского с отказом от подносимого ему «венца», А.Л. Зорин называет сочинение популярного в России французского автора Ж.–Ф. Мармонтеля «Велизарий». Это сочинение было посвящено победоносному полководцу Юстиниана Велизария, отказавшегося от

¹¹³² Об этом во второй части данного параграфа.

¹¹³³ «Россиада» М.М. Хераскова переиздавалась не менее 4-х раз вплоть до конца первой четверти XIX в. и пользовалась большой популярностью среди российских образованных подданных. обстоятельный анализ «Россиады» см.: Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938. С. 233–243.

¹¹³⁴ Херасков М.М. Россиада, ироическая поэма. СПб., 1779. С. 177.

подносимой ему короны готов¹¹³⁵. Не вступая в дебаты о первоисточнике «морального выбора» Пожарского, нужно отметить, что для Державина источником в этом случае могла служить и «Россиада» Хераскова, ведь еще Г.А. Гуковский отметил его сильное влияние на формирование поэта-Державина в 1770-е – 1780-е гг.¹¹³⁶ Не под влиянием ли успеха «Россиады» Хераскова, в 1780 г. Державин обратился к написанию поэмы «Пожарский» (осталась неоконченной)? Державин в поэме «Пожарский» характеризовал его истинным «любителем отечества» и освободителем от «внешних супостат [поляков]»¹¹³⁷. В сохранившихся отрывках плана поэмы, Пожарский, отказываясь от короны, «благодарит народ за его признание» и «обещает им представить достойного им государя»¹¹³⁸. А в сохранившихся первых отрывках стихов из его поэмы уже несколько иная композиция:

Наследный Россов скипетр наследнику [Михаилу] вручил,

А сам, – отрекшись быть державным властелином, –

Подпорою царю, отечеству был сыном¹¹³⁹.

Можно предполагать, что для большинства авторов, обращавшихся к сюжету «морального выбора» Пожарского и его отказу от «царского венца», источником служила именно «Россиада» Хераскова. В 1792 г. драматург и актер П.А. Плавильщиков, призывая соотечественников пересмотреть репертуар русского театра и ориентироваться в сюжетах драматургии на историю России, упоминал «благородный поступок» (передачу «венца»)

¹¹³⁵ К началу XIX в. вышло не менее пяти изданий «Велизария» Ж.-Ф. Мармонтеля на русском языке. Подробнее об отношении Державина к Велизарю см.: Зорин А.Л. Кормя двухглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой четверти XIX вв. М., 2001. С. 182–183.

¹¹³⁶ Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938. С. 233.

¹¹³⁷ Державин Г.Р. Из поэмы Пожарский // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я.К. Грота. СПб., 1866. Т. 3. Стихотворения. Ч. III. С. 469.

¹¹³⁸ Там же. С. 473.

¹¹³⁹ Державин Г.Р. Из поэмы Пожарский // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1866. Т. 3. Стихотворения. Ч. III. С. 469. В более позднем варианте формулировка близкая к изначальному плану поэмы: «[Пожарский] Отверг предложенный венец ему народом // И воцарил, избрав, наследного царя [Михаила]». См. Там же. С. 470.

Пожарского «при возведении на царство законного наследника <...> и все сие послужило бы совершенным училищем, как должно любить отечество»¹¹⁴⁰.

Сам же троп с отказом от «подносимого венца» встречался достаточно часто в античных сочинениях и сочинениях XVIII в. по истории России, но в негативном ключе, дабы «поднять себе цену». Достаточно упомянуть об отказе Цезаря от подносимого «царского венца», описанный Плутархом: Цезарю дважды подносили царскую корону, от которой он отказался и «весь народ заплодировал», но позже раскрыл его тайный умысел и «обратил свои надежды на Марка Брута»¹¹⁴¹. Такой же троп встречался в исторических сочинениях XVIII в. по Смуте и был связан с избранием на царствование Бориса Годунова. У Голикова эпизод отказа от царского венца иллюстрировал его «политическую хитрость»: отказываясь быть царем и советуя избрать кого-то другого, он рассчитывал привлечь больше сторонников¹¹⁴².

Следует отметить, что цикл отечественных сочинений начала XIX в. о Смуте, не сводился только к «моральному выбору» Пожарского, литераторы могли задействовать самые различные глоссарии и риторические стратегии в своих сочинениях, а также в переосмыслении исторических событий Первого и Второго земских ополчений. Даже при отдаленном рассмотрении «морального выбора» Пожарского, ключевой концептуальной рамкой этого «выбора» был греко-римский глоссарий, в котором Пожарский – это идеал проявления высшей республиканской добродетели *любви к отечеству* и, как демонстрирует уподобление его греко-римским образам – военачальник-гражданин¹¹⁴³. Будучи примером истинного «гражданина» Отечества, своим «моральным выбором» он совершал героическое «самопожертвование», думая об «общем благе», а не о собственных интересах. Пожарский, впрочем, никогда не уподоблялся авторами греко-римским героям-тираноборцам, но

¹¹⁴⁰ Плавильщиков П.А. Театр // Зритель. 1792. Ч. 2. (июнь). С. 129. Здесь же «Россиада» упоминалась Плавильщиковым как один из главных примеров стихосложения в трагедиях. См. Плавильщиков П.А. Трагедия // Зритель. 1792. Часть II. (август). С. 272.

¹¹⁴¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания / под ред. С.С. Аверинцев. В 2-х т. М., 1994. Т. 2. С. 196–197.

¹¹⁴² Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого: в 18-и т. М., 1790. Т. 1. С. 59–60.

¹¹⁴³ См. первый параграф данной главы.

своеобразно он всегда оставался близок к их идеалам «самопожертвования» ради общих интересов (в республиканской традиции – «общей вольности»), подобно Луцию Бруту, спасавшего и защищавшего римскую вольность. Отсутствие уподобления Пожарского греко-римским образам тираноборцев объяснимо и тем, что они изображались зачастую в негативном ключе (особенно убийцы Цезаря – Брут и Кассий или же «враг всех монархов» – Катон)¹¹⁴⁴. Но, в контексте «морального выбора», совершенного Пожарским, речь шла не о защите республиканской вольности, а об идее возвращения, некогда утраченного в период Смуты «общего блага» («спокойствия», «тишины»). Данная идея лежала в основе большей части российских художественно-исторических сочинений о Смуте конца XVIII – начала XIX в. Само же «общее благо» в сочинениях этого цикла было синонимично наличию на престоле «законного» монарха и установлением монархической формы правления в целом.

Одним из примеров является ода Державина «На коварство во время возмущения французов, к чести князя Д. М. Пожарского, яко укротителя междоусобия и утвердителя монаршей власти» (курсив мой. – В.И.)¹¹⁴⁵. Советский филолог И.З. Серман отмечал, что общая направленность оды была мало связано с Французской революцией, а большей частью направлена на обличение социальных пороков современников «коварства», «лести» и др., что было весьма распространено в дидактических сочинениях конца XVIII в.¹¹⁴⁶ Однако, обличение социальных пороков в державинской оде сводились к политической сфере и имели прямую взаимосвязь. Социальные пороки, по мнению Державина, вели к наступлению тирании, скрывающейся под маской об «общем благе» коварные помыслы в достижении собственных целей. В подтверждение он приводил античные образцы тиранов – Цезаря и Нерона,

¹¹⁴⁴ Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. дисс. док. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2017. С. 425.

¹¹⁴⁵ Объяснение Державина по этому поводу см.: Державин Г.Р. На коварство во время возмущения французов, к чести князя Д. М. Пожарского, яко укротителя междоусобия и утвердителя монаршей власти // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1. С. 316–317.

¹¹⁴⁶ Серман И.З. Державин. Л., 1967. С. 68–69

(последний, именно своим «смирением трона достигнул»), в списке тиранов также оказывались «Расстрига» (Лжедмитрий I), Кромвель, Надир-шах¹¹⁴⁷. Державин призывал ориентироваться в добродетелях на «великого мужа» Пожарского, героя-тираноборца, спасителя Отечества и «утвердителя» власти монарха:

Который бы в боях сражался
Лишь спасти народ, царя от бед;
Перунами не возвышался,
Отнес к другим весь звук побед;

<...>

Не вняв к себе народа клику,
Избрал достойного владыку
И над собою воцарил

<...>

Царя творец и раб послушный...¹¹⁴⁸

И все же конфликт в сочинениях данного цикла находился в плоскости глоссария форм правлений, а его разрешение – в акте легитимации прав монарха на престол и возвращении некогда утраченной, правильной формы правления для России – монархии.

Обращаясь к событиям 1612 г. в трагедии «Освобожденная Москва» (1798 г.) Херасков задействовал глоссарий форм правлений в характеристике установившегося боярского правления и последующих за ним негативных последствий для государства:

...Полякам отдали Державу и Москву.

Кто тако посрамил венец и скипетр Царской?

¹¹⁴⁷ Державин Г.Р. На коварство во время возмущения французов, к чести князя Д.М. Пожарского, яко укротителя междоусобия и утвердителя монаршей власти // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1. С. 320.

¹¹⁴⁸ Державин Г.Р. На коварство во время возмущения французов, к чести князя Д.М. Пожарского, яко укротителя междоусобия и утвердителя монаршей власти // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1. С. 328–329.

Нестройства внутренни, раздор, совет Боярской;
 Как враны хищные, на их мятежных глас
 Поляки двинулись и растерзали нас¹¹⁴⁹.

Интересно, что в данной трагедии отсутствовал «моральный выбор» Пожарского, упоминалось, что он «не только лавров ты, короны ты достоин», сам же выбор происходил без его участия, но с включенным в сцену избрания Минина, который извещал собравшихся, что «вельможами и синклитом» избран «Романов Михаил»¹¹⁵⁰.

Державин в поэме «Пожарский, или освобождение Москвы» (1805–1806 гг.) вновь обращаясь к образу Наполеона «похитителя престолов», приводил в качестве аллюзий «коварство» Годунова – «хищника корон». У Державина Годунов «всеобщим якобы избранием сел на царство», ослабил государство, после чего начались множественные негативные последствия для государства: «бунты», «грабежи», «мытарство». С его гибелью «тиран царем лишь новый появился»: тиран Лжедмитрий I, «тонкий царедвор» Шуйский и «тьма царей»¹¹⁵¹. Но, державинский Пожарский возглавил Второе ополчение абсолютно бескорыстно из любви к отечеству («Для добродетели, России для спасения») с целью возвращения государству «законной» монархии («общего блага»):

Природного царя увидеть на престоле
 И веру и закон и Россю вознести
 На прежню высоту величия и славы...¹¹⁵²

У Державина к Наполеону также отсылал заключительный монолог Пожарского, объяснявший, почему он не может быть на троне, а окажись на нем – стал бы тираном:

¹¹⁴⁹ Херасков М.М. Освобожденная Москва. М., 1798. С. 5.

¹¹⁵⁰ Херасков М.М. Освобожденная Москва. М., 1798. С. 103–104.

¹¹⁵¹ Державин Г.Р. Пожарский, или освобожденная Москва // Сочинения Державина : с объяснительными примечаниями Я. Грота : в 9 т. СПб., 1867. Т. 4. С. 159–160.

¹¹⁵² Там же. С. 168.

Не может трона тать владеть спокойно славой;

Велик он, или мал, но все он гнев небес,

<...>

Чтоб скрыть свой мрачный нрав или тем, или другим:

Сегодня лавров он, а завтра пальм желает...¹¹⁵³

Однако, в державинской трагедии «моральному выбору» Пожарского предшествовал выбор наиболее подходящей формы правления для России. Трубецкой, обращаясь к «сияющему синклиту» и «сонму царственна совета» предлагал собравшимся выбор между аристократической и монархической формами правлений:

Днесь нужно нам решить: какой правления род

Удобней может быть для блага полусвета?

Примеры многие вселенная дает

Рим славно чрез сенат владел над всей вселенной:

Не сблизиться ли нам к правлению сему?¹¹⁵⁴

Этот аргумент в пользу военной мощи республик парировал Пожарский, отметивший, что при аристократической форме правления были частые мятежи и что даже римлянам приходилось время от времени верить власть диктатору¹¹⁵⁵. Присутствовавший при диалоге народ восклицал: «Не надобно бар: да здравствует царь!»¹¹⁵⁶. Однако после избрания, Пожарский отказывался от короны и призывал собравшихся учесть исторический опыт монархии в России, акцентируя родство Михаила с Рюриковичами. Этот вариант возвращения короны Михаилу отличается от ранней трактовки сюжета у

¹¹⁵³ Державин Г.Р. Пожарский, или освобожденная Москва // Сочинения Державина : с объяснительными примечаниями Я. Грота : в 9 т. СПб., 1867. Т. 4. С. 190. Упомянутые «лавры» и «пальмы» – отсылка к Египетскому походу 1798–1801 гг. Наполеона.

¹¹⁵⁴ Державин Г.Р. Пожарский, или освобожденная Москва // Сочинения Державина : с объяснительными примечаниями Я. Грота : в 9 т. СПб., 1867. Т. 4. С. 186.

¹¹⁵⁵ Там же. С. 186.

¹¹⁵⁶ Там же. С. 187.

Державина. Теперь Пожарский не выбирал наследника российского престола самостоятельно, а лишь скромно вопрошал собравшихся:

Законы ж русские, обычай, власть ли Бога
Повергли с детства нас владычеству царей,

<...>

Не можно ль Михаилу Романову взойти на праотчий престол
По женскому родству?¹¹⁵⁷

У М.В. Крюковского в исторической трагедии «Пожарский» (1807 г.) было схожее с Державиным представление исторических событий, с той лишь оговоркой, что у Крюковского сюжетные функции державинского Трубецкого (по факту, один из претендентов на престол) выполнял Заруцкий. Последний, пользуясь слабостью установившейся аристократической формы правления («...раздорами, войной // И слабостью вельмож, сей правящих страной») после отречения Шуйского, задумал тайно «похитить престол»¹¹⁵⁸. Именно «слабые вельможи» пригласили на российский престол польского царевича Владислава IV, представленного в трактовке автора тираном, причем «хрестоматийным», притесняющим сначала православную веру, «разграбляющим государство» и притесняющий подданных¹¹⁵⁹. Им противостоит Пожарский, совершающий в трагедии макиавеллистские действия: пренебрегает жизнью собственной семьи, ради «общего блага» государства, прежде всего, в духе римской традиции (спасения «общего блага» республики):

Куда? Остановись! Ужель [Пожарский] забыл родных?

<...>

Родные? Но Москва не мать ли мне? ... Россия
Простерла днесь ко мне объятия драгие!¹¹⁶⁰

¹¹⁵⁷ Державин Г.Р. Пожарский, или освобожденная Москва // Сочинения Державина : с объяснительными примечаниями Я. Грота : в 9 т. СПб., 1867. Т. 4. С. 190.

¹¹⁵⁸ Крюковской М.В. Пожарский. Трагедия в трех действиях // Стихотворная трагедия конца XVIII – начала XIX вв. М., 1963. С. 258.

¹¹⁵⁹ Там же. С. 261–262.

¹¹⁶⁰ Там же. С. 275.

Здесь Пожарский – стоический герой, спасающий российских «граждан» от тирании и проявляющий высокую «любовь к отечеству». Заруцкий же подозревает Пожарского в том, что он освобождал Москву, желая «возложить похищенный венец»¹¹⁶¹, поэтому предаёт Пожарского, а после поражения предпочитает собственную казнь, *de facto* самоубийство, подобно сумароковскому тирану Димитрию. Зато Пожарский, отказываясь от престола, восклицает: «Чтоб я, похитив скипетр, вельможи долг забыл? // Цари от бога нам бывают наречены»¹¹⁶².

Изображенный Державиным и Крюковским конфликт Пожарского и Трубецким либо Заруцким может рассматриваться как конфликт героя, движимого «любовью к отечеству» («общим благом») с персонажами, ставящими превыше всего личные интересы.

Картину связи республиканского патриотизма с величием государства дал С.А. Ширинский-Шихматов в поэме «Пожарский, Минин, Гермоген, или спасенная Россия» (1807 г.). Поэма открывалась сопоставлением античного греко-римского и современного российского патриотизма¹¹⁶³. Описываемое автором «блаженство» России нарушило появление тирана-самозванца¹¹⁶⁴. Из-за тирании Лжедмитрия пришла в упадок добродетель подданных, возникла угроза со стороны иноземных «лютейших из всех тиранов»¹¹⁶⁵. На спасение отечества выступают тираноборцы-патриоты, самым ярким среди которых являлся Пожарский:

Да будет вождь [Пожарский]! Сей лести враг,
Поборник церкви, власти царской,
Отечеству заступник благ

¹¹⁶¹ Крюковской М.В. Пожарский. Трагедия в трех действиях // Стихотворная трагедия конца XVIII – начала XIX вв. М., 1963. С. 283.

¹¹⁶² Там же. С. 283.

¹¹⁶³ Ширинский-Шихматов С.А. Пожарский, Минин, Гермоген, или спасенная Россия. СПб., 1807. С. 2.

¹¹⁶⁴ Там же. С. 4.

¹¹⁶⁵ Там же. С. 20, 43.

<...>

Презритель роскоши сластей...¹¹⁶⁶

Как и Державин с Крюковским, Ширинский-Шихматов вводил в сюжет «моральный выбор» Пожарского: князь отказывается от престола, считая, что станет лишь очередным тираном, и призывает «царево воздать царю», избрав Михаила Романова¹¹⁶⁷.

Пожарский-тираноборец был представлен и в сочинении П.Ю. Львова, который – в отличие от остальных авторов – акцентировал роль в событиях Смуты «древней завистницы российского счастья» Речи Посполитой¹¹⁶⁸. Львов аттестовал установившуюся после Шуйского власть как «неслыханную в России» аристократию, заключая: «Да видит потомство, что в тех странах бывает, где вознесутся превыше себя, где усилятся вельможи лукавые, бояре высокомерные, царедворцы корыстолюбивые...»¹¹⁶⁹. Слабостью России воспользовался польский король Сигизмунд III, забывший, «что сам он царь», и злодейски убивший находящегося в плену Шуйского¹¹⁷⁰. Таким образом, у Львова герой-тираноборец Пожарский противостоял тирану Сигизмунду III. По поводу «морального выбора» Пожарского Львов заметил, что «летописи наши молчат о сем достославном отречении», и вместо привычной для современников заключительной речи Пожарского о тирании, дословно цитировал оду Державина «На коварство...», предлагая считать «предание сие за истину»¹¹⁷¹. Во всем остальном Львов не отходил от сюжетного канона избрания Михаила на российский престол¹¹⁷².

Примечательно интенсивным использованием греко-римских образов и сочинение воспитанника Московского университетского благородного

¹¹⁶⁶ Ширинский-Шихматов С.А. Пожарский, Минин, Гермоген, или спасенная Россия. СПб., 1807. С. 50.

¹¹⁶⁷ Там же. С. 61–64.

¹¹⁶⁸ Львов П.Ю. Пожарский и Минин, Спасители Отечества. СПб., 1810. С. 42.

¹¹⁶⁹ Там же. С. 61, 65.

¹¹⁷⁰ Там же. С. 65, 72.

¹¹⁷¹ Там же. С. 175.

¹¹⁷² Там же. С. 175.

пансиона А. Прожика «Разговор Юлия Цесаря с Пожарским в царстве мертвых» (1811 г.). В этом воображаемом диалоге Пожарский заявлял, что им руководила только «любовь к отечеству» – «священный долг гражданина»¹¹⁷³. Цезарь возражал ему, что он тоже сделал «много славного», и подробно характеризовал свои честолюбивые деяния, основанные на обмане и манипуляции ради удержания в руках власти¹¹⁷⁴. Если Цезарь преследовал собственные интересы, используя добродетель лишь как маску, чтобы дурачить других, то Пожарский действительно готов был жертвовать всем ради общего блага России, основанного на «законной» монархии¹¹⁷⁵.

В цикле отечественных художественно-исторических сочинений конца XVIII – начала XIX вв. обращение к образу Пожарского предполагало использование глоссария форм правлений и греко-римской образности. Российские авторы «изобретали» собственную историю завершения Смуты, отличающуюся от летописных и книжных описаний XVII в., зато актуальную и востребованную в политическом контексте своего времени. Трактую исторические события, авторы представляли не только конфликт между монархической и аристократической формами правления, но как конфликт добродетелей, близких к римскому республиканскому дискурсу между «общим благом» и личным интересом. Отсюда – тираноборческая оптика Пожарского, может казаться несколько странной из-за отсутствия прямого уподобления греко-римским тираноборцами. Однако, сам конфликт заключительного «выбора» Пожарского, по замечанию А.Л. Зорина, был перенесен авторами начала XIX в. в область морали. В свою очередь может свидетельствовать о неразрывной связи и даже совпадении конечных целей морали и политики или же симфонии «личного самопожертвования» ради «общего блага». Поскольку «общее благо» в данном цикле сочинений было ассоциировано с наличием на престоле России «законной» монархии, то и сама

¹¹⁷³ Прожика А. Разговор Юлия Цесаря с Пожарским в царстве мертвых // В удовольствие и пользу. 1811. Ч.2. С. 281.

¹¹⁷⁴ Там же. С. 282.

¹¹⁷⁵ Там же. С. 283–287.

высшая добродетель «любви к отечеству», ставшая личным выбором Пожарского выступала российским вариантом античного республиканского «самопожертвования» граждан за «общее дело» республики, ставшего в российском варианте – монархией.

Современный исследователь П.В. Ильин, обращаясь к реконструкции мотивов «предательства» Я.И. Ростовцевым своих товарищей-декабристов, обращает внимание на тираноборческие мотивы, отразившиеся в его сочинении «Князь Дмитрий Пожарский». У Ростовцева Пожарский близок к доминирующему прочтению его образа в сочинениях начала XIX в., он также совершал героическое «самопожертвование» ради «общего блага» («любви к отечеству»), отказываясь от престола. П.В. Ильин убедительно демонстрирует, что приведенный автором идеал героического «самопожертвования» Пожарского, станет «для Ростовцева целью его действий в исторической реальности», в которой его «предательство» могло расцениваться им как «самопожертвование» в духе Пожарского¹¹⁷⁶. Вместе с тем, нельзя согласиться с Е.М. Болтуновой, утверждающей, в контексте собственного изучения исторической памяти о событиях Смуты второй половины XVII – начала XIX вв., что «в начале XIX столетия “иерархия” героев Смуты была не такой, какой мы представляем ее в наше время, а Василий Шуйский <...> воспринимался как один из самых значимых персонажей эпохи»¹¹⁷⁷. Все же, как демонстрирует проведенный выше анализ, доминирующими в российской общественно-политической мысли начала XIX в. были Пожарский и Минин, актуализированный циклом сочинений конца XVIII – начала XIX вв. о Смутном времени.

Нужно подчеркнуть, что в социально-политическом прочтении образа Пожарского в цикле сочинений начала XIX в. о Смуте, его образ выступал олицетворением российского дворянства. Непосредственное участие

¹¹⁷⁶ Ильин П. В. Между заговором и престолом. Я.И. Ростовцев в событиях междуцарствия 1825 года. СПб., 2008. С. 90–91.

¹¹⁷⁷ Болтунова Е.М. Последний польский король. Коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в / Е. Болтунова. М., 2022. С. 426.

Пожарского в избрании монарха, часто изображаемое авторами как прямая передача престола «законному» монарху, может свидетельствовать о переосмыслении его фигуры за счет политической роли, сформированной в среде столичного российского дворянства в череде дворцовых переворотов XVIII – начала XIX вв. Это своеобразное моральное право (отразившееся по большей части лишь в литературе) дворянства свергать и сопротивляться монархам, ставшими тиранами, отождествляя себя с тираноборцами и подчеркивая свое непосредственное политическое участие в жизни государства. Наиболее явное определение исключительной роли дворянства в лице Пожарского, обнаруживается на контрасте с Мининым в сочинениях С.Н. Глинки. Так, в его сочинении «Пожарский и Минин, или Пожертвования россиян» (1807 г.) был задействован функционистский язык описания, через который им отводилась особая роль в главенстве над войском Пожарскому, поскольку он принадлежал к *bellatores*:

“Будь Минин нам вождем!” – сонм граждан восклицает

<...>

Клик Минин их прервал: “Я б изменил себе,
Отечеству и вам, принявши сан военный...

<...>

Пожарский! Поспешим, сограждане! К нему:
Себя, отечество, все вверим мы ему!”¹¹⁷⁸

У С.Н. Глинки похожая сцена, но с еще большим подчеркиванием роли дворянства в лице Пожарского обнаруживается в трагедии «Минин» (1809 г.). Минин, отказываясь от предложения быть «народным вождем» собравшихся в Нижнем Новгороде войск, произносил следующее:

Хотели, чтоб и я России изменил?
Чтобы раздор в сердца сограждан поселил?

¹¹⁷⁸ Глинка С.Н. Пожарский и Минин, или Пожертвования россиян. М., 1807. С. 9.

Чтоб обольстился я тщеславия мечтами?
 Изменим Богу мы: и Бог не будет с нами!
 Друзья! Долг первой наш порядок соблюдать:
 Бояре [дворяне] воинством должны повелевать...
 Сам Бог их стражами Отечества поставил;
 Им дал начальство он, и честью их прославил¹¹⁷⁹.

Однако, сословное прочтение образа Минина авторами XVIII – начала XIX вв. также не было статичным, за исключением регулярного указания на то, что он «гражданин». Манкиев в «Ядре российской истории» называл его «купцом, мягким товаром торговавшим»¹¹⁸⁰. Платон (Левшин) в «Слове на день Казанской иконы Божией Матери» (1775 г.) – «Нижнего Новгорода незнатным купцом»¹¹⁸¹. Голиков в «Дополнениях...», сославшись на Платона (Левшина), аналогично называл Минина «купцом незнатным и промысел свой имевши от мясного торгу»¹¹⁸². А вот историк Н.С. Ильинский, называл его просто «нижегородским купцом», что отразилось в заглавии двух его сочинений о Минине¹¹⁸³. М.Н. Муравьев в «Опыте истории, письме и нравоучении» (1796 г.), Минин упоминался вовсе как «неизвестный мещанин» и «гражданин»¹¹⁸⁴. Важно, что в цикле отечественных сочинений начала XIX в., лишь Державин представил Минина «гостем» (купцом), а вот Крюковской и Ширинский-Шихматов, не вдаваясь в особые подробности его сословной принадлежности назвали Минина лишь «сыном отечества» («гражданином»), подчеркнув его «безызвестное» происхождение¹¹⁸⁵. Наконец, в «Русской

¹¹⁷⁹ Глинка С.Н. Минин, Отечественная драма в трех действиях, в стихах. М., 1817. С. 46.

¹¹⁸⁰ Манкиев А.Я. Ядро российской истории. М.: при Императорском Московском Университете, 1770. С. 300.

¹¹⁸¹ Платон (Левшин) Слово на день Казанской иконы Божией Матери // Полное собрание сочинений Платона [Левшина] митрополита Московского. СПб., 1913. С. 423.

¹¹⁸² Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого: в 18-и т. М., 1790. Т. 2. С. 268, 274–275.

¹¹⁸³ См. Ильинский Н.С. В память славному мужу нижегородскому купцу Козьме Минину. Нижний Новгород, 1794. 1 с. Ильинский Н.С. Описание жизни и бессмертного подвига славного мужа нижегородского купца Козьмы Минина : выбранное из исторических преданий. СПб., 1799. 78 с.

¹¹⁸⁴ Муравьев М.Н. Опыты в истории, письме и нравоучении. СПб., 1796. С. 53.

¹¹⁸⁵ Державин Г. Р. Пожарский или освобождение Москвы // Сочинения Державина : с объяснительными примечаниями Я. Грота : в 9 т. Т. 4. СПб., 1867. С. 146; Крюковской М. В. Пожарский. Трагедия в трех

истории...» (1817 г.) С.Н. Глинки Минин вовсе предстал как «нижегородский мясной продавец»¹¹⁸⁶. Таким образом, в начале XIX в. силами отечественных авторов сословная принадлежность Минина к купечеству была совершенно размыта (переосмыслена) и сведена к минимуму.

Поэтому в хрестоматийном манифесте под авторством Шишкова от 6 июля 1812 г. «О созыве земского ополчения» представлено широкое использование автором героической образности из истории Смутного времени и в то же время, двойственное прочтение образа Минина: «Да встретит он [неприятель] в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина...»¹¹⁸⁷. Эта двойственность заключалась в том, что под «гражданином Мининым» в манифесте можно понимать не столько купцов и даже не столько крестьянство («простой народ»), а в целом все «неблагородное сословие» олицетворявшее сословие «граждан». Следует подчеркнуть, что в манифесте задействована совершенно неклассическая функционалистская модель описания общества (в случае ее использования, Шишков бы писал о земледельцах, купцах и др. по отдельности, как это происходило в других его манифестах¹¹⁸⁸). Но Шишков задействовал ту социальную модель, которая сформировалась недавно на переосмыслении исторических сюжетов Смуты в российской политической культуре конца XVIII – начала XIX вв. за счет широкого импорта греко-римского глоссария. Интересно, что двойственность в образе сословной принадлежности Минина вычеркнула из манифестов Шишкова 1812–1814 гг. героический и не менее греко-римский образ крестьянина Ивана Сусанина – активно формировавшийся на протяжении XVIII – начала XIX вв. (в том числе силами

действиях // Стихотворная трагедия конца XVIII – начала XIX вв. М., 1963. С. 265; Ширинский-Шихматов С.А. Пожарский, Минин, Гермоген, или спасенная Россия. СПб., 1807. С. 27.

¹¹⁸⁶ Глинка С.Н. Русская история. 1823. Ч.5. С. 185.

¹¹⁸⁷ Манифест с объявлением о вшествии неприятеля в пределы России и о всеобщем противу него ополчении // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. СПб., 1816. С. 15.

¹¹⁸⁸ Подробнее см. предыдущую главу.

С.Н. Глинки в «Русском Вестнике» в 1812–1815 гг.) как олицетворение народного, истинно крестьянского героизма¹¹⁸⁹.

Итак, рассмотренные выше российские сочинения конца XVIII – начала XIX вв. о Смуте, конечно, не исчерпывают дискурс об этом историческом событии, сложившийся в данный период времени. Как и не исчерпывают всех отечественных сочинений о тирании и тираноборчестве XVIII – начала XIX вв., основанных на иных вымышленных или исторических сюжетах. Однако, можно с уверенностью констатировать, что обсуждение исторического сюжета заключительного этапа Смуты предполагало активное использование глоссария форм правлений, а также греко-римской образности, включая тираноборческие мотивы. Благодаря их использованию, отечественные авторы «изобретали» собственную историю Смутного времени, в которой неожиданно находились тираны и герои-тираноборцы, конфликт вокруг выбора наиболее подходящей формы правления для России, так и ключевые античные республиканские добродетели, необходимые для возвращения утраченного «общего блага», ассоциированного российскими авторами с «законным» монархом на престоле и монархической формой правления в целом. Там же нашлось место для современных авторам политических событий, связанных с Французской революцией 1789 г. и Наполеоновскими войнами.

Собственно говоря, исторические сюжеты Смуты становились важными в российской общественно-политической мысли начала XIX в., поскольку были интерпретированным авторами одновременно как проблема изменения формы правлений и как тираноборческая проблематика в связи с обороной Отечества от иноземных захватчиков (Наполеона). Солидаризируясь с В.С. Парсамовым, что в Грозу 1812 г. образы Смуты почти не продуцировались на актуальные военно-политические события, следует подчеркнуть, что цель столь широкого появления данных сюжетов несколько десятилетий спустя,

¹¹⁸⁹ Велижев М., Лавринович М. «Сусанинский миф»: становление канона [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2003. № 5. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/5/susaninskij-mif-stanovlenie-kanona.html>

прямо выразил С.Н. Глинка: «Войны 1812 года нельзя в полном смысле назвать *войною народною*. (И слава Богу)! Война народная за Россию была у предков наших в трехлетнее междуцарствие, когда, по словам грамот и летописцев того времени: *престол вдовствовал*. Но в наш *двенадцатый год*, Россия, под щитом Провидения, восстала за Отечество в полноте жизни своей; в недрах ее действовали: *Царь, войско и народ*; действовали нераздельно мыслию, душою и мышцею» (курсив – В.С. Парсамова)¹¹⁹⁰. Таким образом, глоссарий форм правлений подсказывал Глинке, что успех в военном конфликте был связан с наличием законного монарха (монарха-помазанника) на российском престоле, единением вокруг монарха императорской армии и народа, воодушевленных античной («самопожертвенной») республиканской добродетелью «любви к отечеству».

Впрочем, были и сопутствующие цели обращений к этой тематике: с одной стороны, авторы обосновывали незыблемость монархической власти, а с другой – демонстрировали негативные черты немонархических форм правления, ту опасность, которую они предположительно несли для России. И то и другое служило для российских образованных подданных конца XVIII – начала XIX вв. убедительным доказательством в пользу побед российской монархии, а также вселяло в них уверенность в том, что кровожадная «революционная тирания» Наполеона и французское «безначалие» исторически обречены на поражение и преобразование в монархическую форму правления.

¹¹⁹⁰ Цит. по: Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М., 2020. С. 157.

Заключение

Но время, опыт разрушают
 Воздушный замок юных лет;
 Красы волшебства исчезают...
 Теперь иной я вижу свет, –
 И вижу ясно, что с Платоном
 Республик нам не учредить,
 С Питтаком, Фалесом, Зеноном
 Сердец жестоких не смягчить.
 Ах! зло под солнцем бесконечно,
 И люди будут – люди вечно...

Н.М. Карамзин.

«Послание к Дмитриеву...»¹¹⁹¹

Формирование консервативных идей в российской общественно-политической мысли 1790-х – 1810-х гг. было многогранным процессом, отразившем взаимодействие и деформацию различных манер политической речи на фоне свершившейся Французской революции 1789 г. и серии Наполеоновских войн конца XVIII – начала XIX вв., пришедшихся в том числе на контекст «дворцового переворота» 1801 г., а впоследствии реформаторского курса Александра I. В соответствии с поставленными задачами, предпринятое исследование позволяет сделать ряд выводов:

1. Рефлексия российских авторов о Французской революции 1789 г. в отечественной политической культуре 1790-х гг. формировалась на фоне образовавшейся в глазах российских современников связи между польскими и французскими событиями начала 1790-х гг. Польское восстание 1794 г. воспринималось как распространение революционных идей на западные

¹¹⁹¹ Карамзин Н.М. Послание к Дмитриеву // Карамзин Н.М. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 2. С. 35.

окраины Российской империи. Взаимосвязь французских и польских событий объясняет всплеск активности панегиристов рубежа 1780-х – 1790-х гг. в прославлении Екатерины II. Устоявшийся в историографии по истории российского консерватизма тезис о представлениях деятелей отечественного консерватизма о революции как «эсхатологической катастрофе», находящий подтверждение в панегириках, объясняется жанровой спецификой текстов. Противоположностью «революции» («безначалию») выступала российская монархия и ее «тишина».

2. Установление во Франции власти Наполеона было интерпретировано российской социально-политической мыслью с помощью глоссария форм правления как трансформация формы правления во Франции от республики к монархии (или же в *monarchia mixta*), от монархии к деспотии (тирании). Однако в результате серии поражений России от Франции в войнах 1805–1807 гг. объяснительная модель столкнулась с кризисом, не позволяя объяснить неудачи армии российского монарха в борьбе с французским деспотом. Манифесты 1812 г. актуализировали провиденциалистские нарративы о ходе военных событий, представив их как сакральную битву «Антихриста» (Наполеона) с монархом-помазанником (Александром I), а ее исход – predetermined Божественным Провидением. Вместе с тем, в условиях Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. было переосмыслено понятие любви к отечеству на основании двух универсальных ценностей: православной вере и любви к государю (монарху).

Образ монархии Александра I был переосмыслен на фоне противостояния с Наполеоном в 1812–1814 гг. путем гиперболизации старых идей XVIII в. о провиденциальном характере власти монарха, создавших в период военно-политического кризиса вокруг богоизбранного монарха-помазанника ореол гиперболизированной сакральности, сопровождавшийся мессианскими обертонами не только вокруг Александра I, но самой богоизбранности России и монархии как ее национальной формы правления, основанной на взаимосвязи универсальных добродетелей: православной веры, монархизма и «любви к

отечеству». Трансформации подверглись уже сложившиеся в отечественной социально-политической мысли культы Петра I и Екатерины II. «Петровский культ» оказался востребованным в условиях Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., тогда как востребованная еще в первые годы царствования Александра I екатерининская образность угасает, несмотря на усилия «екатерининских вельмож».

3. Представления российских консерваторов о монархической власти основывались на комбинации глоссариев провиденциального и секулярного монархизма, в которых общей концепцией выступали добродетели и идея общего блага. Такая комбинация позволяла, с одной стороны, рассматривать власть российского монарха как дарованную Провидением, представляя монарха полубожеством и героем, но с другой стороны – допускала возможность свержения монарха, ставшего тираном из-за нарушения им общего блага. Власть монарха регулировалась наличием в государстве «фундаментальных законов», неразрывно связанных с представлением о «добродетелях» – внутреннем регуляторе человеческих «пороков». Проблема ограничения власти монарха, актуализированная «конституционными преобразованиями» Александра I, не была ключевой темой для большей части российских консерваторов 1790-х – 1810-х гг. На этом фоне выделялся Н.М. Карамзин, интерпретировавший в «Записке о древней и новой России» возможное ограничение власти монарха в глоссарии форм правлений: трансформации монархической в аристократическую форму правления.

4. Функционалистское описание социальной структуры общества на рубеже XVIII–XIX вв. оставалось доминирующим. Однако в условиях Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., потребовавших социальной *мобилизации*, описание социальной структуры российского общества в манифестах 1812–1814 гг. было модифицировано. Важнейшими категориями стали понятия «сын отечества» и «народ», была выработана концепция «народной войны». Для описания взаимоотношений дворянства и крестьянства, российские консерваторы использовали патерналистские

риторики, доказывая необходимость «опеки» «истинных сынов Отечества» (дворянства) над «сыновьями Отечества» (крестьянами), из-за отсутствия у последних необходимого уровня развития морально-нравственных качеств, позволивших бы им действовать на «общее благо» самостоятельно. Обоснование исключительности статуса дворянства происходило за счет признания за ними выдающихся морально-нравственных качеств, отождествленных с социальной «зрелостью», которая наступила в результате продолжительной службы их предков. Нужно подчеркнуть, что сам критерий социальной «зрелости» выступал одним из ключевых не только для российских консерваторов, но также для различных реформаторских и даже антикрепостнических проектов.

5. Пика активности достигла на рубеже XVIII–XIX вв. борьба с галломанией российского дворянства, ставшей *locus communis* в российской политической культуре с середины XVIII в. Пренебрежение современниками национальным (русским, «природным») языком считалось следствием их иностранного воспитания. Национальный язык рассматривался как отражение морально-нравственного облика сограждан (за исключением «карамзинистов»), показатель уровня просвещения и международного государственного престижа. Незнание *национального* языка или пренебрежительное отношение к нему, признавалось «общественно и государственно вредным» явлением, не позволяющим развиваться просвещению (прежде всего, одному из главных индикаторов «просвещенности» для государства – литературе), а также быть «истинным сыном отечества», поскольку незнание национального языка не позволяет полноценно служить отечеству («любить отечество»).

6. Участники «спора о старом и новом слоге» опирались в своих представлениях о национальном языке и его развитии на екатерининскую языковую и литературную программу, восходящую к Тредиаковскому. Опора Шишкова и Карамзина на один и тот же теоретический фундамент екатерининской программы, объясняет, почему они, расходясь в вопросе о методах преобразования национального языка, разделяли патриотический

пафос национального воспитания, национальной истории и культуры. Шишков, начав в 1803 г. «спор о старом и новом слоге», стремился продолжить языковую полемику, начатую еще при Екатерине II, однако его рассуждения оказались востребованы в ином историческом контексте, и по этой причине привычные для второй половины XVIII в. размышления о национальном языке, воспитании и «любви к отечеству» приобрели политическую окраску. Данные процессы не предполагали отвержения просвещенческой идеологии второй половины XVIII в.

7. Обращение к истории России эпохи Смуты стало важной частью политической мысли российских авторов конца XVIII – начала XIX в. События Смуты интерпретировали как неудачную попытку установления губительной для России аристократической формы правления (запись В. Шуйского); к такой исторической аргументации апеллировал Карамзин в «Записке...», выступая против конституционных преобразований первой половины царствования Александра I. Наиболее востребованным оказался исторический сюжет, связанный с окончанием Смуты, переосмысленный российскими авторами (главным образом, кругом Шишкова-Державина и С.Н. Глинкой) как сюжет о защите Отечества от иноземных захватчиков и самопожертвовании ради «общего блага» (восстановлении монархии). Таким образом, в конце XVIII – начале XIX вв. были «изобретены» главные герои из истории Смуты – Пожарский и Минин, представшие в череде отечественных сочинений в образах героев-граждан античного республиканского прошлого, наделенные добродетелями, свойственными выдающимся гражданам античных республик – тираноборцев и вместе с тем патриотов, защитников страны от агрессора.

Таким образом, формирование идей российского консерватизма определялось сложившимися в российской политической мысли второй половины XVIII в. подходами и идейными парадигмами, которые подверглись существенным трансформациям в условиях военно-политического кризиса рубежа XVIII–XIX вв. и завершившего этот кризис триумфа Российской империи. Процесс формирования социально-политических идей российского

консерватизма конца XVIII – первой четверти XIX вв. был связан с различными политическими глоссариями и манерами политической речи, которые в новых исторических условиях наполеоновских войн начала XIX в. оказались кардинальным образом модифицированы для того, чтобы позволять давать ответы на злободневные политические события. Борьба с галломанией, дебаты о «старом и новом слоге», идеи сословной иерархии и общего блага, сакрализация монаршей власти и трактовка исторических сюжетов российской истории через призму античной образности – все эти феномены вовсе не были новыми, будучи укоренены в политической культуре России XVIII столетия. Однако военно-политический вызов со стороны революционной Франции, сопровождавшийся целым рядом меньших по значению интеллектуальных вызовов, привел к трансформации этих идей и концепций.

Возникло новое представление о российской монархии, принявшее идеологические черты как «национальной» формы правления, отвечающей всему ходу российской истории, как «правильной» формы правления, основанной на законах, и как универсальной христианской державы, находящейся под особой защитой Провидения. Это был противоречивый набор идей; конфликты между разными его составляющими определяют дальнейшее развитие парадигмы консервативных идей в России.

Перспективы дальнейшей разработки темы предполагают изучение религиозно-политических аспектов российского консерватизма в первой трети XIX в. с применением современных методологических подходов, одним из которых мог бы стать методологический инструментарий «истории понятий», доказавший свою эффективность в научных трудах по общественно-политической мысли. Еще одним направлением исследований могли бы выступить историко-компаративные изыскания в области интеллектуальной истории европейской и отечественной общественно-политической мысли обозначенного периода, так и в более широких хронологических рамках конца XVIII – первой трети XIX вв., преодолевая своеобразно существующий в историографии барьер между царствованиями Александра I и Николая I. В

связи с чем, особый интерес представляет так называемое «поколение детей» Отечественной войны 1812 г. и их рефлексии о политической культуре, возникшей в ходе Наполеоновских войн начала XIX в. Привлечение широкого эпистолярного материала также позволит углубить представленную картину исследования.

Список использованных источников и литературы

I. Источники

1.1. Панегирические сочинения

1. Августин (Виноградский). Слово на высокаторжественный день высочайшего тазоименитства его императорского величества государя императора и самодержца всероссийского Александра I / Августин (Виноградский) // Сын Отечества. – 1813. – № 46. – С. 3–24.

2. Амвросий (Подобедов). Речь его императорскому величеству государю императору и самодержцу всероссийскому Александру Павловичу / Амвросий (Подобедов). – СПб. : В Синодальная тип-и, 1802. – 2 с.

3. Амровсий (Подобедов). Речь, его императорскому величеству по совершении благодарственного молебствия, по случаю торжества о заключении вечного мира между Россиею и Швециею / Амвросий (Подобедов). – СПб. : При Святейшем правительствующем Синоде, 1809. – 4 с.

4. Анастасевич В.Г. Атилла девятагонадесять века / В.Г. Анастасевич. – СПб. : Имп. тип., 1812. – 8 с.

5. Анастасий (Братановский). Слово в первый день по получении известия о короновании благочестивейшего государя императора Александра Павловича (1801) // Поучительные слова, преосвященным Анастасием, архиепископом Могилевским и Витебским и ордена святыя Анны 1-го класса кавалером, со вступления на паству белорусскую разновременно проповеданные / Анастасий (Братановский). – Ч. 3. – М. : Синодальная типография, 1806. – С. 183–192.

6. Висковатый С.И. Время ода сочиненная послучаю торжества России, на вступление великаго государя императора Александра Перваго в Париж марта 19 дня, 1814 года / С.И. Висковатый. – СПб. : Тип. при Кадетском корпусе, 1814. – 8 с.

7. Волков А.С. Дух гражданина и верного подданного, в стихотворстве никогда не упражнявшегося, на старости злодеяниями французских бунтовщиков восмятенной / А.С. Волков. – М. : Ун-т тип. у Ридигера и Клаудия, 1794. – 24 с.

8. Востоков А.Х. На бегство Наполеона с остатком войск его / А.Х. Востоков // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. – М. : Ун-т тип., 1814. – Ч. 1. – С. 145–147.

9. Глинка С.Н. На случай вызова отставных солдат для служения отечеству / С.Н. Глинка // Вестник Европы. – 1807. – Ч. 32. – № 8. – С. 274–277.

10. Глинка С.Н. Ода благотворителю России Александру Первому, на случай коронавания его / С.Н. Глинка. М. : Тип. Решетникова, 1801. – 11 с.

11. Глинка С.Н. Стихи на кончину светлейшего князя Кутузова-Смоленского / С.Н. Глинка // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М. : Ун-т тип., 1814. – Ч. 1. – С. 189–191.

12. Глинка С.Н. Стихи на кончину Святлейшего князя Кутузова-Смоленского / С.Н. Глинка // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. – М. : Ун-т тип., 1814. – Ч. 1. – С. 189–191.

13. Голенищев-Кутузов П.И. Ода его императорскому величеству Александру Первому во изъявление всеподданнейшей благодарности от Московского университета / П.И. Голенищев-Кутузов. – М. : Университетская типография, 1801. – 9 с.

14. Голтыков Н.В. На заключение мира между Россией и Швециею, и на присоединение к державе Российской Княжества Финляндского / Н.В. Голтыков // Друг юношества. – 1809 (октябрь). – С. 33–40.

15. Державин Г.Р. Гимн лиро-эпический на прогнание французов / Г.Р. Державин // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я.К. Грота. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1866. – Т. 3. – С. 137–164.

16. Державин Г.Р. На взятие Варшавы / Г.Р. Державин // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1964. – Т. 1. – С. 636–653.

17. Державин Г.Р. На восшествие на престол императора Александра I (1801) / Г.Р. Державин // Сочинения Державина с объяснениями и примечаниями Я.К. Грота. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1869. – Т. 2. – С. 327–335.

18. Державин Г.Р. На восшествие на престол императора Александра I (1801) / Г.Р. Державин // Сочинения Державина с объяснениями и примечаниями Я.К. Грота. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1869. – Т. 2. – С. 355–362.

19. Державин Г.Р. На выступление корпуса гвардии в поход против французов / Г.Р. Державин // Персей и Андромеда. Кантата на победу французов русскими. – СПб. : Имп. тип., 1807. – С. 5–7.

20. Державин Г.Р. На коварство во время возмущения французов, к чести князя Д.М. Пожарского, яко укротителя междоусобия и утвердителя монаршей власти / Г.Р. Державин // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. – СПб. : Имп. Акад. наук., 1864. – Т. 1. – С. 315–332.

21. Державин Г.Р. На переход Альпийский гор / Г.Р. Державин // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1865. – Т. 2. Стихотворения. – Ч. 2. – С. 278–299.

22. Державин Г.Р. Персей и Андромеда. Кантата на победу французов русскими / Г.Р. Державин. – СПб. : Имп. тип., 1807. – С. 1–4.

23. Державин Г.Р. Стихотворение 1793 / Г.Р. Державин // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я.К. Грота. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1864. – Т. 1. – С. 524–531.

24. Дмитриев И.И. Стихи е. и. в. Павлу Первому при восшествии на всероссийский престол / И.И. Дмитриев. – М. : Ун-т. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1796. – 6 с.

25. Жертва всерадостных чувствований его императорскому величеству, всепресветлейшему и всемилостивейшему великому государю императору и самодержцу всероссийскому Александру Первому, во всевожденнейший день торжественного венчания и священнейшего миропомазания его императорского величества на всероссийский прародительский престол, со всеподданнейшим благоговением приносимая от Казанской академии, 1801 года, сентября дня. – М. : Ун-т тип, 1801. – 37 с.

26. Жуковский В.А. Императору Александру. Послание / В.А. Жуковский // В.А. Жуковский. Собрание сочинений в 4-х т. – М.; Л. : Гос. изд-во худ. лит., 1959. – Т. 1. Стихотворения. – С. 199–210.

27. Жуковский В.А. Певец во стане русских воинов / В.А. Жуковский // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году : 2-х ч. – М. : Ун-т тип. 1814. – Ч. 1. – С. 38–58.

28. Жуковский В.А. Песнь барда над гробом славян-победителей / В.А. Жуковский // Собрание сочинений : в 4-х т. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1959. – Т. 1. Стихотворения. – С. 49–55.

29. Завалишин И.И. Ода ея императорскому величеству Екатерине II на всерадоснейший день преславнаго ея коронования / И.И. Завалишин. – СПб. : Тип. Шляхет. Корп., 1792. – 20 с.

30. Иероним (Понятский) Речи его императорскому величеству <...> императору Александру Павловичу при всемилостивейшем его императорском величестве с высочайшею императорскою фамилиею посещении ставропигиального Воскресенского, новый Иерусалим именуемого монастыря, говоренные архимандритом Иеронимом 1801 года октября 6 дня / Иероним (Понятский). – М. : Тип. А. Решетникова, 1801. – 8 с.

31. Икосов П.П. Дифирамб, изображение ужасных деяний французской необузданности, или Плачевная кончина царственного мученика Людовика XVI. СПб., 1793. 13 с.

32. Ильинский Н.С. В память славному мужу нижегородскому купцу Козьме Минину / Н.С. Ильинский. – Нижний Новгород : Тип. губ. правления, 1794. – 1 с.

33. Карамзин Н.М. Его императорскому величеству, Александру Первому, самодержцу всероссийскому / Н.М. Карамзин. – М. : Ун-т тип. у Хр. Клавдия, 1801. – 10 с.

34. Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II / Н.М. Карамзин // Сочинения Карамзина : в 8 т. СПб. : Тип. А. Смирдина, 1835. – Т. 8. – С. 1–113.

35. Карамзин Н.М. На торжественное коронавание его императорского величества Александра I / Н.М. Карамзин // Карамзин Н.М. Стихотворения. – Л. : Советский писатель, 1966. – С. 265–270.

36. Карамзин Н.М. Освобождение Европы и слава Александра I / Н.М. Карамзин // Карамзин Н.М. Стихотворения. – Л. : Советский писатель, 1966. – С. 300–311.

37. Колмаков А.В. Ода на торжество мира со шведами заключённого в славное царствование великой Екатерины II, императрицы и самодержицы всероссийской / А.В. Колмаков. – СПб. : Во Граде Святого Петра, 1790. – 16 с.

38. Лобанов М.Е. Ода его величеству Императору Николаю Первому / М.Е. Лобанов. – СПб. : В Тип. Н. И. Греча, 1826. – 8 с.

39. Люценко Е.П. Ода на всерадостное прибытие е. и. в. Павла Первого в Москву 1797 года / Е.П. Люценко. – М. : Ун-т тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. – 7 с.

40. Майков И.А. Ода на прибытие графа д Артуа французского / И.А. Майков. – СПб.: Тип. Акад. наук, 1793. – 7 с.

41. Майков И.А. Ода, ея императорскому величеству великой Екатерине: на торжество мира с Оттоманскою Портою / И.А. Майков. – СПб. : Тип. Акад. наук, 1793. – 9 с.

42. Мерзляков А.Ф. Ода на всерадостнейший день священнейшего венчания и миропомазания его императорского величества, всемилостивейшего государя императора Николая I / А.Ф. Мерзляков. – М. : Унив. тип., 1826. – 16 с.

43. Мещерский П.В. Ода его императорскому величеству, всемилостивейшему государю, Павлу Первому, императору и самодержцу всероссийскому, на победы во всевожденнейший день рождения его императорского величества / П.В. Мещерский. – СПб. : [б/и], 1799. – 8 с.

44. Микулин Н. Ода его императорскому величеству Александру Первому, императору и самодержцу всероссийскому, на прибытие его в столичной град Москву 1801 года / Н. Микулин. – М. : Университетская тип., 1801. – 6 с.

45. Моисей (Богданов-Платонов-Антипов). Слово при совершении торжества венчания на царство и священного миропомазания благочестивейшего государя императора Николая Павловича и благочестивейшей государыни императрицы Александры Федоровны... / Моисей (Богданов-Платонов-Антипов). – СПб. : Тип. Медицинского деп. МВД, 1826. – 22 с.

46. Невзоров М.И. Ода посвящена российскому императору Александру I в честь восшествия его на престол 15 (27) сентября 1801 года / М.И. Невзоров. – М. : В Университетской тип-ии, 1801. – 16 с.

47. Невзоров М.И. Одна на случай войны с Французами 1812 года / М.И. Невзоров // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. – М. : Ун-т. тип., 1814. – Ч. 1. – С. 34–38.

48. Окулов Г.А. Чувства русского в день священнейшаго коронования государя императора Николая Павловича / Г.А. Окулов. – СПб. : Тип. Департамента нар. просв., 1826. – 32 с.

49. Парпура К.М. Ода на объявление войны французами / К.М. Парпура. – СПб. : Медицинской типографии, 1812. – 4 с

50. Петров В.П. Ода ея императорскому величеству Екатерине Второй, самодержице всероссийской, на присоединение польских областей к России / В.П. Петров. – СПб. : Тип. Крылова. – 27 с.

51. Платон (Левшин). Речь императору Александру I на другой день после коронации, поздравительная от всего духовенства / Платон (Левшин) // Платон (Левшин). Полное собрание сочинений. – Т. 2. – Кн. 10. – СПб. : П.П. Сойкин, 1913. – С. 661–662.

52. Платон (Левшин). Речь по совершению Коронования Императора Александра Павловича / Платон (Левшин) // Платон (Левшин). Полное собрание сочинений. – Т. 2. – Кн. 10. – СПб. : П. П. Сойкин, 1913. – С. 657–660.

53. Платон (Левшин). Слово на день Казанской иконы Божией Матери / Платон (Левшин) // Платона (Левшин). Полное собрание сочинений. – Т. 2. – Кн. 10. – СПб. : П.П. Сойкин, 1913. – С. 421–425.

54. Поздравительная песнь Его Императорскому Величеству Александру Первому, самодержцу всероссийскому, во всерадостный день священного миропомазания и коронования, всеподданнейше поднесенная кандидатом медицины Николаем Щеголевым 1801 года / Н. Щеголев. – М. : Губ. тип. Решетникова, 1801. – 16 с.

55. Попугаев В.В. К согражданам / В.В. Попугаев // Русские просветители (от Радищева до декабристов). – Т. 1. – М. : Мысль, 1960. – С. 280–281.

56. Попугаев В.В. Ода на случай позволения, сделанного советом на пропуск «Contrat social», сочинение славного женевского философа Руссо, представленное цензурою на рассмотрение / В.В. Попугаев // Поэты-радищевцы. – М. : Советский писатель, 1979. – С. 197.

57. Радищев А.Н. Осмнадцатое столетие / А.Н. Радищев // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений : в 2-х т. – М;Л. : Изд-во Академии Наук СССР. 1938. – Т. 1. – С. 127–129.

58. Речи его императорскому величеству <...> императору Александру Павловичу при всемилостивейшем его императорском величестве с высочайшею императорскою фамилиею посещении ставропигиального Воскресенского, новый Иерусалим именуемого монастыря, говоренные архимандритом Иеронимом 1801 года октября 6 дня / Иероним. – М. : Тип. А. Решетникова, 1801. – 8 с.

59. Севастьянов А.Л. Ода ея императорскому величеству всемилостивейшей государыне Екатерине II, матери отечества, на торжество мира заключеннаго с Портою / А.Л. Севастьянов. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1793. – 12 с.

60. Селявин Н.И. Ода на разбитие французов победоносными российскими войсками / Н.И. Селявин. – СПб. : [б/и], 1807. – 12 с.

61. Срезневский И.Е. Ода пчелиной матке от верной подданной ее молодой пчелы / И.Е. Срезневский. – М. : Тип. И. Зеленников, 1794. – 24 с.

62. Суворин П.И. Слово на празднество всерадостнейшаго коронования государя императора Александра Павловича, бывшее в Черноморском

Штурманском Училище в Николаеве Октября дня 1801 года. Говоренное онаго Училища Профессором П. Суворовым / П.И. Суворин. – Николаев : Тип. Черноморского Штурманского училища, 1802. – 23 с.

63. Суворов П.И. Слово на всерадостное торжество мира между Российской империей и Оттоманскою Портою, Сентября 2 дня 1793 года / П.И. Суворов. – СПб. : Тип. Корпуса Чужестранных единоверцев, 1794. – 105 с.

64. Тодорский И.С. Ода Плоды просвещения. На всерадостный день всевысочайшаго восшествия на всероссийский праотеческий престол его императорского величества всеавгустейшаго государя императора Александра Павловича / И.С. Тодорский. – М. : в Губернской типографии у А. Решетникова, 1801. – 7 с.

65. Туманский Ф.О. На всерадостный день рождения ее императорского величества государыни Екатерины Второй / Ф.О. Туманский. – СПб. : В тип. И.К. Шнора, 1791. – 8 с.

66. Урываев А. Песнь на поражение Голльского Фараона, посвященная покровителю сочинителя, его превосходительству Павлу Ивановичу Голенищу-Кутузову / А. Урываев // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. – М. : Ун-т тип., 1814. – Ч. 1. – С. 101–103.

67. Филарет (Дроздов). Речь его императорскому величеству Николаю Павловичу пред высочайшим вступлением в Успенский собор для Священнейшего коронования и миропомазания // Чин действия, каким образом совершилось священнейшее коронование его императорского величества государя императора Николая Павловича, самодержца всероссийского, по церковному чиноположению / Филарет (Дроздов). – М. : Сннод. Тип., 1826. – С. 39–42.

68. Херасков М.М. Ода ея императорскому величеству, самодержице всероссийской Екатерине Второй, поднесённая по случаю присоединения от Речи Посполитой-Польской к Российской империи областей, и на всерадостное обручение его императорского высочества великого князя Александра Павловича с великою княжною Елисаветою Алексеевною / М.М. Херасков. – М. : Университетская тип. В. Окорокова, 1793. – 10 с.

69. Херасков М.М. Российскому воинству на победы в начале 1807 года / М.М. Херасков // Вестник Европы. – 1807. – Ч. 31. – № 4. – С. 315–317.

70. Шишкин Я. Ода на торжество бывшее 20 ноября 1794 года по усмирении польских мятежников / Я. Шишкин. – СПб. : [б/и], 1794. – 16 с.

71. Шишков А.С. Ода на покорение Польши / А.С. Шишков // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1831. – Ч. XIV. – С. 143–154.

72. Щеголев Н.Г. Стихи на заключение мира с Швецией / Н.Г. Щеголев // Друг юношества. – 1810 (февраль). – С. 36–38.

1.2. Материалы, опубликованные в периодических изданиях 1790-х – 1810-х гг.

1.2.1. Информационно-новостные сообщения о положении стран Европы

73. Взгляд на происшествия 1804 г. // Вестник Европы. – 1805. – Ч. 19. № 1. – С. 65–73.

74. Взор на прошедший год // Вестник Европы. – 1803. – Ч. 7. – С. 75–80.

75. Выписка из английских ведомостей // Вестник Европы. – 1805. – Ч. 20. – № 8. – С. 324–327.

76. Выписки из летописи пятого века // Вестник Европы. – 1807. – Ч. 33. – № 10. – С. 150–157.

77. Другое письмо из Варшавы, 7 мая 1791 г. // Политический журнал: с показанием ученых и других вещей. – 1791. – Ч. 5 (май). – С. 67–68.

78. Известия и замечания // Вестник Европы. – 1802. – Ч. 2. – № 5. – С. 84–93.

79. Известия и замечания // Вестник Европы. – 1802. – Ч. 3. – № 10. – С. 177–187.

80. Известия и замечания // Вестник Европы. – 1802. – Ч. 5. – № 17. – С. 68–83.

81. Известия и замечания // Вестник Европы. – 1802. – Ч. 5. – № 20. – С. 319–332.

82. Известия и замечания // Вестник Европы. – 1802. – Ч. 6. – № 23. – С. 245–260.

83. Известия и замечания // Вестник Европы. – 1803. – Ч. 10. – № 15. – С. 227–234.

84. Известия и замечания // Вестник Европы. – 1803. – Ч. 3. – № 12. – С. 345–361.

85. Известия и замечания // Вестник Европы. – 1802. – Ч. 4. – № 16. – С. 241–252.

86. Известия и замечания [Ответ Людовика XVIII Наполеону] // Вестник Европы. – 1803. – Ч. 11. – № 18. – С. 155–162.

87. Извлечение из письма, писанного из Парижа 1 го ноября прошлого года // Вестник Европы. – 1805. – Ч. 19. – № 3. – С. 228–245.

88. Изображение нынешнего состояния Франции // Вестник Европы. – 1805. – Ч. 23. – № 17. – С. 62–75.

89. Изображение состояния Французской республики, представленное консулами законодательному совету // Вестник Европы. – 1802. – Ч. 1. – № 1. – С. 84–98.

90. Исправление важного и вообще распространенного исторического заблуждения // Политический журнал: с показанием ученых и других вещей. – 1791. – Ч. 9 (сентябрь). – С. 1–15.

91. История французской революции, избранная из латинских писателей // Вестник Европы. – 1802. – Ч. 1. – № 1. – С. 20–37.

92. Карамзин Н.М. Всеобщее обозрение / Н.М. Карамзин // Вестник Европы. – 1802. – Ч. 1. – № 1. – С. 66–84.

93. Карамзин Н.М. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени / Н.М. Карамзин // Вестник Европы. – 1802. – Ч. 3. – № 12. – С. 314–331.

94. Крамер К.Ф. Письмо из Парижа / К.Ф. Крамер, пер. с фр. Н.М. Карамзин // Вестник Европы. – 1803. – Ч. 3. – № 9. – С. 65–77.

95. Нечто о Венеции при ее падении // Вестник Европы. – 1802. – Ч. 3. – № 10. – С. 147–155.

96. О состоянии политических дел Европы в продолжение 1805 года и первых трех месяцев нынешнего // Вестник Европы. – 1806. – Ч. 28. – № 14. – С. 122–155.

97. Первые годы царствования Александра I // Вестник Европы. – 1804. – Ч. 18. – № 21. – С. 64–72.

98. Перечень известий // Вестник Европы. – 1804. – Ч. 15. – № 9. – С. 73–86.

99. Письмо из Варшавы, о великом тамошнем перевороте // Политический журнал: с показанием ученых и других вещей. – 1791. – Ч. 5. (май). – С. 139–143.

100. Письмо из Парижа // Вестник Европы. – 1802. – Ч. 1. – № 2. – С. 28–35.

101. Польша // Политический журнал: с показанием ученых и других вещей. – 1791. – Ч. 9 (сентябрь). – С. 113–117.

102. Польша // Санктпетербургские ведомости. – 1791 (ноябрь). – № 92. – С. 1812–1813.

103. Польша // Санктпетербургские ведомости. – 1791. – № 43 (май). – С. 790–792.

104. Польша // Санкт-петербургские ведомости. – 1791. – № 50 (июнь). – С. 1025.

105. Польша // Санкт-петербургские ведомости. – 1791. – № 64 (август). – С. 1235.

106. Последние политические мысли, предложенные Неккером французскому народу // Вестник Европы. – 1802. – Ч. 5. – № 20. – С. 301–319.

107. Республика Семи-Островов // Вестник Европы. – 1802. – Ч. 4. – № 14. – С. 145–154.

108. Речь, говоренная Наполеону Бонапарту Президентом Сената // Вестник Европы. – 1805. – Ч. 19. – № 4. – С. 315–323.

109. Франция // Санктпетербургские ведомости. – 1791. – № 79 (октябрь). – С. 1590–1593.

110. Хищения Наполеоновы // Вестник Европы. – 1805. – Ч. 24. – № 23. – С. 217–233.

111. Цезарь, Кромвель, Бонапарте. Параллель // Вестник Европы. – 1804. – Ч. 17. – № 20. – С. 335–340.

1.2.2. Публицистические произведения российских и иностранных авторов, опубликованные на страницах отечественной периодической печати

112. Глас истины / Э.М. Арндт // Сын Отечества. – 1812. – Ч. 1. – № 1. – С. 3–17.

113. Глинка С.Н. Благодарственная песнь Богу, при известии о взятии Парижа / С.Н. Глинка // Русский вестник. – 1814. – Кн. 10. – С. 59–63.

114. Глинка С.Н. Вступление / С.Н. Глинка // Русский вестник. – 1808. – Ч. 1. – № 1. – С. 3–10.

115. Глинка С.Н. Мнения известнейших русских писателей о воспитании отечественном и о иноземцах / С.Н. Глинка // Русский Вестник. – 1808. – № 1. – С. 43–52.

116. Глинка С.Н. Напоминание о Екатерине Второй / С.Н. Глинка // Русский вестник. – 1808. – № 4. – С. 3–45.

117. Глинка С.Н. О воспитании русских до Петра Великого // Русский Вестник. – 1808. – № 3. – С. 278–299.

118. Глинка С.Н. Петр Великий / С.Н. Глинка // Русский вестник. – 1808. – Ч. 1. – № 1. – С. 11–22.

119. Глинка С.Н. Примерная приверженность и признательность крестьян при кончине благодетельного помещика / С.Н. Глинка // Русский вестник. – 1809. – № 2. – С. 207–229.

120. Кайсаров А.С. Речь о любви к Отечеству / А.С. Кайсаров // Сын Отечества. – 1813. – № 27. – С. 3–20.

121. Каким образом лжеумствователи французские развращали народ // Русский вестник. – 1814. – № 4. – С. 15–22.

122. Карамзин Н.М. О легкой одежде модных красавиц девятаго-надесять века / Н.М. Карамзин // Вестник Европы. – 1802. – Ч. 2. – № 7. – С. 250–255.
123. Карамзин Н.М. О любви к отечеству и народной гордости / Н.М. Карамзин // Вестник Европы. – 1802. – Ч. 1. – № 4. – С. 56–69.
124. Карамзин Н.М. О новом образовании народного просвещения в России / Н.М. Карамзин // Вестник Европы. – 1803. – Ч. 8. – № 5. – С. 49–61.
125. Карамзин Н.М. Отчего в России мало авторских талантов? / Н.М. Карамзин // Вестник Европы. – 1802. – Ч. 4. – № 14. – С. 120–128.
126. Карамзин Н.М. Письмо сельского жителя / Н.М. Карамзин // Вестник Европы. – 1803. – Ч. 11. – № 17. – С. 42–59.
127. Нечто о врожденном чувстве душ Российских // Зритель. – 1792. – Ч. 1. (февраль). – С. 9–25.
128. О новых благородных училищах, заводимых в России: Письмо из Т. / N.N. // Вестник Европы. – 1802. – Ч. 2. – № 8. – С. 358–366.
129. Об освобождении Москвы от поляков // Вестник Европы. – 1807. – Ч. 35. – № 17. – С. 34–54.
130. От почтенного Староверова к Издателю Русского вестника / А.С. Шишков // Русский вестник. – 1808. – Ч. 3. – С. 201–216.
131. Письмо к знаменитому художнику [И.П. Мартосу], о памятнике Минина и Пожарского // Русский вестник. – 1808. – Ч. 1. – № 3. – С. 262–277.
132. Письмо к издателям // Зритель. – 1792 (сентябрь). – С. 3–32.
133. Письмо к издателям о вертушках // Зритель. – 1792. – Ч. 2 (май). – С. 19–34.
134. Плавильщиков П.А. Театр (продолжение) / П.А. Плавильщиков // Зритель. – 1792. – Ч. 2. (август). – С. 251–268.
135. Плавильщиков П.А. Театр / П.А. Плавильщиков // Зритель. – 1792. – Ч. 2. (июнь). – С. 121–145.
136. Плавильщиков П.А. Трагедия / П.А. Плавильщиков // Зритель. – 1792. – Ч. 2. (август). – С. 269–278.

137. Прожика А. Разговор Юлия Цесаря с Пожарским в царстве мертвых / А. Прожика // В удовольствие и пользу. – 1811. – Ч.2. – С. 280–287.

138. Стопановский Ф.С. Разговор о том, что преимущественно заниматься должно языком отечественным / Ф.С. Стопановский // В удовольствие и пользу. – 1811. – Ч. 2. – С.195–225.

139. Струговщиков А.С. О Бонапарте / А.С. Струговщиков // Сын Отечества. – 1812. – Ч. 2. – № 7. – С. 3–8.

140. Уваров С.С. Император Всероссийский и Бонапарте (начало) / С.С. Уваров // Сын Отечества. – 1814. – № 28. – С. 70–79.

141. Уваров С.С. Император Всероссийский и Бонапарте (окончание) / С.С. Уваров // Сын Отечества. – 1814. – № 30. – С. 157–166.

142. Уваров С.С. Император Всероссийский и Бонапарте (продолжение) / С.С. Уваров // Сын Отечества. – 1814. – № 29. – С. 120–127.

1.2.3. «Рецензии» российских авторов на отечественную драматургию и сочинения

143. Брут или освобожденный Рим. Письмо от неизвестного о сем творении // Северный вестник. – 1805. – Ч. 8. – № 10. – С. 41–55.

144. Грузинцев А.Н. Похвала господину Сумарокову / А.Н. Грузинцев // Новости русской литературы. – 1803. – Ч. VII. – С. 329–346.

145. Каченовский М.Т. Письмо города N.N. в столицу [Полемика по поводу статей П.И. Макарова в «Московском Меркурии» и «Рассуждению о старом и новом слоге российского языка»] / Лука Говоров [М.Т. Каченовский] // Вестник Европы. – 1807. – Ч. 32. – № 8. – С. 283–306.

146. Макаров П.И. Критика на книгу под названием «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка» / П.И. Макаров // Московский Меркурий. – 1803. – № 12. – С. 155–198.

147. Мерзляков А.Ф. Сумароков (окончание) / А.Ф. Мерзляков // Вестник Европы. – 1817. – Ч. 94. – № 14. – С. 106–140.

148. Рецензия. Письмо неизвестного // Северный вестник. – 1804. – Ч. 4. – № 11. – С. 129–149.

149. Шишков А.С. Ответ на письмо господина Луки Говорова [М.Т. Каченовского], напечатанное в Вестнике Европы апреля 1807 № 8, под заглавием: Письмо из города N.N. в столицу / А.С. Шишков // Вестник Европы. – 1807. – Ч. 36. – № 24. – С. 241–267.

150. Языков Д.И. Письмо от неизвестного / Д.И. Языков // Северный вестник. – 1804. – Ч. 1. – № 1. – С. 17–28.

1.3. Литературно-публицистические произведения

151. Альтести А.И. Записки о нынешнем возмущении Польши / А.И. Альтести, пер. с фр. Н.М. Яценков. – СПб. : Имп. Акад. наук., 1792. – 77 с.

152. Глинка С.Н. Предисловие // Были и небылицы, и гражданское уложение Екатерины II / С.Н. Глинка. – М. : Тип. Семена Селиванского, 1832. – С. I–X.

153. Дашков Д.В. О легчайшем способе возражать на критики / Д.В. Дашков. – СПб. : Тип. Шнора, 1811. – 75 с.

154. Державин Г.Р. Из поэмы Пожарский / Г.Р. Державин // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. – СПб. : Изд. Имп. Академии наук, 1866. – Т. 3. Стихотворения. – Ч. III. – С. 469–473.

155. Захарьин П.М. Путь к благонравию, или Сокращенное наставление обучающемуся юношеству / П.М. Захарьин. – М. : Тип. А. Решетникова, 1796. – 104 с.

156. Историческое описание монумента, воздвигнутого гражданину Минину и князю Пожарскому в столичном городе Москве : С присовокуплением именного списка особ, принесших денежные пожертвования во всех частях России на сооружение сего монумента. – СПб. : Имп. тип., 1818. – 226 с.

157. Карамзин Н.М. Речь, произнесенная на торжественном собрании императорской Российской академии / Н.М. Карамзин // Карамзин Н.М.

Избранные сочинения в двух томах : 2-х т. – М.;Л. : Художественная литература, 1964. – Т. 2. – С. 233–242.

158. Кулешов Н.Г. Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: в 2-х ч. / Н.Г. Кулешов. – М. : Ун-т. тип., 1814. – Ч. 1. – 247 с.

159. Кулешов Н.Г. Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году : в 2-х ч. / Н.Г. Кулешов. – М. : Ун-т. тип., 1814. – Ч. 2. – 252 с.

160. Ломоносов М.В. Петр Великий / М.В. Ломоносов // М.В. Ломоносов. Избранные произведения. – Л. : Советский писатель, 1986. – С. 280–311.

161. Лопухин И.В. Изображение мечты равенства и буйной свободы с пагубными их плодами / И.В. Лопухин. – М. : Тип. Пономарева, 1794. – 30 с.

162. Муравьев М.Н. Опыты истории, писмен и нравоучения / М.Н. Муравьев. – СПб. : Имп. тип., 1796. – 152 с.

163. Ростопчин Ф.В. Замечание графа Ф. В. Ростопчина на книгу г-на Стройновского // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском ун-те. – 1860. – Кн. 2. – С. 203–217.

164. Ростопчин Ф.В. Мысли в слух на красном крыльце / Ф.В. Ростопчин. – М. : Тип. Платона Бекетова, 1807. – 16 с.

165. Ростопчинские афиши 1812 г. / Ф.В. Ростопчин, под ред. А.С. Суворин. – СПб. : Изд-во А.С. Суворина, 1889. – 54 с.

166. Станевич Е.И. Рассуждение о русском языке : в 2-х ч. / Е.И. Станевич. – СПб. : Тип. Ивана Глозунова, 1808. – Ч. 1. – 70 с.

167. Херасков М.М. Россиада, ироическая поэма / М.М. Херасков. – СПб. : при Имп. Мос. Ун-те, 1779. – 282 с.

168. Ширинский-Шихматов С.А. Петр Великий / С.А. Ширинский-Шихматов. – СПб. : Тип. Шнора, 1810. – 216 с.

169. Шишков А. С. Рассуждения о любви к Отечеству / А. С. Шишков. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1811. – 53 с.

170. Шишков А.С. Прибавление к сочинению, называемому Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка или собрание критик, изданных на мою книгу с примечанием на оные / А.С. Шишков. – СПб. : В Морской тип, 1804. – 170 с.

171. Шишков А.С. Рассуждения о старом и новом слоге русского языка / А.С. Шишков. – СПб. : В Имп. тип., 1803. – 453 с.

1.4. Законодательные акты (манифесты, указы, высочайше утвержденные мнения, доклады и уставы)

172. Воззвание к Первопрестольной столице в Москве // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. – СПб. : В Морской тип., 1816. – С. 12–13.

173. Высочайше утвержденный доклад министра народного просвещения «О предположения касательно частных пансионеров» (25 мая 1811) // ПСЗРИ. – 1830. – Т. 31. – № 24647. – С. 665–666.

174. Высочайше утвержденный Устав Российской Императорской Академии (Доклад Президента Российской Императорской Академии) // ПСЗРИ. – 1830. – Т. 35. – № 27380. – С. 300–313.

175. Известие о сражении произошедшем под Лейпцигом // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. – СПб. : В Морской тип., 1816. – С. 143–148.

176. Манифест к народу о изгнании врага из Москвы, о бегстве его и Высочайшем благоволении всем состояниям за единодушное содействие // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. – СПб. : В Морской тип., 1816. – С. 60–64.

177. Манифест о восстановлении жалованной дворянству грамоты // ПСЗРИ. – Т. 1830. – № 19810. – С. 601–602.

178. Манифест о заключении мира, между Россией и Швецией // ПСЗРИ. – 1830. – Т. 30. – № 23883. – С. 1186–1193.

179. Манифест о изгнании неприятеля из пределов России // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. – СПб. : В Морской тип., 1816. – С. 91–94.

180. Манифест о кончине императора Павла I, и о вступлении на престол императора Александра I (с приложением клятвенного обещания) // ПСЗРИ. – 1830. – Т. 26. – № 19779. – С. 583–584.

181. Манифест о покорении Парижа // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. – СПб. : В Морской тип., 1816. – С. 153–156.

182. Манифест о покорении шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России // ПСЗРИ. – 1830. – Т. 30. – № 22911. – С. 146–147.

183. Манифест о присоединении Польских областей к России // ПСЗРИ. – 1830. – Т. 23. – № 17108. – С. 410–412.

184. Манифест о разных дарованных народу милостях // ПСЗРИ. – 1830. – Т. 23. – № 17149. – С. 456–460.

185. Манифест после всеобщего окончания дел // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. – СПб. : В Морской тип., 1816. – С. 194–208.

186. Манифест с объявление о вшествии неприятеля в пределы России и о всеобщем противу него ополчении // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. – СПб. : В Морской тип., 1816. – С. 14–16.

187. О предоставлении купечеству, мещанству и казенным поселянам приобретать покупкою землю // ПСЗРИ. – 1830. – Т. 26. – № 20075. – С. 862–863.

188. Распоряжение императора Павла об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими // Русская старина. – 1872. – Т. 6. – № 7. – С. 531.

189. Рескрипт фельдмаршалу графу Салтыкову // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. – СПб. : В Морской тип., 1816. – С. 9.

190. Речь, произнесенная государем императором Александром I при открытии Сейма Царства Польского 15 (27) марта 1818 г. // Болтунова Е.М. Последний польский король. Коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в / Е. Болтунова. – М. : Новое литературное обозрение, 2022. – С. 506–509.

191. Указ его Святейшему Правительствующему Синоду, Государственному Совету и Правительствующему Сенату [О поднесении титула Александра I] // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. – СПб. : В Морской тип., 1816. – С. 157–165.

192. Конституция Польши 3 мая 1791 г. // Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. – М. : Международные отношения, 2002. – С. 516–526.

193. Милостивый манифест 30 августа 1814 года // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. – СПб. : В Морской тип., 1816. – С. 166–176.

194. Всенародное известие по высочайшему повелению из Москвы от 17 октября 1812 г. // Собрание манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг. – СПб. : В Морской тип., 1816. – С. 50–57.

1.5. Проекты, записки и мнения

195. Державин Г.Р. Записка об указе о вольных хлебопашцах 1803 г. // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1866. – Т. 6. – С. 813–816.

196. Записка А.А. Безбородко «О потребностях империи Российской». 1799 г. / А.А. Безбородко // Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России XVIII начала XX вв. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 194–198.

197. Записка графа Ф.В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы Павловского царствования / Ф.В. Ростопчин // Русский архив. – 1878. – № 1. – С. 103–110

198. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин, прим. Ю.С. Пивоваров. – М. : Наука, 1991. – С. 16–110.

199. Карамзин Н.М. Мнение русского гражданина // Консерватизм: pro et contra, антология / сост., вступ. статья, коммент. А.Я. Кожурина; ред., предисл. А.А. Сеницына. – СПб. : РХГА, 2016. – С. 103–106.

200. Оленин А.Н. О истинном и естественном основании составов государственных законов / А.Н. Оленин // Майофис М. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 гг. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – С. 748–750.

201. Ростопчин Ф.В. Записка о Мартинистах, представленная в 1811 году графом Ростопчиным Великой Княгине Екатерине Павловне / Ф.В. Ростопчин // Русский архив. Историко-литературный сборник. – 1879. – Вып. 9. – Стб. 77–84.

202. Ростопчин Ф.В. Картина Франции, представленная императору Александру I / Ф.В. Ростопчин // Русский архив. Историко-литературный сборник. – 1872. – Вып. 5. – Стб. 965–985.

203. Сафонов М.М. Конституционный проект Н.И. Панина и Д.И. Фонвизина / М.М. Сафонов // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л. : Наука, 1974. – С. 261–281.

204. Сафонов М.М. Конституционный проект П.А. Зубова – Г.Р. Державина / М.М. Сафонов // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л. : Наука, 1978. – С. 237–243.

205. Шишков А.С. Дело достойное примечания (О продаже крепостных) / А.С. Шишков, изд. Н. Киселева и Ю. Самарина // Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. – Берлин : Тип. И. С. Скрейшовского, 1871. – Т. 2. – С. 109–134.

206. Шишков А.С. Примечания на главу шестую Проекта гражданского уложения в 2 т. / А.С. Шишков, изд. Н. Киселева и Ю. Самарина // Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. – Берлин : Тип. И.С. Скрейшовского, 1871. – Т. 2. – С. 146–151.

207. Шишков А.С. Примечания на первую главу Проекта гражданского уложения : в 2 т. / А.С. Шишков, изд. Н. Киселева и Ю. Самарина // Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. – Берлин : Тип. И.С. Скрейшовского, 1871. – Т. 2. – С. 53–74.

1.6. Исторические сочинения

208. Антидот // Осмнадцатый век : в 4 кн. – СПб. : Тип. Т. Рис у Мясницких ворот, Д. Воейкова, 1869. – Кн. 4. – С. 225–463

209. Берлинский М.Ф. Краткая российская история: для употребления юношеству, начинающему обучаться истории, : Продолженная до исхода XVIII столетия / М.Ф. Берлинский. – М. : Губ. тип. А. Решентникова, 1800. – 151 с.

210. Болтин И.Н. Примечания на Историю древней и нынешней России Г. Леклерка : в 2 т. / И.Н. Болтин. – СПб. : Тип. горн. ун-та, 1788. – Т. 2. – 558 с.

211. Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого): в 2 вып. / сост. Т.С. Майкова; под. общ. ред. А.А. Преображенского. – М. : Кругъ, 2004. – Вып. 1. – 632 с.

212. Глинка С.Н. Русская история : в 8 ч. / С.Н. Глинка. – М. : Ун-т. тип, 1823. – Ч. 8. – 208 с.

213. Глинка С.Н. Русская история : в 8 ч. / С.Н. Глинка. – М.: Ун-т тип, 1823. – Ч. 5. – 215 с.
214. Голиков И.И. Деяния Петра Великого / И.И. Голиков. – М. : в Ун-т. тип. Н. Новикова, 1789. – Ч. IX. – 512 с.
215. Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого: в 18-и т. / И.И. Голиков. – М. : В Ун-т. тип. у В. Огорокова, 1790. – Т. 3. – 551 с.
216. Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого: в 18-и т. / И.И. Голиков. – М.: В Ун-т. тип. у В. Огорокова, 1790. – Т. 1. – 443 с.
217. Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого: в 18-и т. / И.И. Голиков. – М. : В Ун-т. тип. у В. Огорокова, 1790. – Т. 2. – 487 с.
218. Ильинский Н.С. Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самага их основания. Заключающее в себе многия достойныя любопытства происходимости : в 5 ч. / Н.С. Ильинский. – СПб. : Тип. Б.Л. Гека. – Ч. 1. – 380 с.
219. Ильинский Н.С. Описание жизни и бессмертного подвига славного мужа нижегородского купца Козьмы Минина : выбранное из исторических преданий / Н.С. Ильинский. – СПб. : Тип. губ. правления, 1799. – 78 с.
220. Карамзин Н.М. История государства Российского : в 12 т. / Н.М. Карамзин. – СПб. : В Тип. Н.И. Греча, 1818. – Т. 1. – 254 с.
221. Колотов П.С. Деяния Екатерины II, императрицы и самодержицы всероссийския / П.С. Колотов. – СПб. : В тип. Ф. Дрехслера, 1811. – Ч. 6. – 384 с.
222. Колотов П.С. Деяния Екатерины II, императрицы и самодержицы всероссийской / П.С. Колотов. – СПб. : В тип. Ф. Дрехслера, 1811. – Ч. 1. – 300 с.
223. Летопись о многих мятежах и о разорении Московскаго государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен... / под ред. М.М. Щербатова. – СПб. : Тип. Сухопут. кад. корпуса, 1771. – 394 с.
224. Ломоносов М.В. Краткий российский летописец с родословием / М.В. Ломоносов. – СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1760. – 85 с.
225. Львов П.Ю. Пожарский и Минин, спасители Отечества / П.Ю. Львов. – СПб. : Тип. Плавильщикова, 1810. – 226 с.

226. Манкиев А.Я. Ядро российской истории / А.Я. Манкиев. – М. : при Имп. Московский ун-т, 1770. – 420 с.

227. Нехачин И.В. Новое ядро российской истории / И.В. Нехачин. – М. : В тип. С. Селивановского, 1809. – Ч. 2. – 418 с.

228. Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. – СПб. : Тип. К. Шнора, 1799. – 327 с.

229. Татищев В. Н. История Российская / В.Н. Татищев // Татищев В.Н. Собр. соч. в 8 т. – М. : Ладомир, 1994. – Т. 1. – Ч. 1. – 500 с.

230. Шишкова А.С. Письмо к издателю Русского вестника / А.С. Шишков // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. – СПб. : Имп. Рос. Акад., 1831. – Ч. XIV. – С. 256–268.

231. Щербатов М.М. История российская от древнейших времен : в 7 т. / М.М. Щербатов. – СПб. : Императорская Академия наук, 1791. Т. VII. – 626 с.

232. Янкович де Мириево Ф.И. Краткая российская история для народных училищ / Ф.И. Янкович де Мириево. – СПб. : Тип. Комиссии училищ Ф. Брункова, 1799. – 191 с.

1.7. Драматургические сочинения

233. Глинка С.Н. Минин, Отечественная драма в трех действиях, в стихах / С.Н. Глинка. – М. : Тип. С. Селивановского, 1817. – 54 с.

234. Глинка С.Н. Пожарский и Минин, или Пожертвования россиян / С.Н. Глинка. – М. : В типографии Платона Бекетова, 1807. – 18 с.

235. Державин Г.Р. Пожарский, или освобожденная Москва / Г.Р. Державин // Сочинения Державина : с объяснительными примечаниями Я. Грота : в 9 т. – СПб. : Имп. Академии наук, 1867. – Т. 4. – С. 135–192.

236. Крюковской М.В. Пожарский. Трагедия в трех действиях / М.В. Крюковской // Стихотворная трагедия конца XVIII – начала XIX вв. – М. : Советский писатель, 1963. – С. 257–286.

237. Нарезный В.Т. Димитрий Самозванец. Трагедия в пяти действиях / В.Т. Нарезный. – М. : Тип. Платона Бекетова, 1804. – 260 с.

238. Рылеев К.Ф. Димитрий Самозванец / К.Ф. Рылеев // К.Ф. Рылеев. Думы. – М. : Наука, 1975. – С. 65–68.

239. Сумароков А.П. Димитрий Самозванец / А.П. Сумароков // А.П. Сумароков. Избранные произведения. – Л. : Советский писатель, 1957. – С. 425–470.

240. Херасков М.М. Освобожденная Москва / М.М. Херасков. – М. : В ун-ой тип. Хр. Ридшера и Хр. Клаудия, 1798. – 117 с.

241. Ширинский-Шихматов С.А. Пожарский, Минин, Гермоген, или спасенная Россия / С.А. Ширинский-Шихматов. – СПб. : Имп. тип., 1807. – 70 с.

242. Шишков А.С. Невольничество / А.С. Шишков. – СПб. : Тип. Морского кадетского корпуса, 1780. – 55 с.

1.8. Сочинения зарубежных авторов

243. Аристотель. Политика / пер. с др. гр. С.А. Жабелева // Аристотель. Сочинения. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 376–644.

244. Лафонтен А. Брут или Освобожденный Рим / пер. с немецкого. – М. : Тип. Ф. Гиппиуса, 1805. – 275 с.

245. Монтескье Ш.–Л. О духе законов / пер. с фр. А. Матешука. – М. : Мысль, 1999. – 672 с.

246. Плутарх. Сравнительные жизнеописания / под ред. С.С. Аверинцев. В 2-х т. – М. : Наука, 1994. – Т. 1. – 712 с.

247. Плутарх. Сравнительные жизнеописания / под ред. С.С. Аверинцев. В 2-х т. – М. : Наука, 1994. – Т. 2. – 674 с.

248. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре / пер. с фр. А.Д. Хаютин. – М. : Кучково поле, 1998. – 416 с.

249. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми / пер. с фр. В.С. Алексеев-Попов, Ю.М. Лотман, Н.А. Полторацкий, А.Д. Хаютин // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М. : Наука, 1969. – С. 31–108.

250. Шатобриан Ф.–Р. Опыт исторический, политический и нравственный о древних и новейших переворотах или взаимное сличение государств древнего и нового мира : 2-х ч. / пер. с фр. Д. Воронов. – СПб. : Тип. В. Плавильщикова, 1817. – Ч. 2. – 303 с.

2. Исследования

1. Алексеева Е.В., Редин Д.А., Рей М.–П. «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода / Е.В. Алексеева, Д.А. Редин, М.–П. Рей // Вопросы истории. – 2016. – № 6. – С. 3–20.

2. Алексеева Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках / Н.Ю. Алексеева. – СПб. : Наука, 2005. – 376 с.

3. Альтшуллер М.Г. А.С. Шишков о французской революции / М.Г. Альтшуллер // Русская литература. – 1991. – № 1. – С. 144–149.

4. Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства / М.Г. Альтшуллер. Изд-ие 2-е. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 448 с.

5. Альтшуллер М.Г. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» как политический документ: (А.С. Шишков и Н.М. Карамзин) / М.Г. Альтшуллер // *Russia and the West in the nineteenth century*. – 1983. – С. 214–222.

6. Альтшуллер М.Г. Шишков и Карамзин в споре о судьбах России / М.Г. Альтшуллер // Литературоведческий журнал ун-та Питтсбурга. – 2011. – № 28. – С. 43–57.

7. Амбарцумов И.В. Акты российской верховной власти периода 1812–1814 гг. как памятник патриотической публицистики / И.В. Амбарцумов // Петербургские военно-исторические чтения. – 2013. – С. 5–12.

8. Андреева Т.В. Александр I и «Тайное общество» декабристов. 1818–1825 гг.: политическая толерантность или прагматические задачи? /

Т.В. Андреева // Труды исторического факультета СПбГУ. – 2012. – № 11. – С. 203–219.

9. Андреева Т.В. Александр I и внутренняя безопасность Российской империи: правительство, тайные общества и дворянство / Т.В. Андреева // Петербургский исторический журнал. – 2018. – № 1. – С. 65–88.

10. Андреева Т.В. Государственное управление России во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике / Т.В. Андреева // Петербургский исторический журнал. – 2016. – № 3. – С. 19–60.

11. Андросенко Н.П. Переосмысление консерватизма. Консерватизм как система познания / Н.П. Андросенко // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2013. – № 1. – С. 98–110.

12. Антонов Д.И. Смута в культуре средневековой Руси: эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века / Д.И. Антонов. – М. : РГГУ, 2009. – 424 с.

13. Арискина Ю.Э. Негласный комитет: истоки реформаторской политики Александра I : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ю.Э. Арискина. – М. : Московский гос. ун-т. им. М.В. Ломоносова, 2015. – 365 с.

14. Артамонов Д.С. Тираноборческие и террористические идеи в русской политической культуре первой четверти XIX в. : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2006. – 301 с.

15. Артемьева Т.В. История метафизики в России XVIII века / Т.В. Артемьева. – СПб. : Алетейя, 1996. – 320 с.

16. Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков (от составителей) [Электронный ресурс] / Т. Атнашев, М. Велижев // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 4. – Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/134_nlo_4_2015/article/11534/

17. Бессчетнова Е.В. Карамзин – рыцарь русского Просвещения / Е.В. Бессчетнова // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / общ. ред. и сост. А. А. Кара-Мурза, В. Л. Шарова, А. Ф. Яковлева. – М. : Аквилон, 2016. – С. 177–197.

18. Бессчетнова Е.В. Н.М. Карамзин: у истоков русского просвещения / Е.В. Бессчетнова // Вопросы философии. – 2016. – № 12. – С. 117–122.

19. Бовыкин Д.Ю. Год 1795: несостоявшаяся реставрация / Д.Ю. Бовыкин // Французский ежегодник. – 2003. – Т. 2003. – С. 34–74.

20. Богданов А.П. Стих торжества: рождение русской оды / А.П. Богданов. – М. : ИРИ РАН, 2012. – 676 с.

21. Бодрова А. Кто же был составителем «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»? [Электронный ресурс] / А. Бодрова // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 6. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/6/kto-zhe-byl-sostavitelem-sobraniya-stihotvorenij-otnosyashhihsya-k-nezabvennomu-1812-godu.html>

22. Бодянский О.М. Предисловие / О.М. Бодянский // История Российская с древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. – М.: Императорский Московский Университет., – 1843. – Кн. 5. – С. I–IX.

23. Болтунова Е.М. Последний польский король. Коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. / Е.М. Болтунова. – М. : Новое литературное обозрение, 2022. – 560 с.

24. Бочкарев В.Н. Консерваторы и националисты в России в начале XIX в. / В.Н. Бочкарева // Отечественная война и русское общество. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1911. – Т. 2. – С. 194–220.

25. Бродский Н.Л. Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века. / Н.Л. Бродский. – М. : Аграф, 2001. – 496 с.

26. Бугров Д.В. "Полет с наступлением сумерек" (генезис и характер российского консервативного утопизма) / Д.В. Бугров // Известия Уральского

государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 53. – № 14. – С. 143–152.

27. Бугров Д.В. Исторические перспективы Германии в отражении русского утопического традиционализма рубежа XIX–XX вв. / Д.В. Бугров // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.) : Мат-лы научной конференции «Германия – Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.» (Екатеринбург, 03–09 сентября 1999 г.). – Екатеринбург : Изд-во «Волот», 2001. – С. 455–488.

28. Бугров К.Д. «Счастья общего творец»: панегирики первых лет царствования Александра I и политическая традиция российского монархизма / К. Д. Бугрова // Документ. Архив. История. Современность. Мат-лы VI Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 231–237.

29. Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. : дисс. ... док. ист. наук : 07.00.02 / К.Д. Бугров. – Екатеринбург : Уральский федеральный ун-т. им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2017. – 580 с.

30. Бугров К.Д., Ившин В.С. Трансформация политической культуры российского монархизма в панегириках рубежа XIX в. / К.Д. Бугров, В.С. Ившин // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2021. – № 1. – С. 81–99.

31. Бугров К.Д., Киселев М.А. "Закон" и "Совет": концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50–60-х гг. XVIII в.) / К.Д. Бугров, М.А. Киселев // Диалог со временем. – 2010. – № 33. – С. 110–139.

32. Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века / К.Д. Бугров, М.А. Киселев. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 476 с.

33. Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века : в 2-х т. / Н.Н. Булич. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. – Т. I. – 381 с.

34. Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / А. Валицкий; пер. с польск. К. Душенко. – М. : Новое литературное обозрение, 2019. – 704 с.

35. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Триумф центристского либерализма 1789–1914 / И. Валлерстайн; пер. с англ., ред. Н. Проценко. – М. : Русский фонд содействия образованию и науки, 2016. – Т. IV. – 496 с.

36. Вацуро В.Э. Война 1812 года и эволюция русской элегии. Историческая элегия. Элегия Д. Давыдова / В.Э. Вацуро; под ред. С.А. Фомичев // Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». – СПб. : Наука, 1994. – С. 154–192.

37. Велижев М., Лавринович М. «Сусанинский миф»: становление канона [Электронный ресурс] / М. Велижев, М. Лавринович // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 5. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/5/susaninskij-mif-stanovlenie-kanona.html>

38. Велижев М.Б. «Вестник Европы» в литературной и общественной жизни второй половины 1800-х гг. : автореферат дис. ... канд. филолог. наук : 10.01.01 / М.Б. Велижев. – Москва : РГГУ, 2004. – 23 с.

39. Велижев М.Б. Политик поневоле? Историограф, монарх и публичная сфера в России начала XIX века [Электронный ресурс] / М.Б. Велижев // Новое литературное обозрение. – 2018. – № 3. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/151/article/19757/

40. Велижев М.Б. Республиканизм в общественной мысли России первой половины XIX в. / М.Б. Велижев // Res Publica Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века / под ред. К.А. Соловьев. – М. : Новое литературное обозрение, 2021. – С. 399–505.

41. Велижев М.Б. Чаадаевское дело: идеология, риторика и государственная власть в николаевской России / М.Б. Велижев. – М. : Новое литературно обозрение, 2022. – 392 с.

42. Виноградов В.В. Стилистические противоречия в литературном языке первой трети XIX в. / В.В. Виноградов // Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. – М. : Учпедгиз, 1934. – С. 151–176.

43. Винокур Г.О. Создание общенациональной нормы / Г.О. Винокур // Профессор Г.О. Винокур. Избранные работы по русскому языку / под ред. С.Г. Бархударов. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 84–99.

44. Вишленкова Е.А, «Свой» и «чужие» в карикатуре Двенадцатого года / Е.А. Вишленкова // Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – С. 155–209.

45. Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века / Е.А. Вишленкова. – Саратов : Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2002. – 439 с.

46. Володина Т.А. Русская история С.Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в. / Т.А. Володина // Вопросы истории. – 2002. – № 4. – С. 147–161.

47. Галахов А.Д. История русской словесности, древней и новой / А.Д. Галахов. – СПб. : Тип. Морского министерства, 1868. – Т. II. – 472 с.

48. Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем / А.А. Галкин, П.Ю. Рахшмир. – М. : Наука, 1987. – 192 с.

49. Генифе П. «Рассуждения о Франции» Ж. де Местра и Французская революция / П. Генифе // Французский ежегодник. 2003 : Правые во Франции. – 2003. – Т. 35. – С. 75–119.

50. Горохов А.А. Консерватизм в России и формирование системы консервативных ценностей в русской социально-политической мысли первой половины XIX века / А.А. Горохов : дисс. ... канд. политолог. наук : 23.00.01. – М. : Московский гос. ун-т. им. М.В. Ломоносова, 2015. – 189 с.

51. Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования / под ред. Д.А. Редина. – СПб. : Алетейя, 2018. – 722 с.
52. Грацианский П.С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. / П.С. Грацианский. – М. : Наука, 1984. – 252 с.
53. Гребенщиков А.Е. Адмирал Александр Семенович Шишков: общественно-политические взгляды и государственная деятельность / А.Е. Гребенщиков : дисс. ... канд. ист. наук. : 07.00.02. – Воронеж, 2019. – 316 с.
54. Гребенщиков А.Е. Взгляды адмирала А.С. Шишкова на крестьянский вопрос в России в первой четверти XIX века / А.Е. Гребенщиков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2015. – №. 3. – С. 67–70.
55. Гребенщиков А.Е. Взгляды адмирала А.С. Шишкова на сословный вопрос в России / А.Е. Гребенщиков // *Via in tempore*. История. Политология. – 2016. – Т. 37. – № 1. – С. 85–89.
56. Гросул В.Я. Зарождение русского политического консерватизма / В.Я. Гросул // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1997. – № 1. – С. 21–33.
57. Гудзий Н.К. Французская буржуазная революция и русская литература / Н.К. Гудзий. – М. : Изд-во МГУ, 1944. – 127 с.
58. Гуковский Г.А. Карамзин и сентиментализм / Г.А. Гуковский // История русской литературы. – 1941. – №. 10. – С. 55–105.
59. Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-1760-х годов / Г.А. Гуковский. – М. : Изд-во Академии наук, 1936. – 236 с.
60. Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века / Г.А. Гуковский. – Л. : Худ. лит., 1938. – 315 с.
61. Даренский В. Ю., Котельников В.А., Медоваров М.В., Минаков А.Ю., Самуйлов Г. Н., Лебрён Р., Суарес Х. М.Н., Гаврилов И.Б. Жозеф де Местр (1753–1821) и русская мысль: к 270-летию савойского религиозного мыслителя. Материалы Международной конференции научного проекта

СПбДА «Византийский кабинет» от 7 ноября 2023 г. / В.Ю. Даренский, В.А. Котельников, М.В. Медоварова и др. // Русско-Византийский вестник. – 2024. – № 1. – С. 24–64.

62. Дегтярева М.И. Религиозно-философская мысль Жозефа де Местра в контексте формирования консервативных традиций Европы и России / М.И. Дегтярева : дисс. ... док. философ. наук : 09.00.03. – М. : Ин-т философии РАН, 2009. – 321 с.

63. Джаббаров Р.Р. А.С. Шишков о Петре Великом / Р.Р. Джаббаров // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 181. – С. 128–136.

64. Джаббаров Р.Р. Петр Великий в оценке Н. М. Карамзина / Р.Р. Джаббаров // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – № 1. – С. 98–107.

65. Джаббаров Р.Р. Представители общественной мысли о монархической власти в XVIII веке: С.Н. Глинка о Петре Великом / Р.Р. Джаббаров // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – № 172. – С. 111–118.

66. Егерова Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв.: на примере Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки и Ф.В. Ростопчина / Т.А. Егерова. – М. : Новый Хронограф, 2014. – 416 с.

67. Егоров В.А. Гражданская религия Жан-Жака Руссо в отечественной мысли / В.А. Егоров // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2017. – Т. 18. – № 2. – С. 261–264.

68. Жаринов Д.А. Первые впечатления от войны. Манифесты / Д.А. Жаринов // Отечественная война и русское общество. – М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1911. – Т. 3. – С. 170–179.

69. Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности [Электронный ресурс] / В.М. Живов // Новое литературное обозрение. – 2008.

– № 3. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/3/chuvstvitelnyj-naczionalizm-karamzin-rostopchin-naczionalnyj-suverenitet-i-poiski-naczionalnoj-identichnosti.html>

70. Западные окраины Российской империи / под ред. М.Д. Долбилов, А.И. Миллер. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 608 с.

71. Земскова Е.Е. Русская рецепция немецких представлений о нации в конце XVIII — начале XIX века / Е.Е. Земскова : дисс ... канд. филолог. наук : 10.01.01. – М. : РГГУ, 2002. – 213 с.

72. Земскова Е.Е. Русский патриотизм в немецком переводе: А.С. Шишков в воспоминаниях Э.М. Арндта [Электронный ресурс] / Е.Е. Земскова // Русская антропологическая школа. Режим доступа: <https://kogni.narod.ru/zemskova.htm>

73. Земцов В.Н. Александр Благословенный: взгляд с берегов сены / В.Н. Земцов // *Quaestio Rossica*. – 2014. – № 1. – С. 287–295.

74. Земцов В.Н. Литва при Наполеоне: деятельность временного правительства великого княжества Литовского / В.Н. Земцов // *Вопросы всеобщей истории*. – 2017. – № 19. – С. 61–90;

75. Земцов В.Н. Русские дети Наполеона, или Московский воспитательный дом в 1812 г. / В.Н. Земцов // *Уральский исторический вестник*. – 2009. – № 3. – С. 113–121

76. Златопольская А.А. Русские переводы Ж.–Ж. Руссо и цензура / А.А. Златопольская // *Чтения Отдела русской литературы XVIII века*. – 2013. – № 7. – С. 244–256.

77. Зорин А.Л. Кормя двухглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой четверти XIX вв. / А.Л. Зорин. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 416 с.

78. Зяблова Т.Е. Конституция Польши 3 мая 1791 г.: историческое значение / Т.Е. Зяблова // *Вестник Владимирского юридического института*. – 2020. – № 1. – С. 183–188.

79. Иванов А.А., Казин А.Л., Светлов Р.В. Русский национализм: основные вехи исторического осмысления / А.А. Иванов, А.Л. Казин, Р.В. Светлов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – № 4. – С. 143–157.

80. Иванов И.А. «Нешастное и постыдное приключение» как предвестник восстания декабристов. "Семеновская история" 1820 г. В зеркале государственной безопасности / И.А. Иванов // Петербургский исторический журнал. – 2017. – № 4. – С. 32–44.

81. Ивинский А.Д. Екатерина II, М.Н. Муравьев и Карамзин: к вопросу о контекстах «истории государства Российского» / А.Д. Ивинский // Литературоведческий журнал. – 2017. – № 40. – С. 146–167.

82. Ивинский А.Д. Из предыстории «арзамасской галиматии»: письма М.Н. Муравьева и В.В. Ханькова (по материалам ОПИ ГИМ) / А.Д. Ивинский // Болдинские чтения : 2018, Болдино, 12–14 сентября 2017 года. – Болдино : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2018. – С. 102–113.

83. Ивинский А.Д. Литературная политика императрицы Екатерины II: «Собеседник любителей русского слова» / А.Д. Ивинский : дисс. ... канд. филолог. наук : 10.01.01. – М. : Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2009. – 338 с.

84. Ильин А.А. К истории понятия «революция» в России / А.А. Ильин // Ильин А.А. История понятия «революция» у А. И. Герцена и М.А. Бакунина. – дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.09. – М. : НИУ ВШЭ, 2018. – С. 32–67.

85. Ильин М.В. Слова и смыслы: Деспотия. Империя. Держава / М.В. Ильин // Полис. Политические исследования. – 1994. – № 2. – С. 117–130.

86. Ильин П.В. Между заговором и престолом. Я.И. Ростовцев в событиях междоусобия 1825 года / П.В. Ильин. – СПб. : Нестор-История, 2008. – 300 с.

87. Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. и ред. А.А. Киселевой. – Харьков : Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.

88. Кагарлицкий Ю.В. Сакрализация как прием: ресурсы убедительности и влиятельности имперского дискурса в России XVIII века / Ю.В. Кагарлицкий // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 4. – С. 66–77.

89. Кагарлицкий Ю.В. Фигура наследника престола и репрезентации верховной власти в русской проповеди XVIII — первой половины XIX века / Ю.В. Кагарлицкий // Вереница литер : сб. статей к 60-летию В.М. Живова. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – С. 427–449.

90. Казаков Н.И. Наполеон глазами его русских современников / Н.И. Казаков // Новая и новейшая история. – 1970. – № 3. – С. 31–47.

91. Казаков Р. «Где Польша?»: Н.М. Карамзин и польский вопрос в конце XVIII – первой четверти XIX века / Р. Казаков // Tabularium Historiae. – 2019. – Т. 6. – С. 93–128.

92. Казакова Г.Х. Взгляд молодого французского аристократа на великую французскую революцию (на примере «Опыта о древних и новых революциях» Ф.Р. де Шатобриана) / Г.Х. Казакова // Вестник Пермского университета. История. – 2013. – № 3. – С. 202–206.

93. Каменский А.Б. «Отторженная возвратих»: Разделы Польши и концепция собирания русских земель / А.Б. Каменский // Труды по Россиеведению. – 2016. – № 6. – С. 220–261.

94. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа / А.Б. Каменский. – М. : Изд-во Рос. гос. гум. ун-та, 2001. – 575 с.

95. Каплун В.Л. «Жить Горацием или умереть Катонном»: российская традиция гражданского республиканизма [Электронный ресурс] / В.Л. Каплун // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 5. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/5/zhit-goracziem-ili-umeret-katonom-rossijskaya-tradicziya-grazhdanskogo-respublikanizma.html>

96. Кара-Мурза А.А. Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина / А.А. Кара-Мурза // Филология: научные исследования. – 2016. – № 1. – С. 101–106.

97. Киселев М.А. Адаптация антиабсолютистского монархизма в России в первые две трети XVIII века / М.А. Киселев // Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века / под ред. С.В. Польского и В.С. Ржеуцкого. – М. : Новое литературное обозрение, 2022. – С. 339–374.

98. Киселев М.А. Карамзин и Конституция [Электронный ресурс] / М.А. Киселев // Новый мир. – 2016. – № 7. Режим доступа: <https://nm1925.ru/articles/2016/201607/karamzin-i-konstitutsiya-6388/>

99. Киселев М.А. Обстоятельный Манифест о восшествии Екатерины II на престол 1762 г.: авторство и идейные источники / М.А. Киселев // Современная научная мысль. – 2018. – № 5. – С. 48–64.

100. Киселев М.А. Правда и закон во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: от монарха-судьи к монарху-законодателю / М.А. Киселев // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. – Т. I. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – С. 49–65

101. Киселев М.А. Трактат De L'Esprit des Lois Ш.-Л. Монтескье и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. / М.А. Киселев // Quaestio Rossica. – Т. 5. – 2017. – № 4. – С. 1131–1148.

102. Киселев М.А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII вв. / М.А. Киселев // Исторический вестник. – 2013. – № 153. – С. 18–53.

103. Киселева Л.Н. «Царь сердец», или Карамзинистский панегирик / Л.Н. Киселева // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет / под ред. Т. Степанцевой. – Тарту : Tartu University Press, 2023. – С. 45–64.

104. Киселева Л.Н. Журнал «Зритель» и две концепции патриотизма в русской литературе 1800-х гг. / Л.Н. Киселева // Труды по русской и славянской филологии. Проблемы типологии русской литературы. Уч. зап. Тартуского гос-го ун-та. – Тарту : Изд-во Тартуского гос. ун-та., 1985. – С. 3–20.

105. Киселева Л.Н. Модель поведения «старших архаистов»: теория и практика / Л.Н. Киселева // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет / под ред. Т. Степанцевой. – Тарту : Tartu University Press, 2023. – С. 354–360.

106. Киселева Л.Н. Полемика по вопросам языка и идея национальной самобытности культуры (К языковой позиции «старших архаистов») / Л.Н. Киселева // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет / под ред. Т. Степанцевой. – Тарту : Tartu University Press, 2023. – С. 338–353.

107. Киселева Л.Н. Проблема литературного авторитета в русской критике 1800–1810-х гг. / Л.Н. Киселева // Любовь Киселева. Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет / под ред. Т. Степанцевой. – Тарту : Tartu University Press, 2023. – С. 361–370.

108. Киселева Л.Н. Система взглядов С.Н. Глинки (1807–1812 гг.) / Л.Н. Киселева // Ученые записки Тартуского государственного университета. Проблема литературной типологии и исторической преемственности. – Тарту : Изд-во Тартуского гос. ун-та., 1981. – Вып. 32. – С. 52–72.

109. Киселева Л.Н. Система взглядов С.Н. Глинки (1807–1812 гг.) / Л.Н. Киселева // Проблема литературной типологии и исторической преемственности. Труды по русской и славянской филологии. – Тарту : Изд-во Тартуского гос. ун-та., 1981. – С. 52–72.

110. Кислягина Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина / Л.Г. Кислягина. – М. : Изд-во Московского ун-та., 1976. – 201 с.

111. Клейн И. Похвала властителю: Панегирическая поэзия и русский абсолютизм / И. Клейн // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. – 2015. – Vol. 4. – № 2. – P. 36–71.

112. Клейн И. Торжествующая Россия: военная лирика XVIII века / И. Клейн // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. – 2018. – Vol. 7. – № 1. – P. 174–210.

113. Клейн И., Живов В.М. Русская ода: история жанра [Электронный ресурс] / И. Клейн, В.М. Живов // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 5. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2007/5/russkaya-oda-istoriya-zhanra.html>

114. Коваль Е.И., Назукина М.В. От монархической идеи к консервативной: Ф.–Р. Шатобриан и развитие русской политической мысли в первой половине XIX в. / Е.И. Коваль, М.В. Назукина // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 5. – С. 92–101.

115. Ковальски Е. Европейский и польский конституционализм: XVIII в. / Е. Ковальски // Правоохранительная и правозащитная деятельность: вчера, сегодня, завтра: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – М. : Рос. ун-т дружбы народов, 2017. – С. 13–25.

116. Кондаков Д.А. Французская революция глазами сарматов: Ян Потоцкий и Людвик Платер / Д.А. Кондаков // Вестник Полоцкого государственного ун-та. Серия А. – 2018. – № 2. – С. 18–22.

117. Крашенинникова О.А. Полемика М.Т. Каченовского с А.С. Шишковым в журнале «Вестник Европы» (1811–1812) / О.А. Крашенинникова // Очерки истории русской публицистики первой трети XIX в. – М. : Ин-т мир. лит. им. А.М. Горького РАН, 2021. – С. 182–208.

118. Крашенинникова О.А. Полемика о старом и новом слоге (1803–1812) / О.А. Крашенинникова // Очерки истории русской публицистики первой трети XIX в. – М. : Ин-т мир. лит. им. А.М. Горького РАН, 2021. – С. 103–145.

119. Крашенинникова О.А. Споры о критике 1806–1808 гг. (М. Каченовский, Е. Станевич, А. Воейков, А. Шишков) / О.А. Крашенинникова // Очерки истории русской публицистики первой трети XIX в. – М. : Ин-т мир. лит. им. А.М. Горького РАН, 2021. – С. 146–164.

120. Крашенинникова О.А. Теоретико-литературные сочинения А.С. Шишкова и споры вокруг них (1808–1811) / О.А. Крашенинникова // Очерки истории русской публицистики первой трети XIX в. – М. : Ин-т мир. лит. им. А.М. Горького РАН, 2021. – С. 165–181.

121. Кром М.М. Патриотизм, или Дым отечества / М.М. Кром. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. – 160 с.

122. Кузнецов О.В. Рец. на кн. : Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. – 417 с. / О.В. Кузнецов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2008. – № 1. – С. 175–180.

123. Курукин И.В. «Для вперения в юношество любви к отечеству»: Екатерина II и изучение истории в русской школе конца XVIII – начала XIX в. / И.В. Курукин // Исторический вестник. – 2013. – Т. 3. – С. 96–121.

124. Кучеров А.Я. Французская революция и русская литература XVIII века / А.Я. Кучеров // XVIII век. Сборник статей и материалов. – М. : АН СССР, 1935. – С. 259–307.

125. Лагутина И.Н. Социально-философская утопия Франца фон Баадера и политика надконфессионального христианства Александра I / И.Н. Лагутина // Философические письма. Русско-европейский диалог. – 2021. – № 2. – С. 149–171.

126. Лазуткина М.Г. Формирование художественного образа самозванца Лжедмитрия I в русской литературе XVII–XIX вв. / М.Г. Лазуткина : дисс. ... канд. филолог. наук : 10.01.01. – М. : Рос. ун-т дружбы народов, 2003. – 208 с.

127. Ларкович Д.В. Державин и Суворов: творческое взаимодействие автора и героя / Д.В. Ларкович // Русская литература. – 2010. – № 3. – С. 62–72.

128. Леонтьев К.Н. Избранное / под. ред. И. Смирнов. – М. : Московский рабочий, 1993. – 397 с.

129. Лимонов В.А. Идея цикличности исторического процесса в трудах русских мыслителей XVIII–XIX вв. / В.А. Лимонов // Общество. Среда. Развитие. – 2010. – № 2. – С. 26–31.

130. Лимонов Ю.А. Русские газеты и Великая французская революция / Ю.А. Лимонов // Великая французская революция и Россия. – М. : Прогресс, 1989. – С. 289–313.

131. Линкин В.Н. Конституция Польши 1791 года как первая кодифицированная конституция Европы / В.Н. Линкин // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2020. – № 2. – С. 68–73.

132. Линькова Е.В. Становление и эволюция внешнеполитической концепции российских консерваторов XIX в. / Е.В. Линькова : дисс. ... док. ист. наук : 07.00.02. – Москва : РУДН, 2019. – 500 с.

133. Лобачкова М.Г. Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике. 1799–1815 гг. / М.Г. Лобачкова : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.03, – Самара : Самарский гос. ун-т, 2007. – 263 с.

134. Лотман Ю.М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина – памятник русской публицистики начала XIX века / Ю.М. Лотман // Ю.М. Лотман. Избранные статьи: в 3-х т. – Таллин : «Александра», 1992. – Т. 2. – С. 194–205.

135. Лотман Ю.М. Колумб русской истории / Ю.М. Лотман // Ю.М. Лотман. Избранные статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX вв. : в 3-х т. – Таллин : «Александра», 1992. – Т. 2. – С. 206–227.

136. Лотман Ю.М. Литература и читатель: жизнь по книге / Ю.М. Лотман // Ю.М. Лотман о русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). – СПб. : «Искусство–СПб», 1997. – С. 133–143.

137. Лотман Ю.М. Поэзия Карамзина / Ю.М. Лотман // Ю.М. Лотман. Избранные статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX вв. : в 3-х т. – Таллин : «Александра», 1992. – Т. 2. – С. 159–193.

138. Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века / Ю.М. Лотман // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М. : Наука, 1969. – С. 555–604.

139. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина / Ю.М. Лотман. – М. : Наука, 1987. – 336 с.

140. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – СПб. : «Искусство–СПБ», 2002. – С. 446–600.

141. Лукашевич А.М. Комитет охранения общей безопасности Российской Империи (1807–1829) / А.М. Лукашевич // Российские и славянские исследования. – Минск : Белорусский гос. ун-т, 2015. – С. 74–81.

142. Лупарева Н.Н. «Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки / Н.Н. Лупарева. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2012. – 216 с.

143. Лупарева Н.Н. История России как консервативный проект: Н.М. Карамзин и С.Н. Глинка / Н.Н. Лупарева // Тетради по консерватизму. – 2016. – № 4. – С. 63–70.

144. Лупарева Н.Н. Проблема крепостного права в публицистике и исторических сочинениях С.Н. Глинки / Н.Н. Лупарева // *Via in tempore*. История. Политология. – 2009. – Т. 9. – № 1. – С. 66–72.

145. Лупарева Н.Н. С.Н. Глинка в споре о «Старом» и «Новом» слоге русского языка в начале XIX столетия / Н.Н. Лупарева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 139–143.

146. Любжин А. Римская литература в России XVIII – начале XIX вв. / А. Любжин. – М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2007. – 224 с.

147. Лямина Е. Новая Европа: мнения «деятельного очевидца». А.С. Стурдза в политическом процессе 1810-х годов / Е. Лямина // Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII – начало XX века. – М. 1999. – С. 135–157.

148. Ляпин Д.А. «Летопись о многих мятежах» в контексте исторической памяти и самодержавной идеологии российского государства середины XVII в. / Д.А. Ляпин // Новое прошлое. – 2016. – №. 2. – С. 164–172.

149. Майофис М. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 гг. / М. Майофис. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – 800 с.

150. Макаренко Е.К. Проблема соотношения художественной и историографической форм осмысления исторического сюжета «Эпохи смутного времени» в литературе конца XVIII в. (трагедия А.П. Сумарокова «Димитрий Самозванец») / Е.К. Макаренко // Культура и текст. – 2011. – №. 12. – С. 195–203.

151. Мангейм К. Идеология и утопия / К. Мангейм; пер. с нем. Е.Н. Балашов // Диагноз нашего времени. – Москва : Юрист, 1994. – С. 152–186.

152. Марасинова Е.Н. «Рабы» и «граждане» в Российской империи XVIII в. / Е.Н. Марасинова // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. – М. : РОССПЭН, 2008. – С. 99–118.

153. Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века / Е.Н. Марасинова. – М. : Наука, 2008. – 460 с.

154. Мартин А. Романтики, реформаторы, реакционеры: Русская консервативная мысль и политики в царствование Александра I / А. Мартин, пер. с англ. Л.Н. Высоцкий. – СПб. : Библиороссика, 2021. – 447 с.

155. Маслим М., Волконская А. Концепция русского консервативного романтизма / М. Маслим, А. Волконская // Тетради по консерватизму. – 2020. – № 2. – С. 450–455.

156. Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века / коммент. А.Н. Медушевский. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 5–72.

157. Мейлах Б.С. А.С. Шишков и «Беседа Любителей русского слова» / Б.С. Мейлах // История русской литературы. – М;Л. : Наука, 1941. – Т. 5. – С. 183–197.

158. Мейлах Б.С. Пушкин и его эпоха / Б.С. Мейлах. – М. : Гослитиздат. 1958. – 703 с.

159. Мещеряков О.А. Ф.В. Ростопчин: У основания консерватизма и национализма в России / О.А. Мещерякова. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2007. – 264 с.

160. Мещерякова А.О. Грани консервативного патриотизма: Н.М. Карамзин и Ф.В. Ростопчин / О.А. Мещерякова // Тетради по консерватизму. – 2016. – № 4. – С. 71–80.

161. Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. / Н.В. Минаева. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1982. – 293 с.

162. Минаков А.Ю. Антизападнические мотивы в раннем российском консерватизме / А.Ю. Минаков // Тетради по консерватизму. – 2015. – № 3. – С. 16–23.

163. Минаков А.Ю. Родоначальник российского консерватизма / А.Ю. Минаков // Тетради по консерватизму. – 2016. – № 4. – С. 29–39.

164. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. / А.Ю. Минаков. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2011. – 560 с.

165. Мирзоев Е.Б. Легитимистская доктрина Жозефа де Местра и консерватизм в России (начало XIX века) / Е.Б. Мирзоев // Новая и новейшая история. – 2008. – № 6. – С. 109–119.

166. Мирзоев Е.Б. С.Н. Глинка против наполеоновской Франции. У истоков консервативно-националистической идеологии в России / Е.Б. Мирзоев. – М. : ИБП, 2010. – 163 с.

167. Мироненко С.В. Александр I и декабристы. Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути / С.В. Мироненко. – М. : Кучково поле, 2016. – 399 с.

168. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. / С.В. Мироненко. – М. : Наука, 1989. – 238 с.

169. Митрофанов А.А. Образ России в революционной публицистике и периодической печати Франции периода якобинской диктатуры / А.А.

Митрофанов // Россия и Франция: XVIII-XX века. – Вып. 9. – М. : Наука, 2009. – С. 69–99.

170. Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX века / Н.И. Мордовченко. – М. : АН СССР, 1959. – 434 с.

171. Моряков В.И. Русское просветительство второй половины XVIII века: (из истории общественно-политической мысли России) / В.И. Моряков. – М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 1994. – 216 с.

172. Мусихин Г.И. Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма) / Г.И. Мусихин. – СПб. : Алетейя, 2002. – 256 с.

173. На случай од, сочиненных в Москве в коронацию [Александра I] // Русский архив. – 1867. – Вып. 6. – Стб. 986–988.

174. Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного союза: в 5 т. / В.К. Надлер. – Рига : Изд-во Киммеля, 1886. – Т. 1. – 390 с.

175. Николаева Ю.В. Образ Наполеона в русской книге первого десятилетия XIX в. как отражение русско-французских отношений / Ю.В. Николаева // Великая французская революция, империя Наполеона и Европа: материалы международной научной конференции. – СПб. : СПбГУ, 2006. – С. 92–96.

176. О'Мара П. Русское дворянство времен Александра I / П. О'Мара, пер. с англ. А. Шокаревой. – М. : Новое литературное обозрение, 2023. – 520 с.

177. Омельченко О.А. Власть и закон в России XVIII в. / О.А. Омельченко. – М. : МГИУ, 2004. – 604 с.

178. Омельченко О.А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII в.) / О.А. Омельченко. – М. : ВЮЗИ, 1989. – 153 с.

179. Осповат К. Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века / К. Осповат. – М. : Новое литературное обозрение, 2020. – 480 с.

180. Очерки истории русской театральной критики конец XVIII – первая половина XIX вв. / под ред. А.Я. Альтшуллера. – М. : Искусство, 1975. – 327 с.

181. Панченко А.В. Концепт «народ» в манифестах А.С. Шишкова в контексте дискурса об Отечественной войне 1812 г. / А.В. Панченко // Слово,ру: балтийский акцент. – 2020. – № 3. – С. 25–41.

182. Парсамов В.С. Декабристы и французский либерализм / В.С. Парсамов. – М. : ПОЛИМСЕД, 2001. – 236 с.

183. Парсамов В.С. Жозеф де Местр и А.С. Шишков / В.С. Парсамов // Актуальность Жозефа де Местра: материалы российско-французской конференции. – М. : РГГУ, 2012. – С. 145–148.

184. Парсамов В.С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза. Из истории религиозных идей Александровской эпохи / В.С. Парсамов. – Саратов : Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2004. – 176 с.

185. Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века / В.С. Парсамов. – М. : Изд. дом. Высшей школы экономики, 2020. – 407 с.

186. Перхавко В.Б. Крепостное право в истории России: понятийно-терминологический аспект / В.Б. Перхавко // Труды Института российской истории РАН. – 2023. – №. 17. – С. 88–133.

187. Петров А.В. Становление художественного историзма в русской литературе XVIII в. / А.В. Петров : дисс. ... док. филолог. наук : 10.01.01. – М. : Московский пед. ун-т., 2006. – 475 с.

188. Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. / С.Л. Пештич. – Л. : Изд-во Лен. ун-та, 1965. – Ч. 2. – 344 с.

189. Пичета В.И. Смута и ее отражение в трудах историков / В.И. Пичета // Голос минувшего. – 1913. – № 2. – С. 5–39.

190. Плавинская Н. «Трудности перевода» : Монтескье в русских изданиях XVIII – начала XIX в. [Электронный ресурс] / Н. Плавинская //

ГИИМ: Доклады по истории XVIII и XIX вв., 2015. Режим доступа: https://perspectivia.net/publikationen/vortraege-moskau/plavinskaya_translation/

191. Платонов С.Ф. Вопрос об избрании М.Ф. Романова в русской исторической литературе / С.Ф. Платонов. – СПб. : Сенат. тип., 1913. – 16 с.

192. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы / И.В. Побережников // Экономическая история. Обозрение. – Вып. 8. – 2002. – С. 146–168.

193. Погодин М.П. Н.М. Карамзин. Материалы для биографии: в 2-х частях / М.П. Погодин. – М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1866. – Ч. 1. – 407 с.

194. Погодин М.П. Н.М. Карамзин. Материалы для биографии: в 2-х частях / М.П. Погодин. – М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1866. – Ч. 2. – 540 с.

195. Подольский В.А. Интерпретация социальной политики в политической философии французских консерваторов начала XIX века / В.А. Подольский // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 3. – С. 175–184.

196. Полежаева Т.В. Религиозные основания консервативной концепции А. С. Шишкова / Т.В. Полежаева : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – Томск : Томский гос. ун-т, 2016. – 228 с.

197. Полежаева Т.В. Язык как фактор национального единства (на материале полемики архаистов и карамзинистов начала первой четверти XIX в.) / Т.В. Полежаева // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 376. – С. 96–100.

198. Польской С.В. Внутрисословная стратификация дворянства и «Конституционное» движение 1730 года / С.В. Польской // Вестник СамГУ. – 2011. – № 1/2. – С. 59–64.

199. Полякова Л.В. У истоков российского консерватизма: Николай Карамзин и Жозеф де Местр / Л.В. Полякова // Тетради по консерватизму. – 2016. – № 4. – С. 40–62.

200. Попок Дж. Г.А. The state of the art (Введение к книге «Добродетель, торговля и история») // Кембриджская школа: теория и

практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 142–190.

201. Потапова Н.Д. Военная травма 1812 года: физические увечья и публичная немота / Н.Д. Потапова // Новое литературное обозрение. – 2024. – № 5. – С. 106–122.

202. Потапова Н.Д. Декабристы и Республиканская традиция / Н.Д. Потапова // Петербургский исторический журнал. – 2019. – № 2. – С. 194–211.

203. Починская И.В. Образ Наполеона в контексте старообрядческой эсхатологии / И.В. Починская. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. – 138 с.

204. Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века / А.В. Предтеченский. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – 456 с.

205. Приказчикова Е.Е. Античность в литературном и бытовом сознании XVIII – 1-й трети XIX в. через призму мифориторической культуры / Е.Е. Приказчикова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2009. – № 1/2. – С. 102–113 .

206. Приказчикова Е.Е. Литературные проекции французской культуры в русской словесности XVIII в.: между галломанией и галлофобией / Е.Е. Приказчикова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2022. – № 1. – С. 102–117.

207. Проскурин О.А. У истоков мифа о «новом слоге». Кого и зачем цитировал Шишков в «Рассуждении о старом и новом слоге Российского языка» / О.А. Проскурин // Литературные скандалы пушкинской эпохи. – М. : ОГИ, 2000. – С. 19–46.

208. Проскурина В. Империя пера Екатерины II: литература как политика / В. Проскурина. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 256 с.

209. Проскурина В. Ландшафт империи: «Антидот» Екатерины II против «Путешествия в Сибирь», или Границы европейской цивилизации

[Электронный ресурс] / В. Проскурина // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 2. – Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/144_nlo_2_2017/article/12411/

210. Проскурина В. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II / В. Проскурина. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 322 с.

211. Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / отв. ред. А.Ю. Минаков. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т., 2005. – 417 с.

212. Пыпин А.Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I : Т. 1–3 / А.Н. Пыпин. – Петроград : Изд-во «Огни», 1918. – Т. 3. : Общественное движение в России при Александре I. – 544 с.

213. Пыпин А.Н. История русской литературы : в 4-х т. / А.Н. Пыпин. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. – Т. 4. – 646 с.

214. Рахшмир П.Ю. Князь Меттерних: человек и политик / П.Ю. Рахшмир. – Пермь : Коммерсант, 2005. – 405 с.

215. Рейтблат А.И. Риторические стратегии оправдания крепостного права в России в первой половине XIX века [Электронный ресурс] / А.И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 5. – Режим доступа : https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016/article/12183/

216. Рейфман П.С. Цензура в дореволюционной России / П.С. Рейфман. В 2 т. – М. : «Пробел2000», 2005. – Т. 1. – 232 с.

217. Ржеуцкий В.С. Французские гувернеры в России XVIII в.: результаты международного исследовательского проекта «Французы в России» / В.С. Ржеуцкий // Французский ежегодник. – 2011. – С. 58–80.

218. Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX в. / под ред. К.А. Кокшеновой. – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – 224 с.

219. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В.Я. Гросул. – М. : Прогресс, 2000. – 440 с.
220. Рэй М.-П. Александр I / М.-П. Рэй; пер с фр. А.Ю. Петров, А.Ю. Терещенко. – М. : РОСПЭН, 2013. – 495 с.
221. Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. / М.М. Сафонов – Л. : Наука, 1988. – 249 с.
222. Сафонов М.М. Речь Посполитая и декабризм / М.М. Сафонов // Культурология техники и инженерной деятельности. Коллективная монография / отв. редактор Н. Г. Багдасарьян. – СПб. : Эйдос, 2011. – С. 162–180.
223. Свердлов М.Б. Екатерина II как историк / М.Б. Свердлов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4. – № 3. – С. 53–65.
224. Сдвижков Д. Самодержавие любви: 1812 год как роман [Электронный ресурс] / Сдвижков Д. // Отечественные записки. – 2014. – № 6. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/oz/2014/6/samoderzhavie-lyubvi-1812-god-kak-roman.html>
225. Сдвижков Д. Хотели ли русские войны? Война и имперское сознание в России XVIII в. / Д. Сдвижков // Новое литературное обозрение. – 2024. – № 4. – С. 134–158.
226. Седова Д.Д. «Архаисты» и «Новаторы»: обобщение полемики / Д.Д. Седова // Rhema. Рема. – 2009. – № 3. – С. 61–74.
227. Секиринский С.С. Наполеон в России: судьба легенды / С.С. Секиринский // Российская история. – 2012. – № 6. – С. 143–156.
228. Серман И.З. Державин / И.З. Серман. – Л. : Просвещение, 1967. – 122 с.
229. Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника» / В.В. Сиповский. – СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1899. – 652 с.
230. Сиромаха В.Г. Карамзинист П.И. Макаров / В.Г. Сиромаха // Язык как материал словесности. Сб. статей. – М. : Литературный институт им. А.М. Горького, 2016. – С. 68–78

231. Скабичевский А.М. Очерки истории Русской Цензуры / А.М. Скабичевский. – СПб. : Изд-во Ф. Павленков, 1892. – 495 с.

232. Скиннер Кв. Значение и понимание истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 53–122.

233. Скиннер Кв. Идея негативной свободы философские и исторические перспективы / пер. С.В. Моисеева // Логос. – 2013. – № 2. – С. 155–186.

234. Скиннер Кв. Мотивы, намерения и интерпретация текстов // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / пер. и сост. Т. Атнашев, М. Велижев. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 123–141.

235. Смирнов В.Н. Влияние немецкого «романтического национализма» на русскую философию XIX в. / В.Н. Мирнов : дисс. ... канд. философ. наук. : 5.7.2. – СПб. : СПбГУ, 2021. – 358 с.

236. Смолицкий Г.А. Шишков о Ломоносове: Чтение в «Беседе любителей русского слова» как программный документ / Г.А. Смолицкий // Новый филологический вестник. – 2008. – № 1. – С. 21–30.

237. Соловьев Э.Г. У истоков российского консерватизма / Э.Г. Соловьев // Полис. Политические исследования. – 1997. – № 3. – С. 137–147.

238. Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795 / П.В. Стегний. – М. : Международные отношения, 2002. – 696 с.

239. Стенник Ю.В. Вопросы языка и стиля в журнале «Собеседник любителей русского слова» / Ю.В. Стенник // XVIII век: сб. ст. и материалов. – СПб. : Наука. 1993. – № 18. – С. 113–130.

240. Стенник Ю.В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-политической мысли XVIII – начала XIX вв. / Ю.В. Стенник. – СПб. : Наука, 2004. – 277 с.

241. Стенник Ю.В. Сумароков-историк / Ю.В. Стенник // XVIII век. – 1996. – Т. 20. – С. 23–45.

242. Степанов Ю.Г. В тени Наполеона... журнал «Сын Отечества» о Франции и французах в 1815 году / Ю.Г. Степанов // История и историческая память. – 2015. – № 11. – С. 71–81.

243. Стоюнин В.Я. А.С. Шишков / В.Я. Стоюнин // Исторические сочинения. – СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1880. – Ч. 1. Александр Семенович Шишков. – 371 с.

244. Сухонин П.П. А.С. Шишков в его литературной деятельности / П.П. Сухонин // Журнал Министерства народного просвещения. – 1851. – Т. 69. – Отд. 5. – С. 1–44.

245. Таунзенд К.И. "Трехязычный морской словарь" А.С. Шишкова в контексте истории перевода / К.И. Таунзенд // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 8. – С. 164–180.

246. Тесля А.А. "Славянофильский" консерватизм": между национализмом и либерализмом? / А.А. Тесля // Тетради по консерватизму. – 2015. – № 4. – С. 23–33.

247. Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века / Д.В. Тимофеев. – Челябинск : Энциклопедия, 2011. – 454 с.

248. Тимофеев Д.В. Перспективы решения крепостного вопроса в России первой четверти XIX века в отражении недворянских проектов и слухов / Д.В. Тимофеев // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2017. – № 2. – С. 9–16.

249. Тимофеев Д.В. Принципы инструментализации методологии «истории понятий» в исследованиях по истории общественного сознания России XVIII – первой четверти XIX в / Д.В. Тимофеев // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 436. – С. 184–191.

250. Тихонова С.В. Развитие цензурной правовой политики Российской империи при Александре I / С.В. Тихонова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2014. – №.3. – С. 73–77.

251. Тихонравов Н.С. Граф Ф. В. Растопчин и литература в 1812 году / Н.С. Тихонравов. – СПб. : Тип. Королева, 1854. – 70 с.

252. Тишкова М.В. Политические взгляды Луи де Бональда у истоков французского традиционализма / М.В. Тишкова : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.03. – М. : Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2006. – 190 с.

253. Ткаченко В.В. Допетровская Русь в исторической памяти XVIII века. / В.В. Ткаченко : дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М. : Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2020. – 359 с.

254. Туфанова О.А. Древнерусские письменные памятники о Смутном времени как художественный феномен / О.А. Туфанова : дис. ... док. филол. наук : 10.01.01. – М. : Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького, 2019. – 440 с.

255. Тынянов Ю.Н. Архаисты и Пушкин / Ю.Н. Тынянов // Архаисты и новаторы. – М. : Прибой, 1929. – С. 87–227.

256. Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе» / Ж. Тюлар, пер. с фр. А. Бондарев. – М. : Молодая гвардия, 2017. – 368 с.

257. Тюпа Я.В. Общественное мнение России начала XIX века о наполеоновской Франции / Я.В. Тюпа : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.03. – М. : Московский гор. пед. ин-т., 2009. – 187 с.

258. Успенский Б.А. Вокруг Третьяковского. Труды по истории русского языка и русской культуры / Б.А. Успенский. – М. : ИНДРИК, 2008. – 607 с.

259. Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни / Б.А. Успенский. – М. : Московский ун-т, 1985. – 285 с.

260. Успенский Б.А., Живов В.М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России / Б.А. Успенский, В.М. Живов // Языки культуры и проблемы переводимости. – М. : Наука, 1987. – С. 47–153.

261. Федотова Л.В. Образ Наполеона на страницах журнала «Сын Отечества» в период Отечественной войны 1812 г. / Л.В. Федотова //

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2009. – №. 2. – С. 137–143.

262. Фененко А.В. «Национальная идея» и ее эволюция в творчестве французский консерваторов XIX в. / А.В. Фененко. – дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.03. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2003. – 231 с.

263. Хамаз Е.И. Время в зеркале жанра: французская драматургия XVI – первой трети XVII вв. / Е.И. Хамаз. – М. : Гос. ин-т. искусствоведения, 2012. – 200 с.

264. Хантингтон С. Консерватизм как идеология / С. Хантингтон, пер. с англ. А.А. Закутина // Тетради по консерватизму. – 2016. – № 1. – С. 229–250.

265. Хореев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки / В.А. Хореев. – М. : Индрик, 2005. – 231 с.

266. Цилюрик Д.Д. Образ России во Франции: формирование матрицы восприятия в XVIII – начале XIX вв. [Электронный ресурс] / Д.Д. Цилюрик // Медиаскоп. История массовых коммуникаций. – 2012. – № 1. – Режим доступа: <http://mediascope.ru/en/node/1026>

267. Чернов К.С. «Правительственный конституционализм» первой четверти XIX в. (на примере «Государственной Уставной Грамоты Российской империи») / К.С. Чернов // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2012. – № 11. – С. 172–180.

268. Чернов К.С. «Реформа администрации должна быть предпочтительнее конституции» / К.С. Чернов // Российская история. – 2009. – №. 4. – С. 23–37.

269. Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения / К. Шарф // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. – М. : РОССПЭН, 2008. – С. 9–45.

270. Шебунин А.Н. Европейская контр-революция в первой половине XIX в. / А.Н. Шебунин – Л. : «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1925. – 232 с.

271. Шильдер Н.К. Император Александр Первый: его жизнь и царствование / Н.К. Шильдер: в 4 т. – СПб. : Издательство А.С. Суворина, 1904–1905. – Т. 2. – 408 с.

272. Шильдер Н.К. Император Александр Первый: его жизнь и царствование / Н.К. Шильдер: в 4 т. – СПб. : Издательство А.С. Суворина, 1904–1905. – Т. 3. – 569 с.

273. Шильдер Н.К. Император Павел Первый: Историко-биографический очерк / Н.К. Шильдер. – СПб. : Издательство А.С. Суворина, 1901. – 606 с.

274. Шмитт К. Политический романтизм / К. Шмитт, пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. – М. : Праксис, 2015. – 460 с.

275. Штранге М.М. Русское общество и французская революция 1789–1794 гг. / М.М. Штранге. – М. : АН СССР, 1956. – 203 с.

276. Щебальский П.К. А.С. Шишков и его союзники и противники / П.К. Щебальский // Русский вестник. – 1870. – № 11. – С. 192–254.

277. Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия / Н.Я. Эйдельман. – М. : Мысль, 1986. – 368 с.

278. Ястребова Н.Г. Журнал С.Н. Глинки «Русский вестник» в общественно-политической и литературной жизни России начала XIX века / Н.Г. Ястребова // Вестник Московского университета. – 2012. – № 4. – С. 107–114.

279. Andrew E. Imperial republics: Revolution, war and territorial expansion from the English Civil War to the French Revolution / E. Andrew. – Toronto : University of Toronto Press, 2011. – 183 p.

280. Bartlett R. The Enigmatic Tsar and His Empire: Russia under Alexander I. 1801–1825 ed. by Alexander Kaplunovsky, Jan Kusber and Benjamin Conrad (review) / R. Bartlett // Ab Imperio. – 2021. – № 4. – P. 275–278.

281. Baxter D.A. Two Brutuses: Violence, virtue, and politics in the visual culture of the French Revolution / D.A. Baxter // Eighteenth-Century Life. – 2006. – Т. 30. – № 3. – С. 51–77.

282. Bercegol F. Chateaubriand ou la conversion au progress / F. Barcelog // *Romantisme: L'idée de progrès*. – 2000. – № 108. – P. 23–51.
283. Berchet J.–C. Chateaubriand et le despotisme oriental / J.–C. Barchet // *Dix-huitième Siècle. Economie et politique*. – 1994. – № 26. – P. 391–421.
284. Bourke R. What is conservatism? History, ideology and party / R. Bourke // *European Journal of Political Theory*. – 2018. – T. 17. – № 4. – P. 449–475.
285. Brincat S. “Death to Tyrants”: The political philosophy of tyrannicide – Part I / S. Brincat // *Journal of International Political Theory*. – 2008. – Vol. 4. – P. 212–240.
286. Bromwich D. The Context of Burke’s «Reflections» / D. Bromwich // *Social Research*. – 1991. – № 2. – P. 313–354.
287. Butterwick R. Political Discourses of the Polish Revolution, 1788–92 / R. Butterwick // *The English Historical Review*. 2005. – T. 120. – № 487. – P. 695–731.
288. Christian D. The «Senatorial Party» and the Theory of Collegial Government, 1801-1803 / D. Christian // *The Russian Review*. – 1979. – № 3. – P. 298–322.
289. Colceriu D.M. Le paradigme chrétien autour de 1800: L'exemple de Chateaubriand et des romantiques allemands / D.M. Calceriu. – Bruxelles : Peter Lang, 2013. – 263 p.
290. Dwyer P.G. Napoleon Bonaparte as hero and Saviour: image, rhetoric and behaviour in the construction of a legend / P.G. Dwyer // *French History*. – 2004. – № 4. – P. 379–403.
291. Fiszman S. Constitution and Reform in Eighteenth-Century Poland: The Constitution of 3 May 1791 / S. Fiszman. – Bloomington : Indiana University Press, 1997. – 562 p.
292. Frede V. Общественное мнение, его облик сверху: Негласный комитет Александра I [Электронный ресурс] / V. Frede // *Новое литературное обозрение*. – 2018. – № 5. – Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/151/article/19756/

293. Gans E. Maistre and Chateaubriand: Counter-Revolution and Anthropology / E. Gans // *Studies in Romanticism*. – 1989. – Vol. 28. – № 4. – P. 559–575.

294. Gilmartin K. Writing against Revolution Literary Conservatism in Britain, 1790–1832 / K. Gilmartin. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 334 p.

295. Gorski P.S. Historicizing the secularization debate: Church, state, and society in late medieval and early modern Europe, ca. 1300 to 1700 / P.S. Gorski // *American sociological review*. – 2000. – № 1. – P. 138–167.

296. Green J.A. Edmund Burke's German Readers at the End of Enlightenment, 1790–1815 / J.A. Green. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – 246 p.

297. Grześkowiak-Krwawicz A. 3 maja 1791 – polska rewolucja? // *Stanisław August i jego Rzeczpospolita. Dramat państwa, odrodzenie narodu* / A. Grześkowiak-Krwawicz, ed. A. Sołtys, Z. Zielińska. – Warszawa : Instytut Badań Literackich Akademii Nauk, 2013. – S. 235–246.

298. Hagemann K. «Be Proud and Firm, Citizens of Austria!" Patriotism and Masculinity in Texts of the». «Political Romantics» Written during Austria's Anti-Napoleonic Wars / K. Hagemann // *German Studies Review*. – 2006. – P. 41–62.

299. Hazareesingh S. Napoleonic memory in nineteenth-century France: The making of a liberal legend / S. Hazareesingh // *MLN*. – 2005. – T. 120. – № 4. – P. 747–773.

300. Jedruch J. Polish constitutional heritage in the light of the French revolution / J. Jedruch // *Parliaments, Estates and Representation*. – 1992. – T. 12. – № 1. – P. 59–66.

301. Kattan V. To Consent or Revolt? European Public Law, the Three Partitions of Poland (1772, 1793, and 1795) and the Birth of National Self-Determination / V. Kattan // *Journal of the History of International Law*. – 2015. – T. 17. – № 2. – P. 247–281.

302. Knobler A. Holy wars, empires, and the portability of the past: The modern uses of medieval crusades / A. Knobler // *Comparative Studies in Society and History*. – 2006. – № 2. – P. 293–325.

303. Łojek J. Geneza i obalenie Konstytucji 3 Maja: polityka zagraniczna Rzeczypospolitej 1787–1792 / J. Łojek. – Lubin : Wydawn. Lubelskie, 1986. – 558 p.

304. Lok M. Europe Against Revolution: Conservatism, Enlightenment, and the Making of the Past / M. Lok. – Oxford: Oxford University Press, 2023. – 384 p.

305. Lukowski J. Recasting Utopia: Montesquieu, Rousseau and the Polish constitution of 3 May 1791 / J. Lukowski // *The Historical Journal*. – 1994. – № 1. – P. 65–87.

306. Mikeshin M.I. Talking of Reforms that Failed: Some Ideas about Alexander's «Secret Committee» / M.I. Mikeshin // *Transcultural Studies*. 2018. – T. 14. – № 2. – P. 183–196.

307. Offord D., Rjéoutski V., Argent G. The French Language in Russia A Social, Political, Cultural, and Literary History / D. Offord, V. Rjéoutski, G. Argent. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2018. – 699 p

308. Parsamov V. Joseph de Maistre et Alexandre Chichkov / V. Parsamov // *Joseph de Maistre: Un penseur de son temps et du nôtre*. Chambéry, Revue des études maistriennes / ed. by M. Kohlhauer, S. Zenkine. – Savoie: – Université de Savoie, 2013. – P. 41–52.

309. Pocock J.G.A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition / J.G.A. Pocock. – Princeton : Princeton University Press, 1975. – 602 p

310. Raeff M. At the origins of a Russian National Consciousness: Eighteenth century roots and Napoleonic Wars / M. Raeff // *The History Teacher*. – 1991. – № 1. – P. 7–18.

311. Raeff M. Comprendre l'ancien régime russe. Etat et société en Russie impériale / M. Raeff. – Paris : Editions du Seuil, 1982. – 255 p.

312. Russian and Napoleonic Wars: (War, Culture and Society, 1750–1850) / ed. J.M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. – London : Palgrave Macmillan, 2015. – 289 p.

313. Saunders D. *Russia in the Age of Reaction and Reform 1801–1881* / D. Saunders. – London : Routledge, 1992. – 400 p.
314. Skinner Q. *Action and Context* / Q. Skinner // *Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes*. – 1978. – Vol. 52. – P. 43–69.
315. Taylor B.J. *Political argument in Edmund Burke's Reflections: a contextual study* / B.J. Taylor. – Birmingham: University of Birmingham, 2011. – 297 p.
316. *The Enigmatic Tsar and his Empire: Russia under Alexander I, 1801–1825* / ed. J. Kusber, A. Kaplunovskiy, B. Conrad. – Berlin : Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2019. – 378 p.
317. Travers É. *Constant et Chateaubriand, deux défenses de la Monarchie* [Электронный ресурс] / E. Travers // *Revue Française d'Histoire des Idées Politiques*. – 2004. – № 1. – Режим доступа: <https://www.cairn.info/revue-francaise-d-histoire-des-idees-politiques1-2004-1-page-89.htm>
318. Viroli M. *For love of country: An essay on patriotism and nationalism* / M. Viroli. – Oxford : Clarendon Press, 1995. – 215 p.
319. Walker C. *Zacharias Werner and the crusade against Napoleon* / C. Walker // *Bulletin of the John Rylands Library*. – 1989. – P. 141–157.
320. Wesling M.W. *Napoleon in Russian Cultural Mythology* / M.W. Wesling. – New-York : Lang, 2001. – 196 p.
321. Whittacker C. *Russian Monarchy: Eighteenth Century Rulers and Writers in Political Dialogue* / C. Whittacker. – DeKalb : University of Northern Illinois Press, 2003. – 320 p.
322. Wirtschafter E. *The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater* / E. Wirtschafter. – DeKalb : Northern Illinois University Press, 2003. – 312 p.